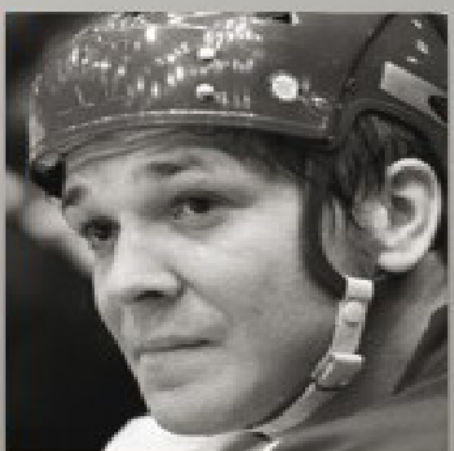
ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ



Максим МАКАРЫЧЕВ

Александр МАЛЬЦЕВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена прославленному советскому хоккеисту, легенде отечественного хоккея Александру Мальцеву. В конце 60-х и 70-е годы прошлого века это имя гремело по всему миру, а знаменитые мальцевские финты вызывали восхищение у болельщиков не только нашей страны, но и Америки и Канады, Швеции и Чехословакии, то есть болельщиков тех сборных, которые были биты непобедимой «красной машиной», как называли сборную СССР во всем мире. Но это книга не только о хоккее. В непростой судьбе Александра Мальцева, как в капле воды, отразились многие черты нашей истории – тогдашней и сегодняшней. Что стало с легендарным хоккеистом после того, как он ушел из московского «Динамо»? Как сложилась его дальнейшая жизнь? Что переживает так называемый большой спорт, и в частности отечественный хоккей, сегодня, в эпоху больших денег и миллионных контрактов действующих игроков? Ответы на эти и многие другие вопросы читатель сможет найти в книге писателя и журналиста Максима Макарычева.

- Максим Александрович Макарычев
  - Предисловие
  - Пролог
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая

- Эпилог
- Основные даты жизни и деятельности А. Н. Мальцева
- Библиография

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40

- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45

Максим Александрович Макарычев
Александр Мальцев

Предисловие

Александр Николаевич Мальцев, безусловно, один из самых любимых в нашей стране представителей славной плеяды хоккеистов – творцов выдающихся побед сборной СССР в 1960–1980-е годы. Для этой команды катастрофой было любое место, кроме первого.

Но даже в россыпи хоккейных звезд имя Мальцева стоит особняком. Один из самых техничных игроков в истории мирового хоккея, нападающий московского «Динамо» и сборной СССР старался превратить каждый свой выход на лед в праздник. Он полюбился болельщикам за нестандартные игровые решения, за изящное катание и неповторимые броски. Рекордсмен московского «Динамо» по количеству голов и передач, он не изменил столичному клубу, выступая за него 17 лет. Не случайно, что для болельщиков хоккейного «Динамо», ведущего свою историю с 1946 года, Александр Мальцев – «наше всё». Достаточно увидеть, как горячо встречают выдающегося хоккеиста во время его появления в «Лужниках».

Книга об А. Н. Мальцеве, подготовленная писателем и обозревателем «Российской газеты» Максимом Макарычевым, выходит в серии «ЖЗЛ: Биография продолжается…» издательства «Молодая гвардия», в которой обычно публикуются жизнеописания выдающихся политиков и деятелей искусства. На то, что издательство приняло решение выпустить биографию хоккеиста, во многом повлияла исключительность личности Мальцева, выросшего в далекой российской глубинке и ставшего игроком мирового уровня.

Максим Макарычев детально прослеживает весь жизненный путь игрока: от тренировок в лютую стужу школьника Саши Мальцева в родном Кирово-Чепецке до наших дней. Книга изобилует любопытными и неизвестными фактами из жизни Мальцева, высказываниями о нем его многочисленных партнеров по клубу и сборной. Написана она живым и легким языком. Книга будет особенно интересна начинающим спортсменам, показывая, что великим игрока делает не только талант, но и исключительное терпение и труд.

Рашид Нургалиев,

министр внутренних дел РФ,

председатель попечительского совета

ОГО ВФСО «Динамо»,

председатель попечительского совета

ОХК «Динамо»

Пролог

Великий тренер Анатолий Тарасов называл его «Есениным русского хоккея». «Моцарт на льду», «Паганини с клюшкой» – таких эпитетов удостаивался Александр Николаевич Мальцев от журналистов и простых поклонников этой удивительной игры. Элегантность, изящество, легкость и красота – эти черты Мальцев привнес в мужественную борьбу настоящих атлетов на ледовой площадке. «Сашка играл красиво, а кто не любит красоту? – задается вопросом многолетний партнер Мальцева по сборной СССР, ее капитан Борис Михайлов. – Требовательный Тарасов учил нас: “Настоящий хоккеист должен хорошо играть и видеть блондинку, сидящую во Дворце спорта в четвертом ряду”. Так вот, Саша видел двух блондинок. Почему? Потому что он – Есенин».

Хоккей для Мальцева был не просто одним из видов спорта, а искусством. Чего стоит одно высказывание известного советского комментатора Виктора Набутова о его игре: «Мальцев провальсировал между защитниками». И от этого «вальса Мальцева» приходили в шок и трепет лучшие вратари мира.

«Стихи писать я, увы, не умею. Но поэзию любил всегда и стремился найти ее в хоккее, – признавался Александр Мальцев. – Почему среди наших преданных болельщиков немало известных поэтов? Наверное, потому, что их вдохновляет страстная борьба на ледяной площадке, непримиримое столкновение сильных мужских характеров. Сопереживание трибун – вот главная для меня награда. А если ты чувствуешь, что больше не способен своей игрой взволновать людей, – значит, настало время уходить».

«У одаренных пловцов есть чувство воды. Не знаю, есть ли у хоккеистов это осязаемое чувство льда, но у Александра Николаевича Мальцева, безусловно, было чувство ледового пространства. Настолько он органично вживался во все перипетии игры на хоккейной площадке», – полагает известный телекомментатор Григорий Твалтвадзе.

Александра Мальцева любили вне зависимости от клубных пристрастий. Ему симпатизировали болельщики «Спартака» и ЦСКА, «заклятых» друзей-соперников московского «Динамо», которому Мальцев ни разу не изменил за свою карьеру. «Я видел, как много у “Динамо” болельщиков, и как я мог им изменить? Никуда переходить никогда не думал. Считал и считаю, что если тебя пригласили в клуб, то надо быть преданным ему до конца и закончить карьеру в нем» – так немного непривычно по

нынешним временам «шараханий» игроков из команды в команду говорит Мальцев.

Любой матч с его участием из рядового события превращался в праздник. Пожалуй, так искренне, действительно всем народом, живущим на одной шестой части суши, любили разве что Владимира Семеновича Высоцкого, а из спортсменов – друга Мальцева, армейца Валерия Харламова, и спартаковского футболиста Федора Черенкова. Как в театр «на любимого актера», так и в ледовый дворец люди ходили «на Мальцева».

Чем же он так полюбился тем, кто видел его игру? Все гениальное, как всегда – просто. Александр Мальцев старался играть вдохновенно, с тем непосредственным, «дворовым» мальчишеским куражом, который теряется у большей части талантов на пути во взрослый хоккей. Тот хоккей, который требует одного – «его величества» результата. Когда игрок, пусть даже самый большой талант, лишается возможности импровизации и загоняется тренерами в тактические рамки и схемы.

Я долго пытался понять, что все же выделяло Мальцева из большого количества таких, как он, хоккейных талантов на Руси, крутивших такие же непредсказуемые финты, бросавших «неуловимые» шайбы в самые «паутины» ворот. Потом вдруг озарило – Мальцев, как и его друг Харламов, делал эти вещи с легкой улыбкой. И когда обводил, и когда забивал, и даже тогда, когда его нещадно сбивали на льду. А делать великие по сложности вещи с улыбкой на лице – это удел гениев.

Вспоминаю, что самыми популярными передачами на советском телевидении в 1970-е годы были хоккейные трансляции. В нашей 109-й московской школе на юго-западе Москвы в Мальцева и Харламова были влюблены мальчишки и девчонки. Мы знали в лицо всех наших хоккейных звезд, вырезали из газет статьи об этих игроках, заметки о сыгранных ими матчах, клеили эти небольшие вырезки в школьные разлинованные тетрадки. Для нас Мальцев и его партнеры по сборной были настоящими небожителями.

Я полюбил этого игрока, когда в декабре 1978 года отец впервые отвел меня в переполненные «Лужники» и сказал: «Смотри, там, на льду, живой Мальцев». Восьмилетний мальчишка родом из Хабаровска, где хоккею с шайбой предпочитают хоккей с мячом, я первый раз очутился в ледовом дворце под крышей. Был жутко морозный декабрь одной из самых холодных московских зим XX века. И там, в старых добрых «Лужниках», где лед, кажется, был «теплее» лежащего на улице снега, я впервые увидел своего будущего кумира.

Тогда, в конце 1970-х, дворы московских спальных районов «дышали» не выхлопами набитых впритык друг к другу иномарок, а наполнялись той свежестью, которая идет от только что залитого добродушным дворником льда. Едва сделав уроки, мы, мальчишки с московского Юго-Запада, мчались на любимую дворовую коробку через дорогу напротив гостиницы «Салют» и медицинского института, а учтивый дворник, дядя Гриша, просил немного подождать, пока застынет лед. «Чур, я буду Мальцевым! Чур, я буду Харламовым!» – первые счастливчики, выбежавшие на коробку, неважно, в коньках или в валенках, лишь бы с клюшкой, мы, словно победители из знаменитой песни «АББЫ», получали все. «Наше все» было таким маленьким счастьем. Мы всего лишь бились за право побыть в своем дворе Мальцевым или Харламовым, любимыми хоккеистами нашего народа той эпохи…

Однажды, уже в конце декабря 1979-го, радостный третьеклассник, едва придя со школы с отличными отметками в дневнике по итогам второй четверти, я бросил в угол школьный портфель, пусть отдыхает. Ура, каникулы!.. Схватил подаренную отцом клюшку команды мастеров, которую ему однажды во «Внуково» для «сына, который любит Мальцева» вручили хоккеисты минского «Динамо». Впопыхах, даже не взяв коньки, так и не поменяв меховую шапку на вязаную, я помчался на коробку, лишь бы первым получить «право быть Мальцевым». И действительно был там первым, крикнув заветное «Чур». Когда прибежала ребятня и началась игра, я, раньше всех крикнувший «Чур, я буду Мальцевым!», сразу поймал на себе крайне недобрый взгляд мальчишки-акселерата. Шестиклассник, который появился в хоккейной коробке в свитере с нарисованной на ней фамилией «Мальцев», так и не простил мне того, что в тот день я вышел на только что залитый дядей Гришей лед первым. Тогда в продаже не было хоккейных свитеров-«сеток» и мы украшали свои кофты или куртки цифрами, иногда приклеивая, а чаще прикалывая на них булавками номера или фамилии любимых игроков.

В тот день на дворовой площадке «моя игра в Мальцева» закончилась через считаные пять минут. Удар обиженного шестиклассника-акселерата клюшкой, специально, наотмашь по лицу во время столкновения у борта, превратил мою левую бровь в подобие лоскута. Когда я на «автопилоте» вбежал в квартиру, прижимая к лицу мокрую от крови, кажется, насквозь пропитавшуюся ею меховую шапку, два вопроса, которые мне задала мама, касались того, цел ли мой глаз и когда я прекращу бороться с теми, кто сильнее и старше. В отражении в зеркале я иногда смотрю на левую бровь и, видя свой первый мужской шрам, вспоминаю о теплом и уютном детстве, где настоящим

счастьем было выйти первым на лед дворовой коробки и крикнуть заветное «Чур, я буду Мальцевым!»…

И надо же такому случиться. Через двадцать с небольшим лет после кровавой драмы на дворовой площадке я брал свое первое интервью у Мальцева. У того человека, которого в детстве считал небожителем…

Сейчас, общаясь с Александром Николаевичем Мальцевым, я могу сказать: «Он – настоящий». Во всем: в своем прошлом, в поступках, в словах, в скупости и правде этих слов, в сегодняшнем отношении к людям и к жизни. Одно из главных качеств Мальцева – это верность. Слову. Чести. Бережно хранимой памяти о тех, кто его воспитал и поставил на ноги. Преданности родному клубу, наконец. Команде «Динамо», в которую он пришел семнадцатилетним пареньком и которой служит до сих пор. Мальцев не из тех, кто будет пиарить себя, стремясь попасть в телевизор по случаю и без, как иные его партнеры по сборной. Александр Николаевич молчалив, застенчив и не любит говорить о себе. Он всем и все доказал, и как верно написал о нем один из журналистов, «на льду рассказал о себе больше, чем мог бы рассказать на словах». Как настоящий и талантливый человек, он обладает большой совестью. А потому подчас так грустны его глаза, которыми он смотрит на окружающий мир и сегодняшний хоккей в частности…

Он ракетой ворвался в звездную сборную СССР и призывался в нее 16 лет, вплоть до ухода из спорта в 1984 году. Ему повезло – почти всю хоккейную жизнь Мальцев выступал, наверное, в лучшей хоккейной сборной в истории – сборной СССР 1960–1970-х годов – с игроками, чьи имена вписаны в летопись спортивных достижений XX века. Секрет успеха славной ледовой дружины тех лет объясняет по-мальцевски немногословно и точно: «Все очень просто – мы были сильны духом и счастливы выступать за честь великой страны. Жили одной семьей, в которой делили радость и горе, жили ради нашей страны и болельщиков». Он убежден, что в сборную страны нельзя приводить за руку, как ребенка в детскую спортивную школу. И «там должны играть те, кто искренне хочет отстаивать честь своей страны и оправдать надежды болельщиков».

В русском языке есть прекрасное по звучанию слово – самородок. Так называют человека с большими природными дарованиями, но без систематизированного образования. То, как владел коньками и клюшкой Мальцев, чье катание на льду было легким, а броски изящными, присуще действительно настоящим самородкам. Он и «вылепил себя сам» на часто заносимой метелями простой ледовой площадке возле дома в родном

Кирово-Чепецке, затерявшемся в российской глубинке.

Тарасов, который назвал Мальцева «Есениным русского хоккея», был человеком, далеким от пафоса. Но попал в десятку. И если вдуматься, с Есениным у Мальцева на самом деле много общего. Их роднят не только истинно народные корни, рождение и становление в золотой русской провинции, похожий честный, светлый взгляд, открытая, та самая «сердечная русская душа». Они стали любимцами народа, покорив миллионы людей своей истинностью и подлинностью. И именно в этом они – настоящие самородки, сумевшие не растерять чистоту своего дарования, несмотря на соблазны всех столиц, несмотря на собственные ошибки, клевету и завистников.

Были в жизни Мальцева и горькие минуты, и разочарования, и причиненная недоброжелателями боль. В эти минуты он, по собственному признанию, вспоминал любимые есенинские строки: «Ничего! Я споткнулся о камень, это к завтраму все заживет».

У него свое, прямое, не раз дорого обходившееся ему, суждение, он говорит начистоту, несмотря на звания и регалии «доброжелателей». Эта та самая народная «сермяжная правда», когда говорят мало, но честно. Теми самыми рублеными словами, в которых таится выстраданная «соль этой земли».

В задачу книги не входило хронологическое перечисление спортивных достижений Александра Мальцева, его «очков, голов, секунд». Это – повествование о настоящем человеке, патриоте своей страны, о великом и непростом времени, в котором ему довелось жить, о легендарной и непобедимой русской хоккейной сборной.

Глава первая
ВОЛШЕБНАЯ МАГИЯ ХОККЕЯ

Те, кто хоть раз побывал на хоккее с шайбой и увидел залихватскую игру на льду профессионалов своего дела, как правило, остаются очарованы вихрем атак на ледовой арене, влюбляются в эту игру раз и навсегда.

Стоп… Впрочем, тот, кто скажет, что хоккей – это игра или просто зрелище, будет не совсем прав. Хоккей – не просто игра. Хоккей – это демонстрация лучших человеческих качеств: доброты и мужества, верности товарищам и нравственной стойкости. «Замечательная игра, – говорил о хоккее Юрий Гагарин, – лучшая из всех, какие я знаю».

Мы с детства помним легендарные строки о том, что трус не играет в хоккей, о тех самых настоящих мужчинах, которые без страха и сомнения ложатся под шайбы, чтобы уберечь свои ворота от голов противника. Кто заставляет их в эти минуты падать на лед? Хоккей – это не просто испытание. Не просто проверка на прочность характера и мужество. Это – своеобразная присяга на верность товарищам, которую ты негласно даешь, вливаясь в хоккейную дружину. «Чем отличается хоккеист, скажем, от теннисиста? – задавался вопросом игрок ЦСКА и сборной Константин Локтев. – Синяки и шишки, полученные в матчах, на хоккеисте должны заживать через день-два, иначе он не сможет быть полезен команде».

Знаменитый отечественный спортивный врач Олег Белаковский, друг Всеволода Боброва с юношеской поры, десятки лет отдавший ЦСКА и сборной страны, в свое время сказал удивительную фразу: «Спорт воспитывает настоящего мужчину, бойца. Так вот, в созвездии спортивных дисциплин хоккей – рекордсмен и равных ему нет… Я имею возможность сравнивать атлетическую подготовку спортсменов разных армейских команд, и потому могу решительно утверждать, что хоккеисты – вне конкуренции. Они сильнее, быстрее, крепче, нежели футболисты или мастера водного поло, волейболисты или атлеты, увлекающиеся каким-либо другим видом спорта».

Конечно, физическая подготовка – важнейший элемент в воспитании хоккеиста. Ему нужны универсализм многоборца, хватка и выносливость атлета или ватерполиста – попробуй побегай весь матч в «сорока одежках», в этой почти рыцарской амуниции, сковывающей движения. Хоккеисту нужно быть готовым постоять за себя в кулачном бою, и здесь пригодятся

боксерские навыки, в современном хоккее не обойтись без постоянных рывков и спуртов – время вспомнить о беговых упражнениях. Во время игры в хоккей, наконец, у спортсмена задействовано в работе больше групп мышц, чем в футболе.

Но лучшие хоккеисты – это не просто настырные атлеты, а настоящие шахматисты, видящие игру на несколько ходов вперед, меняющие мановением своих волшебных рук и клюшки ее ход и течение, мастерски варьирующие скорость бега, паса, обводки. Благодаря своей филигранной технике такие хоккеисты заметно расширяют тактические возможности команды. В этом отношении классическим является пример Александра Мальцева, о котором пойдет речь в этой книге. Не случайно экс-чемпион мира по шахматам Тигран Петросян признавался: «Длится хоккейный эпизод считаные мгновения, а игрок обязан принять за это время решение. Совсем как у шахматистов в блиц-партии. Быстро найти верное решение в сложной ситуации – искусство не только в хоккее или в шахматах. Это каждому пригодится в жизни».

Но чего в хоккее никогда не простят, так это трусости и малодушия. Нелегко привыкать к игре новых товарищей, находить общий язык со «старожилами», но если увидят партнеры стойкость новичка, его умение и готовность бороться с соперником, как бы тяжело ни складывался тот или иной матч, они примут дебютанта как равного. И пусть классом он ниже, пусть не освоил пока всех «секретов» хоккея, его мужество, смелость станут «визитной карточкой» новичка…

* * *

А начиналось все очень просто. В середине XIX века в провинции Онтарио на побережье Великих озер квартировал английский пехотный полк. Развлечений у служивых, в особенности в «студеную зимнюю пору», было не так уж много. История гласит, что, устав от безделья в одну из холодных зим, солдаты, охочие до спортивных игр, расчистили небольшой участок на замерзшем озере, взяли в руки палки с изгибом и принялись гонять по льду некий прообраз шайбы – пустую консервную банку. Ладно «шайба», но вот воротами служили армейские шапки, которые парни побросали на лед.

Впоследствии банка была заменена на тяжелый мяч, который назывался «шинни». Этими «шинни» летом британцы играли у себя на родине на знаменитых английских газонах, проще говоря, в бенди – хоккей с мячом. «Британские солдаты играли в шинни в порту Кингстона в 1843 году» – такая надпись существует в

кингстонском Зале хоккейной славы. Впрочем, на зимних площадках «шинни» часто улетал за поставленные на льду бортики в безбрежную даль ледяного озера. Поэтому впоследствии его заменили обычным куском резины.

Состав участников команд был крайне далек от нынешнего: позабавиться на льду собиралось до пятидесяти человек с каждой стороны. Понятно, что такая «куча-мала» на льду больше порождала неразбериху, чем какие-то осознанные передачи и броски. Роль ворот выполняли два шеста-стойки, в пространство между которыми нужно было забить как можно больше шайб. Любопытно, что сначала роль хоккейных коньков играли резаки для сыра, крепившиеся к зимним ботинкам.

Слух о новой армейской забаве быстро распространился по Канаде. Особенно популярной она стала среди студентов. Изобретательные молодые люди заменили банку разрезанным наполовину каучуковым мячом. В итоге 3 марта 1875 года на катке «Виктория» (ныне стадион «Виктория скейтинг ринг») в Монреале студенты провели первый показательный хоккейный матч. Информация об этом поединке, прошедшем на льду в закрытом помещении, документально была засвидетельствована в издании «Монреаль газетт». Потому этот день во многих источниках и называют как дату официального рождения хоккея с шайбой.

За несколько лет новая игра постепенно «обрастала» правилами, по которым играют в нынешний хоккей. Чуть позже родилась настоящая шайба. Мяч для летнего хоккея сначала был заменен деревянным снарядом. Затем эта сфера была вытеснена твердым резиновым, с обеих сторон ровным и плоским диском. Это сегодня благодаря компьютерным методам можно понять, что современная шайба, пущенная профессионалом, летит в три раза быстрее, чем бежит самый быстрый хоккеист. А в те годы нужно было учиться не только стоять на коньках, но, освоив непростую технику броска, суметь поднять со льда довольно увесистую шайбу.

Между тем, несмотря на то, что во многих источниках монреальский матч 1875 года признается самым первым хоккейным поединком, история этой игры является одной из самых оспариваемых среди всех видов спорта. Слишком много стран хотят считать его «своим», несмотря на всю одержимость хоккеем Канады. У древних греков также существовала игра, отдаленно напоминающая хоккей. Она называлась «фрейнинда» и даже была включена в программу Олимпийских игр. Два молодых человека с изогнутыми палками в руках, которые играют в некое подобие современного хоккея на траве, изображены на

барельефах знаменитой стены Фемистокла в Афинах, возраст которой составляет более 2400 лет. В известном на весь мир антропологическом музее в Мехико можно увидеть фрески с изображением людей, гоняющих шар такими же, как в Греции, изогнутыми палками. Наконец, историки упоминают о старинной забаве индейцев крайнего севера Америки, которые любили погонять в «айсрэкет» – необычную игру с клюшками.

Кто-то утверждает, что подобной игрой забавлялись и в Европе в Средние века: дескать, в хоккей на траве и на льду играли в далекой Франции аж XI века – в городах и деревушках, расположенных на берегу реки Уазы. В том числе и в зимний период. А в XVI–XVII веках это увлечение было очень популярно в Англии. Любопытно, что в незабвенном «Гулливере» Джонатан Свифт упоминает о лилипутах, «с кривыми ногами и носом крючком, как клюшки для игры в бенди».

Скандинавы также вспоминают о подобном времяпрепровождении, намекая на исторические корни своего хоккея с мячом («бенди»). Если копать глубже, ссылаясь на старинные гравюры XVIII века, то в таком случае претендовать на звание родины хоккея, вероятно, может и Голландия. Дело в том, что на некоторых голландских средневековых картинах изображено большое количество людей, которые играют на замерзшем канале в похожую на хоккей игру. Наконец, в Новой Шотландии и Вирджинии также существуют старинные картины, на которых изображены люди, играющие в хоккей. Любопытно, что в Большой советской энциклопедии указано, что хоккей берет свое название от старофранцузского слова «hoquet» (хокэ) – пастушьего посоха с крюком.

Это дает повод говорить о том, что нечто, напоминающее хоккей, игру «различными снарядами» на льду от мяча до банки практиковали в Средние века. Но современный хоккей с шайбой именно как спортивная игра оформился не где-нибудь, а в Канаде. В 1883 году игра была представлена на монреальском «Зимнем карнавале», знаменитом канадском празднике, традиционно проводившемся каждый год. В 1888 году посмотреть на игру своих сыновей на хоккейной площадке во время очередного такого карнавала пришел английский генерал-губернатор Канады сэр Фредерик Артур Стэнли-Престон. Зрелище настолько впечатлило высокопоставленного чиновника, что он решил учредить именной приз – массивную серебряную вазу для команды, победившей на турнире. Первым обладателем приза стал любительский клуб «Монреаль ААА». Начальная цена вазы, которую купил лорд Стэнли-Престон, составляла 10 гиней, по нынешним временам около 50 долларов. С годами к вазе

прикрепили массивное цилиндрическое основание, а сам кубок время от времени наращивали. Номинальная цена этого трофея – мечты каждого хоккеиста, кто выступает в НХЛ, подросла сначала на 6 тысяч долларов, а затем еще на 10 тысяч. Именно столько было заплачено граверам, которые наносили на кубок названия команд-победителей турнира.

В Канаде стали создаваться профессиональные хоккейные команды, проводиться турниры, в которых играли и профессиональные, и любительские команды. Несмотря на это, вплоть до начала XX века в хоккей играли с воротами без… сетки. Она появилась после того, как судьям и игрокам, иногда сцеплявшимся в рукопашных, надоело постоянно спорить, был ли гол или нет. Непременный сегодня атрибут ворот смастерили из рыбацких сетей. Немудрено, что с подобным предложением выступил профессиональный рыбак. Френсис Нельсон первым придумал натягивать на деревянный каркас рыбацкие сети, чтобы вести счет забитым шайбам.

В конце XIX – начале XX века были придуманы и основные правила игры в хоккей: установлены современные размеры хоккейных площадок, введено вбрасывание шайбы, стали практиковаться замены игроков, а им самим стали присваивать номера. В 1917 году была создана Национальная хоккейная лига (НХЛ). В нее вошло пять клубов: легендарный «Монреаль Канадиенс» (основан в 1909 году), «Оттава», «Квебек» и канувшие в Лету «Монреаль Вандерденс» и «Торонто Аренас». До наших дней в том виде, в котором он основывался, не меняя названия и местоположения, дожил лишь «Монреаль Канадиенс».

Вот уже почти полтора столетия Канада помешана на хоккее. «Канада – родина хоккея. Каждый мальчик, который рождается в семье, будет в первую очередь хоккеистом, а потом ему уже другую профессию выбирают, если он хоккею не подходит, – как-то заметил в разговоре со мной Владислав Третьяк. – В Канаде имеет хождение банкнота в пять долларов. На ней запечатлено, как ребята играют в любительский хоккей на озере. Канада – единственная страна в мире, где есть купюра, имеющая отношение к этой игре, что еще раз подчеркивает особое ее отношение к хоккею».

Кстати, накануне открытия Олимпиады 2010 года в Ванкувере премьер-министр Канады Стивен Харпер заявил: «Я не могу представить, чтобы в любой другой стране так ожидали золота и только золота. Хоккей много говорит о характере народа: Канада и Россия – две самые холодные страны на земле и две лучшие команды в хоккее, и это совсем не случайность. Хоккей – быстрый, жесткий, агрессивный спорт».

В Европе благодаря стараниям одного из сыновей сэра Стэнли с хоккеем познакомились в 1895 году, когда канадцы приехали в Лондон провести показательный товарищеский матч. Англичане настолько впечатлились этим зрелищем, что в 1903 году построили первый в Европе каток с искусственным льдом. Любопытно, что свой интерес к новой игре в начале XX века в Европе провозгласила жаркая Испания, которая сегодня не практикует хоккей с шайбой. Именно там был построен второй в Старом Свете искусственный каток. Впрочем, как в свое время англичанам, хоккей вскоре быстро наскучил теплолюбивым испанцам. И они сменили коньки на ролики.

В 1920 году хоккей дебютировал как олимпийская дисциплина, правда, для начала став частью летней Олимпиады в Антверпене, и лишь с 1924 года вошел в программу уже зимних Олимпийских игр. Впрочем, представителям европейских стран много лет не удавалось угнаться за гораздо более мастеровитыми канадцами, которые победили на двух этих турнирах с подавляющим преимуществом. На втором из этих состязаний перевес канадцев над остальными командами был просто неприличным. Они обыграли шведов со счетом 22:0, чехов – 30:0, американцев 6:1 и англичан 19:2. Таким образом, общая разница забитых и пропущенных шайб у канадцев была невообразимой по нынешним временам – 110:3. Лишь в 1930 году состоялся первый самостоятельный чемпионат мира.

До того момента, как на лед мирового турнира впервые вышла сборная СССР, канадцы победили на пятнадцати из двадцати первенствах планеты. Но вскоре их гегемония на хоккейных площадках прервалась…

Глава вторая
РОЖДЕНИЕ ХОККЕЯ ПО-РУССКИ

«Как только мороз сковывал лед, затевали добры молодцы удалые игры-забавы, спорили, кто быстрее, сильнее, смелее…» – наверное, так можно описать зимние развлечения в Древней Руси. Находилось в этих разудалых игрищах место «клюшкам» и «шайбам».

Впрочем, если судить по летописным источникам, больше такие забавы все-таки напоминали керлинг, нежели современный хоккей. Русичи любили играть в кубарь – так назывался деревянный шар, который гоняли по поверхности замерзших водоемов палками с крюком. Этот кубарь нужно было загнать либо в круг, который чертил для себя каждый из участников игры (чем не керлинг?), либо за определенную линию, которую той же палкой рисовали на льду. Постепенно увесистый кубарь, который, если не рассчитаешь силу удара, мог причинить боль товарищу по игре, заменили чугунными пульками. Забаву эту называли «юла» или «котел», в зависимости от мест, где в нее играли.

Вслед за Европой в конце XIX века набиравший популярность в те времена хоккей дошел до российской столицы. Первопроходцами игры выступили члены кружка «Петербургские любители спорта». Однако недолго им было суждено наслаждаться новой игрой. Однажды во время матча шайба, перелетев за борт, угодила в лицо случайному прохожему, проходившему мимо ледовой площадки. Как водится, газетчики раздули из этого случая громкую сенсацию, и тогдашний губернатор Петербурга запретил проводить в городе «хоккейные игры на свежем воздухе».

Хоккей с шайбой оставался вне закона еще несколько лет, пока настойчивые любители спорта не создали в 1907 году «Петербургскую лигу хоккеистов». Следом образовались хоккейные кружки в ряде крупных российских городов. Клюшки, особенно в провинциальных городах, как правило, мастерили сами, иногда по рассказам и описаниям товарищей. «Столичные» выписывали их из-за границы, если позволяли средства. А как-то раз в роли первого хоккейного мецената выступил знаменитый петербуржский портной, который привез своим друзьям дорогие подарки в виде клюшек из самого Парижа.

Но вскоре, как и в Испании и других странах Европы, в России к хоккею охладели и… этот вид спорта стал больше популярен у барышень. Вышедший в Москве в 1914 году

увесистый справочник «Спорт во всех видах» выдавал хоккей почти как «исключительно дамский вид спорта»: «Он представляет интересное и красивое зрелище, привлекательное еще и потому, что спортсменки одеваются в хорошенькие костюмы»[1]. В период Гражданской войны и становления советской власти о хоккее почти забыли. Тогда стране было не до спорта – справиться бы с разрухой. Первые шаги будущей всенародно любимой игры связаны с началом массового физкультурно-спортивного движения в Советском Союзе.

Советские спортсмены быстро овладели сложной техникой игры в хоккей с шайбой. Однако жаловались на то, что на таких маленьких площадках, как «канадская», в отличие от хоккея с мячом трудно разогнаться и продемонстрировать ту лихую скорость, к какой они привыкли в русском хоккее. Хоккей с шайбой в СССР, конечно, был известен и до войны, но оценивали его «с высокой колокольни», с некоторым пренебрежением. «Игра носит сугубо индивидуальный и примитивный характер, а на вопрос, следует ли у нас культивировать канадский хоккей, можно ответить отрицательно», – писал журнал «Физкультура и спорт» в середине 1930-х годов.

Принято было считать, что недолгая, но, как оказалось, счастливая история советского хоккея с шайбой берет начало в декабре 1946 года. Тогда стартовало и всего лишь за два месяца было разыграно первенство СССР. Успех в нем праздновали московские динамовцы под руководством Аркадия Ивановича Чернышева. К слову, «Динамо» Москва не только выиграло дебютный чемпионат СССР, но и «закрыло» золотую страницу всесоюзных соревнований, победив в последнем первенстве Советского Союза по хоккею сезона 1991/92 года. Первые несколько лет многие в стране просто не воспринимали новую игру как самостоятельный вид спорта, считая его разновидностью хоккея с мячом, этаким его «мини-вариантом».

«Как вначале хоккей был не похож на нынешние баталии хоккеистов! – вспоминал журналист Владимир Дворцов. – Играли тогда в “шайбу” на площадке малого динамовского стадиона, далеко не похожего на нынешние хоккейные стадионы. Поле огораживали низенькие деревянные бортики, отъезжавшие в сторону при малейшем прикосновении. Не было часов, красных фонарей за воротами, для удаления приспособили какие-то загончики, напоминавшие клетки в зоопарке. Кстати, тогда удаляли и вратаря. В таких случаях его заменял кто-то из полевых игроков»[2].

«В 1940– 1950-е годы в составе команд было по 12–14 игроков, хотя игры проходили в три периода по 20 минут, как

сейчас. Бывало так, в команде было пять защитников: двое из них выходили в первом периоде, а трое играли уже во втором, потом меняются, крутятся. Знаменитый динамовский защитник, из команды первых чемпионов СССР Олег Толмачев порой проводил на поле все 60 минут игры, – вспоминает Виталий Давыдов. – Силовая борьба разрешалась только на своей половине поля, и я, как защитник, не имел права применить силовой прием в отношении противника в его зоне».

«Если раздать клюшки тех лет пяти мужчинам, дай бог, чтобы один из них шайбу со льда поднял. Женщина уж точно не поднимет. А если раздать сегодняшние клюшки, то есть шанс, что все прицелятся и легко бросят. Дело в том, что сегодняшняя клюшка из графита сделана, и ее ребенок даже может поднять, настолько она легкая. А тех лет – была увесистая, как кусок дерева. Все изменилось. И шайба летит по-другому, совершенно по-другому, не едет, как раньше, а летит. Если вспомнить Боброва, он играл вообще на бортах, потому что шайбу никто ото льда оторвать не мог», – признавался в беседе со мной Владислав Третьяк.

А сколько курьезов, особенно связанных с вратарями, случалось на первых порах становления хоккея с шайбой в нашей стране. Стражи ворот, пришедшие из русского хоккея, где, как известно, играют без клюшек, первое время, с непривычки, пытались избавиться от чужеродного предмета, норовили поймать шайбу руками, при броске соперника отбрасывая клюшку в сторону. А один из вратарей, видя, как трудно нападающим при броске оторвать шайбу ото льда, однажды даже положил клюшку на лед во всю ширину ворот, от штанги до штанги, а сам присел на корточки за ней и, «куря бамбук», наблюдал, как тщетно противник пытается поразить его ворота.

«В экипировке спортсменов тоже имелось много “своеобразного”: шлемов не было и в помине, играли в кепках, в лучшем случае в вязаных шапочках, – вспоминал В. Дворцов. – Вратари из защитного снаряжения имели – ватники, свитера, футбольные щитки, вело– и мотошлемы. Осенью, чтобы выйти пораньше на лед, ведущие команды выезжали в северные или сибирские города. А те, что оставались в Москве и Ленинграде, проводили тренировки… на рассвете, пока не растаял первый хрупкий еще лед на примитивных временных катках»[3].

Писатель Григорий Горин однажды сказал точную фразу: «В хождении на хоккей в те годы было что-то героическое». Почти до конца 1950-х, пока не открылся Дворец спорта в Лужниках, матчи в Москве, как правило, проводились на открытой арене стадиона «Динамо». Но и в тридцатиградусный мороз сюда стекалось до 30

тысяч болельщиков. Причем многие из них при таком лютом холоде приходили занять места за час до игры, терпеливо дожидаясь, когда хоккеисты выйдут из раздевалок. Но если игроки хотя бы уходили на перерыв греться в подтрибунные помещения, то каково было болельщикам, которые оставались томиться на морозе по два-три часа подряд. Приходилось только прыгать то на одной, то на другой ноге или тереться о соседа, как медведи о земную ось в знаменитой песне. Пить из заветной фляжки с горячительным хоть и запрещалось, но милиция смотрела на эти вещи сквозь пальцы, лишь бы не буянили и не обижали соседей. Кроме того, в тогдашних условиях стадионы не были окружены палатками, где можно было бы купить в перерыве стаканчик чая или кофе. Болельщики шли на хоккей основательно подготовленными: в валенках на шерстяной носок, в тулупах и телогрейках, с шапками-ушанками, в толстых меховых варежках.

Однажды уже в середине 1950-х годов в Москву на серию товарищеских игр приехали родоначальники хоккея. Узнав, что матч будет проводиться на открытом воздухе в двадцатиградусный мороз, канадцы сначала замолчали, а когда вышли из раздевалки на улицу, обомлели и попятились назад, в тепло. «Приходит кто-то из руководителей их команды и говорит: мои парни в такой мороз и ветер играть отказываются. Минут тридцать пришлось уговаривать соперников выйти на площадку. А зрителям – их собралось больше двадцати тысяч – несколько раз объявляли, что матч задерживается “по техническим причинам”», – вспоминал Всеволод Бобров.

Русские хоккеисты, взяв от канадцев все самое рациональное, привнесли в эту игру свое особенное пристрастие к пасу, к «кружевам» комбинаций и конечно же лихие скорости хоккея с мячом и умение виртуозно владеть катанием. «Придя с большого хоккейного поля в коробку, они чувствовали себя джиннами, посаженными в бутылку. Их сковывала площадь. Они играли даже не в канадский хоккей, а в своеобразный русско-канадский», – признавался А. И. Чернышев. «Мы принесли на мировую арену сочетание канадского хоккея с вихревой русской игрой с мячом. Все без исключения тогдашние чемпионы мира прошли через школу “мячика”. Русский хоккей сделал наших спортсменов творчески заряженными, задорными, удалыми, бесстрашными», – вспоминал Борис Майоров.

Кроме того, среди хоккеистов было много футболистов, менявших зимой бутсы на коньки: Л. Яшин, В. Трофимов, И. Нетто, М. Якушин, В. Бобров и многие другие, все они успешно играли и в футбол, и в хоккей. И были всенародными любимцами,

к которым не нужно было долго привыкать.

На международной арене советские хоккеисты показали свои выдающиеся способности сразу, как только взяли в руки клюшки, сыграв в 1948 году на равных с серебряными призерами Олимпийских игр – игроками чехословацкой команды ЛТЦ («Лаун-теннис клуб»), которые составляли костяк сборной ЧССР.

Только в 1953 году советская федерация была принята в Международную федерацию хоккея, и уже на следующий год сборная СССР дебютировала на чемпионате мира. До турнира нашу команду никто не воспринимал всерьез, а канадцы даже отказались сыграть с ней товарищеский матч, дескать, с вами, «зелеными новичками», нам не интересно. Видимо, не знали иностранцы, что «русского медведя лучше не дразнить», иначе бы не разместили накануне чемпионата в одной из газет язвительную карикатуру: «человек, напоминающий Боброва», в роли школьника сидит за партой с букварем, выслушивая наставления «учителя» в форме игрока сборной Канады. Победив последовательно команды ЧССР, Финляндии, ФРГ, Швейцарии, Норвегии, 7 марта 1954 года на Королевском стадионе в Стокгольме сборная СССР во главе со старшим тренером Аркадием Чернышевым сотворила главную сенсацию турнира, разгромив фаворитов первенства – канадцев.

«Сегодня – с известного исторического расстояния – мы должны признать, что эта победа была сенсационной не только для всего мира, но и для нашей страны. В те неповторимые и прекрасные годы побеждал, по существу, талант людей», – вспоминал Борис Майоров.

«Советские игроки первого хоккейного поколения во главе с Всеволодом Бобровым развеяли в 1954 году миф о канадской непобедимости не только потому, что проявили бойцовский характер, выдержали сильное психологическое и физическое давление со стороны заокеанских игроков, но и потому, что не уступили им в мастерстве», – полагает Виталий Давыдов.

Спустя два года после победы в Стокгольме, в 1956 году, советская сборная одержала победу на Олимпиаде в итальянском городке Кортина д'Ампеццо, последовательно обыграв команды Швеции и Швейцарии, а в финальных поединках США, Канаду, Швецию, Чехословакию и ФРГ. Эта победа так впечатлила одного из итальянских скульпторов, что вскоре после Олимпийских игр на римском стадионе «Марми», украшенном мраморными статуями, символизирующими различные виды спорта, появилась многометровая статуя «Хоккей». Это была скульптура, слепленная с вратаря олимпийской сборной СССР Николая Пучкова.

Именно Бобров и сотоварищи заложили фундамент побед

непобедимой советской сборной по хоккею с шайбой. Именно тогда в Италии родился знаменитый клич болельщиков «Мо-лодцы!». «Мое поколение пришло в сборную страны после Всеволода Боброва и его друзей, покрывших позолотой имидж советского хоккея, только вставшего на ноги, а мы в эту корону добавили бриллианты и изумруды. На протяжении десяти лет, когда играли мои сверстники, сборная СССР была подобна мчащемуся на предельной скорости “мерседесу”, который не чувствует под колесами камешки, в то время как другие команды либо останавливались, либо притормаживали. И если даже им удавалось обгонять нас на некоторых участках, на финиш все равно первой приходила наша сборная», – вспоминает Виталий Давыдов.

О коллективизме и силе духа советской ледовой дружины под руководством Чернышева и Тарасова красноречивее всего говорит один эпизод, произошедший уже в 1960-е годы. Организаторы олимпийского турнира в Инсбруке в 1964 году так и не могли решить, кого из советских хоккеистов наградить специальным призом Международной федерации хоккея на льду. Так здорово играли все, без исключения, хоккеисты команды СССР. Тогда организаторы передали приз в команду, предоставив право советским спортсменам самим решать, кто больше всего из них достоин награды. Тарасов и Чернышев провели собрание команды. Тренеры предложили игрокам передать приз Эдуарду Иванову, и те сразу согласились. «Конечно, все играли самоотверженно, все до конца отдавали свои силы победе. Все действовали с огромным мужеством. Все, когда нужно было, ложились под шайбу, закрывая собой ворота», – вспоминал Анатолий Тарасов.

Но чем же тогда выделялся на общем фоне Эдуард Иванов, чем же он больше других заслужил награду? «Эдуард сам непрерывно искал возможности проявить свое мужество, закрыть грудью ворота. И все это он делал с улыбкой. И тем самым вдохновлял своим энтузиазмом остальных», – подчеркивал Тарасов.

«Мы-то играли не только за себя, но за всю страну. А как иначе, если ночами миллионы людей сидят у телевизоров. Телеграммы, письма приходили в наш адрес мешками. Поэтому мы знали, что за нами Родина, отступать некуда» – так точно и емко, на мой взгляд, сформулировал главный секрет побед той великолепной советской команды один из лучших нападающих в истории мирового хоккея Вячеслав Старшинов.

В 1950-х – начале 1960-х годов телевизоры в семьях были редкостью, и о победах отечественных хоккеистов большинство

советских людей узнавали из радиорепортажей знаменитого Вадима Синявского. Среди мальчишек, прильнувших к радиоприемникам тогда, в 1956 году был и семилетний Сашка Мальцев, который через полтора года придет записываться в хоккейную школу в родном Кирово-Чепецке на Вятке…

Глава третья
«МЫ ВЯТСКИЕ – РЕБЯТА ХВАТКИЕ»

«Горжусь, что я вятский. Горжусь Кирово-Чепецком», – признается Мальцев, который никогда не забывает о малой родине и помнит о своих вятских корнях. Существует у него и любимая поговорка: «Мы вятские – ребята хваткие». Вот уже больше сорока лет проживая в Москве, произносит он ее без характерного мягкого и «деликатного» «вятского прононса». Действительно, существует у вятских одна черта, по которой их можно распознать в любом конце света: это непривычный для постороннего уха этакий скороговорнонапевный, будто чарующий говор.

Город Кирово-Чепецк расположен в Кировской области, некогда Вятской губернии. Вятка – так исстари называют этот удивительный русский регион, расположившийся в Центральной России. Своему имени он обязан одноименной реке, вытекающей из родника, затаившегося среди Кайских болот, и слившейся с Камой, впадающей в Волгу. «Все земли по ее берегам, прорезающим северные увалы, со сказочными замшелыми васнецовскими лесами, то частыми, то редкими деревнями, невеликими, но любовно взлелеянными пашнями, всегда торговыми, бойкими городами – все эти земли еще прадеды наши любовно называли по имени реки Вяткою», – говорится об этом удивительном крае в сборнике «Столица земли вятской».

С давних пор местный люд был дерзким и независимым, привык все вопросы решать сообща, прилюдно и гласно на знаменитых вече, пришедших из Великого Новгорода. Вятские были людьми гордыми и никого не боялись.

В XVI веке Хлынов (нынешний Киров) был крупным торговым городом на северо-востоке Древней Руси. В нем насчитывалось до 400 дворов и десять церквей. Здесь же располагался и сохранившийся до наших дней знаменитый Успенский мужской монастырь, основанный в 1580 году преподобным Трифоном Вятским, чьи мощи хранятся в нем и поныне, по легенде, наделяя людей физическими и духовными силами, если к ним прикоснуться. На Вятке особо чтят Великорецкий крестный ход – старейший в России, которому уже более шестисот лет и на который сегодня съезжаются паломники со всей страны. В 1780 году указом Екатерины Великой Хлынов был переименован в Вятку, а уже при советской власти – в Киров в честь убитого в 1934 году революционера и деятеля партии большевиков,

уроженца этих мест.

Первое упоминание о месте, на котором стоит современный Кирово-Чепецк, относится к 1615 году. Именно тогда в летописях сообщалось об Усть-Чепецком погосте, который, судя по упоминанию в Дозорной книге, имел целых три церкви: теплую Рождественско-Богородицкую с Петропавловским приделом, холодную Никольскую и Георгиевскую «под колокольню». Главной из них считалась Никольская. В 1796 году была образована Вятская губерния, включавшая в себя десять уездов. Территория, занимаемая ныне городом Кирово-Чепецком, являлась частью Вятского уезда.

В 1894 году в газете «Вятские ведомости» была опубликована статья усть-чепецкого священника Александра Заворохина. Он рассказал о жизни и быте местных жителей: «В характере и нравах жителей Усть-Чепецкого прихода, в сравнении с окольными приходами, особенно замечается то, что они сами себя пищей не морят, а употребляют по средствам, довольно не худую. В скоромные дни варят говядину, по праздникам и воскресным дням, а очень многие и в будни, пьют чай, за исключением самых бедных людей. Одеваются очень чисто, даже щеголевато, в лаптях встречаются прихожане – как редкость. Живут между собой согласно, старший в семействе заведует экономией, ему прочие члены семейства сдают заработанные деньги. При разделах друг друга не обидят, земледелием и ремеслами занимаются рачительно, к церкви очень усердны, школ не чуждаются, отдают детей в школу охотно».

В 1934 году в связи с переименованием города Вятки в город Киров Вятский район получил название «Кировский». В 1942 году был основан рабочий поселок Кирово-Чепецкий, который поднялся после войны на месте затерянного между лесов и болот села, там, где река Чепца впадает в Вятку.

В нем было развернуто строительство химического завода, впоследствии самого крупного в Европе. Впоследствии этот комбинат стал важной частью советского оборонного комплекса, здесь производились компоненты для атомной промышленности. (В годы передела собственности в России легендарный комбинат ждала горькая судьба. Теперь некогда гордость Кировской области, дававшая треть ее бюджета, – собственность одного олигарха, и все производство в нем завязано не на высокие оборонные цели, а на беспрерывный выпуск фосфатных удобрений.)

В 1947 году директором химкомбината становится Яков Филимонович Терещенко, человек, которому Кирово-Чепецк обязан многим и которого здесь вспоминают самым теплым

словом. При его активном участии открылись местный краеведческий музей, стадион, детско-юношеская спортивная школа, построены сотни домов для заводчан. О заслугах Якова Терещенко, который, по признанию многих жителей города, «делал все для людей», говорит только один факт: он был трижды (!) лауреатом Ленинской премии, которую при советской власти давали действительно за выдающиеся заслуги.

Трудно представить, что было бы с Яковом Филимоновичем, доживи он до наших дней и увидя, в каком плачевном состоянии находится футбольный стадион с замурованными раздевалками и наполовину разобранными трибунами, та арена, которая заботливо возводилась руками сотен горожан. Впрочем, поле стадиона, заботами о строительстве которого денно и нощно жил Терещенко, не собирается сдаваться «новым временам». Его газон, который лелеяли лучшие агрономы, но за которым давно забыли ухаживать, по-прежнему один из лучших на Вятке. Весной год от года здесь наперекор всем обстоятельствам по-прежнему «наливается соками» пробивающаяся из земли травка.

Сегодня некоторые «новые русские директора» в погоне за прибылью в последнюю очередь думают о социальных правах служащих. Канули в небытие профилактории, базы отдыха, а тот же Дворец спорта химзавода «Олимпия», в котором занимался Саша Мальцев, отдан в частные руки. Теперь там не до хоккея, как говорится, был бы фитнес…

В 1955 году поселок Кирово-Чепецкий по многочисленным просьбам его жителей был переименован в город областного подчинения Кирово-Чепецк. К тому времени его население составляло всего лишь около 15 тысяч человек.

Первые попытки на Вятке освоить недавно появившуюся в стране игру оказались неудачными. «Судейство хоккейных игр было крайне неквалифицированным, “коробки” для игр были недостаточно оборудованы: мало мест для зрителей, слабое освещение, плохой лед, – вспоминает в своей книге об истоках хоккея на Вятке Евгений Душкин, который играл против Мальцева в начале 1960-х в детских соревнованиях по футболу и хоккею на первенство Кировской области. – К тому же в продаже не было хоккейной формы. А если она и появлялась, то приобретение ее многим коллективам было “не по карману” в силу дорогой стоимости. Все это в какой-то мере являлось тормозом развития хоккея. Так что, волей-неволей, многие руководители задумывались: “А нужно ли нам играть в этот хоккей?”».

Но, как и во многих других городах Советского Союза, «оживить» хоккей помогли школьники.

«Кирово-Чепецк – типичный русский северный город. Зимы тут долгие, снег лежит месяцами, вплоть до глубокой весны. Но с ледовыми площадками здесь всегда были проблемы, и на заре становления хоккея мы играли где придется, даже на улицах. В общем, в конце 1950-х на Вятке играли в хоккей практически везде, где был лед. Вы посмотрите, как бы ни разваливался хоккей в Кирово-Чепецке, но здесь как грибы после дождя постоянно появляются все новые и новые таланты из тех мальчишек, которые проводят все свободное время на льду», – вспоминает в разговоре со мной Владимир Крикунов, знаменитый тренер и хоккеист, выходец из Кирово-Чепецка. С присущим ему юмором Крикунов вспоминает о том, что, как и другие «чепецкие» мальчишки, был настолько увлечен хоккеем, что «торчал на льду с утра до вечера, несколько раз чуть не упав в голодный обморок». «Ничего, нашел потом рецепт от обморока. Поем свежевыпавшего снежка и обратно в бой», – с улыбкой вспоминает о детских годах Владимир Крикунов.

При всё разраставшемся химкомбинате была организована хоккейная команда под руководством тренера из Москвы В. Д. Аксенова, куда были приглашены как кировчане, так и игроки из городов Дзержинска и Ленинграда. Чуть позже «Химик» переименуют в «Олимпию», где и сделает свои первые шаги в хоккее Александр Мальцев. «Сколько себя помню, на наш стадион на открытом воздухе всегда собиралось по нескольку тысяч зрителей, пусть даже это были юношеские соревнования, – вспоминает Владимир Крикунов. – Когда “Химик”, а потом “Олимпия” играли решающие матчи, народ сидел друг у друга едва ли не на головах. Более того, люди висели на заборах вокруг стадиона “гроздьями винограда”. Хоккей был спортом номер один в нашем городе. В день матча все разговоры были только о нем. Мужиков привлекало то, что на трибунах можно было покурить, согреться горячительным, да еще в приятной компании. Это было своеобразной формой расслабления для рабочих, возвращавшихся с тяжелой смены на заводе. Добавьте, что Кирово-Чепецк был молодым городом, как по своему возрасту, так по среднему возрасту его жителей. Молодые специалисты после окончания вузов стремились и охотно ехали сюда со всей страны, так как на комбинате относительно быстро давали квартиры и вообще уделяли социальной сфере огромное внимание. А какие тогда у молодежи были развлечения? Танцы в соседнем доме культуры и хоккей на стадионе неподалеку».

Вскоре в Кирово-Чепецке при поддержке руководства химического комбината заработала хоккейная детско-юношеская школа. Именно в ней через несколько лет раскроется талант

будущей мировой хоккейной знаменитости – Александра Мальцева.

Глава четвертая
ДЕТСТВО МАЛЬЦЕВА

Александр Николаевич Мальцев появился на свет в четвертый послевоенный год, 20 апреля 1949 года. В семье Николая Михайловича и Анастасии Степановны Мальцевых до него уже было пятеро детей. Он стал шестым.

В 1931 году родился первенец Николая и Анастасии Мальцевых, дочь Антонина, а спустя четыре года – вторая дочка Александра. Обе они всю жизнь отработали на градообразующем предприятии Кирово-Чепецка – на том самом крупнейшем в Центральной России химическом комбинате. После появления на свет двух дочерей впоследствии у Мальцевых рождались только сыновья. Первым из них в 1937 году родился Геннадий. Окончив школу в Кирово-Чепецке, он уехал учиться в Ижевск. Работал в совхозе в Ижевской области агрономом. Умер он в конце 1990-х.

За три месяца до Великой Отечественной войны в апреле 1941 года родился Николай Николаевич Мальцев. Он уехал учиться в Кострому и по распределению попал в город Муром Владимирской области. Долгие годы работал начальником отдела технического контроля (ОТК) на знаменитом муромском заводе холодильников. В Муроме проживает и сейчас. В 1946 году в семье Мальцевых появился на свет Виктор, который, как и отец, работал слесарем на химзаводе. Он трагически погиб в 1977 году. После рождения Александра Мальцева в 1952 и 1954 годах появились на свет Анатолий и Сергей, соответственно. Последний тоже, как и его легендарный брат, играл в московском «Динамо», но, увы, не закрепился в его основном составе. Все из семьи Мальцевых встали на ноги в жизни сами, без чьей-либо поддержки. У всех у них в Кирово-Чепецке было и остается доброе имя.

Родился будущий гроза вратарей всего мира, если быть точным, не в самом Кирово-Чепецке, как пишется в многочисленных справочниках, а в деревне Сетковцы в 18 километрах от районного центра. Отсюда ведут свой род предки хоккеиста по отцовской и материнской линиям.

Выбравшись из зимней Москвы, спешу на Вятку, на родину Мальцева, чтобы своими глазами увидеть его истоки. Увы, сегодня на месте Сетковцов простирается «чисто поле», где лежит огромный валун. На нем заботливой рукой выведена надпись «Здесь родился великий советский хоккеист Александр Николаевич Мальцев». Неизвестный поклонник таланта Мальцева

в конце 1990-х годов привез сюда эту каменную глыбу и водрузил на то место, где еще недавно «теплилась жизнью», а потом как-то тихо канула в Лету, как сотни других российских населенных пунктов, та самая деревня Сетковцы.

«Помню, лет 20 назад, когда мы с друзьями выбирались на рыбалку и отъезжали 10–15 километров от Кирова, нам повсюду встречались деревни. Сейчас немного уедешь от города, и на многокилометровом пути тебе попадаются несколько полуразрушенных домов на месте прежних деревень, где доживают свой век одинокие старушки», – с горечью признается мне известный в Кирове журналист и краевед Андрей Андреев.

Между тем на протяжении нескольких столетий в Сетковцах бурлила жизнь. Все жители деревни имели огороды, в хозяйственных постройках держали скотину, кое-кто служил в небольших столярных или слесарных мастерских. Мать будущей мировой знаменитости – Анастасия Степановна всю жизнь была на домашнем хозяйстве и занималась воспитанием детей. Она родилась в 1911 году. Любопытно, что ее род считался по местным меркам зажиточным. И когда в Сетковцах Анастасия встретила любовь своей жизни – Николая, сына Михаила из рода Мальцевых, родители и родственники сначала отвернулись от нее. Мальцевы если не бедствовали, то считались одними из наименее обеспеченных жителей деревни. Родственники не дали влюбленной девушке приданого, а напутствовали так, что был повод закручиниться – раз вышла за бедного, то живите, как живете. Уже позже, когда в СССР, как утверждала пропаганда, не стало «богатых и бедных», родители Анастасии «оттаяли» и стали общаться с зятем. Маленький Саша Мальцев с братьями и сестрами часто ездил в деревню к своим бабушкам и дедушкам помогать перекапывать огород или выкапывать картошку.

Единственным кормильцем в семье был отец – Николай Михайлович, который появился на свет в 1910-м, годом ранее, чем его будущая жена. До 1952 года Мальцевы прожили в Сетковцах, где он трудился слесарем, а мать Саши занималась домашними делами и следила за огородом. В 1952 году с шестью детьми, включая трехлетнего Сашку, родители перебрались в Кирово-Чепецк, где как раз набирал свою мощь недавно построенный городской химический комбинат. Этот гигантский завод, кормивший семью Мальцевых, располагался в двух с половиной километрах от их дома. Николай Михайлович специально попросился на работу в цех с наиболее тяжелыми условиями производства. Рабочие, трудившиеся в особо вредном цехе, получали немного больше товарищей по заводу и уходили на пенсию в 50 лет, значительно раньше других. Этот цех был

занят на работах, связанных с производством ртути.

Довольно долго семья Мальцевых жила на скромную зарплату отца, слесаря высшего, шестого, разряда.

Химкомбинат, будучи одним из засекреченных военных заводов в стране, производил компоненты для ядерного топлива, а сам Кирово-Чепецк в ту пору считался закрытым городом. Впоследствии через заводскую проходную прошли все дети Мальцевых, в том числе и Сашка. К слову, во время школьной практики он поразил бригадира своей настырностью и упорством. «Вылитый передовик производства в будущем», – восторженно говорили о Сашке старшие товарищи из бригады.

Дядя Коля, так звали в Кирово-Чепецке отца Мальцева все от мала до велика, был человеком исключительной доброты и отзывчивости. Уже после выхода на пенсию Николай Михайлович много лет трудился на стадионе. «Помню, что просыпался в пять утра, в полшестого утра уже был на льду, чистил его от снега, катался один. Дядя Коля тогда был простым сторожем на стадионе. Когда мне запрещали тренироваться одному, не давали ключ от раздевалки, дядя Коля всегда выручал, потому что видел, насколько мне это нравилось. И не только ключи давал, но и подкармливал конфетами, пирожками, чаек наливал», – вспоминал в одном из интервью уроженец Кирово-Чепецка, олимпийский чемпион, знаменитый вратарь «Динамо» и сборных СССР и России Андрей Трефилов.

Николай Михайлович был небольшого роста, но крепкий физически человек. Больше делал, чем говорил, и заводчане уважали его не только за исключительную порядочность и скромность, но и за невероятное трудолюбие. «Я думаю, что от нашего папы Саша прежде всего взял тягу к труду и упорство. Папа говорил нам – если взялись за дело, пусть даже за самое трудное, то непременно доводите его до конца, никогда не останавливаясь на полпути. До последних дней отец постоянно был в движении, если не работал на садовом участке, так обязательно что-то мастерил. Лишь изредка, в короткие минуты отдыха спешил не к телевизору, а к радиоприемнику, с удовольствием читал книжки и статьи об очередных победах советской сборной, где играл его сын. Хоккей не смотрел, считал себя нефартовым и боялся сглазить успехи Саши», – вспоминает Сергей Мальцев.

На работу с горы и обратно в гору Мальцев-старший ходил пешком. Каждый день два с половиной километра туда и такой же путь обратно. Вставал рано – рабочая смена начиналась в семь утра. После 16 часов Николай Михайлович уже был дома. Перекусив, шел в любимую мастерскую, находившуюся в подвале

дома, там делал стулья, полочки. К нему постоянно приходили с просьбами отремонтировать ту или иную вещь соседи или жители окрестных домов. Дядя Коля никому не отказывал и обижался, когда ему предлагали деньги.

Долгие годы он не рассказывал детям о войне, а между тем его судьба была сама по себе заслуживающей отдельной истории. По полученным Мальцевым-старшим боевым орденам и медалям можно смело изучать историю Великой Отечественной. На фронт он ушел в 1939 году – его первой войной стала финская. Недолго побыл он дома на Вятке с женой и двумя дочерьми, дождался появления на свет сына Коли в апреле 1941 года, а в первые дни Великой Отечественной, в возрасте тридцати лет, ушел на фронт командиром артиллерийского расчета. «За взятие Берлина», «За освобождение Будапешта», «За освобождение Кенигсберга» и множество других – эти медали лучше всего говорят о том, что Николай Михайлович Мальцев прошел самыми тяжелыми тропами этой беспощадной войны. Участвовал в знаменитой битве на Курской дуге, одном из переломных сражений Великой Отечественной, той, что унесла жизни двух его братьев, так же как и он, ушедших на фронт из родной деревни Сетковцы. Один из них сгорел в танке, другой – пехотинец, погиб во время наступления на фашистские позиции.

У Николая Мальцева было восемь (!) ранений за войну. И всякий раз судьба хранила его, даже когда он попадал в самый крутой ее переплет. Последнее, оказавшееся самым тяжелым, ранение он получил при взятии Берлина. Когда почти все оставшиеся в живых солдаты Великой Отечественной уже вернулись с победой в родные края, Николай Михайлович все еще восстанавливался в госпитале. Он пришел домой лишь в августе 1945 года. «Отец признавался, что за войну несколько раз буквально разминулся со смертью», – уточняет Сергей Мальцев. Действительно, во время войны было несколько случаев, когда жизнь Николая Мальцева-старшего висела на волоске, и отвернись от него удача хоть на мгновение, мир бы впоследствии так и не узнал таланта его сына Александра.

«Однажды учительница в школе на юбилей Победы в 1965 году попросила меня позвать на “Урок мужества” папу, чтобы он поделился своими воспоминаниями о войне. Отец, как всегда, скромничая, развел руками и сказал, что не хочет привлекать к себе пристального внимания», – вспоминает Сергей Мальцев.

«Я расскажу несколько случаев тебе, а ты сам поделишься ими с ребятами», – тихо сказал отец сыну. «Когда я пришел в школу и рассказал на уроке несколько эпизодов войны с участием моего отца, то от нахлынувших эмоций заплакали и дети, и

учительница, – продолжает Сергей Мальцев. – Особенно их потряс случай под Кёнигсбергом. Преследуемый фашистами, которые постепенно сжали кольцо, взвод под командованием отца очутился в болотистой местности, откуда нельзя было прорваться даже с боем. Фашисты посчитали, что нечего тратить патроны на русских – пусть пропадают в болотной трясине, откуда еще никто живым не выбирался. Сутки, подняв винтовки над собой, бойцы простояли в холодной воде.

Немцы не рискнули приблизиться и добить их, а когда поняли, что истекло время, требующееся простому смертному для спасения своей жизни, и вовсе ушли на прежние позиции. Горстка бойцов, едва выйдя из воды, без сил попадала на землю. Эта история потом неоднократно давала знать о себе. С тех пор у отца начались проблемы со спиной, его преследовал радикулит, и лишь однажды, наконец-то вняв нашим увещеваниям, он съездил в санаторий в Сочи, где ему стало заметно лучше. Отец был из той породы людей, того самого стойкого поколения, прошедшего войну, которое обращалось за помощью к врачам в самых исключительных случаях. Таким был и Сашка в детстве. Он, разбив в кровь руки или локти, терпел, даже в тех случаях, когда любой другой сверстник уже бы выл белугой».

Близкие Александра Николаевича уверены, что своему бойкому характеру и обостренному чувству социальной справедливости он обязан своей матери. Анастасия Степановна, женщина небольшого роста, была настоящим сгустком энергии. Сама подняла на ноги восьмерых детей, воспитав их достойными людьми. Она не только успевала обуть, одеть, покормить детей, но не забывала и проследить за тем, как они делают уроки. С деньгами в семье всегда было туговато. Пока не подросли старшие сестры и братья, а потом Саша, которые стали помогать родителям, Анастасия Степановна мыла подъезды в доме, чтобы получить дополнительный заработок. Саша, в свободное от тренировок время, тоже помогал матери убирать в подъезде.

«Сколько себя помню, Анастасия Степановна всегда была главной болельщицей Саши. Даже когда ей перевалило далеко за семьдесят, иногда усаживалась у телевизора, бывало, в одиночестве поздним вечером и наблюдала за хоккейными трансляциями. Ей не надо было объяснять правил и тонкостей игры, она сама могла дать фору иным хоккейным аналитикам, – улыбаясь, вспоминает друг семьи Мальцевых Арарат Попов. – Это был человек, который всегда остро и, точнее не подберешь, всем сердцем реагировал на происходящее и, как говорится, очень близко к сердцу принимал все события. Мне иногда казалось, что человек просто физически не может такого – сколько же сил надо

иметь, чтобы так все это переживать».

Однажды, уже в 1970-е годы, Анастасия Степановна позвонила Попову вся в слезах и попросила его помочь ей найти деньги – получку, которую принес в дом Николай Михайлович, но которую она положила, не помня куда именно. «Я примчался в дом, думая, что произошло что-то страшное. Оказалось, что куда-то запропастились деньги. Начали искать, перерыли всю квартиру, а их нет и всё, – признается Арарат Попов. – Всё. Думаю, пиши – пропало. Вдруг Анастасия Степановна вспомнила, что днем ходила сдавать старые вещи в утильсырье, тогда за них можно было получить хоть какую-то копейку. Быстро, насколько позволяют силы, идем в пункт приема старых вещей. Вместе с приемщиком, который, разумеется, оказывается болельщиком Саши, перетряхиваем все вещи, находим те, что сдала Анастасия Степановна. И здесь мимо. Уныло бредем обратно в дом, она, кажется, смирилась с тем, что денег больше нет. Я, ничего не говоря, тоже опустошенный, прохожу в ванную, мою руки и так обреченно спрашиваю у Анастасии Степановны: “А в стиральной машине смотрели?”

Тут она быстро открывает дверцу машинки, где лежит белье, перетряхивает несколько рубашек Николая Михайловича, приготовленных к стирке, и там, к огромной радости всех присутствующих, действительно находит получку мужа. “Склероз, старею”, – виновато произносит Анастасия Степановна под смех присутствующих».

«Если говорить просто, одной фразой – родители Саши были очень добрыми людьми. Они готовы были поделиться последним куском хлеба. Они для меня были как отец с матерью. С детьми у них было полное взаимопонимание», – признается Арарат Попов.

Родители Александра Мальцева всегда старались прийти на стадион в Кирово-Чепецке, чтобы понаблюдать за хоккейными поединками, даже когда сам Саша уже переехал в Москву. Николай Михайлович всегда подходил к приезжим хоккеистам поинтересоваться тем, насколько к ним внимательны в Кирово-Чепецке, чем можно помочь. Когда те узнавали, что к ним подходил отец самого Мальцева, то проникались к нему еще большим уважением.

Но вернемся к первым годам пребывания Мальцевых в городе. По приезде в Кирово-Чепецк им сразу же дали просторную трехкомнатную квартиру на третьем этаже новенького, как его называли, «директорского» трехэтажного дома по адресу: проспект Мира, 2.

По тем меркам это был, как бы его сейчас назвали, «элитный район» города. Рядом находилась главная городская площадь с

неизменным по тем временам памятником Ленину. Скоро на ней возведут Дворец культуры химкомбината, который станет центром культурной жизни города, а когда будет расти и крепнуть Саша Мальцев, за рощей, в 300 метрах от дома, начнется строительство ледового катка, манившего всех пацанов.

Сам дом Мальцева и до сих пор стоит на прежнем месте, навевая воспоминания о милых и беззаботных 1970-х годах. Попадая сюда, вспоминаешь бессмертную песню «Битлз» – «Назад в СССР». Трудно сказать, когда в последний раз стены этого дома удостаивались чести «обновиться и покраситься»: о том, что на дворе XXI век, здесь напоминают лишь несколько пластиковых окон. А так вполне можно ощутить себя персонажем известного фильма «Зеркало для героя», когда два мужика неожиданно для себя попадают в годы молодости своих родителей.

«У нас была боевая компания, все ребята из простых семей, росшие неизбалованными, знали цену труду и каждой копейке. Кроме того, окружали нашу семью Мальцевых сверстники из более обеспеченных, или, как мы их называли в то время, “богатых” семей, – рассказывает младший брат Александра Николаевича Сергей. – Руководство комбината и начальники цехов жили как в нашем доме и в домах по соседству, так и в небольших коттеджах на нашей улице. “Дети богатых” и мы, менее обеспеченные, держались обособленно, не пуская друг друга в свой круг. Бывало, “богатые” пытались диктовать нам свои условия, но у Саши разговор был короткий – он, правда, предупредив, мог врезать как следует, прямо в челюсть».

С Сашей Мальцевым, заводилой квартала и настоящим «живчиком», предпочитали не связываться. Он бил точно и сильно, хоть и был маленького роста. «Сашу, когда он подрос, предпочитал никто не обижать, зная, что он может постоять за себя сам. К тому же у нас, если выражаться современным языком, была такая мощная крыша – старшие братья Гена, Коля и Витя», – улыбаясь, признается Сергей Мальцев.

Однажды под горячую руку Саши Мальцева в конце 1950-х угодил и нынешний мэр города Кирово-Чепецка Анатолий Чеканов. Его также относили к «богатым», поскольку его отец работал начальником самого ОРСа – отдела ресурсов и сбыта химического комбината. Их семья проживала в отдельном доме, однако будущего мэра больше тянуло играть с ребятами из малообеспеченных семей, чем с детьми, выросшими в «тепличных условиях», на всем готовеньком.

Однажды Саше Мальцеву с его обостренным чувством социальной справедливости не понравилось, что какой-то сынок «богатого» норовит попасть в их компанию. Придет на

футбольное поле и просится поиграть. Один раз Шурик объяснил парню, что он «человек не их мира», из другого круга общения. Другой. Потом отпустил ему небольшого подзатыльника. А когда стали мириться и разбираться, оказалось, что паренек-то и не такой уж заносчивый, а вполне нормальный и коммуникабельный. Будущего мэра приняли в простую дворовую компанию и отныне всегда брали с собой поиграть. Говорят, что Александр Мальцев, прибыв в Кирово-Чепецк на празднование своего шестидесятилетнего юбилея в 2009 году, в шутливой форме напомнил мэру города о тех славных временах детства. Как выяснилось, обиды на легендарного хоккеиста градоначальник, кстати, долгие годы проработавший простым инженером на химкомбинате, не хранит, а с юмором время от времени вспоминает эту «батальную» сценку.

Родители, безусловно, во многом повлияли на формирование характера Мальцева: скромность, молчаливость, трудолюбие отца сочетались в нем с материнской живостью, подвижностью, беспокойством и сопереживанием. Он с детства видел, насколько тяжелым трудом зарабатывается трудовая копейка, научился бережливости. Родители с детства приучили его к тому, что во всем должен быть порядок. Ты можешь озорничать, шалить в рамках дозволенного, но порядок и дисциплину будь любезен соблюдай всегда.

«Дома – никаких разносолов, простая еда, во всем – дисциплина. И никто не ждал тебя, скажем, к обеду. Раз позвали – и всё. Опоздал – пеняй на себя, жди ужина. Почти все жили в больших коммунальных квартирах, в комнатах – по нескольку человек, без телевизоров, компьютеров. Ну, что дома делать – поел и на улицу, в любое время года – в мороз, в жару, в снег, в дождь. Поколение сороковых годов было адаптировано к нагрузкам больше, чем теперешние мальчишки. Мы набирались сил в естественном процессе, много играли, бегали, плавали, развивая координацию, мышление, коллективизм» – думаю, под этими словами своего товарища Бориса Михайлова может подписаться и Александр Мальцев.

Мальцеву – хоккеисту, в положительном смысле, многое дала улица, куда он шел не попить пивка и посмолить сигарету, как некоторые сегодняшние тинейджеры, а заниматься спортом с друзьями. Двор для мальчишек тогдашнего послевоенного поколения был второй школой. Только школой жизни. Они взрослели быстрее, чем нынешние подростки, с детства приучаясь к самостоятельности.

«На меня в жизни большое влияние оказали мальчишки из нашего двора в Кирово-Чепецке. Впрочем, сейчас многие из них

уже стали дедушками. Двор у нас очень спортивный был: любили в хоккей погонять, в волейбол поиграть, в футбол, – признается Александр Мальцев. – Меня часто спрашивали в свое время: как стать великим хоккеистом? Дескать, нужно ли бегать кроссы, изнурять себя физическими упражнениями или, наоборот, больше внимания уделять технике, шлифуя мастерство обводки или броска? Я отвечал просто: игры, игры и еще раз игры. Желательно как можно больше и разнообразнее в те славные детские годы, когда у тебя хватает сил и ты переполнен азартом. Игра в футбол, баскетбол, теннис хоть и займет больше времени, но пойдет на пользу мальчишке, который хочет стать великим хоккеистом».

Хоккей так слабо развивался в те годы, потому что у ребятишек, в него игравших, особенно в провинции, не было ни настоящих клюшек, ни коньков, ни шайбы. Клюшки порой мастерили сами из кусков толстой проволоки, в хоккей, как говорили, «играли на ногах» – в валенках или зимних ботинках с приклеенной резиновой подошвой, чтобы не скользили. Ну а шайбу часто заменяла консервная банка. Но от этого их игры становились потрясающе азартными!

«На коньки, которые мне смастерил отец, надев на валенки полозья, я впервые встал лет в шесть, – вспоминает Александр Мальцев. – У нас действительно был хороший и дружный двор. Мы расчищали свободное пространство во дворе от снега и заливали некое подобие хоккейной коробки. Сами чистили лед от сугробов. Гоняли шайбу до десяти, пол-одиннадцатого вечера. Сделаешь уроки, отчитаешься родителям и обратно туда, на площадку».

В 1984 году, когда документалисты снимали в Кирово-Чепецке фильм о Мальцеве «Последний сезон», мама хоккеиста, Анастасия Степановна, вспомнила, что маленький Сашка сам лично носился с ведрами, полными воды, из своей квартиры на площадку. «Я ему говорю, – признавалась Анастасия Степановна, – Саша, ты что туда-сюда бегаешь, уже весь подъезд в воде, кто мыть-то будет? А он отвечал: “Мама, не беспокойся, сейчас площадку зальем, потом подъезд помою”. Возвращался и действительно всё мыл».

Близкие хоккеиста признаются, что Сашу Мальцева не останавливали суровые сорокаградусные вятские морозы, такая в нем была страсть к хоккею. «Мы не ходили в школу из-за трескучих морозов, у нас отменили занятия. Вдруг звонит Саша, дышит в трубку и вместо привета задает всего один вопрос: “Покатаемся?” – вспоминал в фильме друг хоккеиста Александр Вылегжанин. – Я ему отвечал: “Покатаемся”. Приходим на каток, одетые во что только можно. Холодно так, что уши мягкие, как

пластилин. Мы их растираем снегом. Морозы были такие, что когда мы попадали шайбой в борт со всей силы, она раскалывалась на две-три части».

Родные Мальцева вспоминают один эпизод, который случился, когда нашему герою было десять лет и он, помимо хоккея, а точнее, наравне с хоккеем, сильно увлекался футболом, будучи лидером местной городской команды своего возраста. В доме, где проживали Мальцевы, со стороны фасада, выходящего на городскую площадь, располагался магазин. А со стороны двора, куда приезжали разгружать товар для магазина, на первом этаже находились три окна склада, в ту пору еще не закрытые решетками. Если, как говорится, сложить по ширине все три окна, впрочем, разделенные дверью магазина, получались настоящие футбольные ворота.

Однажды Саша Мальцев, надев на голову свою любимую кепку «а-ля Яшин», с которой, он, стоя в воротах, редко разлучался, обратился к друзьям с необычной просьбой. Собрав несколько ребятишек, он поставил мяч возле своего, третьего подъезда (бывший дом семьи Мальцевых стоит «уголком»), а сам отошел к складу, располагавшемуся в десяти метрах напротив, между первым и вторым подъездом. «Ну, чего стоите как вкопанные? Бейте мне по воротам», – командирским голосом заявил Сашка Мальцев.

«Какие же это ворота, Шурик? Там же позади тебя одни окна. Мы можем разбить их», – возразил кто-то из сверстников.

«Бейте, сказал, всю ответственность за разбитые стекла беру на себя!» – едва ли не приказывая, воскликнул Саша Мальцев.

«Только потом, спустя годы, я понял, что мой брат, который бесстрашно падал в тот день на асфальт, разбивая локти и коленки, отлавливая все мячи, летящие в этот придуманный им створ ворот, тем самым воспитывал свой характер и умение противостоять самым трудным обстоятельствам. И хотя ребята старались не лупить по окнам, а немного жалели Сашу, били пониже, на уровне стены, для него все равно это было самое настоящее испытание на грани. Он понимал, что отступать ему некуда, как говорится, позади Москва», – признается мне Сергей Мальцев.

«Позже, я увидел, как проявлялось это качество, особенно в играх с родоначальниками хоккея в 1972 году. Когда после первых двух игр в Канаде многие подумали, что Мальцев ошеломлен невиданным давлением на него со стороны здоровых защитников, в третьей игре Саша дал понять, что не стушевался. Он сконцентрировался в тяжелой для него ситуации небывалой мощи игроков обороны и стал “возить” на льду канадских

гренадеров, пользуясь их видимой неповоротливостью и своей собственной подвижностью, основы которой он так хорошо заложил в детстве», – заключает Сергей Мальцев.

Это поколение мальчишек вообще ничего и никогда не боялось. Великий игрок ЦСКА и сборной Константин Локтев, который, правда, был постарше Мальцева, вспоминал о послевоенных годах: «Зимой у нас в детстве любимой забавой было прыгать в снег с высоких крыш сараев, летом норовили выбрать местечко на берегу повыше и оттуда сигануть в воду или нырнуть со второго этажа во дворе. Летом делом чести считалось переплыть Москву-реку».

Родные и близкие Мальцева признают, что в детстве Саша любил сам придумывать различные упражнения, направленные на улучшение координации движения, не важно в каком виде «дворового спорта» он их показывал – в футболе, хоккее, настольном теннисе или баскетболе. Это тем более удивительно, что родители Мальцева спортом никогда не увлекались, да и в его роду по отцовской и материнской линиям никогда не было спортсменов и даже физкультурников. Все предки Александра Мальцева работали не разгибая спины, чтобы прокормить семью. Да и недюжинной физической силе у пацана взяться было неоткуда.

Щуплые, худющие, как футбольный вратарь восьмилетний Сашка Мальцев на чудом уцелевшей фотографии из детства – это поколение детишек, родившихся после войны. Хоть и не жили впроголодь, но постоянно испытывали чувство недоедания, а уж о каком-то калорийном питании вообще не слыхивали. Но было у этих ребят одно ценное качество, которое вело их по жизни – они умели цепляться зубами в любой данный судьбой шанс и использовали его благодаря смелости, отваге и невиданному трудолюбию. Подавляющее большинство звезд советского хоккея в 1950–1980-е годы были выходцами из обычных рабочих семей, или, как любили говорить в то время, «из простого народа». Это дополнительно мотивировало ребят, заставляло их упорнее, чем другие обеспеченные сверстники, идти к намеченной цели – стать знаменитыми и классными игроками.

На заметку юным и начинающим спортсменам – Александр Мальцев несколько школьных лет в аттестате по итогам четвертей имел только отличные оценки и никогда не пытался объяснить учителям, что учеба мешает занятиям спортом. Хотя в разговоре со мной сам Мальцев дал понять, что не был «круглым отличником и каким-нибудь ботаником», а все рассказы о «красных» от отличных оценок его дневниках – лишь плод фантазии журналистов. Думаю, скромничает. Когда-то и он был

отличником…

Уже после того, как он попал в Москву, на долгие годы за Мальцевым закрепилось прозвище «Малец» – производное от его фамилии. Так его начали звать в «Динамо», а потом спустя некоторое время и в сборной СССР. Так ветераны, вспоминая о его игре, иногда называют Мальцева и сейчас. И хотя уже через несколько лет, когда он стал ведущим игроком двух этих команд, к нему уже обращались по имени-отчеству, сами спортсмены и болельщики, как правило, восторженно говорили именно о «Мальце».

Но мало кто знает, что первым детским прозвищем у Шурика Мальцева было странное слово «Шути». Сначала я думал, что это все же имеет хоть какое-то отношение к производному от его сокращенного имени Шурик. Потом мне объяснили, что на самом деле это сокращение от глагола «шутить». После того как Мальцев уехал в Москву, его детское прозвище постепенно забылось. Позже, когда друзья называли его так во время приездов домой, на рыбалку, он не обижался.

Саша Мальцев был острым на язык и любил повеселиться в детстве. В Кирове меня познакомили с удивительной женщиной, полной жизненных сил и оптимизма, несмотря на немолодые годы. Валентина Аркадьевна Клабукова работает в ведущей кировской детской спортшколе «Юность» и долгие годы хранит у себя одну любопытную фотографию: красивая светловолосая девушка, воспитатель спортлагеря, она стоит в окружении трех пацанов.

Мальцева на фотографии я вычислил сразу. Скорее, методом исключения. Но, как оказалось, попал в самую точку с первого захода, угадав его по озорным глазам. «Я была направлена в спортлагерь “Юность” при химкомбинате на практику, будучи восемнадцатилетней студенткой кировского пединститута. Всю смену, 21 день мы жили на воздухе, хоть и в палатках, но не жалуясь на жизнь. Тогда наш кировский спортлагерь был одним из самых хорошо обустроенных в стране, – вспоминает Валентина Клабукова. – Хочешь, играй в волейбол, хочешь, в футбол, хочешь, купайся в речке. Саша Мальцев вместе со своим приятелем по фамилии Сечкин выделялся из общей массы ребят. Был любознательным в хорошем смысле слова, быстро наладил контакт с воспитателями и спрашивал нас об учебе, о книжках, которые мы читаем. Он был настоящий “живчик”. Со стороны можно было подумать, что он озорник или даже сорванец. Но Саша был хорошо воспитан и никогда не переходил ту грань, которая отделяет “живчика” от хулигана. Чувствовалось, что он хорошо знает, что есть определенная черта, которую нельзя

преступать. Мы все удивлялись, что Саша, который вырос в многодетной семье, где каждому ребенку трудно уделить достаточно времени, так хорошо воспитан».

Установив хорошие межличностные отношения с красивыми девушками-пионервожатыми, Мальцев быстро успел взять их в свои союзники. «Было видно, что ему мало времени, отведенного на игры, и совсем не требуется тихий час. Саша выделялся среди всех школьников, хотя это был обычный спортивный лагерь. И тогда Саша Мальцев с другом придумали собственную игру. Едва наступал этот “мертвый час”, который довольно строго контролировался старшими воспитателями, Саша вместе с Сечкиным прокрадывались к нам в палатку и мы, как настоящие конспираторы, шли, согнув ноги в коленках, на гороховое поле, где, сидя прямо на земле, поглощали молодой горох. Они воспринимали это как отчаянную авантюру, наподобие похода в самоволку. А неугомонный Саша Мальцев, с трудом сдерживая шепот, чтобы нас не заприметили, спрашивал нас с подругой о том, тяжело ли быть взрослым студентом. Расстались мы, уезжая из лагеря, настоящими друзьями», – с удовольствием вспоминает о тех славных временах Валентина Клабукова.

В спортивном лагере «Юность» имелось все для полноценного отдыха мальчишек. Настоящие армейские палатки с крашеным полом и кроватями, как в казарме, рядом волейбольная, баскетбольная площадки, аккуратно подстриженное футбольное поле. Тут же речка и просторные поля.

«Однажды в этой палатке ребята решили подшутить над Сашей, – вспоминает друг Мальцева Виктор Перетягин, директор ледового дворца в Кирово-Чепецке. – В брезентовой палатке были небольшие прорези окон, и ребята, ставя мяч в пяти метрах от них, соревновались, кто сможет попасть в это “окно”. Зная о том, что Саша Мальцев не может прожить без мяча и владеет им одинаково хорошо руками и ногами, пацаны поставили возле его кровати большую гирю. А тогда мячи практически не отличались от гирь по внешнему виду. Было уже темно, и Саша увидел этот, с позволения сказать, мяч и тут же ударил по нему. Хорошо, что пробил не на силу, не с носка, а технично, так называемой подсечкой. Хорошо, что отделался ушибом. Если бы со всей силы запулил по такому “мячу”, не миновать бы перелома. Дня два он потом не играл в футбол. Зато на поле отомстил своим обидчикам-шутникам, обыграв команду, в которой они играли».

Поначалу в детстве Саша Мальцев действительно больше увлекался футболом. Мечтой местных мальчишек было попасть в детскую футбольную школу, носившую название «Труд». Сашке хотелось всего и сразу. В восемь лет он так просился погонять

мяч с ребятами постарше (со сверстниками было уже неинтересно), что его приняли в команду, где играли девяти-одиннадцатилетние ребята, к тому же выше его минимум на полголовы. На известной фотографии того времени Саша стоит именно с ними. Щуплому, худому пареньку, мечтавшему о бомбардирских лаврах, пока не подрос, было трудно тягаться с защитниками. Были они и побольше, наглее и нахрапистее, чем он. В итоге самого маленького росточком Сашу Мальцева, пришедшего на стадион в кепке, прямо как у великого Яшина, мальчишки поставили в ворота. Больно шустрым, подвижным и прыгучим он им показался. Пусть тогда попрыгает, хоть и не дотягивается до перекладины, рассудили старшие. Авось и подрастет.

Земляк Мальцева, знаменитый игрок и тренер Владимир Крикунов, человек с большим чувством юмора, до сих пор вспоминает, как однажды летом пару дней даже спал рядом с Мальцевым на сдвинутых койках – в лагере не хватало кроватей, и ребят укладывали вплотную друг к другу. «Это потом я говорил друзьям, что спал чуть не в обнимку с мировой знаменитостью. Впервые я увидел Сашу Мальцева за два года до этого, когда оказался в спортивном лагере, куда он приезжал чуть ли не ежегодно в детстве, – вспоминает Владимир Крикунов. – По оживленному гулу мальчишек я понял, что на футбольном поле происходит нечто необычное. Мы подбежали к поляне и увидели, как небольшого роста паренек в кепочке, стоя в воротах, тащит все мячи, которые бьют примерно с линии штрафной в его створ ребята постарше. Было тогда Мальцеву около десяти лет».

«Талантлив Саша был феноменально. Я не видел в игре Боброва, но могу смело утверждать, что такого таланта, как Мальцев, среди советских хоккеистов не было. Это был самый одаренный игрок из всех, кого я видел своими глазами. Помимо хоккея, он мог бы дорасти до самых больших высот в любом игровом виде спорта, – признавался мне Владимир Крикунов, который начал играть в одной детской футбольной команде с Мальцевым еще в конце 1950-х. – Один эпизод, когда он стал постарше, и вовсе поразил меня. Саша хоть и играл в полузащите, но однажды встал в ворота, пытаясь отразить пенальти. В каком-то неимоверном прыжке, что говорит о его необычной координации движений, он все-таки отбил мяч, пущенный с одиннадцатиметровой отметки в самый угол ворот. Причем, оттолкнувшись одной ногой, в падении, и уже отразив удар, умудрился перекувыркнуться через голову. Встал весь в пыли, но счастливый. Он мне напоминал в детстве этакий вечный двигатель, то есть был мальчишкой, которому все время хотелось

играть и совершенствоваться. Можно сказать, что он родился спортсменом, настолько талантлив был он во всех видах спорта, и не только в игровых видах, но даже в плавании! И все человеческие качества у него были направлены на преданность спорту».

Так Саша Мальцев набивал свои первые синяки и шишки. Был сначала вратарем, а когда подрос и немножко окреп, стал играть уже в поле за футбольную команду «Труд». Подхватив мяч, он метеором несся к чужим воротам, только его и видели у своей штрафной. Кстати, в футбольной школе, в команде своих сверстников Саша Мальцев был капитаном, хотя по росту был одним из самых маленьких. «В те годы футбольные команды, игравшие на первенство Кировской области, чередовались по возрасту. В один год в команду соединяли тех, кто родился в 1949 году, как Саша, и в 1950-м, как я. В следующем сезоне родившихся в 1950 году объединяли с ребятами на год моложе. И так по очереди. Вспоминаю, что в те годы, когда нас соединяли с Сашей и его сверстниками, наш футбольный клуб из Кирово-Чепецка всегда побеждал на первенство области. А на следующий год “мой возраст” каждый раз проигрывал команде кировского “Динамо”», – рассказывает Владимир Крикунов.

Он же вспоминает, что у них с Мальцевым существовал один футбольный секрет, своя фирменная домашняя заготовка, на которую попадались защитники противника. «Я играл центрального защитника, он – центрального полузащитника, ближе к нападающим. У нас с ним был уговор. Получив мяч, по возможности, при контратаке, дальним ударом метров на тридцать посылал его Саше, который стоял в окружении защитников. Он, выдвинувшись чуть вперед, на лету подрезал мяч ногой, и пока защитники думали, что к чему, быстро разворачивался, стремительно убегал от них, оказываясь один в ноль перед воротами соперника. Срабатывало неоднократно».

Евгений Душкин, ныне директор одной из самых крупных в Кирове детско-юношеских спортивных школ, вспоминает, как в Кировской области быстро разнеслась молва о необычайно талантливом пареньке, подрастающем в Кирово-Чепецке. «Область у нас маленькая, в детских командах, которые принимали участие в местном чемпионате, все друг друга знали почти наизусть. И вот к нам едет в гости чепецкая детская команда с тем самым загадочным новичком, о появлении которого так много говорили. Смотрю на него на разминке, ничего из себя не представляет, тоненький, худой, куда, думаю, ему до наших баталий, – вспоминает Душкин тот день, когда он впервые увидел в деле Мальцева. – Начинается игра, и этот едва

ли не самый маленький на поле игрок начинает раз за разом “возить” игроков нашей команды. Появляется на всех участках поля, как говорится, Фигаро здесь, Фигаро там, и ни капельки не устает».

Евгений Душкин считает, что на футбольном поле Саша Мальцев обладал особой магией игры. «Сколько раз мы говорили себе с товарищами по команде на установках перед матчем, что не будем покупаться на мальцевский трюк. Но начиналась игра, и все было по-прежнему, – продолжает Душкин. – Он берет мяч, идет по прямой, а игроки нашей команды отваливаются от него вправо и влево. Никто не может издалека, со стороны понять, почему это происходит и отчего ноги защитников становятся такими ватными в отличие от подвижного Мальцева. Но если оказаться вблизи от него, то разгадка на самом деле проста: по ходу движения, ногами, своей знаменитой “переваливающейся с ноги на ногу походочкой”, Саша делает такие неуловимые движения из стороны в сторону, что противостоящие ему защитники покупаются на этот фокус. Это сильно привлекало зрителей на трибунах, аплодировавших худенькому пацану, который хотя и шел строго по прямой, но непременно обыгрывал всех и вся. Позже, уже, сидя у телевизора, я видел, как на эти самые неуловимые движения попадались лучшие хоккейные защитники мира».

Впоследствии неистощимый на выдумки и очень острый на слово наставник сборной СССР по хоккею Анатолий Тарасов, емко характеризуя игровое мастерство Мальцева, обронит знаменитую фразу: «У Мальцева – умные ноги». Вдумайтесь, не просто светлая голова и прекрасные руки – мерка, по которой оценивают великих хоккеистов. А именно «умные ноги». А самый известный отечественный комментатор Николай Озеров в одном из репортажей скажет: «Мальцев прошел соперника на ртутных ногах». Подразумевая под этим как раз то самое умение, родом из детства, делать совершенно неуловимые для «дальнего глаза» движения ногами и «переливаться» подобно ртути, уходя от самых серьезных столкновений.

Чуть позже проявится еще одна черта Мальцева. Совершенствуя свое игровое мастерство, он специально будет просить тренера поставить его в команды возрастом старше. А уже потом сами тренеры, без каких-либо просьб, начнут брать его в состав на матчи с соперниками гораздо старше его. «Буквально через год-два Саша, парень 49-го года рождения, постоянно играл против сверстников 46-го года, которые были на две головы выше его. На мой взгляд, этот опыт научил Александра Николаевича одному бесценному качеству: у него не было психологического

барьера, боязни играть с теми, кто опытнее, мощнее его, кто пытается задавить его, просто потому, что сильнее его физически, – считает Евгений Душкин. – А этот барьер, как мы часто наблюдаем, становится главным препятствием на пути из юношеского во взрослый хоккей».

Игры со взрослыми ребятами сначала на футбольном поле, а затем в гораздо более жесткой игре на хоккейных площадках не просто закалили характер Мальцева. Они научили его тому, что противостоящий ему более взрослый соперник – такой же простой смертный, как и он, которого вовсе не нужно бояться только потому, что тот старше. Характерный пример того, как Мальцев на практике реализует это свое умение, – его первое появление на тренировке хоккейного «Динамо», когда он на разминке «оставит с носом» нескольких маститых игроков. Но об этом позже.

И знаменитый тренер Крикунов, и близкие спортсмена, и его друзья детства в один голос признаются, что с самого первого дня и в жизни, и в спорте он хотел быть первым: наказать ли хулиганов, обидевших девочку из соседнего двора, выиграть ли турнир на первенство области. «Фирменное мальцевское кредо – всегда быть первым, – признается товарищ Мальцева по «Динамо» вратарь Владимир Полупанов. – Я не видел другого такого хоккеиста, который бы так по-хорошему высоко задавал подобную планку и требовал этого, на правах капитана, от своих партнеров по команде».

Евгений Душкин вспоминает о том, что Александр Мальцев был «говорлив на поле» и страшно не любил проигрывать. На правах капитана часто спорил с судьей, по его мнению, не замечавшим очевидную грубость против него и товарищей по команде. Часто получал за «поиск правды» на футбольном поле не только устные предупреждения от арбитров, но и желтые карточки. Иногда после матчей судьи признавались, что погорячились, просто боялись, что если не «осудят» искавшего правду капитана «Труда», то игра выйдет из-под их контроля. Так и быть бы Сашке Мальцеву, начинавшему в детстве футбольным вратарем, а потом, когда окреп, возмужал, подрос, – гонять полузащитником в местной команде, но переехал в 1958 году в Кирово-Чепецк один ленинградский хоккеист. Звали его Николай Иванович Поляков, хотя для всех местных жителей он вскоре стал просто Коля. Нескольких игр хватило заезжему хоккеисту, чтобы влюбить в себя кирово-чепецких болельщиков. Он показал на льду доселе незнакомые финты и броски, быстро став лучшим игроком местной хоккейной команды. Вскоре гость из Ленинграда, так и оставшийся жить в Кирово-Чепецке, стал

совмещать игру в хоккей с тренировками школьников.

Детство Мальцева, как уже стало понятно из предыдущего рассказа, не было безоблачным и спокойным, как речная заводь. Он любил и пошалить, часто не мог и пяти минут усидеть на месте, рвался мигом что-нибудь изобрести, познать, да так, чтобы сразу и непременно. Но все баловство закончилось, когда с другими окрестными ребятами он пришел на ледовую площадку. Там Николай Поляков тренировался вместе с взрослыми хоккеистами из местного «Химика».

Ветераны «Олимпии» вспоминали, что в конце 1950-х годов часто видели у борта хоккейной площадки, за воротами, одинокого мальчугана. Он приходил во время тренировок взрослой команды, вставал за сеткой и мог неподвижно и тихо простоять час с лишним. Восьмилетний Саша Мальцев завороженно следил за происходящим на площадке, стоя как вкопанный у кромки льда. Такого нельзя было не заметить.

Николай Поляков, который согласился возглавить детскую хоккейную секцию в Кирово-Чепецке, несмотря на молодость, пережил многое. Его юношеские годы пришлись на блокаду, во время которой он, ленинградец, находился в родном городе. Чудом выжил, едва не умерев от голода. Он хотел, чтобы хоть на долю этих стремительно растущих пацанов из Кирово-Чепецка выпало счастливое детство.

Но и видевший многое Поляков однажды обомлел, когда записавшихся в заранее оговоренный день приема в секцию мальчишек набралось аж на целых восемь команд! Пришлось отсеивать тех, кто не прошел отбор. В их число, увы, попал и Саша Мальцев, «немного не вышедший росточком». Мальчуган стиснул зубы от обиды. В глазах стояла мольба – как же так, почему без меня, я же могу быть самым лучшим! Поляков уже засобирался домой, как вдруг увидел кучку пацанов возле стадиона, которые умоляли его пройти с ним «пять минут», чтобы своими глазами увидеть что-то необычное.

Ребята, буквально вися на рукаве у тренера, провели его через рощу от катка до дома Мальцевых на проспекте Мира. Затащили во двор. И там Поляков увидел поразившую его картину.

На балконе трехэтажного дома, с внешней стороны, сзади уцепившись руками за перила, на самом его краю стоял тот самый щуплый мальчуган, Сашка Мальцев, которого часом ранее не приняли в секцию. Весь бледный, он дрожал от холода и от страха. «Слезай! Давай обратно в квартиру!» – успел крикнуть ему Николай Поляков. Но было поздно. Зажмурив глаза, солдатиком, Саша прыгнул вниз. «Сиганул я с приличной высоты, метров так с

семи, – улыбается, долго выдерживая паузу и явно растягивая удовольствие от этого воспоминания, Александр Николаевич. – Потолки тогда в домах были высокие, и трехэтажный дом размерами напоминал небольшую крепость. Спас меня сугроб, если бы не такой слой снега внизу, не знаю, что бы со мной тогда было. Ноги бы как минимум сломал».

К счастью, в зимнем Кирово-Чепецке, изрядно засыпанном снегом, на каждом углу высились приличные по высоте «холмы» сугробов. А во дворе дома Мальцевых и вовсе была настоящая снежная горка. Дело в том, что, очищая дорожку, которая вела к магазинному складу, для машин, чтобы грузчики могли разгрузить товар, дворник насыпал большой сугроб аккурат у третьего подъезда, где жили Мальцевы. «Сугроб тут был почти до уровня окон первого этажа. Позже повторил подвиг Саши и я», – улыбается брат бомбардира Сергей, устраивая для меня поход по «местам боевой славы» Александра Николаевича.

Вот в этот сугроб, причем буквально с головой, тогда и вошел отважный паренек. Поляков подбежал к сугробу, когда из него высунулась голова дрожащего мальчишки. Убедившись, что «герой» цел, тренер вызволил его за шиворот из снежного плена. Вот так Николай Поляков в прямом и переносном смысле откопал «бриллиант» для русского хоккея. Тренер пожурил второклассника: «Геройство – это конечно же хорошо. Мужчина должен быть отважным и смелым. Но он не должен заниматься разными глупостями. Доказывать, Саша, свою смелость нужно другими поступками». Поляков выдержал паузу и, улыбнувшись, сказал: «Ладно, жду тебя завтра в секции».

Безмерно счастливый Саша побежал к родителям, чтобы сообщить им радостную новость. А потом постучался к соседской девочке: «Надя, одолжи свои “снегурки”!» На следующий день Саша Мальцев стоял у ворот хоккейной коробки, бережно сжимая в руках девчоночьи коньки. На лед он выбежал первым, еще толком не умея стоять даже на «снегурках»…

«Николай Иванович Поляков проявил ко мне большую человеческую заботу. Он преподал мне основы хоккейного мастерства, заботился о нас, о мальчишках, посвящая нам все свое свободное время. Я с огромной благодарностью вспоминаю о нем до сих пор. Он – для меня пример тренера и человека», – признается Александр Мальцев.

Знакомясь с детскими годами Мальцева, тем фундаментом, что был заложен на пути к оглушительной славе, в который раз понимаешь, что великим спортсмена делают отнюдь не наследственные гены и правильное калорийное питание (конечно, без него никуда). Пример Александра Мальцева более

чем ярко показывает, что основа всему – упорство, невероятное трудолюбие и умение уйти от всех соблазнов, которые поджидают тебя в беззаботные юношеские годы.

К сожалению, сегодня для многих «новых» юных русских спортсменов деньги являются главной целью в будущем. Неудивительно, что в спортивные и в хоккейные школы родители нередко привозят мальчишек не потому, что ребята спят и видят себя игроками в форме сборной России. На первом месте цели у них более «земные»: подготовить свое чадо к тому, чтобы оно подписало выгодный контракт и получало в будущем миллионные гонорары, непременно отправившись за океан. «Для таких родителей и их детей главное в хоккее не сама игра, а деньги. А это уже прозаический расчет, исключающий самозабвенную любовь к хоккею, самопожертвование ради победы и, как следствие, даже отказ от выступления в составе сборной России в чемпионатах мира», – признается Виталий Давыдов.

«Сейчас прием в хоккейную секцию все более напоминает набор. Стало гораздо меньше мальчишек, готовых играть. Родители тянут детишек в тот или иной вид спорта. Не секрет, что одни видят в своих чадах звезд хоккея, другие – фигурного катания, – признается мне Борис Михайлов. – Папы и мамы мечтают о головокружительных карьерах. Сегодня, когда во главе угла деньги, это обычное явление. Но само по себе неплохо регулярно заниматься, укрепляться физически, однако о мышлении, понимании игры, предрасположенности к ней нет и речи».

Для будущей гордости советского спорта – детишек военного и послевоенного поколения, таких, как Виталий Давыдов, росший без отца, Борис Михайлов, а чуть позже Саша Мальцев, ставший на ноги в многодетной, лишенной большого достатка семье, дворовой футбол и хоккей, а если повезет, и детско-юношеская секция были лучом света. Часто деля один письменный стол с братьями и сестрами, пока мама готовила пищу, Сашка исправно делал уроки, спрашивал разрешения у мамы и бежал на улицу, впопыхах забыв прихватить приготовленный бутерброд.

У него горели глаза, в отличие от некоторых сегодняшних юниоров, привыкших «отбывать время на площадке». Саша знал, что высоких целей, которые он поставил перед собой, можно достичь исключительно своим трудом, не любоваться собой во время игры, а пахать и пахать во время монотонных тренировок. Увлеченностью Мальцева игрой его старшие товарищи не переставали восхищаться.

И не деньги были для них самым главным «ориентиром». Ребятишкам была важна сама эта «чудная игра». Многих из них

она вывела в большую жизнь, компенсировала те потери, которые они понесли в своем полуголодном детстве.

Арарат Попов, выходец из Баку, проходил срочную службу в Кирово-Чепецке. Съездил на побывку на родину, а потом потянуло в «северные края». Он решил вернуться на Вятку, так ему понравился этот снежный край с приветливыми и доброжелательными людьми. С 1963 года на протяжении четырех с лишним десятилетий Арарат Попов являлся администратором сначала «Химика», а потом, когда клуб в 1965 году получил новое название, и «Олимпии». Он старше Александра Николаевича на девять лет, одно время жил на квартире у Мальцевых, знает о детстве и молодости хоккеиста, наверное, больше, чем кто-либо. Когда большинство детей Мальцевых уехали из родного дома, Арарат Попов опекал их родителей.

«Кому как не вам знать о Мальцеве, тем более что его талант раскрылся на ваших глазах. Что такое феномен Александра Мальцева: божий дар, физические данные или трудолюбие?» – спрашиваю у Попова.

Он выдерживает большую паузу, внимательно смотрит на меня, а потом говорит так же немногословно, как сам Мальцев: «Все вместе взятое. Только помноженное на четыре». Удивительно, но это же сравнение «четырехкратные трудолюбие и Божий дар» днем ранее в разговоре со мной использовал и Евгений Душкин, когда я попросил его назвать главные составляющие таланта Александра Мальцева.

«Мама, воспитывая нас, сыновей, всегда говорила: “Дети, приучайтесь к труду с малых лет”. Фраза “Труд человека не портит” была одной из ее любимых», – вспоминает Сергей Мальцев.

Многие взрослые знали, что не было в Кирово-Чепецке мальчишки трудолюбивее и талантливее, чем подающий надежды спортсмен Сашка Мальцев. В начале 1960-х годов горожане, проходившие зимним вечером мимо кирово-чепецкого стадиона, часто могли наблюдать одну и ту же картину. На улице мороз – за тридцать. Стемнело. Свет прожекторов на стадионе уже потушен, лишь одиноко горит одна тусклая лампочка. Где-то там, в глубине поля, когда уже закончилась тренировка, наматывает круги на льду одинокий подросток. Друзья, переодевшись в раздевалке, кричат ему: «Сашка, бросай ты это дело! Айда в кино во Дворец культуры, девчонок пригласим».

Мальцев не слышит, молчит, даже не отмахивается. Нет света от прожекторов – не вопрос. С закрытыми глазами научимся бросать, это даже лучше. Ворота с поля убраны – сейчас что-нибудь придумаем. Слепим штанги из снега, а вместо вратаря

поставим лопату для расчистки льда. Мальцев начинает отработку своего знаменитого броска. Бросает, терпеливо едет собирать шайбы, вынимая их из снега. Затем снова готовится и снова бросает. И так часами.

Друзья уже возвращаются с киносеанса, а он все еще на льду. Успел потренироваться со старшей командой. Но не спешит идти греться в теплую раздевалку. А вдруг разрешат поиграть с взрослыми? И так изо дня в день, из одной морозной зимы в другую…

«Он никогда никуда у нас не вовлекался, – по-простому отвечала тележурналистам мама хоккеиста, Анастасия Степановна в 1984 году. – На танцах не бывал. Лишь стадион был для него всем миром».

Только ЧП могло задержать Сашу дома, если он договорился с друзьями о том, чтобы пойти на стадион. «Как-то я звоню ему и говорю: “Саша, давай покатаемся?” А он горестно вздыхает и произносит: “Не могу”. – “Почему не можешь?” – “Мама заболела, мне нужно подъезд убрать”. И он маленький, восьмилетний, шел скоблить углы и протирать полы», – вспоминал друг детства Мальцева Александр Вылегжанин.

«Что ни говори, а Саша Мальцев – феноменальный трудяга. Его природный талант заиграл всеми гранями благодаря неустанному трудолюбию и упорству, которые он развивал с раннего детства. Он был настолько влюблен в хоккей, что уже поздно, практически ночью, приходил на каток в Кирово-Чепецке и бережно заливал его водой, чтобы с утра его поверхность была гладкой и ровной. На этом льду он дневал и ночевал, оттачивая свой знаменитый бросок», – вспоминал в разговоре со мной Владимир Владимирович Юрзинов.

«Многое у меня в детстве бывало, – с улыбкой вспоминает Александр Мальцев. – Смех, слезы, смех сквозь слезы. Однажды я проспал начало не простой тренировки, а важного матча на первенство города. Сны мне хоккейные, помню, снились. Я прибежал на лед, когда наши ребята после первого периода проигрывали со счетом 0:2. Николай Иванович Поляков не стал ругать меня, а сказал, чтобы я быстрее переодевался и выбегал на лед. Мы тогда во второй половине той игры забросили шесть безответных шайб. Три провел я сам».

В детской хоккейной команде «Химик» (будущей «Олимпии») Мальцев, по его словам, начал быстро прогрессировать на рубеже одиннадцати-двенадцати лет. Сначала Николай Поляков ставил его в третью тройку нападения, а потом, когда у Саши вдруг стали получаться финты, броски, обводка, его перевели в первое звено. На льду он проводил едва ли не половину матчей.

Мальцев признается, что финты приходилось придумывать самому, рассчитывая на… уникальную силу воздействия радио.

«В конце 1950-х – начале 1960-х годов телевизоры в Кирово-Чепецке были редкостью, и я практически не видел хоккейных матчей на первенство СССР и тем более чемпионатов мира. Лишь мог представлять себе, как выглядит Бобров и что он творит на льду. Настоящей отдушиной для нас, всех пацанов, которые самозабвенно любили хоккей и футбол, были радиотрансляции. Помню, как мы собирались возле приемника и благодаря комментаторам с их возгласами “влево-вправо-бросок” представляли, как именно держит клюшку Бобров, куда он движется, как бросает по воротам. А потом мы сами интуитивно пытались воспроизвести эти хоккейные ходы на нашем льду, причем ожесточенно споря, как именно обыгрывал соперников наш любимый Всеволод Михайлович Бобров», – вспоминает Александр Мальцев.

«Я была сначала против этого. Не видала сроду я этого хоккея, мы же приехали с сельской местности, – признавалась в 1984 году мама хоккеиста, Анастасия Степановна. – Говорила ему: “Саша, прекрати ты эти игры”. – “Нет, я буду кататься, мама, и всё”, – отвечал он мне. Помню, как он говорил мне в первом классе, послушав какой-то радиорепортаж: “Я хочу быть таким, как Рагулин и Фирсов”». Кто знал тогда, что через какие-то десять лет он будет сражаться в нападении против Александра Рагулина, а со своим кумиром Фирсовым и вовсе сыграет в одной тройке!

Детская команда «Химик» в начале 1960-х годов не имела соперников в родном городе и участвовала в турнирах на первенство области. Когда я спросил у Мальцева о том, что для этих поездок завод, наверное, выделял автобус, Александр Николаевич улыбнулся, посмотрел на меня так, что мне захотелось сразу же извиниться. «Какой такой автобус? Клубные автобусы я первый раз увидел в команде мастеров. А так мы ездили в обычном грузовике, в кузове которого были установлены лавки. Так и ехали, порой по 30–32 километра, в тесноте, холоде, но не в обиде. Трясло так, что успевали прогреться все кости и разминку уже можно было не проводить. Мы выходили на лед немножко “укаченные”. Но играли и чаще выигрывали», – улыбается Александр Николаевич.

«Наверное, на тренировках вы много внимания уделяли индивидуальным упражнениям, тренировали технику броска?» – спрашиваю у Мальцева.

«Не так чтобы много. Больше играли, в разных сочетаниях и разным количеством игроков, на разных участках поля. Повторюсь, я являюсь сторонником того, что мастерство

хоккеиста в большей степени формируется через игры», – полагает Мальцев.

Мальцев, когда его спрашиваешь о его хоккейных истоках, признается, что не какое-то везение, а именно трудолюбие и изнурительные тренировки в детстве стали причиной его громких успехов в хоккее. «Не сказал бы, что мне уж очень везло. Дело в другом. Я вкалывал на тренировках (речь идет о середине 1960-х годов. – ***М. М.***) чуть ли не до потери пульса. Бывали дни, когда часов по семь на льду проводил. Уйдет команда мастеров, так я с юниорами тренируюсь. Закончат они, играю с мальчишками. И никто меня не подгонял. Так что быстро проявить себя мне помог прежде всего труд немалый», – говорил Мальцев в одном из интервью в 1990-е годы.

Индивидуальную технику Саша Мальцев предпочитал осваивать самостоятельно. До сих пор многие журналисты пытаются выведать у Александра Николаевича секрет его неповторимого фирменного броска, который комментаторы так и называют «броском от Мальцева». Сам он лишь улыбается. Слыша эти вопросы, сначала молчит, как партизан, и, как говорится, не колется. А потом объясняет, что «ларчик-то просто открывается», а ответ и вовсе лежит на поверхности: нужно просто отрабатывать сам бросок час за часом, год за годом, когда клюшка и кисть руки становятся единым целым.

«Никаких особых секретов броска у меня нет, так прямо и напишите, – говорил мне в дни ванкуверской Олимпиады Александр Мальцев. – Чего тут гадать или выпытывать секрет, будто военную тайну? Сам я считаю, что во многом поставить технику броска мне помогли мои летние тренировки. Я выходил на асфальтированную хоккейную площадку с листом фанеры, клал его на землю и ставил на него три шайбы. И не меньше часа бросал их по воротам. С трех, десяти метров, по центру площадки, из угла. Бросал три шайбы, потом шел, собирал их, ставил на лист фанеры и снова бросал. Скучно было иногда, но я знал, что только так я почувствую единение с шайбой и клюшкой. Вот это и есть тот самый “секрет” моего кистевого броска».

Младший брат Александра Николаевича Сергей, кстати, сам неплохой хоккеист, вынужденный прервать карьеру из-за обидной травмы, признавался, что подражать брату было очень трудно, хотя он всячески стремился к этому. Однажды Сергей Николаевич, которого в детстве нянчил Александр, решил «скопировать» тот самый знаменитый мальцевский кистевой бросок. Пошел в магазин, купил сразу несколько эспандеров, начал разрабатывать кисть, потом долго тренировал броски. «Кое-что получалось, но такой талант, как у Саши, скопировать

невозможно», – вспоминает с улыбкой Сергей Мальцев. В каждом рассказе Мальцева-младшего о брате, которого он называет то Сашей, то Александром Николаевичем, чувствуется подчеркнуто уважительное и восхищенное отношение к нему.

Когда хоккеисты кирово-чепецкой команды осенью 1963 года засобирались в Москву – представилась возможность потренироваться на искусственном льду, – Арарат Попов, недавно назначенный администратором «Олимпии», вдруг вспомнил, что четырнадцатилетний Сашка, занимавшийся в детской школе, просил взять его с собой в столицу. Чинить препятствия юному спортсмену, уже показавшему свой талант в детских соревнованиях, никто не стал. «У парня каникулы, чего бы не взять его с собой, заодно и столицу посмотрит», – сказал один из тренеров.

Взрослые взяли Сашу на сборы, чтобы он, образно говоря, почувствовал большой лед, просто покатался на нем. Загруженность Дворца спорта в «Сокольниках» была большая, лед чепецким выделяли только в 3–4 часа утра. Хоккеисты с Вятки вставали в два ночи, полусонные, еле-еле одевались и брели на лед. Тренировались они очень рано, времени на сон было мало. Саше, ведь все-таки он – член команды, торжественно выдали форму. Его преданность хоккею порой доходила до смешного.

«Меня и хоккеистов команды искренне поразило то, что, получив ее комплект, Саша так проникся происходящим, что ложился спать прямо в форме. “Я с вечера одеваюсь, быстро ложусь спать, а как только объявляют подъем, мчусь на стадион”, – признался он нам. Так он боялся проспать занятие на льду и того, что хоккеисты не разбудят его и не возьмут в ледовый дворец. На льду он был самым первым, ему требовалось лишь надеть коньки, ведь форма уже была на нем. Жажда хоккея у него была такой, что, не дождавшись автобуса, он как-то пешком пошел из гостиницы на ВДНХ, где мы жили, до Дворца спорта в Сокольниках», – вспоминает Арарат Попов.

Каково же было изумление взрослых хоккеистов из клуба второй лиги, когда, в первый раз приехав на каток, они увидели там Сашу, уже наряженного в хоккейные доспехи и начавшего разминку. А ведь никто не предлагал ему в такую рань ехать на тренировку. До катка он добрался самостоятельно! На раскатке Мальцев неизменно оказывался в числе игроков, ведущих забег, своим примером вынуждая старших товарищей более ответственно относиться к тренировочному процессу.

В ледяные баталии его не бросали, давали возможность лишь покататься на площадке. Правда, над хоккеистами «Олимпии», «взрослыми дядьками» в компании со щупленьким мальчуганом,

подтрунивали игроки других команд, ожидавшие своей очереди на тренировках: дескать, совсем раздухарились чепецкие – «эксплуатируют» детский труд. «Когда игроки одной из команд в очередной раз подшутили над нами, мол, своих, что ли, не хватает, если пацана на лед поставили, я не сдержался и сказал, чтобы все слышали: “Этот пацан через год-два вас всех на льду раздевать будет”. Эти слова действительно оказались пророческими», – поясняет Попов.

Саша Мальцев в Москве времени даром не терял и после тренировок. Ходил по улицам, по столичным проспектам, поражаясь их размерами, прогулялся по Красной площади и Арбату. И вдруг увидел манящую вывеску о предстоящем футбольном матче между сборными командами СССР и Италии. Это была первая игра одной восьмой финала Кубка Европы.

Саша Мальцев на рассвете, с первыми петухами помчался в «Лужники». У касс уже толпились огромные очереди. Тогда лужниковский стадион вмещал не около 80, а 102 тысячи зрителей. Однако желающих попасть на матч было в пять раз больше! Мальчуган впервые увидел, каким может быть ажиотаж вокруг настоящего спортивного зрелища. Отстояв целых три часа очередь в кассу, счастливый, побежал к взрослым хоккеистам из «Олимпии» показать заветный билетик, а потом, сгорая от нетерпения, считал часы и минуты до начала игры.

Место на стадионе оказалось на самом последнем ряду. Все было в диковинку: и огромный кратер-чаша «Лужников», еще без крыши; и почему-то такие маленькие фигурки футболистов на поле; и, наконец, громкоголосые, как им самим казалось, всезнающие московские болельщики, которые постоянно что-то кричали и норовили всякий раз встать со своих мест и заслонить обзор мальчишке. Советские футболисты выиграли (хотя в составе сборной не было Л. Яшина) у итальянцев со счетом 2:0. Довольный, переполненный эмоциями вернулся Сашка Мальцев в гостиницу, где жили хоккеисты родной «Олимпии», мечтательно повторяя про себя: «Вот бы научиться играть в хоккей так же красиво, как Валерий Воронин играет в футбол».

Мог ли он представить, что пройдет каких-то четыре с небольшим года, и футбольным талантом новичка хоккейного «Динамо» восхитится сам великий Бесков.

Поездка в Москву, а главное увиденные им настоящая ледовая арена Дворца спорта в «Сокольниках», стотысячная армия поклонников футбольной сборной только в «Лужниках», там, где проходили те самые игры всесоюзного первенства, о которых он слышал по радио… – все это так впечатлило Мальцева, что он на кураже провел оставшиеся несколько игр областного первенства

среди юношеских команд. Пройдет чуть меньше года, и его в 1964 году потихоньку начнут подпускать к тренировкам второго, молодежного состава «Олимпии».

Звезда Саши Мальцева взошла в 1964 году на зональных юношеских соревнованиях первенства РСФСР по хоккею. Чепецкие мальчишки заняли в этом турнире третье место, пропустив вперед лишь команды Перми и Краснокамска, а пятнадцатилетний Саша Мальцев наколотил в ворота соперников целых 17 шайб. Он был назван самым результативным и лучшим нападающим соревнований. Это был первый, по-настоящему громкий успех будущего лучшего бомбардира в истории национальной сборной по хоккею.

Между прочим, 1964–1965 годы вообще называют знаковыми для детско-юношеского хоккея в СССР. Тогда в хоккейные секции пришлось записываться в 12 раз больше ребят, чем после первого, победного для советской сборной чемпионата мира 1957 года! Достаточно сказать, что зимой 1964/65 года в Кирово-Чепецке с населением в 50 тысяч человек было продано пять тысяч детских хоккейных клюшек.

«Вопреки некоторым источникам, где говорится о том, что я участвовал в соревнованиях “Золотой шайбы”, учрежденной в 1964 году, и якобы там меня впервые увидел Тарасов, в этом турнире я не играл. Поскольку после окончания сезона 1964/65 года меня перевели во взрослую команду “Олимпии”. Сначала поставили в третье звено, куда традиционно приходили на обкатку новички. Когда немножко пообтерся в схватках с взрослыми мужиками, перевели во второе», – признается Мальцев.

К тому моменту, когда в составе взрослой команды в 1965 году появился Александр Мальцев, «Химик» был твердым середняком первенства СССР среди команд зоны класса «Б» по хоккею с шайбой. Определяющим для него стал второй большой сбор кирово-чепецкой команды мастеров в апреле 1965 года, куда его взяли уже не «просто покататься», а как полноценного игрока команды мастеров.

В Москве выяснилось, что окно для тренировок хоккеистов с Вятки осталось свободным опять только среди ночи… в четыре часа. Искусственные катки в те годы были редкостью, но что поделать, если лед во дворце «Кристалл» в Лужниках был расписан по минутам. Игроки «Химика» нехотя, но согласились тренироваться в то время, когда москвичи и гости столицы видели самые сладкие сны.

Сашу Мальцева действительно взяли тренироваться наравне с взрослыми хоккеистами, думали, ненадолго – не выдержит

парень таких больших нагрузок. Сначала щадили, берегли, – была у мастеров своя, иная от юношеских команд, программа подготовки. Но как-то незаметно быстро Мальцев «пообтесался» на льду, хорошо зарекомендовал себя и стал работать с мастерами постарше на равных.

В 15 лет хоккей стал главным делом его жизни, постепенно оттеснив на второй план футбол и другие увлечения. В школе к занятиям Мальцева спортом относились с пониманием, так как тренеры уверяли учителей, что в Кирово-Чепецке растет настоящий хоккейный талант.

«Впервые я увидел Сашу Мальцева в далеком 1965 году, когда моя команда из Подольска приехала на турнир “Кировец”, проводившийся в Кирово-Чепецке. На разминке я оказался рядом с вратарем местной команды Володей Заремба и спросил у него, что этот шустрый и такой щупленький паренек делает в команде мастеров. Вратарь с любовью посмотрел на игрока, нарезающего круги по площадке еще до того, как “Олимпия” показалась на льду, и сказал: “Сашка Мальцев. Этот щупленький парень еще всем покажет”, – вспоминает Юрий Очнев, который работает в системе московского «Динамо» с 1975 года. – За 45 лет, что я знаю Сашу, он ничуть не изменился. Это такой же простой и открытый парень, талант, который показал всем нам, как нужно трудиться, чтобы вырасти в великого хоккеиста и человека».

Перед началом сезона 1965/66 года тренер Аксенов пригласил уже не в «Химик», а в переименованную «Олимпию» несколько молодых талантливых игроков, среди которых особенно выделялся шестнадцатилетний Саша Мальцев. Многие специалисты признавали, что азарту в игре «Олимпии» придавала последняя третья тройка нападения, в которой играли центрфорвард Александр Мальцев и крайние нападающие Анатолий Широких и Юрий Данилин. «Неудержимая тройка молодых давала фору в азарте и вдохновению первой тройке нападения, которая иногда вела борьбу без огонька», – подвели итоги сезона кирово-чепецкие болельщики.

Понятно, что по мере роста их спортивного мастерства именно с этими ребятами связывали свои надежды в сезоне 1966/67 года жители Кирово-Чепецка, проникшиеся хоккеем с шайбой.

Надежды болельщиков Мальцев с блеском стал оправдывать на предсезонном турнире на призы Дворца спорта в городе Горьком. По пути к финалу был повержен «Спутник» из Альметьевска со счетом 10:2, обыграны «Прогресс» из Глазова и горьковское «Динамо». Самым результативным игроком турнира стал юный Александр Мальцев. Ветераны «Олимпии» до сих пор

вспоминают, что отбивать лихие атаки юного Саши Мальцева было равносильно попыткам остановить ураган.

Предсезонные успехи «Олимпии» внушили болельщикам надежду, что команда наконец-то успешно выступит в зональном турнире на первенство РСФСР класса «Б». И «Олимпия» спуртовала так резко, что сначала победила в своей региональной зоне, а затем в двух полуфиналах с участием победителей других зон. «Олимпия» и еще три сильнейшие команды теперь должны были разыграть между собой не только путевку в класс «А», но и титул чемпиона РСФСР (команды высшей лиги: ЦСКА, «Динамо» и другие разыгрывали звание чемпиона Советского Союза. – ***М. М.***). После первого круга команда из Кирово-Чепецка набрала 5 очков, а «Торпедо» из Ярославля – 4. Как показал ход соревнований, именно эти две команды должны были разыграть звание сильнейшей команды России.

Решающий матч между ними состоялся в Ярославле 25 марта 1967 года. Поддержать земляков в старинный русский город прибыл десант из Кирово-Чепецка, численностью в несколько десятков болельщиков, которые перед началом матча развернули на трибунах большой транспарант «“Олимпия”, даешь золото!».

С первых минут первого периода «Олимпия» приступила к яростному штурму ворот «Торпедо», и сначала Ломакин, а затем капитан команды Койсин забросили в ворота ярославцев по шайбе. Первый период завершился со счетом 2:0 под радостные крики кирово-чепецких болельщиков: «Ура! “Олимпия!”»

Во втором периоде ветеран команды Николай Поляков и его бывший подопечный, а теперь полноценный игрок основного состава Александр Мальцев забросили еще две шайбы. Причем Мальцев блестяще и виртуозно провел взятие ворот, когда «олимпийцы» играли в меньшинстве и убежали в контратаку. Хозяева ответили одной шайбой.

В третьем периоде «Олимпия» довела счет до 7:1. «Молодцы, “Олимпия!”» – так кричали и аплодировали болельщики из Ярославля хоккейной дружине из маленького города Кирово-Чепецка. Но «Олимпии» предстояло провести еще две игры. 26 марта «олимпийцы» обыграли команду «Труд» (Ухта) со счетом 6:3. Именно после этой игры «Олимпия» досрочно обеспечила себе первое место в турнире. Хоккеисты качали своего тренера Владимира Дмитриевича Аксенова, замечательного педагога, человека большой души, отдавшего лучшие свои годы жизни спортсменам и болельщикам молодого города Кирово-Чепецка, который стал известен во всем мире благодаря хоккейным богатырям как малая хоккейная столица России.

Предстояла еще одна, ничего не решающая встреча с

«Водником» из Тюмени. Она уже не влияла на распределение мест. Этот поединок превратился в бенефис самого юного кирово-чепецкого хоккеиста.

Александр Мальцев, который стал любимцем ярославских болельщиков, трижды в ходе матча великолепно поразил цель. «Водник» ответил одним точным броском. 5:4 – с таким счетом «Олимпия» одержала окончательную победу в финальных состязаниях чемпионата РСФСР. На этом взрослом турнире юный Александр Мальцев был признан лучшим игроком соревнований.

Когда команда на поезде возвратилась в родной Кирово-Чепецк, на вокзале было некуда яблоку упасть. Любопытно, что для встречи обожаемых хоккеистов задействовали все имевшиеся в тот момент в городе «волги» – по тем временам самую престижную машину в стране. Самого юного и самого любимого болельщиками «олимпийца» Сашу Мальцева пронесли на руках от поезда до площадки, где стояли автомобили.

«Именно в этот момент, возвращаясь домой из Ярославля, я впервые почувствовал, что на самом деле значат любовь и доверие болельщиков, – вспоминает Александр Мальцев. – Столько новых и престижных по тем временам машин я видел впервые. Потом в жизни меня в составе команды чемпионов так искренне и горячо встречали только после побед на Олимпиадах».

От вокзала каждого спортсмена повезли к главной городской площади, где должен был пройти митинг, в отдельной машине. После митинга, на который собралось около десяти тысяч жителей города, состоялся торжественный банкет, во время которого капитан «Олимпии» Евгений Койсин вручил директору химкомбината Якову Филимоновичу Терещенко свой чемпионский значок. Директор растрогался до слез и дал хоккеистам слово: через год в городе будет построен каток с искусственным льдом. Свое обещание он сдержал, причем не взяв у местных властей ни копейки. Первый в Кировской области хоккейный дворец спорта был построен за счет средств и материалов, которые изыскивал сам Терещенко.

«Построить подобное сооружение районному городу в те времена, когда таких объектов в стране были считаные единицы, на это требовалась немалая смелость и, я бы добавил, дерзость, – полагает Евгений Душкин. – Конечно, заметите вы, человеку такого масштаба, как Яков Терещенко, можно бы было пойти на это. Но даже и ему как следует доставалось. Постоянно шли “строгие выговоры” из министерства. Но Яков Филимонович понимал: пусть будут выговоры, они пройдут, а спорт, спортивная база останутся. И ведь не о памятнике заботился директор крупнейшего в области предприятия – о здоровье горожан, их

полноценном досуге. Знал, что тогда будут держаться рабочие на предприятии, будут работать с настроением. Увы, но такие люди, как покойный директор Терещенко, с их пониманием значения и назначения большого спорта – уникальны и поныне».

Благодаря дворцу спорта в скором времени Кирово-Чепецк назовут «маленькой жемчужиной хоккейной России», так много откроется здесь спортивных дарований и хоккейных талантов. Первый из которых, Александр Мальцев, всего спустя два года после знаменательной победы «Олимпии» в чемпионате РСФСР, метеором ворвется в сборную СССР, чтобы потом стать самым лучшим бомбардиром в ее истории…

Глава пятая
ПЕРЕЕЗД В МОСКВУ. НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ

К семнадцати годам Александр достиг многого: неоднократно признавался лучшим нападающим и самым результативным хоккеистом на детских и юношеских турнирах, а потом уже и на взрослых, играя в команде мастеров «Олимпия». Болельщики, причем не только в родном Кирово-Чепецке, но и в других российских городах, где приходилось играть «Олимпии», полюбили его за зрелищную и самобытную игру, за полное отсутствие в ней какого-либо шаблона, нестандартные действия на льду, легкость и естественность скольжения на коньках, неповторимый кистевой бросок, выделили его умение играть с любым партнером. Все это говорило о том, что в хоккей пришел игрок нового типа, что конечно же не могло ускользнуть от внимания ведущих тренеров страны.

Хоккей – игра тонкая, в ней мало обладать великолепными физическими данными и незаурядной техникой. Здесь нужно развивать умение видеть игру наперед, обладать великолепной интуицией и периферическим зрением, что, как правило, приходит к хоккеисту уже в более зрелом, отнюдь не юношеском возрасте. Мальцеву всего этого не требовалось. Как говорит его приятель Евгений Душкин, «природа словно преподнесла ему этот дар на блюдечке с голубой каемочкой».

Почти все близкие Мальцева и те ветераны советского хоккея, с которыми мне удалось встретиться в период подготовки книги, говорили об особой одаренности Александра. Конечно, признавали, что существенную роль в его становлении сыграли и большое мальцевское трудолюбие, и упорство.

О том, что шестнадцатилетний Александр Мальцев вырос из рамок юношеской команды, превратившись в лидера команды мастеров кирово-чепецкой «Олимпии», еще в 1966 году узнал от одного из специалистов знаменитый тренер клуба высшей лиги «Химик» из Воскресенска Николай Эпштейн.

Он решил пригласить Сашу Мальцева к себе в команду, но так, чтобы до поры до времени никто из конкурентов о нем не знал. К тому моменту тренер воскресенцев Эпштейн был уже научен горьким опытом. Талантливых юниоров, которых «присмотрели» менее титулованные клубы, в последний момент иногда «пряником», а чаще «кнутом» переманивали к себе

команды силовых структур – ЦСКА и, в меньшей степени, «Динамо». Логика была проста: от воинского призыва подающему надежды спортсмену в Советском Союзе бежать некуда.

Эпштейн решил не просто «засекретить» Мальцева, а подпустить его к играм за основной состав «Химика», чтобы тот «засветился в команде» и почувствовал большую заинтересованность в нем воскресенцев. Итак, Николай Семенович взял Сашу Мальцева в команду для участия в Кубке Ахерна, проходившем в Швеции в самом начале 1967 года. «Что мне бросилось сразу в глаза, когда я увидел Сашу Мальцева, – вспоминал впоследствии Эпштейн, – этот простой деревенский мальчишка приехал к нам даже не с сумкой или с рюкзаком, а с простеньким вещевым мешком, с которым в свое время уходили на войну. Скромный он был малый, вот что больше всего запомнилось». Эпштейн не прогадал. «Этот скромный малый, когда вышел на лед, начал такое там творить, что у меня промелькнула одна мысль – да это же Шаляпин. Настоящий самородок. Конечно, голос у этого Шаляпина только прорезался, но мы сразу взяли его с собой в Швецию», – признавался знаменитый тренер.

Седьмого января 1967 года «Химик» встретился со сборной Швеции, которая за несколько недель до этого на турнире на приз газеты «Известия» победила советскую сборную. «Химик» сенсационно выиграл со счетом 7:3, а две шайбы в ворота шведов забросил никому не известный новичок из Кирово-Чепецка Саша Мальцев. Окрыленный, он вернулся в родной город, практически договорившись с «Химиком» о переходе в этот клуб.

Сергей Мальцев вспоминает, что из той поездки на все свои командировочные его брат умудрился привезти сувениры и памятные подарки для всех членов своей большой многодетной семьи. «Маме он привез кожаные перчатки. Мне – очень модную водолазку, а также блок заграничной жвачки, которую до этого в нашем городе никогда не видели. С ней я долгое время был первым парнем на деревне, угощая одноклассников», – вспоминает Сергей Мальцев.

«Николай Семенович Эпштейн включил в поездку Мальцева, зная о нем с чужих слов и, скорее всего, не представляя истинных возможностей юного дарования. Зато когда увидел Сашу в игре, по собственному признанию, потерял сон, стал с нетерпением ждать возвращения домой, чтобы окончательно решить вопрос о переезде Мальцева из Кирово-Чепецка в Воскресенск», – вспоминает Виталий Давыдов. Тренер решил закрепить успех и буквально на следующий день после возвращения на родину поехал в командировку в Кирово-Чепецк, чтобы убедить

родителей Мальцева благословить Сашу на переход в воскресенский «Химик».

«Он приехал в Кирово-Чепецк и, не заходя на ледовую площадку, сразу же пришел к нам домой, – вспоминает брат Мальцева, Сергей. – Николай Семенович с ходу пообещал родителям трехкомнатную квартиру в Воскресенске, живописуя все прелести жизни в подмосковной тиши. Однако мама с папой не изъявили особого желания переезжать из одного “химического” города в другой, хотя и находившийся в Подмосковье. Их волновал вопрос с воинским призывом. Через год Саше нужно было идти в армию. Эпштейн своим знаменитым мягким и картавым голосом пообещал этот вопрос “непгеменно уладить”. Несмотря на информацию, иногда появляющуюся в различных изданиях, о том, что “Александр Николаевич ответил Эпштейну согласием”, брат не дал тренеру категорического и четкого обещания непременно приехать в “Химик”. Поскольку знал с детства, что за свои слова надо отвечать. В общем, стороны, как говорится, взяли время на раздумье».

В то время для молодых хоккеистов призывного возраста существовал немаловажный фактор. Им, попадавшим в основной состав ЦСКА и «Динамо», присваивались воинские звания и «засчитывались» годы армейской службы. Так что клубы могущественных силовых структур в выборе талантливой молодежи имели приоритет.

Слух о чудо-новичке, слетавшем в Швецию с «Химиком», через несколько дней дошел и до Аркадия Ивановича Чернышева. Второй тренер динамовцев Виктор Тихонов вдруг вспомнил, что видел этого загадочного Мальцева на одном из турниров, когда годом ранее, в 1966 году, поехал в Орск на встречи команд класса «Б» присмотреть защитников для динамовской главной команды. Но на месте Тихонову посоветовали обратить внимание не только на защитника, но и на двух талантливых нападающих, одним из которых был семнадцатилетний Александр Мальцев. Однако в своей первой игре нападающий «Олимпии» разочаровал Тихонова.

Гость из Москвы задал Мальцеву один вопрос, напрямую: «Как же так, Саша, мне все говорят о твоем таланте, а ты ничего такого особенного не показал?» Было видно, что юный хоккеист сильно расстроился. Он печально опустил глаза, потом вдруг оживился, посмотрел на Тихонова и спросил: «А вы никуда не уезжаете, на финал останетесь, Виктор Васильевич? Обещаю, вы всё там увидите своими глазами». В финальной игре юношеского турнира Саша Мальцев действительно выполнил обещание. Никто из соперников не мог сдержать его на площадке. В той игре он

забросил пять шайб.

«В финале он сыграл просто бесподобно. Я встретился с его тренером, пригласили на разговор и Сашу. Тренер меня уговаривал, пусть он еще годик в Кирово-Чепецке поиграет. А я: надо уж если брать, то смолоду. Приехал в Москву, доложил о нем», – признавался Виктор Тихонов. По возвращении он сказал Чернышеву: «Аркадий Иванович, если сейчас не возьмем – всю жизнь жалеть будем!»

Итак, снова в Кирово-Чепецк, через пару недель после визита туда Н. С. Эпштейна, по горячим следам, отправился Виктор Тихонов.

«Виктор Васильевич провел у нас целый день и искренне интересовался нашими проблемами. Сели за стол. Тихонов сразу “вытаскивает” свой главный козырь. Дескать, если Саша согласится перейти в “Динамо”, то клуб выделит нашей многодетной семье трехкомнатную квартиру в столице, – вспоминает Сергей Мальцев. – Мама с папой, переглянувшись, улыбнулись. Надо же, второй “заезжий купец” с интервалом в пару недель предлагает нашей семье “трешку”. Но на этот раз не в Подмосковье, а в самой столице. Мама сразу ответила, что мы уже вросли корнями в славный город Кирово-Чепецк. Тут рядом живут все наши родственники, у нас не только собственный огород, где мы растим картошку на всю большую семью, но и целое садоводческое хозяйство в пятистах метрах от дома, с отдельной постройкой. Говорит Тихонову, дескать, что еще нужно для счастья?

“Все нас тут знают, а в Москве? Да и к тому же у меня двое пацанов в школе учатся, как они переедут в Москву?” – подытожила мама. Тут Тихонов, ничуть не удивляясь такой постановке вопроса, отвечает: “И со школой вопрос уладим”. Он берет меня и Анатолия за руки, и мы вместе идем в нашу школу. Виктор Васильевич обстоятельно поговорил с директором, узнал о нашей успеваемости, то, какие предметы необходимо подтянуть, и мы вернулись домой. Маме с папой такой подход понравился. Они рассудили, что если тренер столь дотошен в бытовых вопросах, то Сашу в Москве действительно будут опекать и лелеять. В общем, дали они свое родительское благословение на переход сына в “Динамо”. Саша конечно же уже был готов играть у самого Аркадия Ивановича Чернышева».

Мальцев приехал в Москву уже через пять дней. Один, в легком пальтишке, с небольшой спортивной сумкой. «Я помню, был ропот: ну, Виктор Васильевич какого-то молодого неизвестно откуда привез, – продолжает Тихонов. – Я говорю: подождите чуть-чуть, сейчас вы посмотрите, на что он способен. И он на этой

первой тренировке сыграл так, что у ни кого в команде больше не было вопросов по поводу его таланта».

«Виктор Тихонов в то время, будучи в “Динамо” вторым тренером, имел свой собственный участок работы: он отвечал за приглашение в нашу команду молодых талантов, – поясняет в разговоре со мной Владимир Владимирович Юрзинов. – Аркадий Иванович поручил Тихонову именно это направление тренерской работы – искать молодые таланты на предмет их возможного появления в “Динамо”. Во многом благодаря Тихонову в клубе появились такие таланты, как Мальцев, Васильев, Шилов, Мотовилов, Чичурин. Плюс самому Виктору была крайне интересна такая работа».

Кто знал, что всего лишь за год до этого Мальцев и не мечтал оказаться в составе настоящей команды мастеров, игравшей в высшей лиге чемпионата СССР. «Я даже в 15–16 лет не помышлял о большой игре, – признается Александр Николаевич. – Из моего родного Кирово-Чепецка до этого никто не приглашался в элитные команды. А когда меня сначала пригласили в “Химик”, а потом я перешел в “Динамо”, весь город шумел, и все болельщики только об этом говорили».

Основы поведения в хоккейном «Динамо» были заложены ветеранами, прошедшими Великую Отечественную и первыми скрестившими клюшки на мировых первенствах с канадцами. Здесь прощали всё, кроме разгильдяйства и нежелания вкалывать на тренировках до седьмого пота. «В годы моей молодости несладко приходилось молодому хоккеисту или новичку, которые как следует не отрабатывали на тренировке. Расслабился, не отработал задание – будь любезен, как говорили в команде, “засунь задницу в штаны и иди, ложись на лавку”, – эмоционально вспоминает Виталий Давыдов. – Ветераны, Уваров, Кузин, Крылов, брали новичка в охапку, клали на скамейку и давай стучать кедом по его пятой точке! Так ее отполировывали, что другой раз не хотелось сачковать. В этом не было никакого зла, никакой дедовщины, просто молодому игроку показывали, что на тренировках не надо жалеть себя, и требуется, образно говоря, съесть пуд соли, прежде чем заработать место в основном составе».

К тому времени, когда Мальцев появился в команде, те знаменитые динамовцы первого хоккейного поколения, которых застал Давыдов, уже завершили карьеру. В ней уже не было первых советских олимпийских чемпионов по хоккею. Но динамовский дух и этика поведения на льду и за его пределами конечно же сохранились. К тому же с учетом заметно выросшей конкуренции в составе «Динамо» в 1960-е годы старожилы

команды, к числу которых уже можно было относить того же Виталия Давыдова, Станислава Петухова или Владимира Юрзинова, отдавать свое место в основе так просто не собирались и еще более ревностно относились к пополнявшим команду новичкам. Тем более что в заявку на игры основного состава клуба входило в те времена на пять-шесть хоккеистов меньше, чем сейчас.

Давыдов вспоминает, что в те годы только двоих новичков приняли в команду сразу – это были Саша Мальцев с Вятки и Валера Васильев из Горького. Их уникальный талант и мастерство и старожилы, и молодые игроки признали сразу. «Командный авторитет игрока и сейчас, и в наше время складывается не из того, чей ты сын, а благодаря тому, что ты можешь показать на льду. Уважение среди партнеров завоевывается благодаря твоим собственным труду и умению. Авторитет появляется после того, как товарищи видят, какая у тебя самоотдача, какую пользу ты приносишь команде. Как ты себя поставишь, покажешь в мужском хоккейном коллективе, так к тебе и будут относиться. Если начнут называть по отчеству – то, значит, не просто приглянулся, а имеешь авторитет. Меня стали называть в “Динамо” Виталием Семеновичем в 20 лет. Так же было и с Мальцевым, и с Васильевым», – признается Давыдов.

Весной 1967 года Сашу Мальцева, застенчивого провинциального паренька, прямо с поезда привезли на динамовскую базу в Новогорске. Вся динамовская команда находилась на ужине в столовой. «Застеснялся я страшно, – вспоминает Александр Николаевич. – Самому есть сильно хотелось после поезда, а пройти в столовую отказываюсь. Говорю администратору, ничего страшного, я тут хоккеистов подожду. Сам пошел по коридорам, нашел открытую дверь, зашел внутрь и забился в угол. Мне ведь всего 17 лет было, а тут сразу в такой великий клуб попал. Замечтался я о своем, вижу, в комнату Петухов, Юрзинов, Давыдов заходят. Подошли ко мне, строго на меня посмотрели, вывели в коридор и назидательно так говорят: “Иди, молодой, как следует питайся, если в основную команду хочешь попасть”».

Хоккейный сезон близился к завершению, и основному составу предстояло сыграть всего лишь несколько игр. Всем не терпелось увидеть в деле «чудо-новичка», о котором все вокруг только и говорили.

«Помню, что буквально через несколько дней после появления Саши в столице в Москве начались разговоры, что динамовцы взяли какого-то уникального парня. Дескать, всё на поле видит, хорошо катается, отлично бросает и должен вырасти

в настоящую хоккейную звезду», – вспоминает Борис Михайлов.

«На Мальцева было много охотников, не только “Химик” и “Динамо”, – признается Владимир Юрзинов. – Слух о нем по хоккейной Москве пошел сразу же после того, как стало известно, что талантливый новичок блестяще проявил себя в шведской поездке “Химика”. Как положено по законам жанра, слух быстро дополнился невероятными подробностями. Кто уже называл Мальцева Пальцевым, кто-то говорил, что он носится, как метеор, по льду и т. д.».

«Обидно ли было Николаю Семеновичу Эпштейну, что Мальцева у него буквально увели из-под носа?» – спрашиваю у Владимира Юрзинова.

Маститый тренер выдерживает паузу и задает встречный вопрос: «А вы как думаете, что чувствует тренер, который откопал такой самородок и буквально в последний момент видит, как он уже тренируется с другой командой? Тем более Эпштейн строил команду вокруг молодых талантливых ребят. Впрочем, мудрый Николай Семенович никогда не показывал нанесенной ему обиды и всегда с особой любовью относился к Саше».

В те годы первая тренировка – своеобразная проба сил в компании с заслуженными и именитыми мастерами, да еще и с учетом жесточайшей конкуренции за место в составе – была самым сильным испытанием для психики новичка. Сколько подающих надежды игроков, как говорили сами хоккеисты, «сдулось» и «отсеялось» после этой самой первой тренировки…

Когда застенчивый новичок Саша Мальцев зашел в раздевалку, у многих из динамовцев сложилось неверное, этакое высокомерное представление о нем – немало таких же «не обросших мясом», скромных и щупленьких ребят мечтали надеть клубную форму. Однако после первой же тренировки они навсегда прощались с надеждами не то что блеснуть, а просто заиграть в основном составе «Динамо». Наконец инвентарь нашелся, и застенчивый Саша Мальцев подошел к хоккейному бортику, чтобы ступить на лед.

«Знакомьтесь. Ваш новый товарищ. Саша Мальцев, центральный нападающий», – лаконично представил безусого новичка Аркадий Иванович Чернышев. После короткой пробежки хоккеистов по льду Чернышев начал разминку с привычных упражнений: нападающий должен обвести защитника один в один. Саша Мальцев сначала особой бойкостью не отличался, ждал, пока сделают упражнение другие игроки. «Потом Юрзинов ко мне подъехал и говорит: “Ну, чего стесняешься? Вперед, дерзай, покажи, за что тебя Аркадий Иванович в ‘Динамо’ пригласил!”», – вспоминает Александр Мальцев.

Его сразу бросили в самое пекло. А как сказать иначе, если противостоял ему в этом упражнении «тет-а-тет» основной защитник сборной СССР, знаменитый Виталий Давыдов, к тому времени четырехкратный чемпион мира, который считался почти непроходимым игроком обороны. Ухмылка появилась на лице некоторых игроков, дескать, не выдюжит новичок, уступит в противоборстве с Семенычем.

«Я тоже так думал. Все только и говорят: Мальцев, Мальцев. Меня это разозлило, дай, думаю, сейчас тебе покажу, кто тут на льду хозяин, – с улыбкой вспоминает в разговоре со мной Виталий Давыдов. – Однако Мальцев оказался из другого теста. То, что произошло дальше, я потом не мог осмыслить несколько минут. Саша взял шайбу, раскатился, сделав пару-тройку прокруток и резко приблизился ко мне. Несколько стремительных обманных движений, и я ничего не пойму. Мальцев, как говорят хоккеисты, завязал мне ноги узелком, а сам уже с шайбой находится позади меня, стоит довольный и скромно улыбается».

«Хорошо помню тот весенний день, когда Саша появился на ледовой площадке на просмотре, – вспоминает многолетний одноклубник Мальцева по «Динамо», будущий президент клуба, а ныне директор детско-юношеской спортивной школы имени А. И. Чернышева Михаил Титов. – Его поставили вместо меня в третье звено к Славе Орчакову и Володе Киселеву. Хорошо помню, как Киселев, заканчивавший в тот год выступления за “Динамо”, подъехал к Чернышеву и спросил в шутливой форме у Аркадия Ивановича: “Откуда вы такого зверька привезли?” Тогда мы поняли, что этот скромный паренек еще очень многое нам покажет».

«Появился он, худой, щупленький, сколько таких было, стал на коньки, и давай всех накручивать, причем с особым удовольствием старожилов команды, делая из наших защитников клоунов. Но нас же накручивать нельзя. Взыграло у нас самолюбие. Начали его немножко поколачивать, мутузить. Нет, темную ему не делали, а просто стали проводить в рамках правил жесткие силовые приемы, старались его у бортов прижать, чтобы ему запомнилось. А он не унимается, потрясающе увиливает от столкновений, бегает от нас, а потом давай по новой нас накручивать. Мы его опять поддеть стараемся, а он снова играет. Бей, не бей, бесполезно, он убегает, забивает, да еще и пасы раздает. Ну, мы, ветераны, посмеялись и сдались, видя, какой огромный талант появился в “Динамо”», – признается с улыбкой Владимир Юрзинов.

«На мой взгляд, своеобразие игры Мальцева заключалось не только в стремительных проходах, в точных бросках по воротам, в

удивительном взаимопонимании с партнерами, но и в том, как ловко он уходил от силовых столкновений. Так что невольно создавалось впечатление, будто он боится единоборств, поэтому и уклоняется от жестких приемов защитников. По крайней мере, такое впечатление сложилось у меня с той самой первой памятной тренировки, когда Саша появился в “Динамо”, – полагает Виталий Семенович Давыдов. – В этом плане Мальцев напоминал Александрова, которого за уход от столкновений некоторые журналисты даже обвиняли в трусости. Мальцев и Александров так владели коньками и клюшкой, что им и не надо было толкаться с соперниками, они и без силовой борьбы легко их обыгрывали. Все поведение Саши на льду было абсолютно естественным и органичным. У нас складывалось впечатление, что этот новичок уже родился с коньками и клюшкой».

Катит, мчится на коньках, затем остановится и бросит без подготовки, так что шайба уже трепыхается в сетке. «Едва он выкатился на лед, сделал несколько бросков по воротам, заложил пару виражей, и мы сразу изменили мнение о нем, поняв, что к нам действительно залетела птица высокого полета, и еще до окончания тренировки стали относиться к Саше, как к равному. Аркадий Иванович редко раздавал комплименты, но и он заметил нам: “Скоро вы убедитесь, что новичок – яркая личность!” У него было столько достоинств, сколько не наберется недостатков у плохого хоккеиста, – продолжает Виталий Давыдов. – Прожив много лет в хоккее, также могу признаться вам, что такому пониманию игры, такому видению хоккея, такому естественному, несмотря на возраст, поведению на площадке, какие были у Мальцева, нельзя научиться. Это – от Бога, это – дается свыше, это – сила природы, заложенная в него при рождении. Это дано не каждому талантливому хоккеисту».

Успешно пройдя своеобразные смотрины, Александр Мальцев отправился доигрывать сезон в «Олимпии». Несмотря на заманчивые предложения, Мальцев данное Чернышеву слово сдержал и спустя три с половиной месяца появился в «Динамо», чтобы готовиться к новому сезону в составе столичного клуба. Сашу Мальцева приняли в коллектив сразу и с радушием. Начали величать «Малец», что подходило под его фамилию, возраст и щупленькую мальчишескую фигуру. «Все ребята в команде с первой тренировки очень хорошо ко мне отнеслись. Может быть потому, что я приехал в незнакомую Москву совсем один, да к тому же возраст школьный у меня тогда еще был», – вспоминает Александр Мальцев.

«Наше поколение игроков, родившихся в конце 1940-х годов и вошедших в состав команд мастеров в 17 лет, знало друг друга

сызмальства. Еще с детских и юношеских лет я выступал в первенстве Москвы против Лутченко, Харламова. Всех более-менее талантливых, умных и “хитреньких” на льду мальчишек, которым светит большое хоккейное будущее, в Москве знали, они все были на виду. И тут появляется какой-то парнишка из неизвестного доселе Кирово-Чепецка и будоражит всю хоккейную столицу, – вспоминает в разговоре со мной многолетний партнер Мальцева по сборной, его друг, заслуженный мастер спорта Владимир Шадрин. – Я сразу назвал Сашку “Лиса в лесу”, такими хитроумными и в то же время естественными были его действия на льду. Это, безусловно, было природное дарование. По игровому мышлению, по периферическому зрению, по обводке и игре в одно касание Мальцеву не было равных среди нас, его сверстников. Никто с ним в этом отношении, как говорится, и рядом не стоял. До сих пор убежден, что научить этому трудно. Это действительно природная одаренность».

«Впервые я увидел Сашу Мальцева в сезоне 1967/68 года, когда ЦСКА в первом круге чемпионата СССР играл с московским “Динамо” в Лужниках, – вспоминает в беседе со мной многолетний капитан сборной Советского Союза и товарищ Мальцева Борис Михайлов. – До игры тренер Анатолий Михайлович Кострюков сказал нам особо присмотреть за шустрым новичком у динамовцев, хорошим и интересным парнем. Мы проиграли динамовцам, а Саша тогда доставил нам немало хлопот. Мы лично познакомимся с ним, когда Александра пригласят в сборную. Тогда многие не сомневались, что приглашение такого таланта в ряды национальной команды – дело ближайшего будущего».

Мальцева поселили в динамовском общежитии в районе Водного стадиона. Его соседями стали другие приезжие: Валерий Васильев, Анатолий Мотовилов, Юрий Репс, Георгий Канарейкин и Юрий Лизавин из динамовской команды по хоккею с мячом. «Наше общежитие казалось нам роскошным. А с такой компанией и подавно раем в шалаше», – вспоминает Мальцев. Первую собственную жилплощадь ему дадут позже, в 1971 году. Это была однокомнатная квартира на проспекте Мира, в которой форвард прожил до свадьбы.

«Особенно близко Мальцев сошелся с Анатолием Мотовиловым. Они вместе проводили свободное время в Москве. Потом в Москве появился Валера Васильев. Все они жили в общежитии на Водном стадионе. У них была своя компания, – вспоминает Михаил Титов. – Ну и мы туда наведывались. Веселое время было. Так, дурачились понемножку. В единственный выходной день мы почти всем динамовским хоккейным

коллективом выдвигались в парную на Оружейке (баня в Оружейном переулке). С утра встречались, парились, приводили себя в красивый вид. А потом, как говорится, держись, столица. Шли полные жизни и оптимизма гулять на улицу Горького, нынешнюю Тверскую».

Впрочем, большая часть жизни новичка в его первые месяцы после появления в «Динамо» протекала на динамовской базе в Новогорске, там, где сейчас находится одна из лучших спортивных баз в Европе – комплекс для тренировок и отдыха футбольного динамовского коллектива. Тогда в 1960-е годы на втором этаже динамовской базы жили футболисты, на первом – хоккеисты. Приезжали на базу и волейболисты.

Очень колоритной фигурой, по воспоминаниям динамовских ветеранов хоккея, был наставник волейболисток «Динамо», великий спортсмен и тренер Гиви Александрович Ахвледиани по прозвищу «Князь». Сын грузина, офицера царской армии, расстрелянного большевиками в 1930-е годы, и русской сестры милосердия, которая умерла, когда сыну было три года, он тренировал мужчин из ЦСК МО и ЦСКА, а затем на протяжении одиннадцати лет женщин из «Динамо». Под его руководством динамовки шесть раз удостаивались титула лучшей команды страны и семь раз выигрывали Кубок европейских чемпионок. Женская волейбольная сборная СССР конца 1960-х – первой половины 1970-х годов под его руководством на протяжении семи лет (!) не проиграла ни одного турнира. Ахвледиани признан Международной федерацией волейбола одним из самых великих волейбольных тренеров XX века. Всегда собранный, подтянутый, элегантный, он был примером в спорте и в жизни не только для волейболистов, но и для всех динамовских спортсменов. Близко сдружились Мальцев и Давыдов с могучим атлетом Гиви Петровичем Чикваная, символом ватерпольного «Динамо» тех лет, который рассказал автору этих строк несколько историй из жизни Мальцева. Но о них чуть позже. «Все мы часто посещали игры своих коллег из родного спортобщества и, что называется, жили “одной большой, динамовской семьей”, естественно, знали друг друга в лицо, не чета некоторым нынешним одноклубникам из разных видов спорта», – признается Виталий Давыдов.

По воспоминаниям его коллег по команде, Александр Мальцев на первых порах появления в «Динамо» был «застенчивым молчуном», впитывал как губка то, что говорили старшие товарищи, учился у них. «И Мальцев, и Васильев, наши талантливые новички, в раздевалке больше слушали, чем говорили. Их голоса, бойкие, звучные мы слышали на площадке, когда они по-хорошему заводились и часто просили давать им

больше пасов», – вспоминает Давыдов.

Первый матч в составе московского «Динамо» в рамках чемпионата СССР Александр Мальцев провел в 1968 году в Новосибирске против местной «Сибири». Вспоминает, что очень волновался в тот день. «Меня смущала его щупленькая фигура, 68 килограммов веса, неумение, нет, скорее нежелание ответить на удар. Как он со своей безоружностью перед резкостью будет действовать в жестком мире современного хоккея? – признавался Владимир Юрзинов. – Врежет пару раз гигант-защитник (в ЦСКА, например, никто из игроков обороны меньше девяноста и не весил). Начнешь потом жаться по бортам, гонять по свободному льду. Случилось по-другому. Он взял и заиграл. Сразу здорово».

По словам самого Мальцева, поддержка таких опытных партнеров по команде, как Виталий Давыдов, Владимир Юрзинов, Станислав Петухов, сыграла весомую роль, как в той дебютной памятной игре, так и в первые месяцы пребывания в динамовском коллективе. «Сашу первое время особенно бережно старались опекать динамовские ветераны. Это в нашем клубе было доброй традицией. Хотя не давать его в обиду в матчах с другими командами особо и не требовалось. Тогда в играх между командами не было такой грубости, как позже. Травмы были у всех, но умышленной грубости не было, этим и отличался советский хоккей», – поясняет мне одноклубник Мальцева Игорь Самочернов.

«Когда я играл за юношескую команду “Олимпии”, то думал, что все будет довольно легко в моей жизни. Планы были значительно скромнее: попасть во взрослую команду, радовать своей игрой любителей хоккея того города, где я вырос – родного Кирово-Чепецка, – признается Александр Мальцев. – До сих пор вспоминаю, какая праздничная атмосфера царила в дни матчей “Олимпии”, я был по-настоящему счастлив, что приношу нашей команде какую-то пользу. Нам, вчерашним мальчишкам, казалось за очень большую честь пробиться в ее основной состав.

Я даже не мечтал о том, что когда-нибудь окажусь на одной площадке с самими Фирсовым или Давыдовым. И вдруг за какой-то один год я прохожу путь от юношеской команды до коллектива мастеров московского “Динамо”. Конечно же мне приходилось очень трудно. Но еще в Кирово-Чепецке, попав во взрослую команду, я научился не отступать перед трудностями. Из этих лет я вынес, пожалуй, главное в отношении к жизни и к хоккею – чувство большой ответственности».

У «Динамо» в заявке команды тогда было четыре звена нападающих, но на лед во время игр чемпионата выходило не четыре, как сейчас, а три тройки. В начавшемся сезоне 1967/68

года Мальцев играл в третьем, последнем звене команды, проводя на льду гораздо меньше времени, чем его более опытные партнеры. Собственно, в этом не было ничего обычного – так начинали все, пусть даже самые талантливые новички, которым требовалась «обкатка на льду».

Первое, ударное звено составляли Юрзинов – Стриганов – Самочернов, второе – Шилов – Сакеев – Мотовилов. Мальцева поставили в тройку к ветеранам Валерию Войтову и чемпиону мира Юрию Волкову. В этом сочетании Мальцев играл несколько месяцев, пока не получил серьезную травму. (У Сакеева, кстати, трагическая судьба. Когда он в 1970-е годы уедет дослуживать в одну из братских республик, тело одного из некогда самых талантливых хоккеистов «Динамо» обнаружат у железнодорожной насыпи. Несмотря на личную просьбу к следователям самого Льва Ивановича Яшина, преступников, которые выбросили игрока из электрички, так и не найдут.)

Сам Александр Мальцев признает, что дебютный сезон в «Динамо» у него вышел скомканным. Виной всему травма приводящей мышцы, которую он получил в самом начале чемпионата. «Приводящую мышцу я порвал во время одной из тренировок, неудачно совершая рывок на льду. Поначалу думал, обойдусь. Как говорится, заживет, тем более на таком молодом, как я, – признается Мальцев. – Динамовские врачи мне провели серию физиотерапевтических процедур. А мне не то что не помогает, а становится хуже. Хотя прошло уже несколько недель, боль в ноге никак не отпускала».

Тогда было принято решение отвезти подающего надежды хоккеиста в известный всем спортсменам Институт травматологии, а попросту ЦИТО на консультацию к легендарному директору института, основателю спортивной травматологии в СССР Зое Сергеевне Мироновой, поставившей на ноги десятки выдающихся спортсменов и деятелей искусства. «Меня оставили в коридоре, возле кабинета ждать, когда пригласят на прием. Сижу, грущу, – вспоминает Александр Николаевич. – Вдруг глазам своим не верю. По коридору идет сама Майя Плисецкая, заметно прихрамывая. Так неожиданно в очереди к Мироновой состоялось мое знакомство с балериной, которая повредила ногу на недавних гастролях в Японии. Едва разговорились с Майей Михайловной, как меня приглашают в кабинет к Мироновой. Она внимательно осмотрела меня. Пощупала больную ногу и сказала, что традиционные методы лечения физиотерапевтическими процедурами здесь не сразу помогут. Травма приводящей мышцы оказалась очень серьезной и мне посоветовали запастись большим терпением. А с Плисецкой

мы подружились».

К тому моменту травмой Саши Мальцева озаботились не только в «Динамо». Стали предлагать свою помощь и земляки. Один из них вспомнил, что в родном Кирово-Чепецке проживает целительница, которая лечит нетрадиционными методами. В общем, с благословения Зои Сергеевны и динамовских врачей он поехал лечиться в родной город.

Целительница, по словам Мальцева, провела с ним всего три сеанса, сначала проводя рукой над больным местом, как бы заговаривая его, так что чувствовалось какое-то особенное тепло. А затем делала легкий массаж ноги. «Надо же такому случиться, уже спустя неделю боль как-то сама собой прошла. И сегодня от той злополучной травмы у меня остались лишь воспоминания и небольшой рубец на ноге», – улыбается Александр Мальцев.

Вскоре он снова присоединился к партнерам по «Динамо», начав, как и полагалось травмированному хоккеисту, с щадящих тренировок. Сезон он доиграл, доставив болельщикам немало радости. «После своего самого первого сезона в “Динамо” Саша стал кумиром трибун. Одно только его появление на льду обещало зрителям удовольствие. Все ждали от него праздника и, как правило, его получали», – вспоминает Михаил Титов.

Чемпионат СССР по хоккею 1967/68 года, дебютный для Мальцева, закончился победой московских армейцев. Оторвавшись от занявшего второе место «Спартака» на целых 13 очков, армейцы вернули себе чемпионский титул, утраченный годом ранее. Заметим, что этот отрыв был тем более впечатляющ, что тогда за победу в матче начисляли не три очка, как сейчас, а два. Ничья «стоила» один балл в турнирной таблице. Московские динамовцы с шестьюдесятью очками заняли третье место. Таким образом, в чемпионатах СССР по хоккею Александр Мальцев получил свою первую бронзу.

Вопреки прогнозам специалистов, первый сезон для Мальцева в элитной команде отечественного хоккея все же не стал выдающимся. Во многом из-за той самой злополучной травмы приводящей мышцы, которая оставила его без большой игры практически на два месяца. Впрочем, он, что называется, «обозначил себя», блеснул талантом.

Летом Александр Мальцев с большим рвением начал готовиться к новому, второму для себя чемпионату, который во всех игровых видах спорта является ключевым для новичка. Не зря считается, что если в первом своем сезоне дебютант может сыграть на мальчишеском вдохновении и кураже, еще не «приучив» к своей манере игроков противника, то во втором, уже в условиях более плотной опеки со стороны соперника и

раскрываются его истинные возможности.

В своем втором сезоне в «Динамо» Мальцев начал забивать постоянно, с первых матчей. В этом чемпионате «Динамо» играло без нескольких опытных игроков, завершивших спортивную карьеру, и на первые роли в команде выдвинулись молодые. Аркадий Чернышев создал молодую и перспективную тройку Мальцев – Чичурин – Белоножкин. «Хотя это звено было номинально третьим, забивало оно больше других. По игре они были однозначно лучшими», – считает Михаил Титов. В становлении Мальцева и в его первых шагах в «Динамо» велики были заслуги отменного распасовщика Юрия Чичурина, с которым ветераны клуба сравнивают «героя нашего сегодняшнего хоккейного времени» Павла Дацюка, звезду «Детройта» и чемпиона России 2005 года в составе «Динамо».

«Их тройка была самой гармоничной в нашей команде в то время. У Юры Чичурина была светлая голова, он, как говорят, мог отдать пас с закрытыми глазами. Саша много забивал именно с его подач. Все трое были прирожденные распасовщики, и Юра Чичурин, с его умением “читать игру” и мыслить на несколько ходов вперед, и забивной Саша, и Толя Белоножкин, несмотря на его габариты, – признается мне Игорь Самочернов, около десяти лет отыгравший с Мальцевым в «Динамо». – Ошибочно полагать, что Чичурин и Белоножкин только и делали, что играли на Сашу. Они все играли друг на друга, и в этом была сила нашей динамовской забивной тройки». В сезоне 1971/72 года они на троих забьют 76 из 196 голов «Динамо».

«Чичурин был талантище, хоккеист с большой буквы, к сожалению, недооцененный и так и не заблиставший в сборной СССР. Юра почти не видел на один глаз, но при этом обладал потрясающим умением читать игру на несколько шагов вперед и предугадывать развитие атак. Уже вне льда Юра, когда кто-то в очередной раз превозносил талант Саши Мальцева, любил, выдержав паузу, произнести: “Что такое Малец без меня? Это – справка без печати”. Хотя кто-то и приписал авторство этой фразы Эпштейну, ее придумал сам Чичурин, – вспоминает в разговоре со мной Владимир Юрзинов. – Это была чудо-тройка, настолько они дополняли друг друга. Ох и доставалось другим динамовским звеньям от этой тройки на тренировках! Поймав кураж, они во время двусторонок на тренировках делали с нами, моей первой тройкой, все, что хотели. Перемещались, постоянно меняя направление атаки, пасовали, обводили, особенно любили завести шайбу в пустые ворота. Пожалуй, в “Динамо” 1970-х годов по силе и сыгранности с этой тройкой могло сравниться сочетание Голиков – Мальцев – Природин, появившееся в 1977

году».

По признанию Юрзинова, Чичурин был одним из самых талантливых спортсменов, которых он видел. «Его талант проявлялся не только в хоккее, но и во всем, во что он играл, особенно в картах. Помню, сколько раз он оставлял в дураках своего друга Юру Репса, который, зная об уникальном карточном таланте Чичурина, тем не менее, всякий раз наступал на одни и те же грабли. В “Динамо” даже ходила байка о том, как в перерыве одного из матчей, повторяю, матчей национального первенства, Юра выиграл у своего тезки зарплату. Правда, в итоге сжалился над Репсом и отдал выигрыш. Ходила шутка, что Юра Репс не получает в “Динамо” зарплату, а сразу отдает ее Чичурину, зная, что проиграет ему».

Спортивный директор «Динамо» Алексей Панфилов рассказал мне легендарную историю из жизни Юрия Чичурина, которая передавалась в клубе из поколения в поколение. В конце 1960-х хоккеисты «Динамо» поехали на серию товарищеских матчей в Швецию. Команду поселили в гостинице, где на первом этаже располагалось казино. Хозяева отеля привлекали постояльцев тем, что каждому проживающему при заселении вместе с ключом вручалась фишка для игры в казино достоинством в 20 шведских крон (около четырех долларов). Никому из советских игроков не пришло в голову этим подарком воспользоваться. Никому, кроме азартного Юрия Чичурина. Он пошел на первый этаж и тут же сделал ставку на рулетке.

Новичку несказанно повезло. Он не только угадал номер, выпавший на рулетке, но, сделав несколько ставок, неизменно выигрывал. Выпивая коктейль – джин с тоником, который играющим разносили бесплатно, – Чичурин вновь делал ставки и выигрывал, так что скопил гору фишек!

В итоге возле удачливого русского хоккеиста собралась толпа гостей отеля. Вдруг в казино появился Аркадий Иванович Чернышев. Моментально оценив обстановку, он вывел Чичурина из зала и деликатно подтолкнул его к лифту. Весь его выигрыш остался на зеленом сукне. Согласно «облико морале», советские люди не должны были играть, а значит, не могли выигрывать в казино. И мудрый Аркадий Иванович Чернышев таким образом ограждал игрока от неприятностей, тем более что в составе каждой команды, выезжавшей за границу, находился сотрудник госбезопасности. Когда двери лифта открылись на этаже, где проживали игроки, Чичурин, слегка покачиваясь, повернулся к Чернышеву и сказал: «Эх, Аркадий Иванович, вы только что сделали меня нищим!» Родиться бы Чичурину на пару десятилетий позже…

Играть бы и играть этому набиравшему силы звену в сборной СССР, но, увы, в тот единственный раз, когда их вместе вызвали на турнир на приз газеты «Известия» в 1970 году, чичуринская тройка не произвела впечатления на тренеров национальной команды. Великолепно проявив себя в первой игре (они забили четыре шайбы из восьми в ворота сборной Финляндии), тройка затем неожиданно сникла. Смолкли «убойные динамовские орудия», и в оставшихся матчах никто из этих форвардов отличиться так и не смог. В результате в декабрьском товарищеском матче в Чехословакии, через четыре дня после окончания известинского турнира, динамовскую тройку разбили. Чичурин и Мальцев играли отдельно от Белоножкина, который выходил на замену. Больше партнеров Александра Мальцева по динамовскому клубу в сборную СССР не вызывали.

«Мне кажется, Саше, который в ту пору постепенно становился лидером сборной, своим авторитетом нужно было надавить на то, чтобы его динамовской тройке предоставили еще один шанс. Когда Тарасов и Чернышев поняли, что Мальцев может гармонично играть с любыми партнерами, то о шансах Чичурина и Белоножкина заиграть в сборной и вовсе как-то забыли. Юра Чичурин очень близко к сердцу принимал то, что из-за чрезмерно высокой конкуренции в сборной СССР не может попасть в ее состав. Каюсь, была в этом и моя вина. Надо было настоять на том, чтобы рекомендовать ребят в сборную», – полагает Владимир Юрзинов.

К сожалению, сгубила Чичурина русская национальная болезнь – страсть к «белоголовой». «Много от этой заразы у нас парней погибло, многих хоккеистов водка сгубила. Фамилии можно перечислять долго, этот список очень длинный и горестный. Мой двоюродный брат Вячеслав, Юра Чичурин, самый яркий пример Саша Альметов, с которым я вообще учился в одном классе на нашей знаменитой Писцовой улице в Москве, где выросло множество хоккейных талантов», – тяжело вздыхает Юрзинов.

«Альметов, Викулов, Чичурин, Белошейкин… – этот скорбный список талантов, сильных хоккеистов, не нашедших себя в новой жизни после спорта, можно продолжать долго, – признается в разговоре со мной Борис Михайлов. – Увы, но эти примеры лишь подтверждают то, что с водкой бодаться бесполезно и ее невозможно победить».

«Чичурин мог вечером укатить на окраину Москвы, расслабляться, а с утра предстояла тренировка. Каким он мог выйти на нее?» – признается Виталий Давыдов. Все попытки сначала Аркадия Чернышева, а затем Владимира Юрзинова

бороться с этим пристрастием игрока не приносили результата. «Не мог я толком ругать его, жалел за эту слабость, слишком беззащитным и ранимым он выглядел», – вспоминает про Юрия Чичурина Владимир Юрзинов. Тем не менее в сочетании с Юрием Чичуриным и Анатолием Белоножкиным Мальцев сыграет несколько запоминающихся сезонов.

Впрочем, звездный час Мальцева пробил не в союзном чемпионате, а в международных соревнованиях, которые состоялись ранее. В марте 1967 года в Ярославле впервые провели международный турнир юношеских сборных восьми стран. Это соревнование стало своеобразным прологом чемпионатов Европы среди юниоров. Советская сборная заняла на этом турнире второе место. В 1968 году юношеская сборная СССР с Мальцевым и Третьяком в составе завоевала второе место на европейском первенстве в Финляндии. А через год, в начале 1969-го, победоносно выступила на аналогичных соревнованиях в курортном Гармиш-Партенкирхене в Западной Германии. Лучшим игроком второго чемпионата Европы по хоккею среди юношей был признан капитан советской команды Александр Мальцев, забросивший на этом турнире 13 шайб. По окончании последнего матча к тренерам советской сборной подошел знаменитый Джон Ахерн, многолетний президент Международной лиги хоккея на льду, и восторженно заявил, что видит в Мальцеве «второго Боброва». Считается, что именно этот турнир дал Александру Мальцеву путевку в главную сборную СССР по хоккею.

Владимир Полупанов, тогда еще вратарь «Крылышек», впервые познакомился с Мальцевым в 1968 году, когда они вместе играли за юношескую сборную России на чемпионате Европы в Финляндии. «Я сразу тогда обратил на него внимание, как на человека и как на игрока. Молчаливый, застенчивый паренек за пределами площадки, больше слушающий своих товарищей, на льду он преображался в истинного бойца и лидера команды. Разгонял по площадке настоящий вихрь атак, терзал оборону противника, заставлял восторженно говорить о себе и тренеров, и экспертов, и самих игроков. У начинающего Саши Мальцева уже было все: отличное катание, обводка на уровне зрелого мастера, и хитрый бросок, и скрытый пас. Тогда многие иностранные специалисты сказали, что Мальцев может вырасти не просто в очень хорошего, а в выдающегося хоккеиста. Что, собственно, и получилось», – вспоминал в беседе с автором этих строк Владимир Полупанов.

В те времена попасть в главную команду было труднейшей задачей для советского хоккеиста из-за невероятной конкуренции. На каждую позицию в составе сборной СССР

претендовало не просто по два-три отличных хоккеиста, а выдающихся игрока с титулами чемпионов мира и Олимпийских игр. К тому же нельзя забывать, что в те годы команды играли не в четыре, а в три звена, и в заявке на игру было меньше хоккеистов, чем сейчас.

«Это сегодня игроки сборной раздают интервью налево-направо, тратя энергию накануне решающих игр. Раньше мы вообще закрытые были для всех, очень мало с кем, включая и журналистов, и тем уж более накануне ключевых встреч, общались. Тема состава – она всегда была болезненной. Когда я играл в сборной, до последней секунды никто не знал, кто именно выйдет на лед. Приходил Тарасов и говорил: вот состав, который я выбрал. Он практически не обсуждался, потому что тренер отвечает за состав, за результат. Всегда, и в наше советское время, было очень много хороших игроков, но не все попадали в состав главной команды страны», – вспоминал в беседе со мной Владислав Третьяк, который впервые вошел в ряды сборной СССР в самом конце 1960-х годов.

Костяк сборной СССР в те годы был устойчивым, хоккеисты играли вместе не менее пяти-шести сезонов. Советская команда постоянно побеждала, и менять «коней на переправе» нужды не было. Во многом благодаря сыгранности индивидуально сильных игроков сборная Чернышева и Тарасова напоминала отлаженный часовой механизм. «Нашей тактикой было непрерывное движение по всей площадке, быстро сменяющиеся маневры, стремительные прорывы звеном или в одиночку. Наш девиз – превосходить соперника по всем составляющим, на любом участке льда. И не менее важно было убедить его в этом, деморализовать, заставить смириться с неизбежностью проигрыша задолго до финальной сирены», – называет составляющие успеха советской сборной под руководством Аркадия Ивановича Чернышева и Анатолия Владимировича Тарасова Виталий Давыдов.

Приток в главную команду страны новых игроков был знаковым событием, которое становилось новостью номер один в хоккейном мире. Призывались в нее не просто дерзкие, скоростные и талантливые молодые парни, а игроки, на деле доказавшие, что они ничуть не хуже заслуженных хоккеистов. Впрочем, за трудолюбие и железную волю Саши Мальцева можно было не переживать.

Лучше всего о том, как Мальцева «подводили» к взрослой сборной, сказал в одном из интервью в начале 1980-х годов Аркадий Иванович Чернышев. «С осени 1967 года Саша стал играть в команде “Динамо”. Он быстро прижился в коллективе.

Характер у него прямой, открытый. На льду – фантазер,

светлая голова. Жажда гола у него была и есть неуемная. В этом нападающем воплотились лучшие черты современного хоккеиста! Но, присмотревшись к его игре, я понял, что Мальцев способен на большее. Следовало сохранить и развить присущее ему качество атакующего игрока и постепенно, но настойчиво научить его быть конструктором коллективной игры всей своей тройки. Конечно, на все это потребовалось время. Но Саша был восприимчив. Когда мы с ним достигли цели, я с удовольствием рекомендовал его в сборную».

«Саша всегда говорил: “Первое, что предоставил мне Аркадий Иванович Чернышев в ‘Динамо’, было его безграничное доверие. Не получается забить в этой игре, так выстрелишь в следующей”. Любой хоккеист знает, насколько важны такие слова для начинающего игрока от главного тренера. Может, кого-то из ребят, неважно, других молодых или ветеранов, задевало то, что Саша был “обласкан” главным больше других, но большинство понимало, что к такому таланту, как он, нужен особый подход. Он у Аркадия Ивановича с его блестящими педагогическими способностями был развит в совершенстве. К тому же в динамовском коллективе, а чуть позже и в сборной Саша вел себя корректно и никогда не задавался, как некоторые молодые, которые часто теряют голову от первых успехов», – признается Сергей Мальцев.

Александр Мальцев уже тогда знал, что для того, кто стремится к высокой цели, не может быть передышек. «Я к тому времени хорошо усвоил, что никакие окольные пути, никакие знакомства и связи не помогут. Будь любезен, все доказывай сам. Держи экзамен перед своими наставниками, перед соперниками, перед зрителями, которые пришли на матч и миллионы которых застыли у телевизора. Я сам видел, что никакие прошлые заслуги оказываются не в счет. Они лишь усложняют тебе задачу. Такой суровой была и есть правда спорта высоких достижений», – вспоминает он.

Александр Мальцев дебютировал в составе сборной Советского Союза 6 декабря 1968 года в товарищеском матче с канадцами в «Лужниках».

И как он начал! Мальцев вписался в состав сборной СССР, будто играл в ней с рождения. Советская команда разгромила родоначальников хоккея со счетом 8:1, а Мальцев в первой же для себя игре забросил первую шайбу за сборную. «Тогда во время матча меня выпустили со скамейки запасных на замену. Игра моя, кажется, тренерам понравилась. Вот с той поры я и стал полноправным игроком сборной», – скромно поясняет Александр Мальцев.

Через месяц советская команда улетала в Канаду с тем, чтобы провести серию игр с любительской сборной этой страны, которая выступала на чемпионатах мира. В состав было решено взять и Мальцева, который хорошо зарекомендовал себя во время первого для себя матча против канадцев.

К тому времени сборная СССР имела впечатляющее преимущество в личных встречах с любительской командой Канады, быстро приспособившись к довольно примитивной манере игры игроков из-за океана. Последние не увлекались передачами, не плели сложные «паутины» комбинаций, старались в первую очередь бросить по воротам, из любой позиции. Особенно неохотно, в отличие от советских хоккеистов, делились с партнерами шайбой в чужой зоне, полагая, что те добьют в ворота шайбу, отлетевшую от вратаря.

«Такая манера игры в атаке нам, особенно тем, кто не бывал за океаном, кто раньше не видел канадцев, казалась прямолинейной. Но в ней была своя логика – частые броски по воротам держали вратаря в постоянном напряжении, создавали дополнительную психологическую нагрузку», – признается Виталий Давыдов, который стал своего рода «опекуном» Мальцева в его первой заокеанской поездке. Молодого игрока партнеры и тренеры первым делом предупредили о возможных провокациях со стороны канадцев на льду, а также о необходимости держать ухо востро при игре у бортов. Но к тому моменту Мальцев, в юности хорошо «пообтершийся» в матчах с более мощными и сильными соперниками, благодаря прекрасно развитой координации движений на своих подвижных ногах прекрасно умел уходить от игровых столкновений.

«К сборной СССР, правда, у канадцев было иное отношение, чем к другим командам – они знали, что если потребуется, мы не побоимся на грубость ответить грубостью. Помнится, на чемпионате мира в 1967 году в Вене Олег Зайцев так “поработал” с экс-профессионалом Бревером, что тому пришлось играть с бровью, заклеенной пластырем», – вспоминает Виталий Давыдов.

Виталий Семенович в своей, вышедшей в 2009 году, книге воспоминаний скромно не упоминает об эпизоде, в котором он сам проучил зарвавшегося игрока канадской сборной. На одном из чемпионатов мира в конце 1960-х он прижал шайбу к борту, ожидая свистка судьи (тогда, в соответствии с правилами, игрок мог сам «остановить» встречу, прижав шайбу к борту коньком или клюшкой). Канадец решил наказать советского защитника, дабы тот не тянул время, и с разбегу припечатать Давыдова к борту, чтобы тому мало не показалось. Канадец разогнался и помчался с крейсерской скоростью на неподвижно стоящего возле борта

Виталия Давыдова. Однако мудрый и по-спортивному хитрый Виталий Семенович через отражение в заградительном стекле увидел разъяренного канадца, мчащегося на него, и в последний момент, когда тот уже приготовился прыгнуть на защитника, увернулся, резко уйдя в сторону. Удар был такой силы, что не Давыдова, как планировал канадец, а его самого впору было соскребать с заградительного стекла. А рядом возле борта, хитро улыбаясь, стоял прославленный защитник советской сборной Виталий Семенович Давыдов…

Выступления отечественной сборной на родине хоккея в январе – начале февраля 1969 года получились триумфальными. Советские хоккеисты выиграли у хозяев льда десять поединков из десяти! Мальцев принял участие в восьми играх. Назовем их счет, чтобы читатель понял, с каким преимуществом сборная СССР праздновала свой успех: 4:2, 7:0, 8:3, 10:2, 4:2, 3:2, 6:5, 7:4.

Если в первых матчах этого турне «пушка Мальцева» молчала, то к экватору серии динамовский игрок почувствовал себя в сборной значительно увереннее, принявшись штамповать голы едва ли не в каждом последующем поединке. Начал он забивать в четвертой встрече, которая проводилась в Оттаве (одна шайба), и продолжил огорчать канадцев в трех последующих матчах кряду. Причем эти шайбы Мальцева, как правило, вносили перелом в игру и были победными. В матче в Виннипеге, который закончился со счетом 4:2, и в седьмом поединке в канадском Лондоне Александр Мальцев забил по две шайбы, а в шестой встрече (3:2 в Виннипеге) они с Харламовым провели по одному голу. В итоге Мальцев завершил серию с блестящим для новичка показателем: 8 шайб за 8 игр, в среднем ровно по одной шайбе за игру. Валерий Харламов в этих поединках провел 6 шайб. Больше Мальцева в канадском турне не забил никто из советских хоккеистов. Также 8 шайб провел в ворота «Кленовых листьев» Анатолий Фирсов, причем 6 из них (!) пришлись на поединок в Оттаве, выигранный советскими хоккеистами у канадцев со счетом 10:2.

«О нем сразу стали писать, как в нашей стране, так и в канадской прессе, что ему и предрекал Аркадий Иванович Чернышев. Тон выступлений был один – в Советском Союзе подрастает еще одна хоккейная звезда не только национального, но и мирового уровня. Это, собственно, и подтвердилось в самом ближайшем будущем. Жизнь показала, что он – великий хоккеист», – вспоминает Борис Михайлов.

Выступление советской сборной в Канаде в начале 1969 года подвело жирную черту под неутешительной для хозяев статистикой встреч с командой СССР на своем льду за все эти

годы. С 1957 по 1969 год советские хоккеисты провели против «Кленовых листьев» на их льду 61 поединок: выиграли 44 из них, два свели вничью и лишь 15 проиграли!

Кстати, эти игры, по договоренности, проводились по правилам любительского, а не профессионального хоккея, позволявшего жесткую силовую борьбу. Канадцы несколько раз попытались вспомнить о «канадском стиле», провоцируя гостей на грубую игру, но встретили достойный отпор. Особенно досталось им от несокрушимого гиганта советской сборной Александра Рагулина, которому было не занимать бойцовских качеств. Канадцы, порой отскакивавшие от защитника, как мячик от стенки, после одного из матчей вполне серьезно потребовали проверить, не вмонтированы ли свинцовые пластины… в подлокотники Рагулина. Такими чувствительными для них, с детства привыкшими к жесткой силовой борьбе, были столкновения со столпом обороны советской сборной.

Мальцев, Харламов, Петров, Михайлов и другие дебютанты советской сборной заслужили хвалебные отзывы в канадской прессе. «Даже молодежь в сборной СССР играет в хоккей, словно это шахматы, словно все комбинации и ходы были заранее расписаны и теперь хоккеисты лишь безукоризненно выполняют их на льду. Они навязывают нашей команде вовсе не такой хоккей, какой мы знаем. В игре их преобладает математическое, строго логическое мышление», – писал спортивный обозреватель Дэнис Брейтуейд[4].

Выделяли Мальцева в своих заметках из Канады и собкоры советских газет, замечая, что динамовский дебютант демонстрирует для новичка не по годам зрелую игру.

Так, с начала 1969 года Александр Мальцев стал постоянно вызываться в основную сборную СССР.

По словам его брата, после первых победных игр в сборной абсолютное большинство жителей Кирово-Чепецка уже знали, где находится дом чемпиона. «Иногда родители шли в магазин, находящийся с другой стороны дома, по 10–20 минут. Обязательно встречались люди, которые останавливали их, выражали им благодарность за прекрасного сына, просили передать ему самые наилучшие пожелания. “Как там Саша в Москве?” – был самым популярным из вопросов», – вспоминает Сергей Мальцев.

«Я помню, что “Олимпия” играла очередной матч чемпионата РСФСР по хоккею, и наш стадион, как обычно, был битком набит. И вдруг диктор объявляет: “Только что пришло сообщение, что Александра Мальцева вызывают в состав сборной СССР для участия в чемпионате мира в Швеции”. Все зрители вскочили со

своих мест, начали радостно кричать, хлопать в ладоши, полные гордости за своего земляка, который прославил Кирово-Чепецк», – вспоминает Арарат Попов.

«Что вам больше всего запомнилось в вашей спортивной жизни?» – спросили у Мальцева в одном из интервью 1984 года сразу после того, как он объявил о завершении хоккейной карьеры.

«Мне довелось сыграть на 13 чемпионатах мира. Девять раз становиться их победителем в составе советской сборной. Но на вопрос, какой из них для меня самый волнующий и любимый, всегда отвечаю – самый первый, в Швеции, в 1969 году. Наверное, это свойство памяти любого человека – сохранять все, связанное с началом пути. Мне действительно очень дорог мой первый чемпионат мира в 1969 году, – признавался Александр Мальцев. – До мельчайших деталей помню, как мы приехали в Швецию, как нас там встречали, как время проводили и даже о чем разговаривали. Тогда в составе сборной было сразу шесть новичков. Большой это был риск. Но благодаря нашей сплоченности и самоотдаче он оправдался».

Перед чемпионатом мира Тарасов и Чернышев действительно рисковали, обновляя непобедимый чемпионский состав сборной СССР почти на треть, словно ставя под сомнение знаменитую поговорку «коней на переправе не меняют». Но в те времена ветеранами в игровых видах спорта уже считались хоккеисты, чей возраст перевалил за тридцатилетнюю отметку. Можно вспомнить массу хоккеистов, которые закончили карьеру, едва им стукнуло за тридцать: те же Кузькин, Рагулин… А Альметов с его уникальным талантом и вовсе перестал играть в 27 лет, «продолжив карьеру» могильщиком на Ваганьковском кладбище. К тому же в спину лидерам сборной дышала целая россыпь талантливых хоккеистов, самыми яркими представителями которой были Харламов и Мальцев.

В 1969 году впервые на чемпионатах мира шесть команд играли в два круга. Сделано это было затем, чтобы хоть как-то обострить интригу, увеличив количество матчей с семи до десяти. В самом конце 1960-х годов не было у советской сборной соперника принципиальнее и мастеровитее, чем чехословацкая сборная.

Спор на льду между хоккеистами из двух социалистических государств обострился до предела после того, как в августе 1968 года советские танки вошли в Прагу, пытаясь силой оружия подавить ростки народного недовольства. Акция «старшего брата» по соцлагерю вызвала возмущение в этой восточноевропейской стране. Единственным «голосом Чехословакии», который можно

было услышать за рубежом, были ее хоккеисты. «В 1969-м нам не требовались никакие призывы. Мы готовы были умереть на площадке, лишь бы не проиграть СССР, потому что знали: страна ждет эту победу как единственно возможную в то время сатисфакцию за вторжение. Это особый случай, исключение из правил», – вспоминал в одном из интервью легенда чехословацкого хоккея Иржи Холик.

Первый матч на этом чемпионате сборной СССР выпало сыграть с американцами, которые, как правило, отправляли на такие турниры студентов. Итог встречи стал рекордным не только для всего первенства, но и для выступлений сборной СССР на чемпионатах мира в целом.

Результат 17:2 обескуражил всех, включая самих советских хоккеистов. Мальцев в своем дебютном поединке отличился один раз. В советской сборной отшутились по поводу такого удивительного счета, и поначалу никто не придал этим семнадцати шайбам большого значения, думая, что они не сыграют какой-либо решающей роли в итоговом раскладе. Как оказалось, зря. Именно благодаря такому «заделу» у сборной СССР при равенстве очков с командами Чехии и Швеции оказалась наилучшая разница забитых и пропущенных шайб, которая и вывела советскую команду на итоговое первое место в чемпионате. У всех трех команд одинаковой была разница забитых и пропущенных шайб в играх друг с другом. Кстати, канадцы, по воспоминаниям ветеранов советского хоккея, привезли на этот чемпионат настолько средненькую команду, что отдельные игроки сборной Канады даже не могли достаточно хорошо ездить на коньках спиной вперед.

Кульминацией всего турнира стали две встречи сборных СССР и Чехословакии. Мотивация у чехов в матче с русскими была запредельной. Не удивительно, что чехословацкая сборная дважды нанесла поражение советской команде – 2:0 и 4:3. После этих побед на улицы Праги вышли толпы болельщиков. Они разгромили в самом центре столицы страны представительство «Аэрофлота».

В Швецию Александр Мальцев ехал всего лишь запасным игроком. Молодой динамовец не имел своей постоянной тройки и выходил на лед эпизодически, когда это требовалось команде. Кроме того, на этом чемпионате Мальцев выполнял обязанности центрфорварда, согласно тренерской установке, тащил большой объем черновой работы, «подчищая за партнерами». Тем не менее он исправно забивал. Отметился шайбой во второй игре турнира в поединке со шведами, огорчил по разу в двух играх вратаря финнов, наконец, забросил первую шайбу в заключительном

матче с канадцами. Всего на турнире Мальцев забил пять шайб – вполне приличный показатель для новичка.

«Я наблюдаю за Сашей Мальцевым – самым юным в сборной, разговариваю с ним после игр. Он очень волнуется и играет намного ниже своих возможностей, – писал Борис Майоров в своей статье для журнала «Октябрь» в 1969 году. – Еще недавно мы вместе были в Канаде, и там Саша удивлял знатоков своей не по годам зрелой и вместе с тем непринужденной игрой, превосходным тактическим зрением и склонностью к импровизации. Здесь, в Стокгольме, все это задавлено огромным волнением. И, тем не менее, Мальцев – вполне на уровне. По результативности он входит в число лидеров. С его подач забито множество шайб. И уж, во всяком случае, игру он не портит. А это уже признак высокого класса. Хоккейные познания этого девятнадцатилетнего парня настолько значительны и прочны, что он умеет играть правильно как бы автоматически»[5].

В 19 лет Мальцев, вернувшийся домой с золотой медалью чемпиона мира, был удостоен высшего спортивного звания – заслуженного мастера спорта СССР.

Любопытно, что на чемпионате мира 1969 года один из самых авторитетных специалистов в хоккейном мире канадец Дэйв Бауэр, отдавая дань мастерству молодого форварда, заметил, что «19-летний Мальцев и его сверстники не продержатся в большом хоккее и до 25 лет». Дескать, не выдержат эти таланты запредельных для их возраста эмоциональных и физических нагрузок взрослого хоккея. В одной из следующих глав мы увидим, как Бауэр возьмет свои слова обратно и восхитится талантом уже зрелого Александра Мальцева.

Глава шестая
ПРИШЕЛ, УВИДЕЛ, ПОКОРИЛ. МАЛЬЦЕВ ВХОДИТ В ЭЛИТУ ЛУЧШИХ

Чемпионат мира 1970 года планировалось провести на родине хоккея – в Канаде. «Сейчас или никогда!» – писали канадские газеты, прямо призывая своих хоккеистов не осрамиться на родном льду. Ни один чемпионат мира до этого не сопровождался такой пропагандистской шумихой. На карту канадцами было поставлено все.

На летнем конгрессе Международной лиги хоккея на льду в 1968 году было принято несколько важных решений, в частности разрешить принимать участие в чемпионатах мира шести профессионалам. Однако в январе 1970 года конгресс пересмотрел свои итоговые документы, не утвердив данное правило, и канадцы в знак протеста громко хлопнули дверью.

Дошло до того, что хозяева чемпионата предъявили ультиматум Международной лиге хоккея на льду: или она снимает запрет на участие в первенстве мира для профи, или Канада отказывается принять у себя предстоящий чемпионат. К чести тогдашнего главы ЛИШФ британца Джона Ахерна, одного из лучших руководителей в истории мирового хоккея, лига не пошла на уступки канадцам и проявила бескомпромиссность. Чемпионат мира 1970 года был перенесен в столицу Швеции – Стокгольм, туда, где он проводился всего год назад. Заметим, что бойкот канадцами первенств планеты продолжался до 1977 года.

Несмотря на то, что соревнования впервые проводились без бойкотировавших их канадцев, советские тренеры с грустью отмечали факт отсутствия родоначальников хоккея на шведском льду. «Темпераментные, бесстрашные канадцы в силах обыграть любого из наших основных соперников, своей лихостью и страстью могли привнести в чемпионат элемент неожиданности, обострить борьбу за медали», – говорил в своем выступлении в советском посольстве 12 марта 1970 года старший тренер сборной СССР Аркадий Иванович Чернышев.

В первой игре мирового чемпионата советская сборная встретила серьезное сопротивление со стороны финнов, но благодаря шайбам Мальцева и Петрова все-таки сумела победить со счетом 2:1. В следующем поединке после соответствующей накачки со стороны Чернышева и Тарасова советские хоккеисты

«катком» прошлись по сборной Западной Германии. Оформив покер (четыре шайбы), 20-летний Александр Мальцев резко оторвался от конкурентов в споре за титул лучшего бомбардира. А уже в следующей игре с поляками, выигранной со счетом 7:0, он, оформив дубль, и вовсе достиг выдающегося показателя: семь шайб в трех играх, в среднем больше двух за игру.

Гораздо более трудной была четвертая игра сборной СССР на этом шведском первенстве. Со счетом 3:1 в упорной борьбе была повержена команда ЧССР, причем Мальцев забросил первую шайбу. Теперь решающей игрой для советской сборной на первом этапе чемпионата мира 1970 года становилась пятая игра, которую хоккеисты проводили с командой Швеции.

После ухода из хоккея легендарного Свена «Тумбы» Юханссона самым популярным человеком не только в хоккее, но и во всем спортивном мире Швеции был вратарь национальной команды Лейф «Хонкен» Холмквист, который еще натерпится от Мальцева в своей карьере. Он был похож на Александра тем, что был таким же замкнутым и молчаливым человеком. Свою состоятельность он привык доказывать не словами, сказанными во время интервью, а на льду. Остроумные шведы как бы в назидание за его молчаливость дали своему любимому вратарю прозвище: «Хонкен-болтунишка». Специалисты называли его «настоящей половиной» и главной опорой скандинавской команды. Советские хоккеисты также симпатизировали шведскому вратарю, называя его «человек, который всегда смеется». Но на самом деле Холмквист был отнюдь не таким молчаливым и вечно улыбающимся простачком.

Специально к чемпионату шведские игроки разнообразили традиционный ритуал хоккеистов, когда игроки в последние мгновения перед стартовым свистком собираются в круг возле своего вратаря. В эти минуты шведы дружно скандировали заклинание: «Мы – лучшие! Мы больше всех побеждаем!», а Ларс Ёран Нильссон в завершение действа восклицал: «А теперь – в холодную воду!»

Но на этом ухищрения местных хоккеистов на турнире не закончились. В первых матчах чемпионата «Хонкен» не играл из-за болезни. Новости из стана шведов были одна хуже другой – вратарь простужен, постоянно «глотает пилюли» и не примет участия в матче с Советами. Одна из газет и вовсе поместила фото несчастного вратаря, с болезненным видом принимающего микстуру.

Вскоре из местной прессы стало известно, что у Холмквиста – приступ радикулита (профессиональной болезни хоккейных вратарей). И надо же такому случиться, что всего за два дня врач

шведской сборной получил от граждан страны 17 тысяч посланий, как быстро и безболезненно вылечить национального любимца![6]

Шведы с помощью местных газет пытались усыпить бдительность советских хоккеистов, рассказывая о безнадежно больном и почти «умирающем» «Хонкене-болтунишке». Тем временем сам вратарь уже чувствовал себя, как огурчик. И вот настал день встречи, и Холмквист, живой и невредимый, к удивлению советских игроков, появился в рамке ворот. Уже позже стало известно, что на лед его вернул знаменитый стокгольмский профессор, который порекомендовал вратарю до конца чемпионата спать на голых досках.

Как же восторженно приняли «Хонкена» болельщики! Они сразу погнали своих любимцев вперед, призывая их смять редуты противника. Но не тут-то было. Вячеслав Старшинов с передачи Никитина открыл счет. Впрочем, скоро шведы вырвались вперед, умудрившись с относительно небольшим интервалом забросить три шайбы.

Фирсов, Старшинов, Мишаков, молодые и талантливые советские игроки – Якушев, Петров, Михайлов, Мальцев буквально бомбардировали ворота Холмквиста. Но он в тот вечер был бесподобен, ловил все, что летело в створ. Тут, как назло, получил травму «советский вратарь без нервов», как его прозвали западные СМИ. У Виктора Коноваленко – сильнейшее рассечение брови. «В госпитале целый консилиум собрали, крутили-вертели так и этак. 37 рентгеновских снимков сделали! Потом начали шпильки вставлять – множественный перелом переносицы оказался. Швед на всей скорости врезался коньком», – писал позже Коноваленко в своей книге «Третий период».

И хотя Харламову удается найти брешь во владениях Холмквиста, шведы наказали, забив четвертую шайбу, вышедшего на замену Коноваленко юного Третьяка, который слишком далеко выкатился из ворот. Как после признал на пресс-конференции Аркадий Иванович Чернышев, «шведы играли просто лучше». Они одержали победу над советской сборной 4:2, заставив трибуны кричать, прыгать от восторга, бить в барабаны, а потом, провожая своих хоккеистов в раздевалку, хором петь шведский гимн. В этой встрече прервалась голевая серия Мальцева, из четырех игр подряд, в которых он забрасывал шайбы.

Шведы радовались так, как будто их сборная выиграла не один матч, а одержала победу во всем чемпионате. На первых полосах ведущих шведских газет пестрели красочные заголовки, подчеркивавшие мастерство Холмквиста и лучшего нападающего в составе шведов центрфорварда Ульфа Стернера. «Благодаря

игре Стернера и его партнеров шведы снова стали твердой валютой на чемпионатах мира», – писала одна из местных газет. В другой появился коллаж: фотография этого нападающего и лучшего шведского жокея Нурдина верхом на жеребце, который недавно был куплен в СССР, сопровождалась большой надписью: «Эти два парня знают, как управлять русскими».

Дошло до того, что после встречи жены хоккеистов устроили запоминающийся девичник в одном из лучших ресторанов Стокгольма. А в редакцию национального телевидения пришло коллективное письмо от домохозяек одного из шведских городков с просьбой более подробно рассказать им о правилах и нюансах популярной игры. Ну и, конечно, не обошлось без комплиментов в адрес любимого вратаря. Известный шведский журналист Бобби Бюстрем весьма своеобразно оценил выступления вратаря национальной сборной, написав, что «своей блестящей игрой Хонкен уверенно держал советских хоккеистов под мышками».

Во втором круге шведского чемпионата тренеры советской сборной больше игрового времени предоставили молодым хоккеистам. И Валерий Харламов, Борис Михайлов, а особенно Александр Мальцев отплатили им сполна. В следующем матче сборная СССР, по-спортивному злая и собранная, одержала свою самую крупную в истории победу над финнами – 16:1. Хет-трики в составе советской команды оформили Харламов и Михайлов, по два раза отличились Мальцев, Фирсов, Якушев. Через день, не сбавляя оборотов, сборная СССР победила команду ФРГ со счетом 7:1. На следующий день со счетом 11:0 были раздавлены поляки. Забив в этой встрече четыре гола, Александр Мальцев побил казавшийся вечным рекорд национальной сборной Всеволода Боброва. Выдающийся советский спортсмен на чемпионате мира 1957 года забросил 13 шайб в составе сборной СССР. На счету Мальцева стало 14 шайб.

К концу чемпионата мира шведские газеты откликнулись восторженными отзывами на игру Мальцева. «Больше всех на чемпионате мне нравится Александр Мальцев. Это настоящий мастер хоккея», – признавался в интервью знаменитый игрок в бенди и хоккей с шайбой Свен «Тумба» Юханссон. «Дорогой мистер Мальцев! Я шведский мальчик. Я очень интересуюсь хоккеем и внимательно слежу за ним. Я думаю, что сейчас вы самый лучший игрок в мире» – такую весточку по адресу проживания советской сборной направил десятилетний Курт Йонсон из города Фалькенберга. Наконец, перед решающей игрой чемпионата между командами СССР и Швеции газета «Афтонбладет» вышла с огромной шапкой «Остерегайтесь Мальцева!».

Правда, в начале чемпионата Мальцев сторонился журналистов, а если они все-таки находили его, то краснел и отделывался дежурными восклицаниями. У одного из местных журналистов даже родилась красочная фраза: «Легче из ракушки вытащить несколько слов, чем у этого русского молодца». Свое мастерство молодой динамовец предпочитал показывать на льду. «Мальцев – форвард столь высокого класса, стремительный, с отличным броском, тонким пониманием игры, что единолично, без звена, пробился в сборную и занимает здесь прочное место в основном составе», – писал спортивный обозреватель Владимир Дворцов.

Прогрессу в игре Мальцева способствовало то обстоятельство, что в отличие от предыдущего первенства мира 1969 года Аркадий Чернышев и Анатолий Тарасов решили освободить динамовца от черновой работы. С позиции центрфорварда его перевели на правый край нападения в тройку к капитану команды, своеобразному «батьке» для молодых хоккеистов Вячеславу Старшинову из «Спартака» и Валерию Никитину из «Химика», который был настоящим хоккейным универсалом и, кстати, классно играл в защите. «Саше только и надо было, что освободиться от груза черновой работы. Он попал в свою родную стихию, получив возможность делать то, что так любил в детстве – играть этаким свободным художником, – признается в разговоре со мной президент хоккейного «Спартака» Вячеслав Старшинов. – Мне на этом чемпионате доставляло особое удовольствие не просто забивать, а пасовать на Мальцева, который постоянно был в движении, находя для себя самые выгодные позиции, из которых можно было атаковать наиболее эффективно».

«В моем успехе в 1970 году была огромная заслуга Вячеслава Старшинова. Он очень помог мне своим опытом, игровой мудростью. Большая удача – сыграть в одном звене с таким великолепным центральным нападающим и мудрым человеком», – в свою очередь считает сам Александр Мальцев.

…Перед решающим матчем чемпионата мира 1970 года в Стокгольме, в котором вновь встречались сборные СССР и Швеции, хозяева провели мощную психологическую атаку. Они бросили все силы на то, чтобы прервать семилетнюю гегемонию советской сборной в мировом хоккее. Пожалуй, впервые за всю историю чемпионатов такая роль в пропагандистских целях отводилась местному телевидению. Зная о том ажиотаже, который охватил всю Швецию, по национальному ТВ показали «умилительные сюжеты» о хоккеистах «Тре Крунур»: те находились в окружении жен и детей то на природе, то дома.

Репортажи из стана советской сборной, наоборот, должны

были показать зрителям, что русские предельно напряжены, тренируются чуть ли не из-под палки. В центре внимания телевизионщиков находился «тренер-диктатор» Анатолий Владимирович Тарасов, который всячески пытался расшевелить уставших хоккеистов и «настроить их на завтрашнюю победу над шведами». В своем комментарии к репортажам ведущий делал вывод: «Русские отдали этому первенству столько физических сил, что свежим и хорошо подготовленным шведам не стоит сомневаться в своем успехе». В качестве судьи-информатора был приглашен финский арбитр, владевший шведским. Так, с его помощью, шведы пытались переманить на свою сторону финских болельщиков, которые должны были присутствовать на решающем матче.

Игра прошла в Пасху, но, несмотря на это, набожный шведский тренер Арне Стремберг, который в детстве даже мечтал стать пастором, пошел накануне вечером не на пасхальную мессу в церковь, как делал это каждый год. Он всю ночь чертил у себя на базе тактические схемы игры против русских.

Изумлению шведов не было предела, когда они увидели, что место в воротах советской сборной занял Виктор Коноваленко. И это несмотря на перелом переносицы, который, как представлялось шведам, вывел его из игры минимум на несколько недель. Владислав Третьяк позже признавался, что именно тогда он впервые понял, что есть на самом деле настоящее мужество. Советская сборная, не позволив шведам доминировать на площадке, выиграла у них со счетом 3:1. Шайбы в этом матче забросили Мальцев, Викулов, Петров. Именно этот, тогда пятнадцатый для него на шведском первенстве планеты, гол Александр Мальцев признает самым любимым в своей карьере. Именно этот голевой момент позже крутили многие западные телеканалы. Тогда Мальцев, получив шайбу в своей зоне, обвел по дороге нападающих, «скрутил в узел» двух защитников, столкнув их лбами, наконец, объехал ворота Холмквиста и завел шайбу в пустые ворота. Именно после этого матча наставник шведской сборной Арне Стремберг, воочию увидев игру Мальцева, заявил, что у русского хоккеиста имеется «абсолютный хоккейный талант».

Двадцатилетнего Мальцева признали лучшим форвардом шведского турнира. Он также вошел в символическую сборную чемпионата мира 1970 года. С 21 набранным очком – пятнадцатью забитыми голами и шестью передачами он стал лучшим бомбардиром турнира. Особо отметим, что динамовский игрок добился этого выдающегося достижения, выходя на лед в третьем, последнем звене сборной!

Всеволод Михайлович Бобров сказал после этого чемпионата мира: «Некоторые наши журналисты считают, что Мальцев слишком часто берет игру на себя. Но это не недостаток. В этом стремлении вперед, в этой поразительной быстроте движения и мысли, в этом непревзойденном искусстве обойти любого защитника – его и наша сила. Я считаю Сашу одним из самых красивых и эффективных нападающих. Да и когда еще бывало, чтобы совсем новичок, игрок, второй раз участвующий в чемпионате мира, был провозглашен лучшим нападающим любительского хоккея». (Хотя в 1954 году сам Бобров был удостоен такого титула на своем первом чемпионате мира.)

Александр Мальцев при опросе журналистов, выбиравших символическую сборную первенства мира, установил еще один рекорд. Сразу 80 журналистов (!) назвали его лучшим правым форвардом чемпионата. На втором месте оказался Валерий Харламов, которому отдали голоса всего три репортера.

Спартаковец Владимир Шадрин впервые столкнулся с Мальцевым во взрослой сборной именно на чемпионате мира в 1970 году. Шадрин дебютировал в советской команде и сыграл на этом первенстве всего одну игру, но какую! Он до сих пор вспоминает ее, как одну из самых значимых для себя. Часто на тренировках во время стокгольмского турнира Анатолий Тарасов говорил ему: «Готовься тщательнее и сильнее. Ты будешь играть в тройке с Сашей Мальцевым». Владимир Шадрин действительно вышел на этот матч в тройке с Мальцевым, на время заменив Валерия Никитина, и свой дебют отметил великолепным для новичка результатом, который на следующий день отметили все шведские газеты. Шадрин набрал пять очков по системе «гол плюс пас», в той самой встрече, когда сборная СССР разгромила поляков 11:0.

«И сам чемпионат, и матч с поляками, как его отдельный характерный эпизод, без сомнения, были бенефисом Александра Мальцева. Он забросил четыре шайбы в ворота польской сборной. Играя в тот день с ним, я был предельно раскован и не чувствовал стеснения. Саша всячески старался поддержать меня во время игры, снабжал великолепными пасами, выводя на ударные позиции. Но так получилось, что забивал он, а я был счастлив быть его ассистентом, – признавался автору этих строк Владимир Шадрин. – Этот чемпионат, на мой взгляд, был звездным часом Саши. В памяти зрителей остались и его 15 шайб в ворота соперника, и 21 очко по системе “гол плюс пас”. Не говорю уже о том, что одним из лучших в мировой хоккейной истории признан его великий гол шведскому вратарю Холмквисту».

Задолго до неповторимого Гретцки Мальцев понял значение

крошечного пространства за воротами, выжидал паузу, оттуда выкатывался на пятак, дурача вратарей. Владимир Шадрин вспоминал о том, какие фокусы любил тогда показывать молодой Саша Мальцев на тренировках сборной. «Он заезжал за ворота, на минимуме пространства закладывал клюшку назад, себе за спину, поддевал шайбу, подбрасывал ее и за спиной вратаря перебрасывал ее на пятачок. Хорошо, хоть щадил наших вратарей, как говорится, не забрасывал им шайбу “за шиворот”, глядя, как она сползает в ворота», – улыбается Шадрин.

«Помню еще один его фокус, который он показал в начале 1970-х. Мальцев любил разогнаться по правому краю, затем резко затормозить и продвинуться в центр. У него был левый хват, Саша, уже сместившись в центр площадки, поддевал шайбу клюшкой, подбрасывал ее и, сближаясь с вратарем, бил по ней, как теннисной ракеткой по мячу. Голкиперы были в шоке. Потом наши вратари просили Сашу больше не повторять такие трюки – так больно они били по их самолюбию. И Саша сжалился над вратарской психикой. Перестал практиковать броски “за шиворот”. Стал придумывать фокусы новые, но более щадящие», – с улыбкой вспоминает Владимир Николаевич.

Именно после мирового чемпионата в Швеции весь хоккейный мир узнал о новой русской звезде. По признанию многих ветеранов, Мальцеву особенно удавались игры против шведов и матчи, проходившие в Швеции. Достаточно назвать всего лишь одну цифру: 69 шайб (больше, чем кому бы то ни было из зарубежных сборных) в товарищеских и официальных встречах Александр Мальцев за годы своих выступлений в команде СССР «накидал» только в ворота шведской сборной – уникальный показатель! Это почти треть из всех его голов, забитых в составе национальной команды, рекордсменом которой Александр Николаевич является уже долгие годы. Кстати, лишь на три шайбы меньше (66) Мальцев провел в ворота финской сборной. И не случайно, что в его карьере самыми звездными, когда он почти единогласно признавался лучшим нападающим первенств планеты по хоккею, считаются два чемпионата мира, проходившие в Швеции с интервалом в 11 лет: в 1970 и 1981 годах.

Пожалуй, именно в Швеции, после Советского Союза, разумеется, популярность Мальцева была самой впечатляющей. Приведу лишь один пример. В конце 1990-х годов делегация из Кировской области во главе с тогдашним губернатором Сергеенковым находилась с рабочим визитом в Швеции. Зная о том, что к ним прибыли земляки Мальцева, один из высоких чиновников принимающей стороны, вдруг резко перестав

говорить о политике и экономике, задал неожиданный вопрос гостям: «Знаете ли вы, кого из вятских мы считаем национальным героем России и своим кумиром?» Выждал небольшую паузу и ответил смущенным гостям: «Александра Мальцева».

Итак, двадцатилетний Мальцев закончил сезон 1969/70 года на триумфальной для себя ноте, заслужив мировое признание и показав, что он способен быть лидером обновляющейся советской сборной. Удивительно, но нападающий, который только год назад начал свою карьеру в большом хоккее, был признан специалистами звездой мировой величины. За свои успехи, по воспоминаниям родных, он получил впечатляющие по тем временам призовые.

Близкие вспоминают о том, какой фурор произвело появление Саши Мальцева в родном Кирово-Чепецке. «Родители попросили встретить Сашу, не говоря никому о его приезде. Дождавшись его на вокзале Кирова ранним утром, мы с Сергеем привезли его в родной дом, и вроде бы тайно, соблюдая все законы конспирации. Но нет. Через час о его приезде знал почти весь город. Директор химкомбината послал за ним машину, так не терпелось Якову Филимоновичу Терещенко подарить счастье простым рабочим – дать возможность увидеть кирово-чепецкую легенду», – вспоминает Арарат Попов.

«Помню, Саша приехал сильно напряженный, рубаха навыпуск, было заметно, что он что-то скрывает под ней. Отошли с ним в сторону, он приподнимает рубаху, а там, под ней, на поясе висит какая-то небольшая сумочка, такую мне раньше видеть не доводилось, – продолжает разговор Сергей Мальцев. – Саша говорит: “Расслабься, малой”. Открывает сумочку, а там целая пачка денег, призовых за победный чемпионат, за его личные призы, зарплата за год в “Динамо”. Я столько денег сроду никогда не видел. Он эти заработанные своим талантом и трудом деньги привез родителям. Помню, как наши родные изумлялись, что хоккеем можно зарабатывать такие суммы. Хотя мы еще не знали, какие гигантские деньги по сравнению с нашими чемпионами получают канадские профессионалы».

«Саша никогда не менялся, и когда первый раз вернулся с золотой медалью чемпиона мира в 1969 году, и когда стал лучшим бомбардиром, был признан лучшим нападающим на следующий год, и уже после, в 1972 году, когда стал олимпийским чемпионом. Его отношение к друзьям и партнерам осталось прежним, таким же добрым и искренним. Было заметно, насколько его стали боготворить окружающие. Он никогда не был заносчивым и высокомерным, никогда не кичился своим мастерством. Аркадий Иванович просто знал, что если Малец не

забьет, никто больше этого в “Динамо” не сделает. Он многое, если почти не всё решал в играх нашего всесоюзного первенства», – вспоминает в разговоре со мной Михаил Титов.

Но слава, куда же без нее? В этом отношении шведский чемпионат 1970 года стал для Мальцева знаковым. Он не только вошел в круг избранных чемпионов, но и стал народным любимцем. А это тогда ценилось дороже, чем титулы и медали. «В те годы в рестораны и популярные кафе вообще было невозможно попасть, везде были большие очереди, – продолжает Михаил Титов. – Но там, где ни появлялся Малец, особенно после чемпионата мира в Стокгольме 1970 года, тут же открывались двери. И, хотя все места были заняты, откуда-то из подсобок доставался стол со стульями, и нас любезно приглашали пройти внутрь, отдохнуть, почитая за честь, что к ним пришли такие хоккеисты. У Саши и, следовательно, у нас не было никаких проблем, чтобы пройти в любой ресторан Москвы».

В сезон 1970/71 года Мальцев вступал уже в качестве лидера «Динамо» и одного из наиболее ярких игроков сборной СССР. Ветераны, игравшие с Мальцевым, вспоминают, что в день матча Александр Николаевич был предельно сосредоточен и очень не любил, когда его беспокоили по пустякам. Ограничивался лишь завтраком. Обед ему неизменно заменяла шоколадка с чашкой кофе.

Когда Мальцев начал блистать в «Динамо», кирово-чепецких болельщиков, приезжавших в столицу по делам или на экскурсии, стали пускать на игры в «Лужники» с его участием бесплатно, даже если трибуны были заполнены до краев. Достаточно было назвать пароль: «Я к Мальцеву из Кирово-Чепецка». «Подтверждаю, что это не байка и не вымысел. Сам часто пользовался таким приемом. Саша настолько влюбил в себя как простых болельщиков, так и контролеров, что последние пропускали нас, его земляков из Кирово-Чепецка, в “Лужники” бесплатно и даже, как в театре, давали приставной стульчик, – вспоминает друг детства Мальцева Виктор Перетягин. – Мы не искали Сашу и не тревожили его перед игрой, зная о том, как он не любит, когда его отвлекают во время подготовки к матчам».

«Нас всегда учили, что каждая игра, на которую мы выходим, – решающая. А значит, каждая встреча должна приносить радость. Нам самим и особенно нашим болельщикам», – признается Мальцев, когда я спрашиваю, чувствовал ли он особое отношение трибун к своей игре.

«Саша Мальцев для меня был и остается самым ярким примером профессионального, самозабвенного отношения хоккеиста к своему делу. Чтобы понять, почему он был так

талантлив, нужно было видеть, как он тренируется. Пожалуй, никто, кроме него, так серьезно и кропотливо не настраивался на тренировки и игры. Всегда аккуратный, подтянутый, он к каждой тренировке, не говоря уже об игре, относился, как к празднику. Для него любой выход на лед был радостью. Все это говорит о его фантастической любви к хоккею», – полагает Владимир Юрзинов. По словам этого бывшего динамовского игрока и тренера, во время тренировок звену Юрзинова чаще всего противостояло звено Мальцева, который в ту пору играл центральным нападающим. И Мальцев всегда изобретал что-то новое, так что его движения не могли предсказать ни партнеры, ни противоборствующие в игре команды.

«А как он следил за формой и клюшками? Не передать словами. Придет на тренировку, форма всегда выстирана (а стирал он ее сам), выглажена, – восхищается аккуратностью игрока Владимир Владимирович. – Он не бросал коньки в сумку, забывая о них до следующей игры, как иные игроки, а расшнуровывал их и давал просохнуть шнуркам. И не просто складывал шнурочки, а бережно ровнял их по длине, один к одному. Даже гладил их. У него всегда была разная изолента для клюшек, и беленькая, и черненькая. С последними же, готовя их к новой тренировке или игре, он мог возиться часами. Это надо было видеть, как он умел подать себя, начиная, простите, от отношения к гетрам и шнуркам до выхода на лед этой своей знаменитой походочкой из раздевалки до первых сантиметров площадки. Под вой, свист, овации, аплодисменты трибун он не просто шел, а плыл. Такое можно сделать, когда ты знаешь себе цену и чувствуешь, что на тебя молятся трибуны, но и ты не злоупотребляешь их доверием». Юрзинов с таким артистизмом и азартом рассказывает об этом, что словно переносишься на лед «Лужников» 1970–1980-х годов.

«Меня, как тренера, всегда поражало его профессиональное отношение к учебно-тренировочному процессу. Он уже был великим хоккеистом, но при этом пахал, как простой смертный. В этом и заключается величие и талант», – говорил мне Юрий Очнев, бывший главный тренер московского «Динамо».

«Не отвечая ни на подножки, ни на прочие запрещенные приемы, Мальцев великодушно прощал обидчикам даже преднамеренную грубость. Когда команда была в меньшинстве, он, как правило, не играл. Не то чтобы тренеры сомневались в его мужестве. Просто он был прирожденный форвард, – продолжает Владимир Юрзинов. – Мальцевская манера игры требовала мужества особого рода. Саша шел прямо в защитника и обыгрывал его в самый последний момент. Здесь: или проскочил,

или тебя успели встретить. Да еще как встречали, зная, что это Мальцев, бросающий им вызов каждым своим шагом! Взрывная скорость и мгновенная оценка ситуации позволяли ему либо обыграть соперника чисто, либо вынудить противника нарушить правила. Конечно, у нас было много отличных и смелых ребят, которых хлебом не корми, а дай “потолкаться”, “побиться” с защитниками. Но в том-то и заключалось мастерство Мальцева – он знал, когда обыгрывать, а когда и, “вытащив” на себя защитника, мягко передать шайбу партнеру».

«Он из пяти процентов шанса выжимал все сто. Мальцев всегда мог пустить шайбу сопернику между коньков. У других не проходило, а у Мальцева получалось. Он чувствовал игру минимум на один шаг вперед. У него бывали такие голы, что было непонятно, как он мог их забить», – недоумевал бывший игрок и тренер московского «Динамо» Игорь Тузик.

В сезоне 1970/71 года динамовцы как никогда были близки к успеху. «Этот сезон, когда мы яростно конкурировали с ЦСКА, не забыть», – вспоминает Александр Мальцев. Первенство СССР в тот год игралось в пять кругов, и «Динамо» обыграло армейцев в трех встречах из пяти. «Динамо», в котором блистал Александр Мальцев, шло на первом месте большую часть чемпионата. В последних двух кругах в поединках со «Спартаком» бело-голубые неожиданно потеряли шесть очков, а еще пять упустили в противостоянии с армейцами из Ленинграда. В результате динамовцы уступили верхнюю строчку ЦСКА, который обогнал «Динамо» на семь очков.

Именно тогда, в сезоне 1970/71 года, многим болельщикам казалось, что динамовцы наперекор всем обстоятельствам наконец-то завоюют звание чемпионов страны. Ведь в их рядах есть забивной Мальцев. Но он, главная надежда болельщиков, в самый неподходящий момент получил травму, причем во время тренировки от своего же игрока. По иронии судьбы, эта ситуация повторится через четыре года, когда «Динамо», как и тогда, большую часть чемпионата будет биться с ЦСКА на равных. И опять столкновение с собственным защитником, нелепое, неумышленное, оставит его вне игры, а «Динамо» вне чемпионства.

Впрочем, для самого Мальцева этот всесоюзный чемпионат стал самым лучшим с момента появления в «Динамо». Он, несмотря на отсутствие из-за травмы в нескольких матчах, с 57 очками завоевал титул лучшего бомбардира первенства. Мальцев забросил 37 шайб и отдал 20 голевых передач. Вместе с Валерием Харламовым вошел в сборную звезд советского хоккея сезона 1970/71 года.

«Спартак» в тот год завоевал Кубок СССР. «Мы в “Спартаке” знали, что если выключить из игры Сашу Мальцева, это равносильно тому, что выключить из игры половину “Динамо”, – признавался в интервью один из лучших нападающих в истории отечественного хоккея Александр Якушев. – В сборной СССР мне повезло сыграть с Сашей в тройке на Олимпиаде 1972 года и трех чемпионатах мира. Для меня это было большое удовольствие. Настолько он был влюблен в хоккей, настолько он открывался на любое твое нестандартное действие, пас, продолжение атаки».

«Помню, что в начале 1970-х годов для “Динамо” самым принципиальным соперником был “Спартак”. Понятно, что ЦСКА являлся самой могучей командой. У динамовцев и спартаковцев же было негласное состязание – перед ними не просто ставилась цель оказаться в тройке, но и при этом непременно обставить своего конкурента. Это пошло еще от Андрея Старостина, который говорил, что футбольный “Спартак” может даже занять 15-е место в чемпионате СССР по футболу, но при условии, что 16-е займет “Динамо”», – говорит Сергей Мальцев, который накануне сезона 1972/73 года благодаря своему старшему брату оказался в динамовском коллективе.

Талантливый игрок, Сергей Мальцев подавал большие надежды в Кирово-Чепецке. В 1970 году команда юношей «Олимпии» стала бронзовым призером юношеского чемпионата СССР. Тогда в числе пяти игроков команды Сергея Мальцева пригласили в юношескую сборную страны. Но до Москвы он не доехал. В матче первенства страны с «Ижорцем» в Ленинграде Мальцев-младший получил серьезную травму глаза, которая вывела его из строя на целых полгода. Вопрос вообще стоял о его дальнейшем пребывании в хоккее.

Сергей Николаевич до сих пор с содроганием говорит о том матче, добрыми словами вспоминая Владимира Крикунова. «Ижорец» имел репутацию одной из самых задиристых команд страны, никто не любил вступать в драки с этими хоккеистами. «На меня в том матче устроили настоящую охоту, наверное, чтобы проучить брата самого Мальцева. После того как я оказался на льду, никто из наших хоккеистов не рискнул отомстить моему обидчику, и лишь Володя Крикунов со словами: “Что же ты, гад, делаешь, зачем молодого калечишь?” подъехал к нему и как следует отметелил, чтобы неповадно было», – признается Сергей Мальцев. После восстановления брата Александр Мальцев содействовал его приглашению в московское «Динамо». Тому как раз подоспело время служить. С 1972 по 1975 год Сергей играл за «Динамо». Вспоминает, что психологически в составе именитого клуба ему было крайне нелегко. Во-первых, из провинциальной

команды сразу попасть в столичный клуб… Кроме того, он понимал, что его неизбежно будут сравнивать с братом, а идти вровень с тем практически нелегко, слишком высокую планку задал Мальцев-старший. Кумирами Сергея были брат и Валерий Харламов, с которым они вдвоем дружили. Но разговор об этом – в отдельной главе.

Несмотря на то, что Сергей не был игроком основного состава, а, что называется, числился среди тех, «кого подпускают к основе», однажды в матче с воскресенским «Химиком» он вышел на лед в одной тройке с Александром. И даже забил гол с его подачи, чему был очень рад. После «Динамо», в составе которого он стал серебряным и бронзовым призером всесоюзных чемпионатов, Сергей некоторое время играл в саратовском «Кристалле», потом вернулся в Кирово-Чепецк. Заканчивал спортивную карьеру в Караганде, в местном «Строителе». И каждый раз, когда он переходил в новый клуб, к нему было повышенное внимание, а требования (вот уж магия фамилии Мальцева) ему предъявлялись более строгие, чем к другим новичкам. В последние годы, до роспуска «Олимпии», в вынужденный отпуск Сергей Мальцев работал в родном клубе. Кстати, именно Сергей Мальцев в 2000-е годы посоветовал поехать в динамовскую школу защитнику Якову Рылову, уроженцу Кирово-Чепецка.

Но вернемся в начало 1970-х годов к противостоянию столичных «Динамо» и «Спартака». Болельщики двух этих команд были самыми непримиримыми, хотя хоккеисты общались друг с другом и ладили в сборной. Александр Мальцев дружил с Владимиром Шадриным, Александром Якушевым. Когда позволяло время, отправлялись вместе на природу или в отпуск в южные края. Забегая вперед замечу, что именно с двумя спартаковцами Мальцев провел больше всего игр (44) в сборной. (А всего в команде СССР он сыграл в 71 тройке нападения!) И именно в звене с ними забил больше голов (35), чем в сочетаниях с другими партнерами.

Ветераны вспоминали забавную историю. В «Спартаке» у Мальцева в начале 1970-х годов был свой «персональный сторож» – Геннадий Крылов. Как только начиналась игра, этот коренастый, небольшого роста защитник, хорошо стоящий на льду, искал глазами Мальцева и «приклеивался» к нему, пытаясь сковать его движения. «Это была жесткая борьба, но в рамках правил. Гена Крылов был нормальный парень, но, видимо, по заданию тренеров, пытался провоцировать Сашу, старался вывести его из себя, чтобы тот сорвался, нарушил правила и удалился. Это была самая настоящая жесткая персональная опека

на протяжении трех-четырех сезонов. Помню, что после каждой такой игры Саша выходил из раздевалки, немного раздосадованный, качая головой, затем улыбался, произнося для затравки крепкое словцо, и снова вспоминал о “надоевшем Крылове”, опять не отходившем от него на льду. Брат говорил, шутя: “Хоть бы его уже куда-нибудь отдали”, – улыбаясь, вспоминает Сергей Мальцев. – Вне льда у них были нормальные отношения. Правда, после пары таких сезонов подобная опека Саше надоела и он, встречая Геннадия до игры, нарочно, так чтобы слышали хоккеисты, спрашивал у него, не собирается ли он поехать отдохнуть, например, на рыбалку, не планирует ли руководство “Спартака” отдать его в другой клуб?»

Во время игры чемпионата СССР по хоккею 1971/72 года между динамовцами и спартаковцами случился один комичный эпизод. Этот матч был сам по себе уникален. С целью дальнейшей популяризации хоккея он состоялся на большой спортивной арене стадиона «Динамо», там, где летом проводили свои игры футболисты. Игра транслировалась по Центральному телевидению, а посмотреть ее на стадион пришло более 40 тысяч болельщиков. К несчастью, в этот день шел сильный снегопад, и хоккеисты успели почувствовать всю «прелесть» игры на открытом воздухе, в контрасте с уютной атмосферой ледовых дворцов.

Александру Мальцеву за несколько дней до игры в клинике сделали два зуба. Точнее, поставили самые современные коронки. Стоматолог предупредил хоккеиста, чтобы тот избегал столкновений – работа-то дорогая. Как оказалось, сглазил. Во время очередного единоборства тот самый Крылов, как он объяснял позже, «нечаянно» угодил клюшкой по зубам Мальцева. Одна из коронок не выдержала проверки на прочность и упала на лед, угодив в один из небольших сугробиков, которых уже прилично намело на арене.

Надо было видеть эту картину. Мальцев, подняв руку, объяснил в двух словах арбитру, что он потерял драгоценную коронку. После слов Мальцева: «Только поставил зубы и на тебе» сердечный судья, несмотря на прямую телетрансляцию матча, согласился прервать встречу. Тогда все хоккеисты, присутствовавшие на льду (особенно усердствовал Геннадий Крылов), принялись искать «зуб Мальцева». Нашли коронку в снегу через минуты полторы, и игра продолжилась под радостные крики болельщиков.

Спартаковец Геннадий Крылов был на самом деле не самым настырным хоккеистом, персонально опекавшим Мальцева во время игр. Валерий Харламов в компаниях иногда вспоминал об

эпизоде, который произошел во время товарищеского матча советской сборной с командой ФРГ в 1974 году. Эту историю он потом даже привел в своей книге.

Еще на разминке перед матчем некоторые советские хоккеисты обратили внимание на загадочного немецкого игрока, который не раскатывается со своими партнерами, а, подъехав к синей линии, внимательно следит за всеми движениями Александра Мальцева, поворачивая голову вправо-влево, будто болельщик на теннисном корте. «Никак для Сашки персональный сторож нашелся?» – засмеялся Харламов. Он не ошибся. Началась игра. И едва Мальцев вышел на площадку в своей смене, на лед тотчас же, будто ужаленный, выскочил и тот самый немецкий защитник. «Приклеился» он к Мальцеву капитально. Дыша в спину, словно тень, повторял все движения форварда. Сам Мальцев сначала не обращал на немца никакого внимания – сколько таких было. Но когда тот уже начал наседать на него, понял, что тут все серьезно. «Что, Саша, дела совсем плохи?» – спросил кто-то из игроков у Мальцева на лавке. «Прижали совсем немцы», – с улыбкой ответил хоккеист, а сам призадумался.

Происходившее в следующих отрезках игры напоминало анекдот: «Командир, брось! Да не меня, а винтовку». Немец в буквальном смысле едва ли не ложился на спину советского игрока, преследуя Мальцева по пятам. «Это был тот тип хоккеиста, который безукоризненно исполнителен и послушен воле тренера, который стремится максимально точно выполнить полученное им игровое задание – в рамках своих возможностей, – вспоминал Валерий Харламов. – Опекун не отставал от Саши ни на шаг. Мальцев откатывается к своим воротам, соперник катится за ним. Саша устремляется вперед, опекун опять старается не отставать. Наш форвард внезапно останавливается. Рядом замирает соперник. Саша готовится получить пас, шайба адресована точно на его клюшку, но не тут-то было. Мальцеву и смешно, и тошно. Наконец не выдержал. Подъехал к нашей скамейке, спрашивает у тренеров со смехом: что же ему делать?»

Нужно уточнить, что Мальцев подъехал к скамейке запасных не во время паузы или перерыва, а во время игры. Тут весельчак и балагур Харламов быстро нашел «рецепт спасения» для своего друга: «Саш, а ты иди в раздевалку, может, он тебе компанию составит?» В это время «тень Мальцева» стояла в двух метрах, с напряженным лицом, пытаясь понять, о чем же именно говорят великие русские хоккеисты. Кто-то из советских игроков по-дружески похлопал «сторожа» по плечу. Тот, довольный, расслабился, заулыбался, догадываясь, что речь идет о нем. А сама игра, пока Мальцев и его заботливый опекун стояли у

бортика, между тем продолжалась: в формате четыре на четыре. «Заходи, что ли, на скамейку», – сказал Мальцеву кто-то из тренеров команд.

Бомбардир улыбнулся и вдруг так резко стартовал в гущу ледовой площадки со своего места, что ничего не понимающий немец как вкопанный остался стоять у борта. Опомнился он поздно. Один пас, другой, и вот уже Мальцев в одиночестве мчится к воротам соперника и забивает свой гол. Бедного защитника немецкие тренеры доигрывать тот матч уже не поставили. Александр Мальцев после игры нашел немецкого парня, пожал ему руку и, приобняв его, пожелал удачи. И немец еще долго махал вослед автобусу с игроками советской сборной, отъезжавшему от стадиона. Возможно, у защитника сборной ФРГ этот момент остался самым ярким переживанием в его хоккейной жизни…

В 1971 году впервые игры мирового первенства принимал Берн, известный швейцарский город банков и чиновников. Там состоялся первый круг состязаний, а во втором шестерка команд-участниц соревновалась уже в Женеве. Несмотря на наличие в Берне хоккейной арены, хозяева решили отличиться и возвели еще один хоккейный стадион на месте одного из атомных убежищ. Раздевалки для команд и арбитров, холодильные установки и даже пресс-центр с баром строители по просьбе организаторов вписали в интерьер подземных помещений. Сама ледовая арена разместилась над убежищем. Собранная из легких конструкций, стекла и пластмассы, внутри она «превратилась» в настоящий холодильник. Поэтому в день дебютной игры организаторы были вынуждены положить на все 11 тысяч зрительских мест шерстяные пледы. К счастью для организаторов, болельщики оказались людьми дисциплинированными, и никто из них не унес плед домой в качестве сувенира.

Сборная СССР приехала на турнир в ранге явного фаворита, выигравшего восемь предыдущих чемпионатов и намеревавшегося продолжить свою победную серию. Настроения в стане советской сборной, несмотря на уверенность в своих силах, отнюдь не были «шапкозакидательскими». «Сборники» понимали, что приехали в сытую Швейцарию отнюдь не на прогулку. Наоборот, и Чернышев, и Тарасов, по воспоминаниям ветеранов, не только не позволяли игрокам расслабиться, но увеличили как объем нагрузок на тренировках, так и количество проводимых ими тактических занятий.

На одной из тренировок сборной в начале чемпионата мира случился любопытный эпизод. Анатолий Тарасов после раскатки оставил на льду нападающих Шадрина, Зимина и вратаря

Третьяка. Тренер смоделировал игровую ситуацию, сказав одному из игроков бросать по воротам, а другому толкать Третьяка и всячески мешать ему. Шадрин с Зиминым засмущались, отказываясь «бить Владика». «Вы что, голубчики! – рассвирепел Тарасов. – Нашлись тут кисейные барышни!»

После тренировки Третьяк уходил со льда в синяках и ссадинах. «Бывало, как бросит кто-нибудь в упор, я с обидой на этого игрока клюшкой замахиваюсь: “Ты что, мол, убить меня хочешь?” А Тарасов тут как тут: “Ах, вам больно, молодой человек? Вам надо не в хоккей, а в куклы играть”. Потом отмякнет немного: “Запомни: тебе не должно быть больно. Забудь это слово – ‘больно’. Радуйся тренировке. Ра-дуй-ся!” Впоследствии много раз я с благодарностью вспоминал те уроки», – писал в своей книге знаменитый вратарь[7].

Сборная СССР одержала три легкие победы на старте турнира. С общей разницей «плюс 24» в трех играх (соответственно, со счетом 11:2, 8:1, 10:2) были повержены команды ФРГ, Финляндии, США. В первой игре Александр Мальцев забросил две шайбы, через два дня подобным «дуплетом» выстрелил в ворота финнов, а на следующий день «ограничился» лишь одной для себя шайбой голкиперу американцев. С пятью голами после трех встреч Александр Мальцев возглавил список лучших бомбардиров турнира.

В четвертой игре камнем преткновения для советских хоккеистов опять стала чехословацкая сборная, которая, как уже говорилось, после событий в Праге 1968 года еще долгие годы выходила на поединки с русскими с запредельным настроем. Показателен один красноречивый пример. Перед чемпионатом 1970 года хоккеисты сборной ЧССР встретились с председателем федерации хоккея страны. Тот задал им стандартные вопросы: «Как дела, какие просьбы?» В то время многие местные хоккеисты строили дома и обратились к главе федерации с просьбой помочь приобрести окна, двери и т. д., на которые в ЧССР, как и во многих странах социалистического лагеря, был дефицит. Председатель улыбнулся и сказал: «Ваши окна и двери сейчас сидят под Москвой на точно таком же собрании. Обыграете русских и выиграете чемпионат – достроите дома». Несмотря на ожесточенность ледовых сражений, между чехословацкими и советскими хоккеистами за пределами площадки в целом поддерживались нормальные отношения. Иржи Холик признавался, что в советской команде было много харизматических лидеров, с которыми дружить ему доставляло истинное удовольствие. «Саша Якушев был блестящим организатором. Если мы приезжали в Москву, то по окончании

турнира он непременно отвозил нас за 30 километров от города – там находился хороший ресторан, где мы могли расслабиться вдали от чужих глаз. В эту же компанию входили Давыдов, Мальцев и, конечно, Валера Харламов – самый коммуникабельный человек в сборной СССР», – говорил Холик в интервью белорусскому изданию «Прессбол» в 2000-е годы. «Чтобы увидеть Якушева и Мальцева, надо только в Москву приехать. Я уверен, что они по-прежнему знают расположение всех хороших столичных ресторанов. Тем более что нам уже давно нет нужды от кого-то прятаться», – улыбаясь, заметил Иржи Холик.

Его родной брат и партнер по сборной Ярослав имел репутацию задиры. Рагулина, «советского богатыря», он отчего-то привечал «особою любовью». «Тренеры могли твердить ему с утра до вечера, чтобы он ни в коем случае не задирался с Рагулиным. Ярослав послушно кивал головой, мол, сколько можно твердить одно и то же, но едва начиналась игра, тут же находил Рагулина. И пошло-поехало… Как-то Саша отдыхал в Карловых Варах. Ярда узнал об этом, приехал к нему и… они уже не расставались до конца отпуска Рагулина. Настоящие профессионалы соперничают только на площадке, а в обычной жизни легко находят общий язык», – вспоминал Иржи Холик.

Другой легендарный чешский игрок, Владимир Мартинец, признавался, что Харламов запросто мог прийти к чехословацким хоккеистам после чемпионата мира и просто поговорить, как с хорошими друзьями. «Такими же запомнились Якушев, Мальцев, Ляпкин», – вспоминал Мартинец. Мальцева и Харламова он включил в свою версию символической сборной мира 1970-х годов. В то же время Мартинец утверждал, что расслаблялись советские хоккеисты только после окончания турниров и всегда знали свою меру. «У вас существовала железная дисциплина не только в быту, но и на площадке. Малейшие отступления от нее не то что не приветствовались, а всячески карались», – отмечал Мартинец. По его мнению, победить советских хоккеистов, тренировавшихся с утра до вечера под руководством таких фанатично преданных атлетической подготовке людей, как Тарасов, а затем и Тихонов, было практически невозможно.

Но вернемся к перипетиям событий швейцарского чемпионата. Встреча с чехами, проходившая 24 марта 1971 года, осталась в памяти болельщиков как настоящий «валидольный матч». Игра, где Мальцеву отличиться не удалось, завершилась со счетом 3:3. В те дни хоккейный чемпионат смотрела вся страна: от Калининграда до Петропавловска-Камчатского. Не была исключением и семья 21-летнего Саши Мальцева. В день

трансляции поединка с чехословаками мама хоккеиста Анастасия Степановна, братья нападающего Анатолий и Сергей, а также друг семьи Арарат Артаресович Попов расположились у телевизора. Арарат Попов вспоминает, что старший из Мальцевых – Николай Михайлович так переживал и страдал еще до начала матча, что ему не помогал и валидол. В конце концов он ушел в соседнюю комнату. Слушал эмоциональный репортаж Николая Озерова и догадывался по его восклицаниям и крикам родных, как проходила игра. Надо сказать, что Анастасия Степановна часто шутила, говоря, что считает мужа «нефартовым». В том смысле, что, когда он садится к телевизору во время матчей с участием Саши, команда последнего, будь то «Динамо» и реже сборная, почему-то постоянно проигрывала.

При счете 0:1 Николай Михайлович пошел из спальни в туалет. В этот момент, благодаря усилиям Фирсова, советские хоккеисты сравняли счет. Анастасия Степановна тут же закрыла мужа в туалете на шпингалет с наружной стороны, так сказать, чтобы «не сбить фарт». И хотя сборная СССР опять начала проигрывать, в результате сумела свести матч вничью 3:3. А «фартовый», как оказалось, глава семейства так и просидел в туалете до конца матча. Жаль, что самому Александру Мальцеву отличиться в этой встрече не удалось.

После этой игры в раздевалке сборной состоялся серьезный разговор тренеров с хоккеистами. В двух следующих поединках сборная СССР не оставила камня на камне от сборных Швеции (8:0 и 4 шайбы Фирсова) и сборной ФРГ (12:2). Мальцев снова «выстрелил дуплетом», дважды огорчив вратаря западных немцев. На следующий день подобное «дежа вю» испытали и финны. Они снова, как и на первом этапе чемпионата, уступили русским с разгромным счетом. На этот раз 2:12. И опять Мальцев забросил свои любимые на этом турнире две шайбы за матч. Таким образом, на счету молодого игрока советской сборной после семи проведенных встреч в активе было уже девять заброшенных шайб. Он был близок к тому, чтобы снова превысить «гроссмейстерскую отметку» в десять заброшенных шайб за чемпионат. И 30 марта 1971 года в победной встрече с командой США Мальцев забил еще один гол. В хорошем настроении он отправился готовиться к повторной встрече с чехословаками. Увы, но в этом поединке успех праздновали соперники советской команды. На пять шайб чехов советские хоккеисты ответили лишь шайбами Харламова и Мальцева. Причем исход этой встречи решился в заключительном периоде, когда сборная ЧССР забросила в ворота Виктора Коноваленко три безответные шайбы.

На чемпионате мира в Швейцарии впервые был введен

раздельный подсчет очков для чемпионатов мира и Европы, проводившихся одновременно. Благодаря удачному исходу противостояния во встречах со сборной СССР чехословацкие хоккеисты стали чемпионами Европы. Но, как и в предыдущих чемпионатах, чешская сборная, выплеснувшая все эмоции в матче с командой СССР и имея во встречах с ней положительный для себя баланс, споткнулась в играх с другими коллективами. Проиграв американцам со счетом 1:5 и шведам 5:6, чехи потеряли четыре очка и в споре за пальму мирового первенства отстали на один балл от советских хоккеистов.

Решающей для сборной СССР стала игра со шведами. Советские хоккеисты к третьему периоду встречи проигрывали со счетом 2:3. И тут произошел эпизод, который до сих пор вспоминают многие игроки сборной. Тарасов на этом швейцарском первенстве был особо горазд на выдумки и «приколы» и, похоже, больше всех переживал за итоговый результат. Зайдя в раздевалку команды СССР во втором перерыве, вдруг перебил проводившего разминку Чернышева и запел Гимн Советского Союза. «В этой истории мне больше всего запомнилось не пение Анатолия Владимировича, а последовавшая реакция Чернышева. Выждав, пока Тарасов закончит петь, Аркадий Иванович, еле сдерживая улыбку, сказал тихо, но так, что все в раздевалке покатились со смеху: “Ну, ты, певун, е… мать, чего распелся, нельзя ли потише!” Внешне все выглядело предельно дружелюбно, почтительно и мягко. Смешно было вдвойне, что, говоря абсолютно беззлобно и по-дружески, Аркадий Иванович разбавил эту фразу несколькими крепкими словечками. Естественно, мы расслабились, раскрепостились и вышли на третий период с одним желанием – не просто победить противника, а смять оборону шведов. Что, собственно, в итоге и сделали», – с улыбкой вспоминает Александр Мальцев. (О пении и импровизаторском таланте Анатолия Владимировича Тарасова читатель узнает в следующей главе.)

В заключительном третьем периоде советская команда буквально разорвала шведов, выиграв этот отрезок со счетом 4:0. Итак, сборная Советского Союза в девятый раз подряд завоевала золото чемпионатов мира. В десятку лучших бомбардиров турнира вошли семеро советских игроков: Анатолий Фирсов, Валерий Харламов, Александр Мальцев, Владимир Петров и Борис Михайлов (места с первого по пятое), Владимир Викулов и Вячеслав Старшинов. Мальцев на этом первенстве забил десять шайб. Кроме того, Харламов, Мальцев и Викулов были включены в символическую сборную чемпионата, а Фирсова признали еще и лучшим нападающим.

Девятое подряд золото мировых первенств стало последним в богатейшей коллекции наград у бессменного тренерского дуэта Чернышев – Тарасов. Через год с небольшим их «попросят» из сборной…

Глава седьмая
«ВТОРОЙ ОТЕЦ» АРКАДИЙ ИВАНОВИЧ ЧЕРНЫШЕВ. ЛЕД И ПЛАМЕНЬ: НАСТАВНИКИ МАЛЬЦЕВА В СБОРНОЙ – ЧЕРНЫШЕВ И ТАРАСОВ

Двадцатого апреля 2010 года, когда эта книга была практически готова к предоставлению в издательство, я заехал поздравить Александра Мальцева в «динамовский дом» – здание в Петровском парке, где располагаются главный офис спортобщества «Динамо» и штаб-квартиры динамовских клубов. Как всегда, полку желающих поздравить всенародного любимца все прибывало и прибывало, хотя у Мальцева была отнюдь не круглая дата. Выслушав поздравления гостей, именинник попросил слово у «тамады» Давыдова. И произнес душевный тост за своего крестного отца и учителя Аркадия Ивановича Чернышева, на могилу которого в тот день с утра он специально заехал и положил цветы.

«Что скрывать, та система с бесконечными сборами и диктатом тренеров лишала многих молодых игроков возможности видеть жизнь за пределами базы, индивидуальное мастерство нередко приносилось в жертву командной игре, импровизация иногда загонялась под тактические схемы, – Мальцев выдержал паузу, посмотрел на гостей, среди которых был сын Чернышева Борис. – Но я не был рабом. Я был внутренне свободен, благодаря Аркадию Ивановичу, который позволял мне многое, а главное – давал возможность творить на льду. Многое, чего греха таить, прощал, за что другие тренеры погнали бы из команды. Он относился ко мне со всей душой. И я отдавал всю душу, сражаясь за него на ледовых площадках. Для меня Аркадий Иванович – человек, который мне дал путевку в жизнь. И научил не бояться этой жизни…»

Мальцева в годы его хоккейной карьеры называли везунчиком. (И это заметим, при том обилии травм, что обрушивались на него едва ли не в каждом проведенном сезоне.) Он сам считает, что, по большому счету, в хоккее ему повезло в одном – в 18 лет встретить Аркадия Ивановича Чернышева, ставшего ему вторым отцом.

«У каждого человека есть свои плюсы и минусы. Случались и у меня взлеты и падения. Но был у меня и ангел-хранитель в лице

Аркадия Ивановича Чернышева. Знак судьбы – попасть к нему, человеку большого ума, такта и души. В 1967 году, когда меня пригласили тренироваться в именитый хоккейный клуб – московское “Динамо”, я чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Теперь понимаю, что мне повезло вдвойне. Не знаю, что было бы со мной без этого достойнейшего человека. На выездах он иногда селил меня в один номер с собой. Хотя обычно тренеры предпочитают одиночество. Наверное, я и впрямь был ему, как сын», – вспоминает Александр Мальцев.

«Саша приехал восемнадцатилетним в такой огромный город, как Москва, после никому не известного Кирово-Чепецка, да еще в такие времена, когда в командах царила практически казарменная обстановка. Сколько новичков не проходило испытание столицей с ее соблазнами. Даже трудно себе представить, что могло быть с Сашей, если бы не отеческая забота Чернышева. Саша отвечал Аркадию Ивановичу своей душой и любовью. Он сражался за него на льду и не мог его подвести, так как это было равносильно тому, чтобы подвести нежно любящего тебя отца. Саша понимал ту грань, которую нельзя переходить, чтобы не потерять доверие учителя», – говорит друг Мальцева, бывший президент ХК «Динамо» Сергей Сидоровский.

Юному Саше Мальцеву действительно несказанно повезло, что он попал именно к Аркадию Ивановичу Чернышеву, тренеру, который больше всего ценил в хоккеистах яркую индивидуальность и с отеческой заботой опекал и пестовал каждого талантливого спортсмена. Тот, кто учился у него хоккею, подтвердит, что Аркадия Ивановича нельзя назвать просто тренером. Многие хоккеисты сборной СССР и московского «Динамо» считали его своим «крестным отцом». Его исключительные чуткость и доброта нарушали, казалось бы, традиционно-привычные отношения, которые, как правило, складываются между тренером и спортсменом. «Он сразу же стал для меня очень близким человеком, с которым я всегда спешил поделиться радостью, находил поддержку при неудаче», – признается Александр Мальцев.

Друг мальцевской семьи Арарат Попов, который в компании родных хоккеиста у них дома смотрел по телевизору все матчи с участием Александра, а во время поездок в Москву видел тренировки «Динамо», вспоминает, что во время занятий Чернышев всегда восхищенно наблюдал за Мальцевым на льду. «Аркадий Иванович буквально светился от счастья. Так искренне радоваться может, пожалуй, только отец, который гордится тем, что вырастил настоящего мужчину и талантливого человека», – убежден Попов.

По его словам, однажды в 1971 году, после тренировки динамовцев, на которую Мальцев пригласил своего друга из Кирово-Чепецка, хоккейный мэтр позвал Арарата Попова на беседу в свой кабинет. Угостил душистым чаем, долго расспрашивал о Кирово-Чепецке, о родителях и семье Мальцева, а потом, находясь в прекрасном расположении духа, улыбаясь, предложил администратору «Олимпии» перейти на работу в «Динамо». «Ближе к Саше будешь, он еще молодой, присмотр нужен, а с тобой будет ему попроще. Будешь наблюдать за его игрой не у экрана телевизора, а со скамейки запасных», – убеждал гостя Аркадий Чернышев.

«Я тогда, по молодости, так и не понял, шутит ли Аркадий Иванович или предлагает работу всерьез, – говорит мне Арарат Попов. – Не любил я столичную суету, да и людей, которые пригласили меня на работу в “Олимпию”, я подвести не мог. В общем, понял меня Аркадий Иванович и сказал, что в “Динамо” я, как друг Мальцева, – всегда желанный гость». Спустя несколько недель динамовский наставник позвонил в Кирово-Чепецк домой родителям Мальцева и пригласил их за счет клуба приехать на важнейший матч чемпионата против «Спартака», чтобы поддержать сына.

«Папа с мамой собрались в дорогу, несмотря на то, что дел по хозяйству как всегда было невпроворот. В столице динамовцы встретили их как самых дорогих гостей, – вспоминает Сергей Николаевич Мальцев. – Перед игрой они перебросились всего лишь несколькими фразами с Сашей, который был целиком сконцентрирован на предстоящей игре. Родителей отвели в специальную ложу для почетных гостей в переполненные “Лужники”. Когда диктор объявил: “На матче присутствуют родители Александра Мальцева – Николай Михайлович и Анастасия Степановна”, почти все зрители во дворце спорта встали со своих мест и разразились овацией. Тогда в глазах родителей появились слезы гордости за своего сына».

Александр Мальцев в тот день играл с утроенными энергией и вдохновением, «отгрузил» в спартаковские ворота целых три шайбы, «Динамо» выиграло, а его самого признали лучшим игроком матча. Мальцеву подарили модную по тем временам немецкую радиолу «Грюндинг» (ту самую, что спрашивают у героя Андрея Миронова покупатели в фильме «Берегись автомобиля»). Ее Александр, выйдя из раздевалки, тотчас подарил своему отцу. Долгие годы Николай Михайлович Мальцев, едва появлялось свободное время, «ловил волны» по немецкому приемнику. В тот день осенью 1971 года, зная о стесненных квартирных условиях Саши Мальцева, Аркадий

Иванович Чернышев увез родителей хоккеиста на дачу и принял их у себя как самых дорогих гостей, не уставая повторять, какого прекрасного парня они вырастили…

«Надо было видеть, с каким наслаждением Аркадий Иванович смотрел на игру Саши Мальцева. Говорят, что родители больше любят не детей, а внуков. Наверное, таким можно назвать его отношение к начинающему хоккеисту “Динамо” и сборной. В “Динамо” Чернышев Александру прощал то, что никогда бы не было позволено “простому смертному хоккеисту”, – рассказывал автору этих строк Вячеслав Старшинов. – Именно он создал в сборной команде СССР атмосферу дружелюбия, порядочности, интеллигентности».

Талант выдающегося педагога и тренера у Аркадия Чернышева сочетался с удивительной скромностью. Его отличали сдержанность и корректность. Он не писал книжек и не любил светиться в прессе, совершенно, как сказали бы сегодня, «не умел пиариться». Скорее всего, именно поэтому о его выдающейся роли в становлении отечественного хоккея и клуба «Динамо» почти не знает молодое поколение игроков. От Аркадия Ивановича невозможно было услышать сетований: «Вот были люди в наше время…» А ведь ему было о чем вспомнить и рассказать. Таков в точности сегодня и сам Александр Мальцев, которого в период подготовки этой книги в силу большой скромности и сдержанности было трудно настроить на рассказ о его великих победах.

До Великой Отечественной войны, как футболист, Аркадий Чернышев дважды становился чемпионом СССР в составе московского «Динамо». Здорово играл в хоккей с мячом – четыре раза подряд выигрывал в составе «Динамо» Кубок СССР. В тандеме с Анатолием Тарасовым на более чем 20 лет они стали главными теоретиками и практиками хоккея с шайбой в Советском Союзе. Чернышеву принадлежит никем не побитый рекорд руководства игровым элитным клубом – он 28 лет подряд возглавлял хоккейное московское «Динамо». Под руководством динамовского наставника началось триумфальное шествие хоккейной сборной СССР по ледовым аренам мира: в 1954 году советские игроки впервые выиграли звание чемпионов мира, а в 1956-м стали олимпийскими чемпионами.

Аркадий Иванович ушел с тренерской работы в 1974 году. Но его неизмеримое никакими цифровыми показателями присутствие в московском «Динамо», в сборной страны, по словам Мальцева, чувствовалось постоянно. Ведь атмосферу дружбы и коллективизма, без которых победы в хоккее немыслимы, создал в этих командах именно Чернышев.

Самое поразительное состояло в том, что у Аркадия Ивановича Чернышева не было специального хоккейного образования. Это был тренер-самоучка, который доходчивыми словами умел доносить до начинающих советских хоккеистов представления о новой и совершенно незнакомой для них игре. Учил их и сам не стеснялся учиться. Именно эти навыки позволили Аркадию Ивановичу, будучи тренером сборной, в итоге выиграть четыре зимние Олимпиады, одиннадцать чемпионатов мира, а с «Динамо» – два чемпионата СССР.

«Он был великолепным тренером, и заслуга его состояла не столько в умелом построении тренировочных занятий, сколько в передаче нам чего-то от своего беспрерывно деятельного могучего ума, частицы своего “Я”. Он для нас в “Динамо” был не только блестящим учителем, но и консультантом по жизни. Он давал нам дополнительную жизненную энергию, многих из нас научил не только выполнять его указания, но и задавать вопросы, подвергать сомнению вроде бы непреложные истины, – признается Виталий Семенович Давыдов. – И зерно, посеянное им, дало всходы, которые давали урожай еще долго после того, как Аркадий Иванович закончил тренерскую работу».

Скорее не тактические новинки, привнесенные Аркадием Ивановичем в хоккей, а его уникальный педагогический дар вспоминают те, кто уже сами сегодня стали ветеранами, кому посчастливилось играть под его руководством. Он верил в игроков, доверял им. «Он был нам, как отец родной», – говорили все как один динамовские ветераны, с кем мне пришлось общаться в процессе работы над книгой.

«Человеком Аркадий Иванович был интеллигентным и остроумным. Ребята его любили. Одним своим присутствием Аркадий Иванович как бы расцвечивал нелегкие хоккейные будни, создавая благоприятный эмоциональный фон. Был он добрый (не добренький, мягкотелый), умел, когда надо, сгладить углы», – однажды написал Николай Эпштейн.

Чернышев не являлся сторонником «казарменной дисциплины». В то время условия проживания на спортивных базах и во время выездов в другие города были крайне скромными, игроки жили в тесноте (но, верится, не в обиде), словом, небо и земля, если сравнивать с тем комфортом, который имеется в сегодняшнем распоряжении у хоккеистов того же «Динамо». Именно в тесноте, да не в обиде – Чернышев, который по статусу мог требовать себе отдельного номера со всеми удобствами, опекая Мальцева, действительно селил его у себя во время выездов. «Никому не пожелаю быть таким “любимчиком”. Ох и доставалось мне от Аркадия Ивановича! Спрашивал он с

меня по полной программе. Но я все равно был очень счастлив», – с улыбкой вспоминает Александр Мальцев.

Валерий Васильев признавался: «Аркадий Иванович изобретал для Мальцева специальные упражнения на тренировках. Саша – натура поэтическая, мятущаяся, непостоянная, а у людей такого склада монотонный труд нередко убивает вдохновение». «Аркадий Иванович Чернышев “делал игру” на Мальцеве, предоставляя ему полную свободу действий на льду, разумеется, в интересах команды и в соответствии с поставленными тренером задачами, потому что тренер видел незаурядность, исключительность этого спортсмена, который мог и обязан был щедро проявлять свой талант, – писал арбитр Юрий Карандин. – Тренер был убежден, что все действия Александра будут служить интересам команды, а не собственному честолюбию. Предоставленная хоккеисту свобода позволяла ему полнее раскрывать себя, свои спортивные качества. Вряд ли кто-нибудь из тренеров сейчас отважится на подобный эксперимент, если даже в его команде обнаружится игрок уникальных способностей».

На примере Мальцева видно, как Аркадий Иванович берег талантливых спортсменов, искренне дорожил ими. Он говорил: «Я Александра Мальцева никогда не выпускал на поле, если команда играла в меньшинстве. Мальцев не создан для этого. Он умница, его надо использовать, когда у соперника четыре игрока. Зачем такого хоккейного “генерала” бросать в пехотную атаку?»

Почти в каждом очерке, каждом интервью с Мальцевым нет-нет да всплывет эпизод, как его чуть не переманил в футбольное «Динамо» Константин Иванович Бесков. Дело было в 1968 году, когда Саша Мальцев только прибыл в Москву и делал свои первые шаги в хоккее. В 1940– 1950-е годы были частыми случаи, когда футболисты летом занимались своим любимым делом, а во время зимней паузы с удовольствием меняли бутсы на коньки, кто, как Бобров, играя в хоккей с шайбой, кто, как Маслов и Трофимов, – в хоккей с мячом. Великий Лев Иванович Яшин сам любил встать в хоккейные ворота и отбивать летящие в них шайбы.

А уж о том, чтобы погонять мячик или шайбу друг против друга хоккеистам и футболистам родственного клуба в товарищеских матчах, вопросов и вообще не возникало – от таких предложений никто из них не отказывался. Кстати, Лев Иванович, который любил оставаться поработать на поле после окончания тренировок, часто на динамовской базе предлагал хоккеистам «постучать» по его воротам.

И вот в начале 1968 года футболисты дубля московского «Динамо» пригласили погонять с ними мячик динамовских

хоккеистов, среди которых был и молодой Саша Мальцев. Дело было как раз на базе в Новогорске. Туда на сбор одновременно приехали футбольная команда во главе с Бесковым и хоккеисты во главе с Аркадием Чернышевым. На этот раз тренеры договорились провести «серьезную» игру на большом футбольном поле, чтобы дать шанс динамовским футбольным резервистам показать себя в деле. Футболисты во время этого матча наткнулись на нешуточное сопротивление противника, сыграв с хоккеистами вничью 1:1. И отнюдь не мастера кожаного мяча, а игрок хоккейной команды солировал на поле, привлекая к себе внимание специалистов. Его игра поразила всех, включая Константина Ивановича Бескова. Хоккеист Мальцев играл гораздо лучше тех резервистов, кто, казалось бы, должен был лезть из кожи вон, чтобы доказывать свое право быть в основном составе футбольного «Динамо».

Раз за разом он оказывался в центре внимания – русоволосый, небольшого роста паренек. Играл в середине поля, ближе к нападению: и сам бил – резко, хлестко, прицельно, и давал изумительные пасы. Именно тогда Бесков, познавший в футбольном мире всё и вся, произнес свою знаменитую фразу: «Такого футболиста я еще не видел».

Подобного нестандартного и талантливого спортсмена, причем из мира хоккея, не наблюдали раньше и некоторые из тренеров, присутствовавшие на игре. Тут сделаем небольшое отступление. Динамовские ветераны и игроки команды СССР в один голос вспоминают, что Мальцев был классическим игровиком высшего разряда: великолепно играл в футбол и баскетбол, ему среди хоккеистов не было равных в поединках и на теннисном корте. «На тренировках Мальцев, бесспорно, был лучшим практически во всех играх. Причем играл где-то на уровне мастера спорта. Создавалось впечатление, что к нам на тренировку зашел игрок из этих видов спорта, – вспоминает Виталий Давыдов. – В футболе Саша любил играть в середине поля, на позиции под нападающими. Его “коронкой” было отдать пас на ход нападающему на 30–40 метров, причем пас очень точный и прицельный. Еще вспоминаю, что он был очень выносливый и мог спокойно бегать весь футбольный матч от штрафной до штрафной без видимой усталости. Во время той самой игры в 1968 году Саша выдавал такие прекрасные пасы, что Бесков то и дело хватался за голову».

Кстати, на дне рождения Мальцева в апреле 2010 года кто-то стал перечислять все спортивные игры, в которых в динамовском хоккейном коллективе Мальцеву не было равных. Назвали, разумеется, футбол, баскетбол, а также волейбол, гандбол,

теннис, как большой, так и настольный. И тут Юрий Очнев, под смех присутствующих, вспомнил, что Мальцеву не было равных еще и в домино. Не говоря уже о преферансе…

Но вернемся в 1968 год. После игры Бесков пригласил Мальцева в свой кабинет на базе и сказал: «Саша, на днях наша футбольная команда летит в турне в Южную Америку. Предлагаю тебе ехать с нами. В футболе ты показал себя с наилучшей стороны. В хоккее же твоя судьба еще никак не определилась. Короче говоря, съездишь с нами, а если не пробьешься в состав или передумаешь, вернешься в хоккейное “Динамо” к Аркадию Ивановичу». «Я был сильно в нем заинтересован. Но он, по-моему, – нисколько», – признавался Константин Иванович в одном из своих последних интервью в ответ на вопрос, действительно ли он так охотно желал увидеть Сашу Мальцева в составе футбольного «Динамо».

Виталий Давыдов вспоминает, что когда Мальцев передал Аркадию Ивановичу на словах свой разговор с Константином Бесковым, спокойный и интеллигентный Чернышев завелся и крикнул: «Что? Марш отсюда!» Потом немножко остыл и выслушал новичка. Вот как вспоминает ход дальнейших событий сам Мальцев. «Помню, в начале спортивного пути мне предложили поменять коньки на футбольные бутсы. Пришел к Чернышеву, рассказал о лестном предложении Константина Ивановича. “Выбирай сам, – спокойно сказал Аркадий Иванович и неожиданно стал вспоминать свою молодость. – Когда тебя не было на свете, я тоже играл в футбол, и, говорят, неплохо. Был до войны защитником в родном моем московском ‘Динамо’. Играл вместе с Сергеем Ильиным, Михаилом Якушиным… Футбол – дело очень интересное, и ты можешь стать неплохим футболистом. Но есть у тебя талант хоккеиста. Так что выбирай”. Но я почувствовал, что Аркадию Ивановичу будет грустно со мной расставаться. Из хоккея я не ушел», – признается Александр Николаевич.

Мальцев пришел к Бескову и, немного стесняясь, сказал: «Меня в хоккее с самого начала опекал Аркадий Иванович Чернышев, я его глубоко уважаю и никогда не предам». Встретив вежливый отказ, Бесков искренне удивился: «Потом пожалеешь, но поздно будет». Константин Иванович, конечно, был расстроен – из рук уплывает такой талант. Но его больше радовало другое. Паренек оказался человеком чести, не изменившим своему учителю и выбранному раз и навсегда призванию. Для Мальцева главным было слово, которое он дал Чернышеву. Слово учителю, которое оказалось выше всех посылов и ждавших его успехов на футбольном поприще.

Судьба отблагодарила хоккеиста. Он сразу же закрепился в «Динамо», а менее чем через год стал чемпионом мира. До самого момента ухода из жизни Бескова Мальцев оставался с футбольным наставником в очень хороших отношениях, всегда с благодарностью вспоминая о его приглашении играть в команде великого Льва Яшина. С лучшим футбольным вратарем XX века Мальцев часто общался на динамовской базе. «Помню, когда мы тренировались в Новогорске рядом с динамовскими футболистами, Саша подходил к Льву Ивановичу Яшину и просил у него постучать по воротам. Великий вратарь всегда соглашался, зная, что удары от Мальцева будут настоящей проверкой на крепость», – вспоминает Владимир Юрзинов.

«Я вообще не умел изменять – ни другим, ни себе. Моим крестным отцом был Аркадий Иванович Чернышев. Я обожал его. Я был не способен предать его», – в своей прямой, лаконичной манере говорит Мальцев, предлагая закрыть эту тему раз и навсегда.

Рассказ о наставниках Мальцева был бы не полным без воспоминаний об Анатолии Владимировиче Тарасове, многократном победителе с командой ЦСКА чемпионатов СССР по хоккею, человеке, обожавшем Мальцева – хоккеиста и неоднократно приглашавшего его в армейский коллектив. Мальцев убежден, что разговоры о том, что Тарасов спал и видел, как бы переманить ведущих динамовских хоккеистов в стан армейцев, не более чем слухи. «Он, как тренер сборной, всегда подчинялся Чернышеву и никогда не пошел бы на такой подлый поступок – украсть хотя бы одного игрока у динамовцев», – уверен Александр Мальцев.

Анатолий Тарасов впервые увидел Сашу Мальцева в финале одного из детских хоккейных турниров в родном для паренька Кирово-Чепецке. Тарасов, пестовавший юных талантов с момента их появления в детском хоккее, сразу обратил внимание на Мальцева, который выделялся среди своих партнеров и соперников. «Выделялся, хотя сия “заметная фигура” была и пониже, и помоложе на год-два всех прочих. Александр Мальцев нравился и любителям хоккея, и журналистам, и специалистам – всем. И было чем прийтись по вкусу: и этакой крылатой легкостью в ведении шайбы (в иное время он, казалось, летал по льду), и улыбкой, с которой он вел даже сложнейшие единоборства с соперником сильным, опытным, злым. Эти качества приводили зрителей, конечно молодых, желающих подражать Мальцеву, в восторг», – вспоминал в своей книге «Настоящие мужчины хоккея» легендарный тренер.

Тарасов тоже полагал, что Мальцеву несказанно повезло

попасть «в руки тренера-кудесника – Аркадия Ивановича Чернышева», чьи надежды он с полным блеском оправдал. Анатолий Тарасов вообще приравнивал к таланту умение хоккеиста полностью посвятить и подчинить себя работе на льду, признавать свои слабости и недостатки и беспощадно «выжигать» их. Многие выдающиеся хоккеисты, поигравшие под его началом в сборной СССР, в своих интервью до сих пор всегда говорят об умении Тарасова заставлять индивидуально сильных игроков подчинить свои интересы командным.

«В чем же секрет мастерства Мальцева? Почему партнеры рядом с ним становились на голову выше самих себя? Соперники постоянно робели перед Александром. И было отчего. Мальцев умел забрасывать шайбы самым именитым вратарям. Умел обыгрывать любых защитников – умелых и опытных, жестких и жестоких. И “секрет” заключался в том, что именно он успевал учесть, как среагирует противник на его движения, принять новое, неожиданное ради того решение, – продолжал Анатолий Тарасов. – Финты Мальцева, а Саша умело выполнял их движением и головы, и туловища, и клюшки – никогда не были чем-то заранее разученным. Он, по-моему, обожал создавать их непосредственно на площадке… Соперники, чтобы уберечь себя от Мальцева, прикрепляли, как правило, к нему двух сторожей, предоставляя внушительную свободу партнерам Александра. И воспользоваться этой свободой снова помогал одноклубникам Саша – он далеко не был жаден и вместе с особым мастерством, скрытно и остро выдавал такие пасы, что успешно завершить атаку мог даже новичок. Как в театр “на любимого актера”, так и на стадион “на Мальцева” ходило большинство любителей хоккея… Но актерской игрой я бы это не назвал – Александр в такие мгновения целиком принадлежал хоккею».

Тарасов особо ценил в игре коллективизм. Он любил говорить хоккеистам: «Вам необязательно ходить по базе в обнимку, вам необходимо понимать друг друга на льду». Анатолий Владимирович выделял такое качество у Александра, как умение сыграться с любым партнером, не уставал повторять, что хоккеисты, игравшие в тройке с Мальцевым, действительно «становились на голову выше самих себя». Хоккейный мэтр искренне восхищался тем, что Мальцев, чрезвычайно сильный индивидуально хоккеист, «наслаждается игрой на команду». «Индивидуально сильный игрок по воле своей, а иногда и вопреки ей, так или иначе ущемляет интересы менее ярких партнеров. Мальцев же, наоборот, умел создать для одноклубников такую обстановку, в которой они могли показать все, на что способны. Уверен, многие его партнеры по звену всю

жизнь будут помнить годы, проведенные на льду рядом с Мальцевым», – писал Анатолий Тарасов в своей книге «Настоящие мужчины хоккея».

Аркадий Чернышев долгие победные годы в тандеме с Анатолием Тарасовым руководил советской сборной. Внешне два антипода, но не антагониста – хладнокровный, никогда не повышавший голоса, уравновешенный, немногословный тренер «Динамо» и темпераментный, для кого-то просто невыносимый, остро реагировавший на свой редкий проигрыш, на любую критику, любитель правды-матки – армейский наставник, они работали в сборной душа в душу.

Это были настоящие лед и пламень. Никто из хоккейных аналитиков сейчас и не припомнит, кому именно из больших начальников пришла в голову мысль создать пару: Чернышев – Тарасов. Достоверно известно, что Тарасова и Чернышева, перед тем как назначить на работу тренерами сборной СССР, вызвали в ЦК КПСС и доходчиво объяснили, что вся их дальнейшая работа должна строиться на принципах товарищества и взаимного уважения друг к другу. Говорят, что еще до их объединения в сборной Тарасов за спиной любил поддеть Чернышева, однажды даже назвав его «юродивым», а так – несколько пренебрежительно «Адькой». А когда начал работать с ним вместе в сборной и проникся к нему искренним уважением, прочувствовав на деле порядочность, интеллигентность Чернышева, от былых прозвищ не осталось и следа. Адька стал Адиком.

Их внешнее отличие проявлялось действительно во всем, начиная с манеры одеваться на тренировках. Аркадий Чернышев, как правило, был в неизменном на протяжении многих лет шерстяном спортивном джемпере под пиджаком. Одевался во все черно-серое, в стиле, подчеркивающем, что он любит находиться в тени. А Анатолий Тарасов, напротив, часто щеголял в вызывающем, цветастом, броском спортивном костюме с буквой «Т» (первая буква фамилии) на спине, там, где у хоккеистов обычно пришивались в те годы номера.

Совершенно по-разному вели они себя и во время тренировок. Чернышев, как правило, молча наблюдал за действиями хоккеистов, предпочитая делать пометки в блокнот. Тарасов на подобных занятиях в ЦСКА и в сборной был само движение, страсть, энергия. При большом стечении публики, журналистов, обожавших наблюдать за ним в эти минуты, иногда брал в руки микрофон, хотя хоккеисты и так его прекрасно слышали. «На тренировках Тарасов был бог!» – эта фраза принадлежит Валерию Харламову, любимому ученику мэтра. Тот сам работал на пределе сил и требовал такого же фанатичного

отношения к хоккею от своих подопечных.

«Тарасов вел тренировки с энтузиазмом, зажигал ребят, был строг к тем, кто ленился, придумывал интересные упражнения. Требовал многого, но мы заводились и работали на совесть. Иногда кое-кто из ребят пытался поддеть Тарасова, но все заканчивалось в его пользу, – вспоминал Борис Михайлов. – У Аркадия Ивановича же была крепкая нервная система, я никогда не видел его вспыльчивым, его невозможно было вывести из равновесия. Даже когда мы проигрывали важнейшие матчи, Тарасов буквально носился вдоль скамейки, а Чернышев невозмутимо стоял у бортика, ничем не выказывая волнения».

Тарасов действительно был «фонтаном эмоций и страстей», великим трудоголиком с неповторимым артистизмом. Он и строил свою речь так, что его отдельные фразы, наподобие «Есенина русского хоккея», сказанной о Мальцеве, разлетались на поговорки и легко становились газетными заголовками. Не случайно, общаясь с ним, журналисты ждали от острого на язык мэтра какого-то оригинального экспромта: вдруг он спровоцирует спор с репортерами и сам начнет задавать им вопросы. Не случайно Тарасов был находкой для объективов фотографов и камер во время телевизионных трансляций.

Два совершенно непохожих на тренировках наставника, они по-разному вели себя и во время матчей. Аркадий Иванович стоял или сидел на месте, почти молча, лишь изредка своим негромким голосом делая короткое замечание сменившемуся игроку. Ему не было равных в таланте дирижирования игрой, в принятии решений, какое именно звено выпустить на площадку в тот или иной момент игры. Ему не было равных и в умении общаться с новобранцами. Мальцев вспоминает, что порой Аркадию Ивановичу хватало нескольких слов, чтобы найти общий язык с молодым человеком, вызвать на откровенность, чтобы затем доходчиво показать и объяснить, каким тренер хочет видеть молодое дарование на льду и за его пределами. Аркадий Иванович был внимателен к игрокам, жил их заботами. Неслучайно они приходили к наставнику не только по хоккейным делам, но и, как говорится, «излить душу», зная, что тренер выслушает их с вниманием, даст совет, и если это зависит от него, то обязательно поможет.

«Аркадий Иванович почти не повышал голоса, да это ему и не требовалось. Сама манера его поведения – уравновешенная, мудро-спокойная, уверенная – благотворно действовала на коллектив. Чернышева, по-моему, ничто не могло вывести из себя, – писал в своей книге «Хоккейная эпопея» Владислав Третьяк. – Однажды во время олимпийского турнира в Саппоро

один из соперников нашей команды явно умышленно, желая как-то нас раздразнить, спровоцировать, бросил шайбой в Аркадия Ивановича, который стоял у скамьи. Чернышев даже не переменил позы: как стоял, облокотившись о бортик, так и остался стоять. А хулигана того, к слову сказать, наши ребята крепко проучили».

Хоккеисты советской сборной вспоминают, что это умение Чернышева владеть собой, сохранять невозмутимость даже в самые трудные минуты матча, это подчеркнутое спокойствие передавалось команде и часто выручало даже тогда, когда ничья и тем более победа казались недостижимыми и совсем безнадежными. «Раз тренерская мысль работает четко и ясно, раз мы живы и здоровы и полны сил, значит, судьбу еще можно переломить. Да мы и переламывали ее нередко… За историю своего существования сборная СССР девять раз подряд побеждала на мировых чемпионатах. И все эти девять раз старшим тренером был Чернышев. Уверен, что именно это свойство характера Аркадия Ивановича сыграло тут очень существенную роль», – вспоминал Борис Майоров в начале 1970-х годов.

Напротив, про таких людей, как Тарасов, говорят, что он не может усидеть на месте больше минуты. Стихией Анатолия Тарасова было находиться в гуще событий на льду и за его пределами. Страстный, всем сердцем переживающий за игру и результат, во время матча он постоянно ходил вдоль скамейки, находя какие-то слова для каждого хоккеиста. Причем у него была такая особенность – чем лучше шли дела у команды, тем эмоциональнее и страстнее вел себя Анатолий Владимирович, да так, что его призывы, обращенные к игрокам, слышали не только они сами и зрители поблизости, но и весь болельщицкий сектор. «А как Анатолий Тарасов заводил нас на борьбу с чехами, стоя у бортика: “Что ждете, бейте, давите их!” Был случай, когда Йозеф Голонка, знавший русский язык, услышал, что кричит Анатолий Владимирович, и со злости бросил шайбу прямо в нашего тренера», – писал Борис Михайлов в своей книге.

Впрочем, говорить о том, что Тарасов все 24 часа только и думал, что о хоккее, сжигая налево и направо свои эмоции во время игр и тренировок, было бы в корне неверным. Анатолий Владимирович первым почерпнул от канадцев удивительное умение «включаться в хоккей» только на время игр и тренировок, заводиться на льду только в отведенное для этого время. Он понимал, что если все время зацикливаться на хоккее и думать о нем, можно не только перегореть психологически, но и надорваться физически, с тяжелыми последствиями для организма.

При таких колоссальных нагрузках оба тренера знали, как лучше снять напряжение после игр и тренировок. Тарасов уходил в лес собирать грибы, причем умел сушить, мариновать, солить их. «Все, за что папа ни брался, он делал со страстью. Собирал грибы. Солил бочками огурцы, капусту, помидоры, яблоки. Чинил всей семье обувь. Засаживал дачу цветами и голубыми елями, – вспоминала дочь тренера, Галина Тарасова. – Когда у него начали болеть ноги, он надевал хоккейные наколенники и работал в саду. Случись на даче застолье, он всегда сам накрывал стол. Выпить мог, но пьяным я его никогда не видела. И что бы ни случилось, кто бы ни был у нас в гостях, в 21.30 отец уходил спать. Просто пропадал – и все. Когда его спрашивали, что привезти с собой на дачу, он всегда говорил: “Только хорошее настроение”».

Аркадий Иванович Чернышев был заядлым рыболовом, мог часами просиживать с удочкой на речке. Ветераны хоккея вспоминают один эпизод из жизни Чернышева. В 1969 году после победного чемпионата мира власти подарили ему новенькую «Волгу». Спустя некоторое время ее угнали. Нашли машину через несколько дней, бросив на поиски лучшие силы МВД, для которого найти автомобиль динамовского наставника было делом чести. Наконец нашли, позвали тренера, чтобы обрадовать его и показать «находку». Аркадий Иванович первым делом полез в багажник и радостно воскликнул: «Все в порядке!» Похоже, его больше радовало не столько уцелевшая машина, сколько драгоценные рыболовные снасти, которые он недавно привез из Швеции.

Виталий Семенович Давыдов признавался мне, что хоккеисты конечно же догадывались о том, что взгляды на хоккей у двух наставников не совпадали. Тем не менее, когда речь заходила об игре сборной, это были два единомышленника. «Мы не всегда понимали, по чьему плану – Чернышева или Тарасова – играем в очередном матче. Их единодушие в ответственные моменты, на мой взгляд, скорее всего, объяснялось тем, что ни тот ни другой не только не заканчивали Высшей школы тренеров, но не учились и в институте физкультуры. Поэтому в спортивных ситуациях они обязательно прислушивались друг к другу, что лишний раз только подчеркивало их взаимное уважение, в том числе и в смысле знаний, хотя роли в сборной у них были разные: Аркадий Иванович являлся организатором, мозгом команды, а Анатолий Владимирович был силен в тренировочном процессе, поэтому чаще напарника проводил занятия, – говорит Виталий Давыдов. – Но главное, что объединяло Чернышева и Тарасова, – это то, что они были тренерами от Бога с поразительной интуицией,

пониманием игры, поэтому какими бы путями они ни шли к высокой цели, часто ее достигали».

Советские хоккеисты знали, что, прежде чем принять какое-то важное решение, два тренера подолгу спорили и часто, несмотря на внешнее хладнокровие Чернышева, срывались на крик. Но наступал день решающей игры и на глазах игроков они становились слаженным дуэтом, во всем поддерживая друг друга. На установках Чернышев, как старший тренер, говорил первым, как правило, тщательно подбирая фразы, порой сдержанно и сжато излагая план матча и давая задания каждому из игроков. Затем наступала очередь его формального «помощника». Тарасов обязательно дополнял повествование в красочных и более эмоциональных тонах. Его речь была до предела насыщена эмоциями и часто перемежалась восклицаниями и «не посрамить себя и близких», «отдать все силы игре» и т. д. «Все необходимые для победы тренерские знания передавались нам не только в предматчевых установках накануне конкретных игр, а постоянно, на каждом занятии, на протяжении десяти лет. Так что перед выходом на лед не всегда требовался детальный разбор возможных вариантов игры – достаточно было лишь напомнить нам о том, что ничего нового произойти не может, что очередной матч – это не более чем повторение пройденного. И этого нам действительно хватало для очередной победы», – вспоминает Виталий Давыдов, пришедший в сборную на несколько лет раньше Мальцева.

Тарасов и Чернышев были выдающимися психологами. Мальцев признается, что игроки верили этим двум тренерам даже больше, чем самим себе. Анатолий Владимирович любил выступать на комсомольских и партийных собраниях в ЦСКА и сборной. «Он придавал им большое значение, сам выступал с присущим ему блеском, критиковал, наставлял, призывал, и ведущие игроки так же серьезно разбирались с теми, кто плохо тренировался, играл. Не было каких-то недомолвок, все делалось открыто, поэтому на замечания никто не обижался, не вставал в позу», – говорит Борис Михайлов. И Михайлов, и Виталий Давыдов вспоминают, как Анатолий Владимирович однажды в раздевалке сборной на чемпионате мира 1969 года в перерыве неудачно складывавшегося матча со шведами вдруг запел «Интернационал», а потом командирским голосом приказал: «Выиграть обязательно!»

«Тарасов тогда не выдержал смеха и шуток со стороны некоторых хоккеистов во время выступления Аркадия Чернышева и вдруг ни с того ни с сего запел: “Это есть наш последний и решительный бой…” С игроков мигом слетела блажь и спесь, –

вспоминает Виталий Давыдов. – Мы действительно заиграли так, как в предыдущем периоде казалось немыслимым, и в немалой степени потому, что увидели на успокоившихся лицах тренеров уверенность в том, что нам и сегодня по силам изменить ход встречи. И они не ошиблись – мы победили! Важно, что это все произошло в момент наивысшего накала страстей».

Истории о пении Тарасова уже настолько обросли легендами, что в ряде источников говорится о том, что однажды в 1970-е годы Тарасов «завел хоккеистов», исполнив во втором перерыве Гимн Советского Союза.

И хотя многие ветераны признавались мне во время работы над книгой, что Анатолий Владимирович пел «один, максимум два раза», таких случаев я насчитал несколько и предлагаю читателям послушать прямую речь других героев сборной. Сначала я спросил у знаменитого стража ворот сборной СССР, ныне главы Федерации хоккея России Владислава Третьяка, который дебютировал в сборной 3 декабря 1969 года, о том, действительно ли Тарасов пел советский гимн хоккеистам в раздевалке. «В годы, когда я тренировался под началом Анатолия Владимировича, он пел, – улыбнулся Третьяк. – Но не гимн, а песню про “Черного ворона”. Мы играли со шведами финальный матч чемпионата мира в 1971 году. Уступали им со счетом 1:2, ничего не ладилось, не могли подобрать ключики к воротам скандинавов. Возвращаемся в раздевалку. Нас встречает очень спокойный для себя Тарасов. Выдержал паузу и вдруг как протяжно затянет: “Черный ворон, что ж ты вьешься над моею головой”… Мы, хоккеисты сборной, просто были в шоке. Но вышли на матч после перерыва и одолели соперников. Тарасов есть Тарасов. Это психолог», – заключил Третьяк.

Тему «пения» Тарасова я затронул в беседе с Вячеславом Ивановичем Старшиновым, который поработал под его руководством в сборной в 1960-е годы и уже не застал исполнение тренером «Черного ворона». «При мне “Интернационал” Тарасов не пел. Вы, как говорится, слышали звон, – ошарашил меня Вячеслав Иванович. – Он пел перед дебютной игрой на одном из чемпионатов мира в середине 1960-х “Врагу не сдается наш гордый ‘Варяг’”. Но пел не в перерыве матча, тем самым пытаясь завести нас, не на публику, а больше для того, чтобы успокоить себя. Самое поразительное в этой истории было то, что во время исполнения первого куплета Тарасов вдруг отошел в туалет, и слова знаменитой песни были мне слышны уже оттуда. Вышел он довольный, при этом совершая какие-то движения ладонями рук, то складывая их, то опуская. Прямо как буддист. Видели это немногие. Но оценили то, как

тренер настраивается на долгий турнир. Но это не главное. У каждого, как говорится, свои бабочки летают в голове. Главное, что у нас команда была – супер», – улыбаясь, завершает эту тему Вячеслав Старшинов.

Еще от одного из ветеранов я узнал, что Анатолий Владимирович все-таки спел «Интернационал» в матче со шведами на Олимпиаде в Саппоро в 1972 году. Перед третьим периодом советская сборная уступала шведам со счетом 1:3, однако после того, как тренер напомнил напев о «последнем и решительном бое», игроки собрались и сравняли счет в поединке.

Тарасов был не только великим психологом, но и потрясающим импровизатором. Когда сборная СССР в 1968 году готовилась на сборах к предстоящим зимним Олимпийским играм, он вдруг неожиданно повел всю команду в бассейн, построил у вышки и сказал, что сейчас все присутствующие должны будут прыгнуть в воду с высоты десяти метров.

«А ну-ка, Боря, давай первым, покажи пример», – обратился Тарасов к капитану сборной спартаковцу Борису Майорову. Тот взял и с подачи одного из острословов подначил тренера, дескать, мы не знаем, как прыгать вниз, слабо ли вам, Анатолий Владимирович, подать хоккеистам пример и самому прыгнуть в бассейн. Тарасов, армеец до мозга костей, с его «особой любовью» к «гражданским» спартаковцам, помолчал секунду, резко подошел к краю вышки. Хорошо рядом был профессиональный прыгун, который подсказал Тарасову, ни разу до этого не прыгавшему в жизни с вышки, что «в воду надо уходить головой и ни в коем случае не отталкиваться при прыжке». Тарасов так и сиганул в бассейн. Следуя совету пловца, прямо в тренировочном костюме, в котором был, «нахохлившийся и раскрасневшийся»… Потом целый год до своего ухода из сборной СССР Борис Майоров тренировался на «особом прицеле» Тарасова.

«И все-таки, что было, если бы вы оказались не в “Динамо” Чернышева или в “Химике” Эпштейна, а, представим, в ЦСКА у Тарасова?» – спросил я у Мальцева. Он сначала напрягся, подумал, а потом ответил одной фразой, по-мальцевски, при этом улыбаясь: «Я бы оттуда сбежал»…

Тарасов и Чернышев стояли у истоков создания той самой «красной машины», которую многие хоккейные специалисты именуют лучшей в хоккейной истории сборной СССР. Именно при Тарасове и Чернышеве советская сборная «второго поколения» хоккеистов, тех, кто играл под их руководством в 1960-е, заложила принципы ведения игры национальной команды. Как можно быстрее добиться успеха, психологически надломить соперника, а уж потом спокойно доводить матч до победы. За

девять лет, с 1963 по 1972 год, прошедших после первого победного для этого поколения чемпионата мира в Стокгольме, сборная СССР не проиграла ни одного крупного соревнования. И благодаря Чернышеву и Тарасову эта уверенность в превосходстве над многими соперниками не переросла в самоуверенность.

К сожалению, судьба и Аркадия Ивановича Чернышева, и Анатолия Владимировича Тарасова после окончания их тренерской карьеры – это еще два горьких примера отношения к талантам в России. Из серии: поблагодарили и забыли…

Не секрет, что при жизни Анатолий Тарасов из-за своего строптивого, конфликтного характера имел много недоброжелателей. «Тарасов был неподражаемым мастером создания конфликтных ситуаций. Конфликты ему были нужны для того, чтобы доказать собственную правоту и благополучно разрешить их в собственную пользу, – полагает Григорий Твалтвадзе. – В этом его отличие от Аркадия Ивановича Чернышева, который создал в “Динамо” такую атмосферу внутри команды, которая сама по себе позволяла избежать конфликтных ситуаций».

В связи с излишней эмоциональностью Тарасова в прессе часто вспоминают эпизод, случившийся в конце хоккейного сезона 1968/69 года, когда «Спартак» и ЦСКА до последнего тура спорили за победу в чемпионате СССР. И надо же такому случиться, заключительный тур подарил настоящую кульминацию чемпионату. Именно в очной встрече друг с другом армейцы и спартаковцы должны были выяснить, кто из них более достоин носить звание победителей чемпионата. Причем если спартаковцев, опережавших ЦСКА на одно очко, устраивала ничья, то армейцам для общего успеха в чемпионате требовалась только победа.

Ажиотаж вокруг матча был неимоверным. Лишние билеты в «Лужники» не сумевшие приобрести их зрители начали спрашивать за три с лишним часа до матча. Встреча транслировалась, как сейчас говорят, в прайм-тайм по Центральному телевидению, а на матч приехали несколько руководящих работников компартии во главе с Леонидом Ильичом Брежневым. В то время в народе судачили, что Брежнев болеет за «Спартак», но на самом деле всесильный генсек от души симпатизировал армейцам.

В третьем периоде «Спартак» вел со счетом 2:1. Истекала десятая минута заключительного отрезка игры и, по правилам тех лет, должен был прозвучать сигнал на небольшой перерыв. Тогда третий период делили на две половинки. И в этот самый ответственный момент непростого для двух команд поединка

отказало световое табло, на котором велся отсчет времени матча, а армеец Владимир Петров забил второй гол в ворота «Спартака». Но судьи его не засчитали. Они объяснили свое решение тем, что на контрольном секундомере у судей во время броска Петрова время истекло и, следовательно, первая половина третьего периода закончилась. А свистка было не слышно, поскольку он потонул в шуме трибун.

В этот момент в душе Тарасова разразилась настоящая буря. Он, как ему казалось, справедливо настаивал на том, что его подопечные не слышали свистка и забили шайбу по правилам. Все попытки непобедимого Тарасова, от команды которого в кои-то веки ускользало чемпионство, доказать, что правы армейцы, натыкались на аргументы судей: время истекло, а значит, шайба не может быть засчитана. Вспыльчивость толкнула Тарасова на крайне эмоциональный поступок. Зная, что на матче, который впрямую транслируется по телевидению, присутствуют «ответственные товарищи» и игру смотрит сам Брежнев, он, тем не менее, решился увести армейских хоккеистов в раздевалку. В знак протеста. На целых полчаса. И лишь после уговоров чиновников, грозящих санкциями, Тарасов нехотя вывел армейцев на лед. Последние десять минут прошли при полном преимуществе «Спартака», хоккеисты которого забили в ворота психологически надломленного ЦСКА еще один гол, в итоге одержав победу в матче, а с ним и в чемпионате СССР.

«Когда папа шел к выходу из дворца спорта, спартаковские болельщики клоками вырывали волосы с его головы. А он продолжал идти, как скала, будто вообще ничего не происходило. Когда мы сели в машину, толпа подняла ее и попыталась перевернуть. Отец спокойно поднял стекло и сказал, что готов ответить на любые вопросы. Несмотря ни на что, его боялись и уважали. Машину тут же опустили и стали расходиться, – вспоминала дочь хоккеиста, знаменитый тренер по фигурному катанию Татьяна Тарасова. – После матча с папы сняли звание заслуженного тренера СССР. Это был большой удар. Он упал на кровать и заплакал. Через несколько месяцев звание восстановили. Отец тогда сказал: “Понимаю, за что отобрали, не понимаю, за что вернули”».

За годы работы Анатолия Владимировича Тарасова в клубе и сборной не всем нравилось, что легендарный тренер, благодаря которому мы обязаны появлением в нашей стране «Золотой шайбы», открывшей сотни талантливых мальчишек, не умеет спокойно переносить незаслуженные обиды. Что он, уже находясь на пенсии, не удовлетворяется достигнутым, стремясь советовать своим последователям, как сделать игру ЦСКА и сборной еще

лучше. В последние годы жизни заметно сдавший внешне Тарасов все же выбирал время, чтобы прийти на хоккей, с трудом, только при помощи тросточки, поднимался на свое место в «Лужниках» и молча, без комментариев, с, казалось, потухшими глазами смотрел на лед. Видя его состояние, и вездесущие болельщики старались не особо беспокоить мэтра.

О Тарасове в его родном клубе одно время вообще забыли. В первой половине 1990-х годов во время неразберихи в руководстве хоккейного ЦСКА самый титулованный тренер армейского клуба, сделавший для его прославления, наверное, больше любого другого человека, находился попросту в опале. Тогдашнему руководству не нужны были советы мэтра. На армейской аллее Славы, во многом благодаря стараниям тогдашнего главы Росспорта Вячеслава Фетисова, его бюст был установлен лишь в 2006 году.

В канадском Музее истории и славы хоккея в Торонто удостоены чести и памяти немногие из избранных, лучшие из лучших, выдающиеся игроки и тренеры. И там, где до определенного времени даже не были увековечены американцы, игравшие в канадских командах, но не являвшиеся гражданами Канады, в 1974 году поместили художественный портрет Анатолия Тарасова. Его сопроводили таким текстом: «А. Тарасов – выдающийся хоккейный теоретик и практик, внесший огромный вклад в развитие мирового хоккея. Мир должен благодарить Россию за то, что она подарила хоккею Тарасова». Он стал первым в истории европейцем, удостоенным права войти в Зал избранных. Лишь спустя годы туда приняли неизменного в течение многих лет главу ИИХФ, британца Джона Ахерна.

«Его приглашали работать в Америку за три миллиона долларов в год. Когда он умер, на его счету была одна тысяча долларов, – вспоминала дочь хоккеиста Татьяна Тарасова. – Я до сих пор думаю: если бы отец уехал в Америку, он бы не умер так рано. Но его не отпускали, даже не говорили о предложениях, которые поступали. В родной стране его сначала погубили как профессионала, лишив возможности работать. А потом как человека – по халатности заразив при проведении осмотра смертельной инфекцией».

Умер Анатолий Владимирович Тарасов в июне 1995 года…

Крайне безрадостно закончил свою жизнь основатель хоккейного «Динамо» Аркадий Чернышев. В октябре 1974 года его после 28 лет руководства клубом попросили на пенсию. Формальный повод действительно был – динамовскому наставнику как раз полгода назад исполнилось 60 лет. И хотя он еще некоторое время входил в тренерский штаб сборной, имя его

все реже мелькало в прессе.

Когда в 1994 году в некоторых газетах появилась заметка о кончине Аркадия Ивановича, многие болельщики недоумевали – неужели он до сих пор был жив? А между тем Чернышев, почти всеми забытый, полупарализованный, более десяти лет коротал свои дни в своей небольшой квартире рядом с метро «Войковская». С ним часто созванивался и приходил в гости Александр Мальцев, и хоккеисты знали, что если надо узнать о Чернышеве, лучше всего спросить у Саши.

Беда с Чернышевым произошла в 1983 году, когда Центральный совет «Динамо» проводил торжественный вечер по случаю 60-летия спортивного общества. Туда пригласили всех заслуженных ветеранов и некоторых действующих спортсменов, прославлявших «Динамо» на протяжении нескольких десятков лет. Кому, как не Чернышеву, который создал хоккейное «Динамо» с нуля, вывел его в первые чемпионы СССР, заложил на десятки лет вперед основы стиля самой команды, наконец, создал динамовскую детско-юношескую школу, сейчас носящую его имя, должно было быть уделено приоритетное внимание? Но в отличие от других ветеранов, которым раздали правительственные ордена и медали (а ведь Чернышев прославлял и Советский Союз), создателя хоккейного «Динамо» «отблагодарили» обычной грамотой. Из разряда тех, которые дают отличившемуся школьнику или студенту на спортивных соревнованиях. Такова была «благодарность» выдающемуся тренеру.

Это сильно задело самолюбие наставника, который, будучи замкнутым и спокойным человеком, все беды и неудачи переживал внутри себя, не делясь ни с кем своими эмоциями и переживаниями. Аркадий Иванович, не дожидаясь окончания торжеств, плюнул на все и поехал домой. Поставил машину в гараж и с горя выпил полстакана водки. До своего подъезда он так и не дошел. Неожиданно упал, сраженный инсультом, и долго пролежал на земле в сквере, пока сыну Борису не сообщили об этом. «Чернышев так и не оправился от удара, утратив всякий интерес к жизни. Мы, конечно, не забывали о нем, часто навещали своего замечательного тренера, тем не менее помочь ему уже ничем не могли, – вспоминает Виталий Давыдов. – Аркадий Иванович принадлежал к сильным натурам, в жизни стойко перенес не один нокдаун, но не смог пережить оскорбления, полученного от чиновников родного общества».

Выдающегося наставника «Динамо» и сборной СССР похоронили на Ваганьковском кладбище. Два раза в год в день его рождения и на годовщину смерти сюда съезжаются

прославленные ветераны, те, кто тренировался под его началом, простые болельщики, приходящие отдать дань этому удивительному человеку и тренеру. Александр Мальцев приезжает сюда не только в памятные дни, а значительно чаще.

Память о создателе хоккейного «Динамо» свято чтят в динамовском хоккейном клубе. Стяг с его портретом одним из первых появился над сводами домашней арены в «Лужниках», а десятки мальчишек горды тем, что занимаются в динамовской детско-юношеской школе имени Аркадия Ивановича Чернышева.

Глава восьмая
«КОМАНДА МОЛОДОСТИ НАШЕЙ». СИМВОЛИЧЕСКАЯ СБОРНАЯ МАЛЬЦЕВА

«Я счастливый человек. Мне довелось выступать с такими звездами, о встрече с которыми можно только мечтать. Валерий Харламов, Анатолий Фирсов, Владимир Викулов… Комментарии нужны?» – как-то признался Александр Мальцев, который много лет в «Динамо» опровергал известный тезис о том, что «один в поле не воин».

«Однажды я был свидетелем такой сцены в нашем динамовском клубе. В кабинете тогдашнего его президента Михаила Титова встретились Мальцев и Фахрутдинов, один сезон игравшие в первой тройке. К нашему удивлению, Фахрутдинов разговаривал с бывшим партнером на “вы”, называл его Александром Николаевичем, что в нашей среде, особенно среди сверстников, не принято, – вспоминает Виталий Давыдов. – И тогда Фахрутдинов рассказал такую историю: “Когда меня включили в звено Мальцева, на первой же тренировке он очень доходчиво объяснил мне, где я должен находиться в той или иной ситуации. Я старался следовать указаниям нашего лидера и стал одним из лучших бомбардиров чемпионата. В следующем сезоне нас разлучили, и я сразу утратил снайперские качества, хотя физически чувствовал себя превосходно”».

Не зря говорят, что тема партнеров – совершенно особая глава в хоккейной жизни Мальцева. Несмотря на свою внешнюю закрытость, Александр Мальцев из породы тех людей, которые «отдадут последнюю рубашку». «Я и вправду человек довольно замкнутый, всем подряд не открываюсь. Но когда чувствую искреннее отношение, поверьте, ради таких людей я всю душу наизнанку способен вывернуть», – подчеркивал в одном из интервью Александр Мальцев.

Эта черта характера во многом повлияла на манеру игры Мальцева – он никогда не жадничал и даже, находясь в более выигрышной ситуации, предпочитал сыграть на товарища по команде. Ведь начинал свою хоккейную карьеру он центральным нападающим, одна из главных задач которого – раздавать голевые пасы своим товарищам по звену. «Он был очень хорош, как центральный нападающий, а у нас в хоккее говорят, покажи мне, кто центральный нападающий, и я скажу, какая у тебя тройка. Да

и слева, и справа в нападении Саша играл без каких-либо проблем, – вспоминает в разговоре со мной Борис Михайлов. – При этом Александр настолько комфортно уживался на льду с новыми партнерами, что у нас в сборной говорили: “Проблемы в тройке? Поставьте туда Сашу Мальцева”. Особо ценным в его игре было то, что отличает великого мастера от других хоккеистов – попав в новую тройку, Саша показывал, что в первую очередь будет играть на партнеров, а не на свои индивидуальные показатели. Потому так любили играть с ним молодые ребята, чье мастерство рядом с Мальцевым росло на глазах».

«В сборной Саша был как пожарник, в том смысле, что всегда приходил на помощь, когда нужно было заменить человека, из-за травмы или по другой причине выпавшего из звена, – вспоминает Александр Якушев. – Не зря Тарасов и Чернышев говорили, что Саша Мальцев – это наша заплатка. Где нужно усилить звено или закрыть дыру, туда ставили Мальцева».

«Просто так с новыми хоккеистами с листа никогда не сыграешь. На это требуется время. Надо понять их, изучить, догадаться, направлять ли их на льду или тащить их за собой. Саше этого не требовалось. Он понимал партнеров с полуслова. На мой взгляд, это врожденное», – убежден Борис Михайлов.

«Про меня говорят, что по своему характеру – я одиночка. Наверное, это правда. Но, как мне кажется, я всегда умел находить общий язык с другими игроками, а они, в свою очередь, понимали меня», – признается в разговоре со мной Александр Мальцев.

«Что отличает Александра Мальцева от других великих хоккеистов? – задается вопросом телекомментатор Григорий Твалтвадзе. – У него было четкое понимание своей звездности, но он никогда не забывал играть на своих партнеров на льду. А за его пределами говорить о них, не выпячивая себя на передний план. Понимая, какой огромный воз ответственности он тащит на себе в “Динамо”, он старался не вступать в конфликты внутри коллектива и тем более создавать их».

Александр Мальцев, высоко ценивший (и ценящий) понятия дружбы и товарищества, искренне радовался успехам партнеров. Наверное, даже больше, чем своим. Даже когда защитники стали уделять ему повышенное внимание, опекая его по двое, он нашел выход из ситуации: стягивал на себя двух-трех противников, не шел в обводку, хотя запросто мог обыграть соперников, а, улучив момент, делал голевую передачу на своего товарища.

«Без Мальцева непросто было сполна раскрыть свои возможности и его партнерам по сборной. Своей стабильной игрой он приучил их к мысли, что как бы ни стала складываться

игра, они все равно получат от него такую передачу, что для дополнительной обработки шайбы не потребуется ни одного лишнего мгновения. В каждом матче Александр оказывался в ситуации, когда создавалось впечатление, что партнеры не могут получить от него шайбу – их очень внимательно опекали соперники. Более того, казалось, что и Александр не может сделать точную, острую передачу, поскольку сам находится в плотном окружении защитников. Однако следовало одно движение Мальцева, и шайба передавалась на клюшку партнеру», – вспоминает Виталий Давыдов.

«Как-то я спросил у Мальцева: “Саш, а как тебе лучше давать пас?” Он ответил: “Мне все равно куда: хоть в ноги, хоть вперед, хоть назад”. Ну как с таким не заиграть?» – признавался Юрий Королев, в конце 1970-х годов руководитель научной комплексной группы сборной СССР по хоккею.

В различных источниках приводится разное число троек нападения, в которых играл Мальцев в «Динамо» и сборной: от 68 до 75. Достоверно известно, что в сборной СССР он сыграл в 71 сочетании. Младший брат Александра Николаевича – Сергей как-то посчитал, что старший Мальцев за годы карьеры выходил на лед в 86 звеньях! Правда, сразу оговоримся. В этот показатель внесены сочетания, в которых Александр Николаевич играл еще у себя на родине, в кирово-чепецкой «Олимпии». Но и без них этот феноменальный результат если и не претендует на право быть упомянутым в Книге рекордов Гиннесса, то, право, искреннего уважения, безусловно, заслуживает. В этом отношении Мальцев, как, наверное, справедливо полагают некоторые аналитики, является мировым хоккейным рекордсменом.

Так, в сборной СССР свой первый матч Александр Мальцев провел в тройке с Владимиром Викуловым и своим другом по «Динамо» Анатолием Мотовиловым, последний – с молодыми Вячеславом Быковым и Андреем Хомутовым. Впечатляет список партнеров, с которыми ему довелось выступать в звеньях: это – сплошь и рядом звезды отечественного хоккея. И глубоко почитаемый им Анатолий Фирсов, и лучший друг Валерий Харламов, а также Старшинов, Шадрин, Александр Якушев, Михайлов, Петров, Анисин, Капустин, Балдерис, Жлуктов, братья Голиковы, Ковин, Борис Александров, Ларионов, Крутов и многие другие великие хоккеисты! Заметим, каждый со своей неповторимой манерой игры, более того, со своим ее пониманием, к которым еще нужно приноровиться.

Как-то один из журналистов после очередной игры, в которой Мальцев опять вышел на лед с новыми партнерами, выразил ему сочувствие, дескать, играли бы вы, Александр Николаевич,

постоянно с кем-нибудь в одной тройке, наверное, и «Динамо» стало бы чемпионом, да и ваши личные показатели бы увеличились. На лице Мальцева появилось удивление. «Все не так. Я, напротив, считаю себя счастливым человеком, потому что поиграл со столькими прекрасными мастерами бок о бок», – ответил хоккеист.

Находились те, кто обвинял Мальцева в том, что он якобы «душит чужой потенциал», оттеняя величием своего таланта других игроков. «Говорили такое, помню, – признается Александр Мальцев. – Но стоило мне прекратить играть с этими хоккеистами и, по воле тренеров, перейти в другое сочетание, как эти хоккеисты незаметно исчезали из рядов сборной».

Однажды во время мастер-класса в родном Кирово-Чепецке мальчишки спросили у Александра Мальцева, что нужно сделать, чтобы вырасти в настоящего бомбардира. «Чтобы быть техничным и забивным нападающим, нужно также хорошо кататься на коньках, как Валерий Харламов, владеть клюшкой, как Анатолий Фирсов, иметь ритм скоростей, как Вениамин Александров, и быть таким же преданным хоккею, как Виталий Семенович Давыдов. Я думаю, что из этих компонентов и получится великолепный мастер современного хоккея», – говорил начинающим игрокам Александр Мальцев.

Кому как не Мальцеву, который, что называется, прочувствовал силу многих великих хоккеистов, играя бок о бок с ними на льду, составить свою символическую сборную лучших отечественных игроков. Этот выбор он сделал давно и не отказывается от своих слов и сейчас. Он уточняет, что в этот список включает тех хоккеистов, с которыми он сам играл на льду и игру которых видел своими глазами. «Я не видел, как играли, скажем, Бобров или Трегубов. Так что выбираю из числа тех, о которых знаю не понаслышке», – подводит черту Александр Николаевич.

Итак, символическая сборная СССР 1960– 1980-х годов по принципу – «великолепная пятерка и вратарь», по Мальцеву, предстает в следующем виде: вратарь горьковского «Торпедо» и сборной Виктор Коноваленко, в защите – армеец Александр Рагулин и одноклубник Мальцева по «Динамо» Валерий Васильев. Выбор Мальцева в нападении – крайние нападающие, игроки ЦСКА Анатолий Фирсов и Валерий Харламов, и центрфорвард Вячеслав Старшинов из «Спартака».

О каждом из этих великих игроков можно написать отдельную книгу, настолько они были неординарны, как хоккеисты, и цельны, как личности, вне пределов ледовой площадки. Остановимся коротко на каждом из них и попытаемся

с помощью самого Мальцева понять, почему именно этих игроков он включил в свой список избранных.

Признаться, меня несколько удивило то, что на месте вратаря отсутствует фамилия Третьяка, с которым Мальцев почти в одно время пришел в сборную. Того самого Третьяка, которого по некоторым опросам называют даже не просто лучшим вратарем, а лучшим хоккеистом XX века. Причем поклоняются ему и на родине хоккея, в Канаде. Мальцев в ответ на мой вопрос был немногословен: «Не хочу обидеть Владислава, но с Коноваленко мне было надежнее». Потом выдержал паузу в своем стиле: «Просто надежнее играть». У Мальцева и Коноваленко, двух выходцев из российской провинции, много общего.

Виктор Коноваленко, именем которого названа сегодня домашняя арена нижегородского «Торпедо», как и Мальцев, являет собой пример уникальной преданности одному клубу, воспитавшему его. Он, несмотря на все посулы лучших команд страны, остался верен горьковскому «Торпедо», в котором начинал свою карьеру в 1956 году и за который закончил выступать через 16 лет. До Третьяка он был самым титулованным вратарем в мировой хоккейной истории: восьмикратным чемпионом мира и двукратным победителем Олимпиад.

Коноваленко заложил основы современного вратарского искусства. Именно он, бывший нападающий, первым из вратарей, благодаря своему превосходному катанию, начал молниеносно перемещаться в рамке, сокращая угол обстрела своих ворот. Именно он первым стал настаивать на том, чтобы тренеры на занятиях уделяли вратарю больше внимания, чем полевым игрокам, тем самым осознавая особенное, «привилегированное» положение голкипера.

В 14 лет Коноваленко пошел трудиться на Горьковский автозавод – надо было помочь кормить семью. Начинал, как многие его сверстники, выбравшие хоккей, сначала футболистом – в 14 лет был основным полузащитником горьковского «Торпедо». Параллельно занимался в хоккейной секции, где ему, из-за небольшого роста, предложили переквалифицироваться во вратаря. Он выиграл с юношеским «Торпедо» чемпионат РСФСР своего возраста и в итоге, миновав молодежную команду и дубль, за относительно короткий срок попал в команду мастеров.

Как и Мальцев, Виктор Коноваленко был застенчивым, немногословным человеком. Про эту неразговорчивость вратаря в хоккейном мире ходили легенды. Григорий Твалтвадзе в подтверждение этих слов рассказал о том, что, готовя фильм о знаменитом вратаре в Нижнем Новгороде, спросил у одного из одноклубников, как молчун Коноваленко командовал игроками

обороны. «А он с нами и не разговаривал, он выстраивал защиту короткими словечками, – ошарашил телекомментатора игрок. – У Виктора были свои секретные слова и звуки, которые воспринимали защитники, типа: “А!”, “Ну!”, “Куда?”» Жена Коноваленко как-то в шутку сказала, что в их доме иногда стояла такая тишина, что она сомневалась, есть ли у нее вообще муж.

И в сборной, приезжая из Горького, вратарь старался слушать других и оставаться в стороне от разговоров. «В начале сезона я всегда охотно и много тренировался, а в конце зимы только проводил матчи календаря, давала знать о себе нагрузка», – признавался в одном из интервью Виктор Коноваленко.

С этими словами перекликается один любопытный эпизод, который случился в сборной. «Витя приезжал на сборы национальной команды в значительно худших, чем динамовцы, армейцы, спартаковцы, физических кондициях, в немного разобранном состоянии, – рассказывает Виталий Давыдов. – Для него были настоящим испытанием физические нагрузки, которые начинали предлагаться Тарасовым с первого же дня. Помню, мы пришли в зал для разминки и Анатолий Владимирович начал ее с упражнений на поднятие 20-килограммовых блинов от штанги. Все легли спиной на пол и по команде тренера начали поднимать груз. “Подняли – опустили”, – четко командовал Тарасов, прохаживаясь между рядами игроков. Наконец подошел к Коноваленко. Тот кряхтит, с трудом поднимает блин, пот с него градом льется. Постоял возле него Анатолий Владимирович, пока Витя не признался, выдавливая слова: “Тяжело, может, хватит?” Тарасов, как показалось, только этого и ждал. Заложил руки за спину, наклонился к вратарю и сказал так, чтобы слышали другие игроки: “Тяжело, говоришь, Витя? А ты пойди на завод устройся, может, легче будет!?” Под общий хохот хоккеистов Коноваленко, тужась, продолжил упражнения с блином».

Журналист Владимир Дворцов в своей книге «Хоккейный репортаж» привел курьезный случай, происшедший с вратарем уже в 1973 году после завершения карьеры. Он приехал в Москву для вручения в «Лужниках» приза «Лучшему вратарю первенства». Однако возле служебного входа, через который обычно проходили ветераны, контролер наотрез отказалась пропустить его. «Мало ли, что ты с призом, сегодня, знаешь, сколько таких ловкачей ходит, нет билетов на матч, так купят такие штуки и говорят, что идут вручать приз от газеты», – отрезала контролер. Тогда Виктор Коноваленко был вынужден признаться, что он – тот самый голкипер, который еще недавно защищал ворота сборной Советского Союза. «Коноваленко я бы, конечно, пропустила без всякого звука, – сказала женщина. – Но ведь вас я всегда видела в

маске, а теперь непривычно видеть таким, без нее».

Александр Мальцев видел в Коноваленко не только старшего товарища по сборной, а в первую очередь надежного и порядочного человека. Он импонировал Мальцеву тем, что, несмотря на все «соблазны столиц», не предал клуб, его взрастивший. «До сих пор вспоминается эпизод, который случился весной 1972 года, – признается брат Мальцева, Сергей. – Хоккейный сезон заканчивался, уже прошел чемпионат мира, оставалось провести несколько тренировок в “Динамо” и со спокойной душой готовиться в отпуск. В команде нам дали выходной прямо посередине недели, мы приехали в Сашину квартиру на проспекте Мира».

Братья решили отдохнуть как следует, выспаться, никого не приглашая к себе в гости. На следующее утро, прямо спозаранку, в начале седьмого, в дверь позвонили. Мальцев-старший, как и любой нормальный человек, разразившись тирадой на тему прихода нежданного утреннего гостя, попросил брата открыть дверь и «настойчиво спросить», кого носят черти в такую рань. На пороге мальцевской квартиры стоял Виктор Коноваленко, в плаще, видно, что после долгой дороги, с небольшим пакетиком в руках. «Сашка дома?» – спросил вратарь у Сергея Мальцева.

В коридор вышел заспанный нападающий и обомлел, увидев в столь ранний час на пороге своей квартиры друга-горьковчанина. «Витя, ты чего это?» – только и вымолвил Мальцев. А Коноваленко, который уже ушел из сборной и доигрывал последний сезон в горьковском «Торпедо», вдруг ошеломил братьев: «Сашка, я мчался всю ночь из Горького увидеть тебя, тоска замучила, соскучился по общению с тобой». – «Да ладно тебе», – ответил изумленный Мальцев, не веря в реальность происходящего. «Посмотрите во двор», – произнес Коноваленко.

Братья вышли на балкон. Вернулись с открытыми ртами. У подъезда с включенными оборотами стояло такси – «Волга» с горьковскими номерами. Выходит, Виктор Коноваленко, с учетом расстояния между двумя городами, действительно ехал в Москву всю ночь.

Александр Мальцев, по-прежнему пораженный этим фактом, предложил Коноваленко отправить водителя домой, раздеться и присесть позавтракать. «Саша, я на самом деле к тебе на двадцать минут. Если только угостишь кофе…» – произнес вратарь. «Да ладно тебе, оставайся», – настаивал Мальцев. «Саша, дорогой, не могу, надо обратно ехать, сегодня вечером тренировка, – печально произнес Коноваленко. – Я просто хотел повидать тебя».

Виктор Коноваленко, подарив братьям Мальцевым сочную

вяленую рыбу из вод великой русской реки Волги, выпил кофе. Он сдержал свое слово и через двадцать минут уехал в Горький на той самой машине, которая привезла его в Москву. А потрясенные братья, стоя на балконе в этот рассветный час, молча провожали взглядом такси, которое везло на родину великого вратаря сборной СССР…

В последние годы жизни Виктор Коноваленко работал директором того самого ледового дворца в родном городе, который сейчас носит его имя. Он трудился не покладая рук, несмотря на большие проблемы со зрением и прогрессирующий артроз. Умер легендарный страж ворот советской сборной 20 февраля 1996 года. От сердечного приступа прямо на рабочем месте во время планерки. На кладбище, теперь уже в Нижнем Новгороде, неповторимому вратарю сборной установлен оригинальный памятник. В полный рост, будто живой, Виктор Коноваленко, одетый в хоккейные доспехи, облокачивается на рамку ворот, которые он блистательно защищал в 1960– 1970-е годы.

Не менее легендарной личностью был игрок одного с Виктором Коноваленко хоккейного поколения Александр Рагулин, которого в знак особого уважения партнеры по сборной и ЦСКА называли с молодых лет Палычем. Пожалуй, ничье имя в сборной не было овеяно такими легендами, как рагулинское. «Уменьшенное отчество было вообще характерно не только в среде хоккеистов, но и внутри многих советских спортивных команд, – признается Виталий Семенович Давыдов. – Так, несмотря на молодой возраст, называли хоккеиста, зарекомендовавшего себя внутри коллектива. Меня начали называть Семенычем буквально после пары сезонов в “Динамо”. По отчеству обращались к Мальцеву, хотя вначале величали его Малец. Про Рагулина вообще говорить нечего: авторитет и в сборной, и в ЦСКА у него был неимоверный».

Уроженец Воскресенска, перешедший играть в ЦСКА, Александр Рагулин является обладателем рекордной в истории хоккея коллекции медалей чемпионатов мира, Европы, Олимпийских игр. Их у Рагулина было 27. Он единственный в мировой истории десятикратный чемпион мира по хоккею.

Александра Рагулина называли самым надежным защитником мирового любительского хоккея и «богатырем земли русской». Не только из-за двух метров исполинского роста и ста с лишним килограммов веса. От него, несмотря на грозные габариты, исходила аура доброты. Он был самым надежным редутом обороны для остающихся за спиной вратарей. Получив удар от соперника исподтишка, Рагулин не гонялся за ним по

площадке, норовя отомстить любой ценой, не бил наотмашь, не ставил подножки. А так зажимал его в своих объятиях – по-доброму, по-рагулински, что грубияну становилось неповадно нападать на русского богатыря.

При всех его устрашающих для противника габаритах Рагулин обладал высокой скоростью, великолепным щелчком (в одном из союзных чемпионатов за сезон наколотил в ворота соперников 35 шайб – немыслимый показатель по нынешним временам!). Однако главным у Александра Рагулина, одного из трех братьев-близнецов из Воскресенска, было умение видеть площадку и стремительно принимать решение в самой сложной игровой ситуации. Мощь советского защитника настолько впечатляла иностранцев, что во время одного из чемпионатов мира финская газета «Аамулехти» приписала Рагулину 202 килограмма живого веса при 192 сантиметрах роста!

Русская школа хоккейной защиты славится умением начать тонкую комбинацию, отдать точный первый пас. У истоков этой школы стоял именно Александр Рагулин. В молодости он отличался богатырским здоровьем. Молодым хоккеистам советовали ни в коем случае не состязаться с Александром Павловичем в искусстве употребления спиртных напитков – перепить его было невозможно. «“Губит вас то, что вы начинаете с пива и заканчиваете пивом”, – поднимая бокал с пенным напитком и улыбаясь, напутствовал меня, молодого тогда хоккеиста, Палыч», – признавался автору этих строк один из выдающихся советских игроков.

Статный, высокий, красивый Александр Рагулин пользовался особой популярностью у женщин, приходивших на хоккей. Однажды югославская журналистка, освещавшая один из чемпионатов мира, призналась своему советскому коллеге Владимиру Дворцову, что когда на льду играет сборная СССР, она откладывает все дела и идет смотреть на Рагулина. Дворцов вспоминал, что после чемпионата мира в Любляне в 1966 году перед заключительным приемом для спортсменов, устроенным организаторами, его подкараулил незнакомый мужчина. «Извините, я вижу, что вы – советский журналист и знакомый мистера Рагулина, – сказал незнакомец, показывая в сторону дорогого лимузина. – Видите, в том “кадиллаке” находится моя госпожа из США, она – очень богатая женщина даже по американским меркам. Она без ума от мистера Рагулина и очень хотела бы провести сегодняшний вечер с ним. Она готова заплатить за весь сегодняшний прием для участников чемпионата, только чтобы попасть туда и познакомиться с богатырем из России».

Увы, очень богатую американку не пустили на прием для хоккеистов в социалистической Любляне, и Александр Рагулин, к слову, признанный лучшим защитником того чемпионата мира, праздновал успех как обычно. В компании с верными и надежными товарищами по сборной СССР. И ничуть от этого не расстроился. Популярность Рагулина в 1960-е годы была такой, что отдельные горе-болельщики, зная о том, что у него есть два родных брата, пытались выдать себя за его близких родственников. Однажды к директору одного из известных московских мебельных магазинов в кабинет вломился здоровый мужик, который, очень приветливо поздоровавшись, представился Васей, родным братом Александра Рагулина и попросил отпустить ему без очереди модный мебельный гарнитур (тогда народ записывался в очередь, чтобы через несколько лет или месяцев купить импортную вещь). Однако директор магазина не просто болел за ЦСКА, но был лично знаком с Рагулиным и его братьями Михаилом и Анатолием. Директор улыбнулся и набрал номер телефона армейской базы, попросив Александра Рагулина. А когда защитник взял трубку, сказал ему: «Тут пришел ваш четвертый брат Вася и требует отпустить ему без очереди модный чехословацкий гарнитур. Мы были бы рады, Александр Иванович, но уж больно он у вас шумный…» Когда директор произносил последние слова, незадачливый болельщик уже галопом мчался из магазина.

«В начале 2000-х годов, когда ветераны московского “Динамо” находились в поездке в Швеции, мы увиделись с Александром Павловичем Рагулиным, приглашенным на турнир в качестве почетного гостя, – вспоминает бывший президент ХК «Динамо» Сергей Сидоровский. – Улучив момент, поговорил с одним из кумиров своей юности на трибуне и задал ему один вопрос: “Вам довелось выступать бок о бок с такими величайшими мастерами, кого из советских игроков, с кем вы поиграли в 1960–1970-е годы, вы считаете лучшим?” Рагулин, не долго думая, отвечает: “Сережа! Ну, чего говорить? Саша Мальцев”. Вы представляете, как это много значит, если великий армеец, игравший столько лет рядом с Альметовым, Александровым, Викуловым, Фирсовым, Харламовым, целой россыпью звезд, называет лучшим Мальцева!»

В последние годы жизни здоровье часто подводило великого игрока. Стойкий и несокрушимый на льду защитник перенес четыре инфаркта и умер в госпитале имени Бурденко в ноябре 2004 года…

Друга Мальцева по «Динамо», его ровесника Валерия Васильева, за былинную мощь и богатырскую стать за океаном

называли «Хозяином тайги». Об уникальной мощи Валерия Васильева, выходца с берегов Волги, слагали легенды. В сборной, памятуя о его малой родине и зная о его «удалой силушке», Валерия Васильева называли «горьковским бурлаком». А друзья, в шутку, – «горьковской шпаной». Сам Васильев признавался, что его запросто могла бы «поглотить улица», если бы он не начал серьезно заниматься хоккеем.

Так же как и Виктор Коноваленко, он был выходцем из славного города Горького на Волге. «Если бы, наверное, не спорт и не занятия хоккеем, действительно быть бы Валере предводителем местных хулиганов, – шутит Сергей Мальцев. – Силища у него была неимоверная. А сам он был парень отчаянный. Я однажды видел, как он своим кулаком, без последствий для кулака, проломил внушительную доску, да так, что в ней оказалась дырка».

Анатолий Тарасов полагал, что на льду переиграть Васильева было практически невозможно. Валерию Васильеву, как и Александру Рагулину, совершенно не нужно было ввязываться в драки, силовые столкновения. Помню, что в конце 1970-х годов в народе была популярна шутка: «Шайба летит. Васильев стоит. Канадец лежит».

В мою память с детских лет четко врезалась картинка. Шайба проброшена к воротам Третьяка и предательски ползет возле борта. К ней катит «спокойный, как удав», Васильев и мчится готовый искромсать всех и вся канадец. Валерий Васильев прижимает шайбу к борту, внешне даже так лениво оборачивается назад и очень спокойно смотрит на канадца, который вдруг резко тормозит, предпочитая не входить в контакт с «Хозяином тайги».

Сергей Мальцев вспоминает, как, оказавшись в 17 лет в «Динамо», на одной из первых тренировок в 1972 году попытался посостязаться в мощи с Валерием Васильевым. «Решил я обойти его, пробравшись вдоль борта, крадусь с шайбой, пробросил ее вперед и думаю, сейчас от Васильева увильну, – улыбается Сергей Николаевич. – Ну, и махнул клюшкой ему по ребру, а сам локтями работаю. Васильев был попросту ошарашен. Смотрит на меня, как лев на зайца, ты чего, мол, пацан, делаешь? Меня держит даже не двумя руками, а одной перчаткой, рот открыт у него, и говорит так недоуменно: “Ты, куда, малой, полез?” А я не угомонился, еще раз толкнул его локтями. Вдруг он так прижал меня к борту, все по правилам, что кости хрустнули. У меня помутнело в глазах, я чуть не сполз на лед. Ребята покатились со смеху, а мне раз и навсегда стало понятно, что с “горьковским хулиганом” такие номера не прокатят».

«Когда меня просят коротко охарактеризовать Валеру

Васильева, мне на ум приходит одно слово, зато какое – глыба. Во всем. В своей исполинской физической мощи, в своем поведении по отношению к себе и товарищам, в своей манере игры, в благородстве и мужестве. Мне кажется, он сам не знал предела своих возможностей, настолько они были безграничны. Но не меньше его внешней физической силы меня впечатляла его огромная внутренняя сила. Думаю, если бы Валера в свое время, как говорят у нас, соблюдал спортивный режим, то мог бы запросто, с его-то физическими данными играть и по сегодняшний день», – признается мне Владимир Юрзинов.

Порой одного немигающего взгляда защитника «Динамо» было достаточно, чтобы противник отступил и забыл о том, что собирался пойти в жесткий стык. Это была ситуация из разряда тех, когда «удав смотрит на кролика». Вратари сборной и «Динамо» всегда чувствовали себя, как за каменной стеной, в те минуты, когда Васильев находился на площадке, зная, что он не допустит «безобразий» на пятаке и немедленно охладит пыл соперника, который попытается войти в «святая святых» вратаря – небольшое пространство перед воротами.

Канадцы знали о том, что Валерий Васильев не любит ввязываться в потасовки и что его лучше не дразнить – себе дороже будет. Однако на одном из турниров на приз газеты «Известия» шустрый и прыткий нападающий сборной Канады крайне жестко, с нарушением правил атаковал Васильева. Судьи пропустили этот момент, а сам защитник отвечать грубияну сразу не стал. Он «мудро и по-хозяйски» подождал несколько смен и в итоге провел против канадца такой жесткий, но чистый силовой прием, что бедолага с поврежденной кистью и в сопровождении врача уехал сначала в раздевалку, а потом в больницу.

Знаменитую «мельницу» с броском соперника через спину при защите своих ворот он перенял у своего учителя и напарника по «Динамо» Виталия Давыдова. Однажды после силового приема Васильева у его «жертвы» слетели краги и лопнули шнурки на коньках. В другой раз после почти «гимнастического» пируэта в результате силового приема Васильева игрок команды соперника перелетел за борт, неудачно приземлился и в результате попал в госпиталь, где его, к счастью, быстро вылечили.

При всей своей несокрушимой силе Валерий Васильев никогда не бил соперника исподтишка, не начинал драку первым. Этот благородный хоккеист и человек был хорош не только силовыми приемами. Мало кто из игроков обладал такой заряженностью на борьбу и умением завести партнеров в самые трудные минуты игры. Во многом благодаря авторитету и классу Александра Мальцева и Валерия Васильева гораздо менее

звездное «Динамо» боролось с непобедимым ЦСКА за первое место в чемпионатах СССР в 1970-е годы.

«Когда Валерий в ударе, вокруг него как бы круг образуется – никому из соперников не хочется подъезжать к этому “отчаянному парню”, – писал в своей книге журналист Владимир Дворцов. – Васильев, пожалуй, и самый невозмутимый хоккеист из всех, которых мне приходилось видеть. Помню, буквально всю нашу делегацию он поразил своим хладнокровием в Ванкувере осенью 1974 года. Сборная СССР проигрывала заключительный матч второй хоккейной серии канадской команде с крупным счетом – 2:5. Во время одной из кратких остановок игры к нам с Николаем Озеровым подъехал Валерий и, облокотившись на бортик, как ни в чем не бывало поинтересовался:

– Как там в шахматы претенденты сыграли? (Речь идет о матче претендентов на мировую шахматную корону между Анатолием Карповым и Виктором Корчным, который рассматривался через призму политического противостояния между СССР и Западом. – ***М. М.***)

– Ничья, – ответили мы хоккеисту.

– Ну и у нас тут ничья будет, – без тени сомнения, громко, так, чтобы слышали журналисты и товарищи по команде, провозгласил Васильев и отъехал к центру площадки. Когда закончилась игра (вничью 5:5), Валерий вновь подъехал к нашей скамейке, подмигнул нам и напомнил:

– Я говорил, будет ничья! Пожалуйста, получите!»

Шутник, душа компаний, Валерий Васильев как бы дополнял молчаливого Александра Мальцева. Когда они отдыхали вместе – жди веселых историй. «Хорошо помню свою первую поездку в Москву в начале 1970-х годов. Я тогда играл в хоккей и учился в минском институте физкультуры. В Минск возвращался с каникул в родном городе. Была середина августа, и я подумал, наберу телефон Саши Мальцева, может, там находится и его брат Серега, с которым мы играли в Кирово-Чепецке, – вспоминает друг детства Мальцевых Виктор Перетягин. – Звоню, трубку поднимает Саша, я представляюсь. Он мне успевает сказать: “Приезжай, с Валерой Васильевым познакомлю!” Я лечу на всех парах в знаменитую квартиру Саши на проспекте Мира и действительно вижу там Васильева с Мальцевыми. “Привет, студент, – говорят мне ребята. – Присаживайся за стол, выпьем на дорожку шампанского, тебе же лететь на самолете”. Говорю им: “Я ненадолго, мне бы в аэропорт не опоздать”. А Васильев мне говорит: “Не торопись, студент, присаживайся, расскажи нам, как ты учишься”.

В общем, эти посиделки с шампанским, а я тогда почти не

пил, закончились тем, что я проснулся привязанным на приставном диване в самолете Ан-12, уже когда он приземлился в столице Белоруссии. Вместо подушки у меня была спортивная сумка, с которой я ехал. Отвязываюсь, открываю сумку, а там лежит буханка белого хлеба, колбаса и записка, оставленная легендарным защитником “Динамо” и сборной СССР Васильевым: “Это, студент, тебе, чтобы было чем позавтракать”. Уже потом узнаю, что они отправили меня в Минск на последнем рейсе, который улетал в час ночи, провели меня через регистрацию к самолету и уложили спать. Велик был тогда авторитет Саши Мальцева и Валеры Васильева. Перед ними открывались любые двери. Жалко, что записку не сохранил».

«Возвращаемся мы как-то с завтрака, а навстречу опаздывающий Толя Мотовилов бежит, – вспоминает Сергей Мальцев. – Увидел нас и впереди идущего Валеру Васильева и говорит: “Привет, Валера! Как здоровье?” Васильев ему: “Чего тебе до моего здоровья-то? Что, плохо выгляжу, что ли?” – “Да нет, всё в порядке. Как позавтракал, как аппетит?” – спрашивает Мотовилов. “Чего это тебе до моего аппетита? Ты давай зубы не заговаривай, а кушай быстрее и на лед не опаздывай”, – улыбнувшись, ответил Валера».

Однажды во время руководства сборной Кулагиным на одной из тренировок последний собрал хоккеистов и предложил им: «Ребята, надо посовещаться, тут медики предлагают нам стимулирующую биодобавку. В общем, укол в задницу, и будете летать по льду». Тут слово взял известный правдолюбец и шутник Валерий Васильев. «У нас два условия, – сказал защитник. – За укол – сто рублей. Я, например, задаром своей задницей рисковать не буду. И первым такой укол делаете вы, Борис Павлович».

Сработало. Кулагин согласился на эксперимент. А хоккеистам выдали в кассе по сто рублей. На следующей тренировке команда встала. Ноги ватные, бегать не хочется. Еле ходит и Кулагин. Собрал мужиков и говорит: «А ну их, эти уколы! Больше в сборной – никаких опытов со стимуляторами». Они и прекратились, толком не начавшись. Так Васильев отстоял честь сборной играть без каких-либо добавок.

Мальцев и Васильев пришли в «Динамо» практически одновременно. «Саша приехал из Кирово-Чепецка, я – из Нижнего Новгорода, – вспоминал Валерий Васильев. – Может быть, поэтому мы сразу подружились. Первое, что меня поразило – его владение коньками. Сделав три-четыре виража влево-вправо, он, как бы шутя, освобождался от опеки соперников. И это ставило в тупик защиту. Но, пожалуй, особенно ценны в Саше его доброта,

открытость характера».

В сборной знали, что Васильев, несмотря на стальной характер, крайне раним и причиненные ему обиды по-настоящему заводят его.

В декабре 1979 года на турнире на приз газеты «Известия» сборная СССР громила всех подряд. Оставалось сыграть матч с чехословаками, который ничего не решал. «Сидим мы на базе в Новогорске, я говорю Харламову: “Ну что, турнир мы выиграли. Пойдем в магазин, возьмем шампанского…”», – вспоминал Валерий Васильев. Праздник по случаю досрочной победы сборной на известинском турнире прошел весело, и Васильев с Харламовым вернулись на базу уже после отбоя. «Я предлагаю Валерию: “Пойдем в бассейн”. Ну, мы попарились в баньке, а потом и искупались. Вылезаем из воды и видим, что Тихонов стоит. Наутро случилось собрание: “Вы отстранены от игры”. Мы – к Михайлову, Петрову, мол, похлопочите, порвем чехов. Тихонов смилостивился. Харлам две положил, а я на шайбу как под пулемет кидался. Да еще приговаривал на скамейке Михайлову, капитану сборной, скажи, чтобы Тихонов слышал: берите пример с Васильева. Виктор Васильевич уловил и поддакивает: “Да, да, играйте, как Васильев”. Но, видимо, с подачи Тихонова после турнира “Золотую клюшку” как лучшему игроку Европы дали не мне, а Михайлову», – улыбаясь, вспоминал Валерий Васильев в интервью[8].

Васильев в сборной и «Динамо» был эталоном мужественного игрока. Во время чемпионата мира в 1976 году, проводившегося в польских Катовицах, ему в одной из игр раздробили мизинец. «Отправляйся в раздевалку! Немедленно лечиться», – буквально приказал защитнику тренер Борис Кулагин. «Нет, я могу и буду играть», – уперся Валерий Васильев, который понимал, что нужен команде, неудачно выступавшей на этом первенстве мира. Когда уже после окончания матча в раздевалке Васильев снял хоккейную крагу, все в сборной обомлели. Перчатка защитника до краев была наполнена кровью.

В 1973, 1977, 1979 годах Валерия Васильева признавали лучшим защитником чемпионатов мира. Подобное достижение в истории было лишь у легендарного Николая Сологубова. Васильева пять раз (!) в 1974–1975, 1977, 1979, 1981 годах включали в символическую сборную мира по итогам первенств планеты.

К сожалению, тяжелые нагрузки и годы изнурительных матчей для легенды советского хоккея не прошли бесследно. Васильев перенес три инфаркта. Причем один из них в 1978 году, в то время, когда еще был действующим хоккеистом. Во время

пражского чемпионата мира в заключительной, незабываемой по своему внутреннему напряжению игре с чехословаками Васильев упал от сердечного приступа прямо на скамейке запасных. Уже позже, в Москве, врач динамовской команды во время медосмотра сообщил Валерию Васильеву, что тот перенес инфаркт на ногах. Но спустя несколько дней мужественный защитник уже был на льду…

Однажды в динамовском офисе я стал свидетелем одной любопытной сцены. Виталий Семенович Давыдов перебирал архивные материалы и нашел фотографию Анатолия Фирсова, мчащегося к воротам противника на огромной скорости. Давыдов показал снимок Мальцеву, зная, с каким искренним уважением тот всегда отзывается о выдающемся армейском игроке, которого наряду со Старшиновым и Харламовым включил в «свою тройку» самых лучших нападающих отечественного хоккея.

«И все равно, Саша, я считаю, что Фирсов – второй после тебя. Ты – лучше. Хотя, когда Толя находился в расцвете сил, с его броском, катанием, осанкой, выносливостью, равных ему не было и близко», – произнес Давыдов, пока Мальцев разглядывал снимок. «Не соглашусь. Он – первый. Куда мне…» – оборвав фразу на полуслове, произнес Мальцев.

«Как игрок, как хоккейный эталон для Мальцева был Фирсов. Я освещал чемпионат мира 1969 года и хорошо помню, как завороженно наблюдал Саша за тренировками и игрой своего старшего товарища по сборной, как разучивал его финты и продвигался дальше», – вспоминает Владимир Писаревский.

Мальцеву, который когда-то сказал своей маме, что «хочет быть, как Фирсов», довелось сыграть с кумиром детства в одной тройке в сборной СССР целых 29 матчей! «Это дорогого стоит, – признается Александр Якушев. – У Тарасова нужно было заслужить, чтобы игрок из другого клуба сыграл в одной тройке с его любимцем Фирсовым. Случайных людей в этой тройке никогда не было».

Сам Анатолий Фирсов так высказывался по поводу таланта юного нападающего в начале его карьеры: «Высокий класс Александра Мальцева состоит в том, что, выходя на площадку, он моментально исчезал из поля зрения противников и болельщиков, а затем возникал откуда-то и забивал гол».

«В игре Анатолия Фирсова меня поражала его скорость. Прежде всего, скорость мысли. Порой мне кажется, что игра Фирсова состоит из непрерывного ряда озарений: в горячей, напряженной обстановке, мгновенно ориентируясь, он находит самые неожиданные решения. Затем скорость выполнения того или иного технического приема, паса, обводки. И скорость бега.

Три скорости, взятые вместе и перемноженные. Он мыслит в игре, не отделяя задуманное от исполнения, думает синхронно с действиями и действует синхронно с поисками правильного решения», – вспоминал об игре одного из своих любимцев Анатолий Тарасов.

Анатолий Фирсов достиг феноменального показателя в выступлениях за национальную команду: в 166 играх за сборную СССР забросил 134 шайбы, в среднем 0,8 шайбы за игру! Он, как и свой знаменитый финт, многое начал делать в советском и европейском хоккее первым. Первый стал загибать крюк у клюшки. Фирсов в сборной был своего рода предтечей Мальцеву: тренеры пробовали армейца в разнообразных сочетаниях, и со всеми игроками Фирсов быстро находил общий язык.

«Толя Фирсов был не только самым техничным игроком моего хоккейного поколения, но и настоящим атлетом, уделявшим большое внимание физической подготовке. Не говоря уже о его природной силе. Тело Фирсова было настоящей горой мышц», – признается Виталий Давыдов.

Недавно Владислав Третьяк рассказал автору этих строк, что, вопреки устоявшемуся мнению, первым не Харламова в 1972 году, а Фирсова в конце 1960-х годов хотели видеть в своей профессиональной лиге руководители некоторых клубов НХЛ.

Анатолий Фирсов был непревзойденным мастером при игре в неравных составах. Это сегодня никого не удивишь, когда нападающий сменяет защитника, стоит только команде получить преимущество, чтобы усилить атакующую мощь пятерки при численном перевесе. В 1960-е годы именно Фирсова выпускали четвертым нападающим в те минуты, когда ЦСКА или советская сборная имели численный перевес. И подобное новшество Тарасова для многих было в диковинку. Но еще больше Фирсов запомнился болельщикам, когда появлялся в роли защитника при численном меньшинстве его команды. В хоккее есть термин «тайм-киллер». Им называют игрока, умело «убивающего», крадущего время у противника, имеющего большинство. Фирсов был эталоном такого игрока, при этом умудряясь оставаться на льду по две-три смены подряд. Однажды во время встречи московских армейцев с питерскими Анатолий Фирсов провел на льду 46 игровых минут из 60!

Игрока необычайной выносливости, Фирсова, как настоящего гения, окружали легенды. Одна из них была связана с недюжинной силой этого хоккеиста, отнюдь не богатырского роста, особенно в сравнении с тем же Александром Рагулиным. Из уст в уста передавалась история про то, как однажды Анатолий Фирсов ремонтировал свою «Волгу». Он закрепил

домкрат на земле, а не на асфальте. Как только игрок стал залезать под машину, домкрат просел в землю и неожиданно соскочил в сторону, придавив бедра Фирсова. Руками и ногами целых полчаса он удерживал машину, пока не подоспела помощь.

У Фирсова был свой конек – коронный финт, на который регулярно «покупались» защитники соперника. На высокой скорости он применял фирменную обводку «клюшка – конек – клюшка» – направлял шайбу назад, при этом проводя клюшку вперед, тут же коньком резко подталкивал шайбу вперед к клюшке, оставляя соперника за своей спиной. Повторить этот финт и сейчас удается далеко не каждому зрелому игроку, тем более в важном матче – он требует от хоккеиста не только отшлифованного исполнения, но и чрезвычайного хладнокровия и ощущения себя абсолютно уверенным и раскрепощенным на льду. «У Анатолия была очень оригинальная обводка. Я просто даже не знаю, с кем его из нынешних игроков сравнить. Его сложный прием “клюшка – конек – клюшка” до сих пор никто не может выполнить так же безупречно, как это делал он сам, – вспоминает Виталий Давыдов. – Отдельные слова надо сказать о его сверхмощном броске. Он бросал по воротам от синей линии с такой силой, что добровольцев грудью остановить свистевшую шайбу не находилось. До сих пор вижу перед собой глаза одного из лучших чешских вратарей Дзуриллы, который, видя Фирсова, выходящего на лед, начинал чувствовать себя не в своей тарелке. Казалось, что даже через маску проступает холодный пот. А когда Фирсов еще только катил к синей линии, намереваясь бросить по его воротам, бедолага Дзурилла принимал не классическую вратарскую стойку, не сжимался, а, наоборот, вопреки законам вратарской логики, распрямлялся, лишь бы шайба не угодила ему в голову».

Про Фирсова говорили, что у него самый сильный щелчок не только в СССР, но и во всей Европе. «Вратари смертельно боялись, когда Фирсов замахивался и щелкал по их воротам. Он бил по шайбе с такой силой и скоростью, что уследить за ней было невозможно. В ЦСКА и сборной мы особенно ценили Анатолия за то, что в трудные минуты он умел повести за собой команду, сплотить ребят», – вспоминает Владислав Третьяк.

В 1967 и 1968 годах, дважды подряд его признавали лучшим нападающим мировых чемпионатов. Причем на первенстве планеты 1967 года в своих анкетах лучшим игроком Анатолия Фирсова назвал 121 журналист из 122! Ушел Фирсов из сборной, как и полагается великому таланту, победителем, так чтобы запомнили надолго, став в 1971 году чемпионом мира, в третий раз лучшим нападающим этих турниров, и вместе с Викуловым и

Мальцевым войдя в символическую сборную чемпионата.

После хоккейной жизни, закончившейся фактическим отлучением от сборной, ранимый и чуткий к несправедливости Анатолий Фирсов не сразу нашел себя. Одно время даже опустил руки. В 1980-е годы его часто видели приходящим на Кунцевское кладбище к могиле Валерия Харламова.

К счастью, ситуация изменилась. В конце 1980-х, в самые светлые годы перестройки, когда в законодатели проходили не партийным скопом, а достучавшись до народа своими страстными речами, Анатолия Фирсова избрали народным депутатом СССР по одномандатному избирательному округу в Москве. В его общественной приемной всегда толпились люди. Он помогал всем: одинокой бабушке, которую обидели чиновники, воину-афганцу, который не мог дождаться протезов, десяткам и десяткам людей, которые шли к нему, как в последнюю инстанцию.

Ушел из жизни прославленный советский хоккеист в июле 2000 года. Анатолий Фирсов не сумел пережить смерти своей горячо любимой жены. Когда она умерла, он три месяца каждый день появлялся на кладбище, часами сидел возле ее могилы. В конце концов сердце великого хоккеиста не выдержало. Он умер на своей подмосковной даче от сердечного приступа…

Жив и занимает ответственный пост президента хоккейного московского «Спартака» еще один игрок из «сборной Мальцева», нападающий Вячеслав Старшинов. Он, как и Мальцев, родился в простой многодетной рабочей семье. Его отец трудился столяром, а мама работала на заводе «Красный богатырь» в Москве. В семье, кроме Славы, было три старших сестры. В некоторых источниках пишут, что свою спортивную карьеру он начал в качестве вратаря футбольной команды, куда его, как и Мальцева (!), якобы отправили как самого маленького из компании, а продолжил занятия спортом в акробатической секции, что сыграло большую роль в его хоккейном будущем.

«В ворота я встал сам, потому что любил прыгать, к тому времени уже неплохо занимаясь в секции по акробатике», – поправляет меня Вячеслав Старшинов. Перворазрядник по этому виду спорта и «нижний» в так называемой акробатической тройке, Старшинов хорошо развил мышцы рук и ног и, что особенно важно, координацию движений. В акробатике он достиг таких успехов, что Славу с товарищами были готовы принять в труппу цирка на Цветном бульваре. «Мы добились с товарищами по секции такого прогресса, что нас весной 1952 года пригласили принять участие в авиационном шоу в Тушине, где на трибуне стоял сам Иосиф Виссарионович. Это было одно из последних

появлений Сталина на публике», – вспоминает в разговоре со мной Вячеслав Старшинов.

Он также играл в волейбол, футбол, хоккей с мячом. Был даже чемпионом Москвы по волейболу. Начал заниматься хоккеем с шайбой в 1957 году. Признается, что попал в хоккей случайно, так как больше любил футбол. С момента появления в «Спартаке» восемнадцатилетний Старшинов был определен в тройку к братьям Майоровым. Он стал стержнем этого звена, которое едва ли не в одиночку противостояло мощи армейской ледовой дружины. Вячеслав Старшинов стал одним из первых советских хоккеистов, который понял особое значение игры на пятачке. Большую часть своих многочисленных шайб в ворота противника он забросил с близкого расстояния – в этом ему долгое время не было равных не только в Советском Союзе, но и в Европе. После Олимпиады в Гренобле, выигранной советскими хоккеистами, главная французская спортивная газета «Экип» назвала звено Старшинова и братьев Майоровых «самым сыгранным сочетанием мирового хоккея». «И мы в “Динамо”, и Старшинов с братьями Майоровыми в “Спартаке” добивались успеха за счет импровизации. Теперь же все внимание в атаке сосредоточено на скорости, на беготне», – признавался Александр Мальцев в одном из интервью в начале 2000-х годов[9].

Уже через шесть лет после своего дебюта в хоккейном «Спартаке» Вячеслав Старшинов примерял свитер игрока национальной сборной, куда был приглашен А. И. Чернышевым. «В хоккейных поединках я, между прочим, два раза поиграл за другой клуб, хотя об этом не сообщается в справочниках, угадайте какой?» – спрашивает мэтр, и я тщетно пытаюсь вспомнить под сканирующим взглядом бывшего преподавателя Старшинова, за какой именно.

«Нет, наверное, не “Динамо”, не мог спартаковец играть за этот клуб, – проносится в голове, пока не произношу. – ЦСКА? “Локомотив”?» (Была в Москве в свое время такая хоккейная команда.)

«А вот не угадали, – хитро прищуривается Старшинов. – “Динамо”, да-да, то самое “Динамо”. В 1961 году Аркадий Иванович на два товарищеских матча с приехавшими канадцами укрепил динамовцев нашей тройкой из “Спартака”. И что вы думаете? В первой встрече динамовцы выиграли со счетом 3:2, причем все три гола забросила наша тройка».

Расцвет его хоккейной карьеры, как и у Рагулина с Коноваленко, пришелся на 1960-е годы, когда они вместе играли в непобедимой сборной Советского Союза. Двукратный олимпийский чемпион, девятикратный чемпион мира и

трехкратный победитель первенств СССР в составе московского «Спартака», Старшинов забил за спартаковцев в чемпионатах Советского Союза 405 шайб в 540 играх, что является уникальным показателем в сравнении с нынешними временами. Этот рекорд удалось побить только Борису Михайлову. «Рекорд мой не уцелел только потому, что его превзошел сам Борис Петрович. Но не забывайте, что я играл центральным нападающим, в задачи которого вменяется пасовать партнерам по тройке. К тому же он играл на три сезона больше меня. И где? В непобедимом ЦСКА, который традиционно забрасывал в нашем чемпионате больше всех шайб, “отгружая целые авоськи” слабым командам. Так что смело умножайте мои шайбы на два», – улыбается Вячеслав Старшинов.

Когда я попросил Александра Николаевича Мальцева в двух словах охарактеризовать своего спартаковского визави и товарища по сборной, он ответил по-мальцевски кратко, но ясно и искренне: «Боец и настоящий лидер». Не случайно, что с 1969 по 1971 год Старшинов был капитаном той самой несокрушимой советской сборной, где каждый игрок являлся яркой личностью. Прирожденный бомбардир, Старшинов был одним из самых эрудированных отечественных хоккеистов. «Не надо забывать, что советские спортсмены были любителями, и для того чтобы прожить в дальнейшей, гораздо более трудной жизни после хоккея, мы старались получить высшее образование. Конечно, речи о том, чтобы полноценно совмещать хоккей и учебу, тогда не было. Хотя я лично находился в привилегированном положении, обучаясь на дневном отделении авиационного института. Благо на сборах, в отличие от нынешних, была, как правило, одна тренировка в день, и меня отпускали в институт», – признается Старшинов. Он получил диплом инженера-самолетостроителя и не раз говорил, что «высшее образование никогда никому еще не мешало», полагая, что общий уровень развития хоккеиста зависит не в последнюю очередь от его образования.

В 1960-е годы во время сборов и выездов за границу он жил в одном номере с Виталием Семеновичем Давыдовым. А произошло это во многом потому, что они вдвоем выпускали стенгазету про сборную. «Виталий был ее редактором, я сочинял забавные стишки вроде этого: “За Фирсова болеет вся страна и Толи Фирсова жена”. Кроме того, я иллюстрировал газету – сказалось то, что неплохо рисовал в юности», – Вячеслав Старшинов показывает на нарисованные им отличные пейзажи, висящие на стенах его рабочего кабинета во Дворце спорта «Сокольники». (Спартаковский хоккеист даже написал стихотворение, которое позже стало гимном «Золотой шайбы».)

«Знаете, в чем был главный секрет успеха непобедимой советской сборной в 1960-е годы? – спрашивает Старшинов у меня и тут же отвечает сам: – Приезжая в сборную из разных конкурирующих клубов, мы мгновенно превращались в единое целое. Мы были, как в бане, где все равны, мгновенно забывая о ледовых баталиях союзного чемпионата. Еще не вышел на экраны тот самый знаменитый фильм про мушкетеров, после которого во всех дворах мальчишки кричали: “Один за всех и все за одного!”, а мы практиковали этот лозунг Дюма в нашей хоккейной сборной. Собираясь вместе без тренеров, говорили себе: “Мужики, давайте будем сражаться друг за друга”. Чернышеву и Тарасову не нужно было говорить нам больше каких-либо дополнительных слов».

Когда в советскую сборную в конце 1960-х годов влились совсем молодой Александр Мальцев и семнадцатилетний Владислав Третьяк, Старшинову поручили шефство над ними. «Это было в 1969 году. Я был для них этаким батькой, человеком, который был, во-первых, старше их на десять лет и, во-вторых, выиграл в хоккее все, что можно. С Мальцевым я вообще делил номер во время поездок на крупнейшие турниры, – рассказывает Старшинов. – Но он постоянно молчал, и когда я пытался расшевелить его, говорил ему, Саша, не молчи, встряхнись, поругай кого-нибудь. Он улыбался и говорил, зачем кого-то ругать, рассказывайте лучше вы, Вячеслав Иванович, а я помолчу, вас послушаю. Это потом Саша стал называть меня по имени, и сейчас мы, встречаясь, обнимаемся, перейдя в разряд хоккеистов старшего поколения. Теперь в глазах молодых хоккеистов мы практически не отличаемся друг от друга по возрасту.

Когда вместе мы играли в сборной, у меня всегда оставалось впечатление, что у Саши присутствовало некое сомнение в своем истинном даре, в собственных силах, у него была определенная неуверенность в том, что он, возможно, недорабатывает, делает что-то не совсем так, как хотели тренеры. Хотя мы все видели, что из этого парня получится один из самых величайших хоккеистов, он сначала стеснялся быть первым номером, предпочитая оставаться на вторых ролях. Повторяю, он уже пришел в сборную, будучи прекрасным, состоявшимся игроком, которому практически не требовалась так называемая “обкатка”. И это он, собственно, доказал уже в 1970 году, став лучшим бомбардиром и нападающим чемпионата в Швеции».

Вячеслав Старшинов признается, что больше всего поражался тому, насколько разным был Мальцев в начале своей карьеры: на льду – неустрашимо рвущийся на редуты противника, в раздевалке же и вне игры – человек, предпочитавший не выходить

из тени, чего-то всегда стесняющийся. Старшинов даже пошутил, что для него было странным видеть то, насколько робок и молчалив был динамовец Мальцев, «поскольку лозунг этого общества всегда был “Сила в движении”, а сами динамовцы в сборной, как, например, Давыдов, производили впечатление очень уверенных, ничуть не колеблющихся спортсменов».

На взгляд спартаковского ветерана, мальцевская замкнутость, скромность, мягкость сыграли свою роль после окончания им игровой карьеры, когда он не смог заняться тренерской работой на высшем уровне. «Саша Мальцев – мягкий и обидчивый одновременно. В этом он напоминает мне Валерия Брумеля, нашего знаменитого прыгуна в высоту, с которым я дружил, – признается Вячеслав Старшинов. – Наверное, Саше необходимо было проявить твердость и даже жесткость по окончании карьеры игрока, настояв на продолжении тренерской карьеры. Но просить у кого-то что-то было не в его правилах».

Когда я рассказал Старшинову, каким весельчаком и заводилой был Саша Мальцев в детстве, кстати, за шесть-семь лет до появления в сборной, нынешний президент «Спартака» чуть не открыл рот: «Да? С трудом верится. Не знаю, каким он там шутником был в юные годы… Шутку помню одну, но постоянную. Когда мы встречались в сборной, я на правах старшего товарища говорил ему. “Саша, опять с Харламовым отличились, по Москве слухи идут, как вы весело время проводите. Саша, ты чего? Я же твой наставник, а ты мне давал слово…” Мальцев, как он умеет, хитро улыбался и отвечал непременно свою коронную фразу: “Все, Иваныч, все, с завтрашнего дня прекращаю. Все будет нормально”».

Вячеслав Иванович вспоминает, как однажды, когда он уже завершал свои выступления в сборной, к нему подошли два больших друга Мальцев и Харламов, пригласив поехать с ними втайне от всех. «Я был заинтригован, на разборки, что ли, вызывают молодые, – улыбается Старшинов, – а они привезли меня в один из самых известных московских ресторанов и накрыли “роскошную поляну”. “Иваныч, – сказал Мальцев, – мы в знак нашего искреннего к тебе почтения проставляемся за то, что ты, когда мы зелеными новичками пришли в сборную, опекал нас, помогал и не давал в обиду”. Я был очень тронут и этими словами, и тем, что они не забывают выразить свое уважение старшим».

В 1975 году Старшинов стал кандидатом технических наук, а еще через четыре года возглавил кафедру физического воспитания Московского инженерно-физического института, знаменитого МИФИ. Любопытна и тема диссертации, которая

дает представление о мировоззрении хоккеиста: «Исследование нравственного долга и ответственности спортсмена». «Мне кажется, что я ушел со льда вовремя. У человека наступает момент в жизни, когда, стремясь к воплощению мечты, он наконец-то, осуществив ее, получает заряд суперэмоций. Причем часто один раз в жизни. В спорте я достиг всего и неоднократно. В итоге дальнейшее свое призвание я нашел в науке и, занимаясь ею, также получил свой заряд положительных эмоций», – заключает Вячеслав Старшинов.

В 2004 году Старшинов дал большое интервью великому русскому реставратору и своему другу Савелию Ямщикову, ушедшему из жизни в конце 2009 года. Оно дает представление о жизненных приоритетах великого хоккеиста, для которого главной ценностью было сражаться за честь своей родины и выигрывать. «Какие вещи в жизни ты ценишь превыше всего?» – спросил Савва Ямщиков у своего друга. «Без всякого пафоса для себя самого, я это главное сформулировал бы так: делать людям добро. Как получается – другой вопрос, но если от моих действий другому человеку хорошо, то, значит, прожил не зря. Вот что всегда во главу угла ставлю», – ответил Старшинов.

Чуть позже Ямщиков спросил у хоккеиста, что двигало им в его многолетней трудной, но блистательной карьере. «Естественно, в спорте очень важно стремление побеждать, несмотря на то, что соперник сильный. Просто, если он очень силен, значит, больше желания победы, и концентрируешься на этом весь, без остатка. А второе, но может быть, оно первое, не знаю, это, как ни банально, патриотизм, любовь к Родине, в хорошем смысле этого слова. Чтобы не посрамить землю русскую, – честно признался Вячеслав Старшинов. – Почему ты болеешь за “Спартак”, кто-то за “Динамо” или персонально за Мальцева, Фирсова, Харламова? Потому что человек так устроен, что он не может проявить все свои лучшие качества и стремления – какой бы гениальный ни был. Но, болея за того или иного игрока и команду в целом, ты его как бы идентифицируешь с собой. Он такой же, и у него получается. Вот это самое главное в болении, я имею в виду настоящее боление, где есть взаимопонимание и взаимодоверие. Ты верно заметил, что мы-то играли не только за себя, но за всю страну. А как иначе, если ночами миллионы людей сидят у телевизоров. Телеграммы, письма – мешками. Поэтому мы знали, что за нами Родина, отступать некуда. Вот, собственно, две силы, которые двигали нами».

Рассказ о лучшем друге Александра Мальцева, Валерии Харламове, в этой книге выведен в отдельную главу, на что есть

свои веские основания.

Автор этих строк неслучайно, пройдясь «мазками», остановился на хоккеистах из символической «сборной Мальцева». Если вдуматься, то сам Мальцев выбрал не просто лучших из лучших хоккеистов, а предпочел назвать тех людей, кто близок ему по духу. Кто не предавал свой клуб, не перебегал из команды в команду, кто протягивал ему руку в трудную минуту, кто любил и любит свою Родину. Наконец, тех, с которыми, тут Мальцев абсолютно прав, ему просто «было надежнее». Воистину: «Скажи мне, кто твой друг – и я скажу, кто ты».

Глава девятая
ВРАТАРИ-«ЛЮБИМЧИКИ». МАЛЬЦЕВ В НАЧАЛЕ 1970-х

У нападающего Александра Мальцева особые «любимчики» были среди вратарей. Форвард «Динамо» был прирожденным «охотником за вратарскими скальпами». Сколько раз они, бедолаги, покупались на мальцевские фокусы и сколько раз в досаде швыряли на лед клюшки, пропустив шайбу от хитрого Мальцева. Один из финских голкиперов однажды в истерике даже поехал в сторону собственной скамейки запасных меняться, настолько издевательски 10-й номер советской сборной забросил шайбу в его ворота.

Партнеры Мальцева по сборной СССР и «Динамо» не раз говорили, что с Александром лучше всего играть в одной команде, а не оказываться по разные стороны «хоккейных баррикад». Сам Мальцев недавно признался мне, что «особое наслаждение ему доставляло забивать Третьяку».

Владислав Третьяк помнит, как в 1968 году начинал играть вместе с восемнадцатилетним Мальцевым в юношеской сборной. «Чем мне запомнился Мальцев? – переспросил Владислав Третьяк в ответ на мой вопрос, комфортно ли ему игралось с нападающим из «Динамо». – Запомнился он тем, что в одной из игр “Динамо” с ЦСКА Мальцев забил мне четыре гола, что было крайне редким случаем для одного хоккеиста. Признаю честно, Мальцев – совершенно уникальный игрок. На вид, как и Гретцки, чисто физически ничего из себя не представляет, а как изящно катается. Мы его “Маресьев на льду” называли. Он одну ногу как бы за другой тянул, но был настолько взрывной, умный, так ювелирно пасы отдавал и так много забивал, хотя, казалось бы, я его изучил еще с молодежной сборной, потом продолжил внимательно следить за его манерой игры на тренировках национальной команды. Когда он выходил в составе “Динамо” играть против меня, я вроде бы знал, что он сделает, казалось, что изучил все его повадки на льду. Ан нет, это не очень-то и спасало. Ему я всегда уделял пристальное внимание, он очень талантливый игрок был».

В карьере Александра Мальцева наиболее впечатляющим и, главное, удачным для него самого можно, наверное, назвать первую половину 1970-х годов. Несколько выигранных золотых медалей на чемпионатах мира. Звание лучшего хоккеиста СССР

1972 года, которое он получил на двоих, вместе с лучшим другом Валерием Харламовым. Отличная игра в Суперсерии 1972 года с канадцами. Казалось, чего бы еще желать парню, который приобрел все это к 23 годам? Во впечатляющей коллекции наград относительно молодого игрока обязательно должен был прибавиться титул олимпийского чемпиона.

Зимние Олимпийские игры 1972 года прошли в Японии, в местечке Саппоро, запомнившись многочисленным спортсменам не только искренностью и радушием местных жителей, но и постоянными капризами погоды. Это были первые зимние Олимпийские игры, прошедшие за пределами Западной Европы и США.

Турнир в Саппоро для хоккеистов был первым, в котором в комплекте с олимпийскими медалями не разыгрывались титулы чемпионов мира и Европы. С 1972 года было решено проводить такие соревнования отдельно, и, следовательно, в год проведения зимних Олимпиад на хоккеистов стала выпадать дополнительная нагрузка. Команда СССР, как действующий чемпион Олимпийских игр, сразу попала в шестерку сильнейших команд, разыгравших чемпионский титул. В итоге в финальном турнире этим командам предстояло сыграть по пять встреч друг с другом.

«Осторожно, они кусаются» – таким заголовком, предупреждая русских, сопроводила одна из японских газет материал о возможностях сборной США. Впрочем, советская сборная быстро показала, что не боится американцев, выиграв у них с убедительным счетом 7:2. Две шайбы в этой игре забросил Александр Мальцев. До этого сборная СССР выиграла у финнов со счетом 9:3. И в этой встрече Мальцев точно «выстрелил дважды». Матч со шведской командой был единственным, в котором сборная СССР потеряла очко. Этот поединок закончился вничью – 3:3. Затем советские хоккеисты победили поляков со счетом 9:3. Трижды в этом матче отличился Харламов. И наконец, игроки сборной СССР поставили убедительный восклицательный знак, выиграв в последнем своем матче на олимпийском турнире в Саппоро у команды Чехословакии 5:2.

Это был последний матч на Олимпиадах, когда хоккейной сборной руководили Анатолий Тарасов и Аркадий Чернышев. В составе советской команды на первые роли выходило новое поколение хоккейных звезд: Михайлов, Петров, Харламов, Мальцев, Третьяк, Васильев, Лутченко, Шадрин, Якушев.

История увольнения Тарасова и Чернышева из сборной окутана тайной. В одной из газет в начале 2000-х годов даже выдвигалась версия о том, что после победы в Саппоро Анатолий Тарасов, который не всегда был в ладах с властями

предержащими, якобы выдвинул тогдашнему главе Спорткомитета СССР Сергею Павлову два требования. Во-первых, в случае победы над канадскими профессионалами дать возможность выехать в НХЛ двум-трем лучшим игрокам сборной СССР, а ему самому якобы предоставить право поработать в одной из команд НХЛ в качестве консультанта. Павлову, по логике вещей, такие требования показались абсурдными. Впрочем, в то, что Тарасов так рвался за границу, верится с трудом. Он был таким патриотом своей страны и приверженцем ленинских идеалов, что, по воспоминаниям его близких, в годы перестройки швырял в сторону журнал «Огонек», называя его «антисоветчиной».

Более справедливым выглядит тезис о том, что непокорность Тарасова в конце концов достала чиновников. Один из ветеранов, попросив не называть свою фамилию, рассказал мне весьма любопытную трактовку событий. «Известно, что Анатолий Владимирович был большим любителем создавать конфликты, а в матчах с чехословаками, особенно после памятных событий августа 1968 года, когда наши танки вошли в Прагу, и вовсе стал для чехов самым ненавистным человеком в сборной СССР. Он не стеснялся провоцировать и чешских болельщиков, и тренеров, и хоккеистов, причем прямо во время игры мог плюнуть в их сторону. Естественно, чехи, включая руководство страны, свирепели. Для них Тарасов был как красная тряпка для быка. У нас говорили, что накануне чемпионата мира 1972 года, проводившегося в Праге, Густав Гусак, креатура Брежнева и тогдашний глава чешской компартии, во избежание новых беспорядков в стране лично попросил советского генсека. “Потерпим кого угодно во главе советской сборной, Чернышева, других, только не Тарасова. Иначе за последствия не ручаюсь. Болельщики не простят ему новых оскорблений. Будет бойня, и вам придется присылать сюда уже не одну, а две армии”, – примерно так сказал Брежневу Гусак, который был большим любителем хоккея. Так, сразу же после победы в Саппоро Тарасова, а вместе с ним и Чернышева отстранили от работы со сборной», – признался ветеран.

Вскоре у сборной СССР появился новый тренерский тандем: Всеволод Бобров и Николай Пучков, которые работали консультантами в штабе сборной в Саппоро. А Аркадий Иванович Чернышев и Анатолий Владимирович Тарасов ушли из сборной непобежденными…

После Олимпиады членов сборной СССР по хоккею в Москве встречали как героев. Еще бы, в третий раз подряд советская команда выиграла престижный хоккейный титул. Команде

устроили торжественный прием в Кремлевском дворце съездов. Наливали каждому «положенные» 250 граммов вина. Но поклонницы хоккеистов из числа официанток по просьбе Александра Рагулина принесли в одном из графинов коньяк. Чествование пошло заметно веселее.

Александр Рагулин, Виталий Давыдов, Виктор Кузькин и Анатолий Фирсов впервые в истории советского хоккея стали трехкратными олимпийскими чемпионами. Позже к этому «сонму великих» присоединятся Владислав Третьяк и Андрей Хомутов. За победу в Олимпийском турнире 1972 года в Саппоро каждый из советских спортсменов получил по тем временам «большую сумму»: целых 300 долларов. Как было принято в таких случаях, повышения, награды, благодарности, грамоты от ЦК КПСС достались функционерам и чиновникам, которые не ковали победы на японском льду, а приписали себе участие в успехе советских спортсменов.

Хоккейный сезон 1971/72 года продлился дольше обычного из-за того, что были сдвинуты сроки проведения чемпионата мира. 39-е первенство планеты по хоккею 1972 года стартовало в Праге. Формула его проведения не изменилась. Команды по-прежнему играли в два круга. Сборная Канады продолжала бойкот мировых чемпионатов. Как и ранее, на предыдущих первенствах, советская команда на старте уверенно разобралась с аутсайдерами соревнований, победив команды ФРГ 11:0, Швейцарии 10:2.

Камнем преткновения стали встречи с хозяевами турнира. Одну из игр непримиримые соперники завершили вничью 3:3, во втором круге сборная СССР, к огромной радости местных болельщиков, уступила чехословакам 2:3. В заключительном матче турнира, разойдясь миром с командой Швеции, советские хоккеисты отстали от хозяев льда на три очка, заняв на чемпионате мира итоговое второе место.

Александр Мальцев с уверенным преимуществом победил в соревновании лучших снайперов чемпионата. Набрав 22 очка по системе «гол плюс пас» (10 голов и 12 передач), он возглавил список лучших бомбардиров, на 6 и 7 баллов, соответственно, опередив своих партнеров по команде Владимира Викулова и Александра Якушева. Через два года после чемпионата мира 1970 года в Швеции он снова был признан лучшим нападающим и вместе с Харламовым и Викуловым вошел в символическую сборную пражского чемпионата. Финский вратарь Йорма Валтонен, который вместе с Мальцевым стал лучшим игроком чемпионата мира и Европы 1972 года, с восхищением говорил журналистам: «Игра Мальцева непостижима, это загадочная

фантазия на льду, бесконечная импровизация, каскад обманных движений».

Страж хоккейных ворот Владимир Полупанов, выступавший за «Динамо», признавался, что из всех нападающих родной команды ему больше всего доставляло удовольствие противостоять Александру Мальцеву. «Во время тренировок, после их окончания, мы с ним любили оставаться на броски или буллиты – всегда спорили, кто больше забьет или кто меньше пропустит. Было интересно. Я никогда не знал, чего ждать от Саши. Даже будучи игроком высочайшего класса, с самым разнообразным арсеналом финтов и бросков, он не уставал совершенствоваться, придумывать что-то новое. В этом и была его изюминка. На десерт, после тренировки, Саша ставил десять шайб где-то на уровне середины зоны по всему ее периметру от одного борта до другого и начинал отрабатывать свои знаменитые броски по моим воротам. Это были и кистевые броски на хитрость, и щелчки. Такие у нас с ним были мини-соревнования», – вспоминает Владимир Полупанов.

«Спор на что был?» – спрашиваю у Полупанова.

«Ни на что, – улыбается Владимир Андреевич. – Иначе бы я разорился на шоколадки или мороженое. А так это было очень азартно».

«Часто, когда говорят и пишут о Мальцеве, в таких материалах ускользает одна деталь. Он, несмотря на всю элегантность и изящество, был боец до мозга костей, ничуть не отставая в этом от могучего Валеры Васильева. Я прекрасно помню, что Саша никогда не любил проигрывать. Он всегда старался совершенствоваться. Его не успокаивало, например, то, что мы выигрываем с большим счетом. Он был азартен в игре от начала и до конца, вне зависимости от счета на табло, – свидетельствует Владимир Полупанов. – Даже в игре с заведомо сильным соперником, каким в свое время был непобедимый ЦСКА. Да и нам вдвойне было стыдно проигрывать, глядя на то, как при любом счете, даже при безнадежном, Саша бился на льду, как лев, падая, умудряясь забивать в падении шайбы. Возвращался на скамейку, порой стиснув зубы от боли, на пределе сил, а во взгляде читалось – ну что же вы, мужики, давайте, вперед. Скажу больше, по степени авторитета среди игроков, по умению мгновенно влиять на них в ходе неудачно складывающегося матча в “Динамо” долгие годы не было равных Саше Мальцеву и Валере Васильеву».

Полупанов с удовольствием вспоминает и о том, что Мальцев любил разрядить напряженную атмосферу в команде перед играми своими фирменными шутками. Короткими и

«прицельными», как выстрел. «Ехали мы однажды в начале 1970-х на клубном автобусе в Саратов на матч первенства СССР с местным “Кристаллом”. Обстановка в салоне была почти гнетущей. “Динамо” тогда неудачно стартовало в чемпионате, и в команде только и было разговоров о том, сколько мы очков недобрали. “Нам нужны очки”, – раздавалось то тут, то там. Мальцев сидел с непроницаемым выражением лица и слушал все эти разговоры про злосчастные и недостающие очки, доносившиеся из разных концов автобуса, – вспоминает Полупанов. – Потом дождался, когда голоса в автобусе немного поутихнут, и обращается к нашему водителю с просьбой остановиться в Саратове у ближайшей оптики. Все недоумевают: “Саша, что случилось? Заболел, что ли? Что-то с глазами стряслось?” А Мальцев отвечает с таким непроницаемым выражением лица: “Да нет, все нормально! Просто заедем сейчас в оптику и найдем для команды очки. Они же нам так нужны”.

В салоне сразу стало весело и куда-то сразу исчезло это сковывавшее всех игроков напряжение. А в том матче в Саратове мы победили, наконец-то впервые в чемпионате сыграв на кураже».

«Авторитет в “Динамо” Мальцев имел колоссальный. Все его уважали и к советам его прислушивались. Его слово было очень весомым, – вспоминает Владимир Полупанов. – Он говорил немного, но всегда по делу. Он был вообще очень недоволен, когда команда “Динамо” пропускала шайбы. На это он всегда реагировал крайне болезненно. Если Мальцев считал, что я виноват в пропущенной шайбе, мне доставалось от него по полной программе. Саша, мягко говоря, предъявлял мне претензии, – как же так, мы играем, забиваем, выходим вперед в счете, а ты такие “бабочки” пропускаешь?»

В памяти Полупанова сохранился один эпизод. «“Динамо” находилось на сборах в Эстонии в местечке Отепя. Там очень много озер, на одном из них стояли вышки для прыжков в воду. Я был свидетелем того, как Александр Николаевич залез на верхнюю десятиметровую вышку и оттуда, вниз головой, прыгнул, причем в прыжке еще и сложился».

Эстонский городишко Отепя, который имеет статус неофициальной зимней столицы Эстонии, был одним из любимых мест отдыха Аркадия Ивановича Чернышева. Летние сборы в Отепе перед сезоном, в начале 1970-х, динамовские ветераны вспоминают с особой любовью, хотя нагрузки Чернышев предлагал нешуточные. Будьте любезны, дорогие динамовцы, «отмотайте» 5–10 километров кросса по лесистой и пересеченной местности. Без этого было нельзя. А о неимоверных нагрузках в

ЦСКА Тарасова ходили настоящие легенды.

Будучи человеком деликатным и с большим чувством юмора, Аркадий Иванович часто вносил «свежую струю» в изнурительный ритм тренировок. Предлагал игрокам выбор – прыгнуть с вышки или бежать кросс.

Однажды на сборах перед началом одного из сезонов рискнуть совершить этот «смертельный прыжок» решился Анатолий Мотовилов, один из самых близких друзей Александра Николаевича. «Мы долго отговаривали его от этого поступка: Толя был немного полноват и до этого никогда не занимался подобными экспериментами на десятиметровой вышке, – вспоминает Сергей Мальцев. – Но он настоял на своем: прыгну и все. Зашел на вышку и сиганул вниз. Но в полете его тело занесло, и в воду Толя входил уже не ногами или головой, как положено, а животом. Жуткий хлопок раздался одновременно с криком. Мы реально подумали, что Анатолий убился. Наконец он показался из воды, ему помогли выбраться. Весь живот был красным от удара. Толя потом на сборах часто хватался за него, особенно когда мы вспоминали этот смертельный номер и, смеясь, просили Мотовилова повторить его на бис».

Мальцев-старший, несмотря на то, что без проблем справлялся с прыжками и с легкостью мог менять их на кроссы, когда предлагал Чернышев, предпочитал тянуть «беговую лямку» вместе с товарищами по команде. Однажды он немного отклонился от маршрута, сказав, что, чуть передохнув, догонит игроков. Как в русской народной сказке, присел на близлежащий пенечек, правда, без пирожка…

«Бежим кросс, чувствую, что не могу, – признавался позже друзьям Мальцев. – Ноги ватные, сил нету. Отойду, думаю, присяду на пенечек. Отошел, присел, вижу, рядом тьма-тмущая белых грибов. Начал собирать, сняв майку и складывая грибы прямо в нее».

Уже потом, когда Мальцев пришел на базу в свой номер, его сосед Валерий Васильев широко открыл глаза и спросил его: «Ну ты, Саша, даешь, где такой урожай нашел?» Мальцев не утаил от своих товарищей грибное место. Вскоре на опушку таким же темпом, что и во время кросса, побежали многие динамовские хоккеисты. И каждый из них возвращался на базу с несколькими килограммами «мясистых», «породистых» даров леса. А в Москве скоро пошел гулять слух о том, что динамовские хоккеисты вернулись со сборов в Отепе с целым рефрижератором, специально присланным из столицы, чтобы загрузить тонны собранных ими грибов в тихом эстонском лесу…

Несмотря на всю беззаботность эстонских сборов лета 1972

года, Мальцев крайне серьезно готовился к предстоящему сезону. Во многом потому, что через несколько недель ему и его товарищам по сборной впервые предстояло скрестить клюшки с канадскими профессионалами.

Глава десятая
ВЕЛИКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ С КАНАДЦАМИ. СУПЕРСЕРИЯ 1972 ГОДА

Эту восьмиматчевую серию западные журналисты еще тогда окрестили «матчами века». И, как показало время, были правы. Именно с Суперсерии 1972 года началась новая эра мирового хоккея.

После Суперсерии-1972 границы, разделявшие хоккеистов-профессионалов и хоккеистов-любителей, были размыты. Именно после этих поединков советская сборная развеяла миф о недосягаемости и непобедимости канадских хоккейных профессионалов. «Наше поколение игроков первым скрестило клюшки с энхаэловцами. Знаю, что таких матчей, как в серии 1972 года, больше не будет. Будут другие – лучше, хуже, но не такие. Мы делали историю. Во всяком случае, историю хоккейную», – считает Александр Мальцев.

В Канаде об этой серии снято несколько документальных фильмов, написаны десятки книг, а ролики или фрагменты матчей время от времени до сих пор показывают даже в канадских аэропортах.

Споры о том, нужно ли советским хоккеистам мериться силами с канадскими, велись задолго до проведения этой серии. Говорили, что Тарасов и Чернышев, зная об особой грубости некоторых игроков НХЛ, якобы не изъявляли особого желания бросать своих ребят в сражение с канадскими профи. Впрочем, в этой ситуации объективнее будет взгляд самих игроков, тех, кто первыми скрестил клюшки с профессионалами.

«К началу семидесятых годов канадцы стремились к поединкам с советскими хоккеистами на высшем уровне. Встреча с профессионалами из НХЛ была мечтой Аркадия Ивановича Чернышева и Анатолия Владимировича Тарасова, – писал Борис Михайлов в своей книге «Такова хоккейная жизнь». – Последний беседовал на этот счет с президентом НХЛ Джоном Зиглером еще в 1968 году. Но убедить Спорткомитет СССР и ЦК КПСС в том, что серия СССР – НХЛ не так страшна, как ее малюют, было сложно. Проходило много различных совещаний, все время возникали какие-то сложности. За океаном, казалось, проблем не было. Но у нас тогда не знали, что и в НХЛ согласиться на серию было не просто. Ее президент Джон Зиглер мог спокойно высказаться за

проведение серии. Но ему требовалось, поскольку НХЛ была коммерческим предприятием, подумать и о финансовой стороне вопроса».

Несомненно, что и рядовые советские болельщики, и любители хоккея за Кремлевской стеной жаждали зрелищ и побед над маститыми профессионалами. Окончательному решению, давшему зеленый свет ледовому противостоянию, во многом поспособствовал генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев – заядлый хоккейный болельщик. Во время чемпионата мира 1972 года в Чехословакии были оговорены все нюансы проведения предстоящей серии. По соглашению, подписанному весной того же года, за канадскую сборную должны были выступать только профессионалы из НХЛ.

Подготовка к матчам проходила под руководством нового тандема наставников: старшим тренером был назначен Всеволод Михайлович Бобров. Его помощником стал Борис Павлович Кулагин, который вскоре вместе с Аркадием Чернышевым вылетел в Северную Америку с тем, чтобы изучить будущих соперников.

У Всеволода Боброва складывались сложные отношения с Тарасовым. Бобров был самостоятельным, свободолюбивым человеком и игроком, предпочитая оставаться «свободным художником» вне строгих тактических схем. И эта его своеобразная неуправляемость никогда не нравилась Тарасову. Более того, армеец Бобров в пику Тарасову как-то заявил, что он является учеником Аркадия Чернышева. «На смену Чернышеву и Тарасову пришел Всеволод Михайлович Бобров. Он производил огромное впечатление. Это был редчайший знаток хоккея. Бобров был достаточно мягким человеком. С ним, в отличие от Тарасова, можно было обсуждать какие-то хоккейные вещи, – полагает Борис Михайлов. – При этом Бобров не давил на нас своим колоссальным авторитетом. Он умел прощать, и не было случая, чтобы кого-то в сборной при нем крепко наказывали за различные нарушения. У него было потрясающее чутье на игроков, он знал, что именно нужно сказать в конкретный момент или промолчать. К тому же мы преклонялись перед ним как великим игроком».

Советские спортсмены, как это обычно происходило перед самыми ответственными и главными стартами года, были заблаговременно отправлены на тренировочный сбор, где постарались забыть обо всем, кроме хоккея. В Канаде профессионалы приступили к тренировкам на полтора месяца позже русских. Канадские звенья комплектовались не по клубному принципу, как в советской сборной. Это был набор индивидуально сильных игроков, которые имели статус

состоявшихся звезд.

Тем временем вся страна, от рядового рабочего до премьер-министра Пьера Трюдо, спорила, стоит ли брать в сборную легендарного Бобби Халла, который немногим ранее принятого решения переметнулся в созданную Всемирную хоккейную ассоциацию – ВХА (о ней речь позже). Просьбы как рядовых, так и влиятельных болельщиков, включая самого премьера Трюдо, не увенчались успехом. В итоге двери канадской команды для Бобби Халла и других звезд ВХА в сборную Канады оказались закрыты. Кроме того, в составе канадцев из-за травмы не играл легендарный защитник Бобби Орр. Его в те годы западные специалисты и средства массовой информации называли лучшим хоккеистом мира.

В советской сборной неожиданно не оказалось одного из лучших форвардов в истории отечественного хоккея Анатолия Фирсова. Лишь позже выяснилось, что Фирсов бойкотировал это турне, в знак протеста против исключения из тренерского штаба многолетнего тандема Тарасов – Чернышев. Спартаковец Вячеслав Старшинов прямо признавался в одном из интервью, что Фирсов отказался «играть по этическим соображениям, он принял сторону Анатолия Владимировича Тарасова».

Но вернемся к предматчевой подготовке сборных. В Москву «на разведку» от канадцев полетели Джон Малеллан и Боб Дэвидсон из «Торонто Мэйпл Лифс». Их отчеты из СССР стали приятным откровением для всей Канады. Канадцев искренне удивляло то, как же долго советские спортсмены могут находиться на сборах, лишенные возможности пообщаться с родными. Тогда в СССР тренеры были убеждены, что с учетом особенностей русского национального характера долгие сборы перед короткими турнирами были единственной формой держать советских спортсменов в надлежащем тонусе. «Многие сильные на льду хоккеисты были достаточно слабыми в жизни. И что делать тренеру, если у него есть 15 человек, которых можно смело отправлять в семью и знать, что они не напьются до потери пульса, и 10 других, для кого не существует ничего невозможного? Поэтому всех скопом и держали, чтобы никому не было обидно», – признавался в одном из интервью известный отечественный судья Виктор Домбровский.

Русские хоккеисты не умеют пасовать и забивать, а их основной вратарь Третьяк и вовсе «пускает бабочки и ловит мышей» – образно говоря, в таком духе были составлены отчеты «канадских разведчиков». Канадские наблюдатели в августе 1972 года попали на, возможно, худшую игру Владислава Третьяка в жизни. Сборная СССР играла товарищеский матч с ЦСКА, и

Третьяк получил в свои ворота девять «пробоин». Сам он позже объяснял, что его голова в тот день была забита «чем угодно, только не хоккеем» – на следующий день вратарю предстояла свадьба.

«Еще не родилась та команда, которая будет учить наших профессионалов. От разгрома русских спасет только чудо или сверхвдохновение», – писала одна из канадских газет, требуя победы своих любимцев над русскими в серии с сухим счетом. В довершение всего по канадскому телевидению в августе 1972 года показали документальный фильм с простым и броским названием «Все о советском хоккее». Его снимали в СССР с разрешения советской хоккейной федерации канадские документалисты. Выставили они советский хоккей в сугубо комическом ракурсе. Из репортажей выходило, что лед на хоккейных площадках в Советском Союзе заливают простым шлангом, а клюшки мастерят в обычных заводских мастерских – в подтверждение этого демонстрировались соответствующие кадры с обычной дворовой площадки и из какого-то слесарного цеха.

Потом эти клюшки показали лежащими на прилавках обычных универмагов, чтобы канадский зритель сделал для себя вывод: дескать, какие же они мастера, если и советские команды, и обычные болельщики играют одними и теми же «палками». Словом, у рядового канадца должно было сложиться впечатление, что русские если не являются полными «профанами» в хоккее, в отличие от профи, то уж никак не переступают его любительский порог. Канада ликовала в предвкушении разгрома русских в серии со счетом 8:0. И сами канадские хоккеисты перед суперсерией были настроены «порвать русских». Настрой у них был самый что ни на есть боевой, но бравурный и шапкозакидательский.

Интересно было узнать, о чем докладывали в Москву Чернышев и Кулагин. Их впечатления, по сути, были схожими с наблюдениями канадских коллег: как те с широко открытыми глазами открывали хоккейную Страну Советов, так и советские специалисты – родину хоккея. Особенно поразило двух тренеров то, что после игр и тренировок канадские хоккеисты не оставались на базе, а уезжали куда вздумается, и не на автобусе, а все, как один, на своих личных автомобилях. Чернышева и Кулагина удивило то, сколько времени на тренировках канадцы отводили отработке бросков и силовой борьбе. Они, впрочем, отзывались о канадцах с уважением и говорили игрокам о том, насколько те сильны. Наставники сборной СССР отмечали тот факт, что канадцы практически не тратят время на бросок, «стреляя» без подготовки при первой же возможности, даже из

самых неудобных положений.

Хотя канадские нападающие мало маневрировали и не закладывали такие же виражи на скорости, как Мальцев, Харламов или Якушев, они были очень сильны индивидуально и хорошо обучены технике владения клюшкой. Впечатлило Кулагина и Чернышева умение канадцев играть корпусом, особенно у бортов и на пятачке.

Сказать, что присутствие «русских разведчиков» на тренировках не вносило дискомфорт в работу внешне невозмутимых и хладнокровных канадских наставников, было бы неверным. Скорее, наоборот. Вратарь Кен Драйден вспоминал, что, видя, как Чернышев и Кулагин что-то постоянно пишут в блокнот, он опасался одного, что по возвращении в Москву эти отчеты будут засланы в некий сверхмощный компьютер. А тот, дескать, разложит по полочкам все аспекты игры непобедимых профи…

Сейчас эти «зарисовки» друг о друге кажутся немного забавными. Вместе с тем они лишний раз демонстрируют, насколько разными в начале 1970-х годов были и недоверие друг к другу «двух систем, двух образов жизни», и методики подготовки русских и канадских хоккеистов, и философия этих двух совершенно противоположных хоккейных стилей. С одной стороны, канадский хоккей: с неуемной жаждой гола, порой безрассудными бросками, с чересчур напористыми действиями нападающих, мощными щелчками, стремительными прорывами к воротам нескольких «игроков-коршунов» и желанием буквально внести шайбу в ворота. С другой стороны, советский стиль игры: с кружевами комбинаций, поисками партнера, открываниями, скрытыми пасами, желанием вывести своего товарища на удобную ударную позицию, а не тупо щелкнуть по воротам и насесть на вратаря…

Итак, советские хоккеисты прилетели в Канаду 30 августа. По прибытии в Монреаль их ждал неприятный сюрприз. Один из чехословацких эмигрантов, осевший в Канаде, подал в канадский суд иск. Он требовал от Советов возмещения материального убытка в размере 1889 долларов. В такую сумму он оценил свой раздавленный советскими танками автомобиль во время ввода советских войск в Прагу в 1968 году. Суд Квебека удовлетворил это прошение, постановив опечатать хоккейное снаряжение советской команды до факта уплаты денег. К счастью, ситуацию разрешил один из руководителей канадской сборной Алан Иглсон, который достал чековую книжку и выписал на имя назойливого чешского эмигранта требуемую им сумму.

Уже на следующий день после прибытия советские хоккеисты

провели тренировку в Монреале. Они, благодаря тонкому психологическому ходу Боброва, «выглядели» этакими увальнями на коньках, действительно не умеющими пасовать и бросать, в противовес непобедимым профи. Защитники, пытавшиеся совершить какой-нибудь маневр, и вовсе едва не падали на лед. «Теперь мы точно порвем этих русских!» – пронеслось в голове некоторых из хозяев, которые и не догадывались, что советские тренеры и хоккеисты откровенно их дурачат.

«Советские хоккеисты пустились в неизведанное. Мы все хотели сыграть с канадцами, но совершенно не представляли, как будем это делать, – признавался в беседе со мной Валерий Шадрин. – Когда мы приехали в Канаду, то нас повели посмотреть на тренировку канадцев и посадили на верхний ярус трибун. Это была своего рода психологическая атака, поскольку все казалось мощным: и щелчки невероятной силы, и силовые приемы, и эта неимоверная их самоотдача. Когда канадцы пришли к нам на тренировку перед первым матчем, то сидели, развалившись в креслах на трибуне, чуть ли не курили сигары, показывали всем своим вальяжным видом, что не считают нас за соперников. Конечно, мы отдавали должное их силе и мощи, но наш тренер Всеволод Бобров призывал обратить внимание на слабую игру канадцев в пас и частые, неосмысленные, прямолинейные броски по воротам».

Объективности ради, заметим, что многое, увиденное советскими игроками на местной ледовой площадке, было для русских парней действительно в диковинку. Начиная от более узких размеров самой коробки и заканчивая меньшей «площадью ворот», что до предела обостряло игру на пятачке и позволяло, не нарушая правил, почти вплотную накатываться на голкипера. Да и ворота крепились на льду гораздо жестче, чем на европейских площадках. Необычными для советских хоккеистов были и борта – гораздо выше, почти на метр по сравнению с отечественными коробками из-за того, что над деревянным настилом борта крепилось 70 сантиметров прозрачного пластика.

Билеты по восемь долларов на первый матч в Монреале уже не продавались, поскольку слишком много было желающих посмотреть на «разгром» загадочных русских. Организаторы, смекнув о возможности разбогатеть, устроили лотерею, выпустив лотерейные билеты ценой в три доллара. Причем из ста таких билетов счастливый – входной билет на матч был один. В результате выручка с каждого зрительского места на трибуне составляла целых 792 доллара! Зрители шли в «Форум» с цветами в руках, нарядно одетые, готовясь праздновать победу над Советами!

Второго сентября 1972 года в 19 часов по местному времени началась та самая битва, которая стала первой и одной из самых впечатляющих оплеух в истории игр канадских профессионалов с советской сборной. По словам Мальцева, увиденное советскими хоккеистами на канадском льду перед матчем произвело на них очень сильное впечатление. Их поразил весь антураж перед первым вбрасыванием и началом поединка: появление игроков на поле под восторженный рев болельщиков, исполнение национального гимна, а также негодующие свистки, гул, трещотки в адрес разминающихся гостей. Участник суперсерии, спартаковец Евгений Зимин вспоминал потом, что волнение перед матчем было таким, что сдали нервы даже у железного Третьяка. «У всех наших ребят были бледные лица от сверхнапряжения, особенно у Владика Третьяка. Он спешил надеть вратарскую маску, словно хотел скрыть от окружающих свое волнение», – признавался Зимин.

Наконец после приветствий, исполнения гимна премьер-министр Канады Трюдо самолично произвел символическое вбрасывание и игра началась. Канадцы навалились на ворота Третьяка и буквально смяли защиту русских. Уже через полминуты после начала игры гол Фила Эспозито заставил завестись от восторга весь переполненный «Форум». Подобная тактика – ошеломить противника с первых секунд, которая сегодня часто применяется командами – хозяевами поля, тогда в 1972 году стала настоящим откровением для советских хоккеистов. Канадцы не давали советским игрокам даже прикоснуться к шайбе, обрушивая ураган атак на ворота Третьяка. Надо же такому случиться, что через 38 лет, уже в четвертьфинале Олимпиады в Ванкувере, сборная Канады повторит свой фирменный трюк уже в игре со сборной России и попросту сомнет ее оборону в первые десять минут игры.

А тогда казалось, что избиение младенцев только начинается и стены ледового дворца «Форум» вот-вот рухнут от многотысячного крика и бурных аплодисментов. Еще через шесть минут Фил Эспозито выиграл борьбу на «пятачке» в типично канадском стиле, продавив защитников, а Хендерсон поразил ворота Третьяка резким кистевым броском. «Теперь, парень, ты понял, куда попал!» – по легенде именно такие слова Эспозито бросил Третьяку в лицо. Канадские болельщики были в восторге, а сами хоккеисты упивались своим преимуществом в счете, снисходительно, «по-барски», улыбаясь. Вдобавок ко всему, во время музыкальных пауз, которые советским игрокам были тоже в новинку, похоронная мелодия сменила «Подмосковные вечера».

Но вскоре советским хоккеистам удалось совладать с

нервами. «Потом мы быстро взяли себя в руки и с каждым днем все больше чувствовали этот накал, эту атмосферу, которая проникла во все наши поры», – вспоминал Александр Якушев[10]. На двенадцатой минуте шайба попала к Якушеву, перед которым находился один защитник. Форвард двинулся на канадца, и когда их разделяли считаные сантиметры, защитник не выдержал и рванулся навстречу. В это мгновение Якушев искусно переправил шайбу Шадрину, который, увидев Зимина, отпасовал шайбу последнему. Зимин бросил в нижний угол. Гол! Вскоре Владимир Петров сравнял счет.

И вот тогда настал звездный час связки Мальцев – Харламов, двух друзей по жизни, получивших в Канаде шанс сыграть в одном звене против местных профи. «Отправляясь в раздевалку, я начинаю понимать, что игра будет долгой и трудной, более трудной, чем мы могли вообразить. Сомневался ли кто-нибудь в том, что мы легко преодолеем сопротивление русских? – писал в своей книге Кен Драйден. – В этом усомнился Валерий Харламов. Он играл на левом крыле первой тройки советской команды и двигался с неимоверной быстротой. Находясь у противоположного борта, он получил шайбу от Александра Мальцева. Ушел от Рода Джилберта, обыграл Дона Оури. Совершенно неожиданно шайба проскакивает у меня между ног и влетает в ворота».

В «Форуме» стих гул и замолкли трещотки, когда через восемь минут ситуация повторилась. Снова последовал пас Мальцева на Харламова и армеец произвел неожиданный для Кена Драйдена выстрел. Канадский вратарь среагировал на бросок с опозданием – от его ловушки шайба влетела в створ ворот. Уже 4:2. В третьем периоде канадцы сократили разрыв в счете. Но в последние семь минут матча они получили еще три пробоины от русских. Михайлов, Зимин и Якушев довели счет до неприличного для канадских профи.

«Поразительно быстрый прогресс советского хоккея столь же впечатляющ, сколь и загадочен», – успел произнести один из лучших канадских хоккеистов Бобби Халл. С финальным свистком трибуны окончательно смолкли. Взмокшие от волнения именитые гости стали снимать галстуки и расстегивать воротники рубашек. Канадские игроки, быстро побросав на лед краги и клюшки, ушли с поля, и советские игроки остались одни. Но вот, после небольшой паузы, грянули аплодисменты. Искушенные канадские болельщики признали советских хоккеистов.

Тогда на хоккейных свитерах не указывались фамилии. Более того, болельщики не знали советских игроков в лицо, и диктор

всякий раз, когда называл фамилии хоккеистов, неизменно «коверкал» их. Журналист Владимир Дворцов, в ту пору спецкорр ТАСС, освещавший серию, вспоминал, что из всего советского состава «более или менее правильно именовали лишь одного Анисина и то потому, что в Северной Америке было довольно распространено лекарство под названием “Энисин”».

«В “Форум” набилось почти двадцать тысяч ее (игры) живых свидетелей. Клянусь, что теперь они все до одного знают, что отчество Валерия Харламова – Борисович, а Владислава Третьяка – Александрович, – напишет позже в своей книге «Хоккей на высшем уровне» канадский голкипер Кен Драйден. – Все было подготовлено для великого торжества канадского хоккея. Но приехали русские и все испортили, показав 60 минут такой игры, какая нам никогда не снилась».

Именно после этой встречи канадцы прямо в раздевалке предложили Валерию Харламову, признанному лучшим игроком в составе советской сборной, контракт в НХЛ на один миллион долларов – рекордную сумму для чужестранцев по тем временам. При том, что самый высокооплачиваемый в ту пору игрок в Канаде Горди Хоу в год получал 800 тысяч долларов! После игры Кен Драйден сказал: «Именно Харламов надломил нашу могучую команду, снял вопрос о победителе. Я такой игры нападающего больше не видел».

В раздевалку сборной, по воспоминаниям игроков, действительно пришел один из богачей – хозяин клуба НХЛ «Торонто Мэйпл Лифс» и предложил миллион долларов в случае, если Харламов и его партнеры по тройке перейдут в его клуб. «Мы переглянулись, а потом ребята говорят: ты старший, вот и отвечай. Я поблагодарил канадца за приглашение и, естественно, отказался, подчеркнув, что мы советские миллионеры, нам и дома хорошо. Я сказал это искренне, а не потому, что за нашими спинами стоял человек, отвечавший за безопасность сборной СССР. Потом подобные предложения канадцы делали почти всем нашим ребятам – Владику Третьяку, Саше Якушеву, Жене Зимину, Саше Мальцеву», – вспоминает Борис Михайлов.

На следующее утро одними только заголовками, набранными «аршинными буквами», почти вся североамериканская пресса издевательски прошлась по сборной хозяев. Одна из газет писала о том, что у тренера канадцев Синдена, «любимчика Канады», теперь почти «не осталось друзей». Даже деловая газета «Уолл-стрит джорнэл», которая крайне редко публиковала спортивные материалы на первых полосах, окрестила матч «поражением канадцев в холодной войне на льду». «Русские играли в какой-то другой хоккей, но от этого голы, которые они забивали нам один

за другим, не переставали быть голами», – писала одна из газет. Отдавая должное тактической выучке и мастерству русских хоккеистов, канадские журналисты не упустили возможность «побить своих». «Наши изнеженные любимчики – профессионалы играли так, как будто их только что познакомили друг с другом», – язвительно писала газета «Торонто стар».

В этом «хоре» крайне неприятных для канадцев статей неким диссонансом прозвучал лишенный истерических ноток материал газеты «Торонто стар»: «С тех пор как русские в последний раз посетили Канаду, им удалось добиться определенного прогресса: броски по воротам стали точнее и мощнее, они ведут себя на площадке заметно агрессивнее, хороши надежный вратарь Третьяк и нападающий Харламов, много забивавший в Саппоро, обладающий необычайно хитроумным дриблингом и великолепным пасом»[11]. Хотя надо отдать должное местным газетчикам, признавать полное превосходство русских над канадцами они отнюдь не торопились. Из выступлений специалистов выходило, что канадцы не ожидали увидеть продемонстрированный русскими совершенно другой хоккей, элегантный, изящный, отличный от того, в который они играли сами. И скорости у русских игроков были более высокими.

Первый и такой триумфальный для советских хоккеистов матч проходил глубокой ночью и его не показывали в прямом эфире, так как Центральное телевидение СССР в те годы не вещало в ночные часы. Игра была запланирована к показу в записи на следующий день. Более того, из аппарата ЦК КПСС на Старой площади в информагентства, на радио и телевидение под угрозой жестких кадровых санкций поступили четкие указания засекретить результат матча. Но благодаря нещадно глушимым «вражеским голосам» и сарафанному радио слух о выдающейся победе советской сборной над канадцами быстро облетел многие города. И накрывались столы на Сахалине и Кавказе, и еще до трансляции готовились советские болельщики праздновать эту, безусловно, выдающуюся победу…

Нельзя не упомянуть об одном любопытном эпизоде. Журналист известной торонтской газеты «Глоб энд мейл» Дик Беддос, который ранее поставил сборную СССР на третье место в рейтинге лучших хоккейных команд мира, перед началом всей серии заявил, что съест свою статью, если русские выиграют хотя бы один матч. К счастью для зрителей и к ужасу для своего желудка, Беддос оказался человеком слова. Газету ему пришлось употребить вовнутрь сразу после поражения канадских хоккеистов в Монреале. Репортер, как человек чести, пришел к зданию советского консульства в Торонто с родной газетой под

мышкой и тарелкой борща. И действительно постепенно съел ее, макая в борщ, прямо на ступеньках советского представительства.

Однажды, повстречавшись с Анатолием Тарасовым (это был чемпионат мира 1968 года в Вене), один из лучших защитников НХЛ того времени Карл Томас Бревер поделился с советским тренером любопытным соображением. Бревер предположил, что когда советская сборная приедет в Канаду, то в первых встречах, несомненно, канадцы проиграют, но потом обязательно возьмут реванш. На лице Тарасова появилось недоумение, и он попросил хоккеиста развить свою мысль.

«Профессионалы, пока их не побьют, не принимают всерьез никакого противника, – объяснил свою позицию Бревер. – В дебюте обязательно скажется их неполная мобилизация на серьезную игру… Но, проиграв матч, другой, профи быстро перестроятся, примут контрмеры, и вот тогда ваши козыри, я думаю, будут биты».

Бревер попал в яблочко и оказался хорошим прорицателем. Во втором матче в Торонто хозяева площадки пошли на значительные перестановки в составе. У канадцев поменялась почти половина игроков. Были изменения и в советской команде. В тройке с Харламовым и Мальцевым в качестве центрфорварда на этот раз появился Вячеслав Старшинов.

Этот матч на арене «Мэйпл Лиф Гарден» в Торонто стал наиболее удачным для местных хоккеистов в канадской части серии. Они действовали крайне осторожно. Тактика канадцев была предельно проста: не задерживаясь в средней зоне, отправить шайбу к ближе к воротам Третьяка и нещадно биться на пятачке противника. В середине второго периода Фил Эспозито, которого советские болельщики оперативно нарекли «Филя», резко бросив со своей любимой точки в шести-семи метрах по центру ворот, открыл счет. А затем впервые за два матча в начале третьего периода канадцы реализовали численное преимущество. И хотя Александр Якушев через минуту и тоже при игре в неравных составах сократил разрыв в счете, вскоре благодаря шайбам, заброшенным братьями Маховличами – Питом и Фрэнком, канадцы закрепили свое преимущество, в итоге победив со счетом 4:1.

Именно в этой игре советские хоккеисты впервые столкнулись с тем, чего боялись больше всего – откровенной грубостью на льду местных игроков. Грязные силовые приемы, удары исподтишка, захваты клюшкой – канадцы задействовали целый арсенал своих излюбленных «неджентльменских» методов. При этом судившие встречу оба арбитра, приглашенные из США, не фиксировали все эти нарушения, что дало повод главе

советской делегации, председателю Советской федерации хоккея Виктору Старовойтову заявить: «Американские судьи позволяли канадским хоккеистам действовать как шайке разбойников». Канадский вратарь Кен Драйден, оставшийся в запасе, позже отмечал: «Иногда наша игра становилась весьма пошлой. Не раз вверх угрожающе взлетали клюшки, намекая русским, что может произойти вслед за этим. Мне самому порой становилось неловко и даже стыдно за своих. На месте русских хоккеистов я бы наверняка подумал: “Эти канадцы, должно быть, настоящие звери, раз они позволяют себе такие выходки”».

В третьей игре в Виннипеге тренеры сборной СССР снова пошли на перестановки в составе, приняв решение играть в шесть игроков обороны вместо семи и в одиннадцать нападающих. Канадцы прямо в начале встречи обрушили шквал атак на ворота Третьяка. Паризе забросил первую шайбу в матче, однако Владимир Петров, когда советская команда находилась в меньшинстве, сравнял счет. Вскоре Раттель и Фил Эспозито довели преимущество канадцев до двух шайб: 3:1. На 33-й минуте Харламов, получив в средней зоне пас от Цыганкова, вышел один на один с Тони Эспозито и сократил разрыв в счете до 2:3. Когда на 34-й минуте Хендерсон, забив гол необычным образом, в падении, восстановил привычную для этой игры разницу в две шайбы в пользу канадцев – 4:2, казалось, что те доведут этот матч до победы.

Но вскоре настал звездный час для молодых хоккеистов «Крыльев Советов», еще недавно игравших вместе в молодежной команде ЦСКА и впервые попавших во взрослую сборную. На первые роли в матче вышла тройка 21-летних Лебедева, Анисина и Бодунова. «Пусть поучатся, обкатаются» – такими словами обосновал присутствие в игре на виннипегской «Арене» хоккеистов «Крылышек» Всеволод Бобров. Лебедев на 35-й минуте, а спустя четыре минуты Бодунов сделали счет равным – 4:4.

Последние мгновения встречи стали бенефисом вратарей. Мальцев за 13 секунд до финальной сирены бросал хитро и наверняка, но Тони Эспозито умудрился отбить шайбу. Владислав Третьяк, показавший в этой игре свои уникальные способности, выручил советскую сборную после «не берущегося» броска Хендерсона с трех метров. «После игры мы пытались подсластить результат, заявляя, что упустили верный выигрыш. Мы не упустили его. Его у нас отняли русские. Мы твердили, что им везло и что они использовали все отрывы. Чепуха. Они проигрывали, но не растерялись, а отрывы были созданы их собственными действиями. Наверное, им приятно сознавать, что

их трудно выбить из седла. Часто ли команды НХЛ дважды сравнивают результат, проигрывая по две шайбы?» – писал в своих воспоминаниях Кен Драйден.

Восьмого сентября 1972 года в Ванкувере прошла заключительная, четвертая встреча канадской части серии. На этот раз советская сборная решила не отдавать канадцам нити игры и уже через восемь минут после ее начала благодаря двум шайбам Бориса Михайлова, заброшенным, когда канадцы были в меньшинстве, вела со счетом 2:0. Во втором периоде Перро удалось сократить разрыв в счете, однако Блинов, игравший в тройке с Михайловым и Петровым, довел счет до 3:1. А затем Мальцев вместе с Харламовым подарили прекрасную возможность отличиться своему партнеру по звену – Владимир Викулов перед вторым перерывом сделал счет 4:1. «Играть дальше было бессмысленно», – напишет позже Кен Драйден в своих воспоминаниях. Лишь при счете 5:1 (шайбу в составе сборной СССР забросил Владимир Шадрин) канадцы подсластили горькую пилюлю себе и своим болельщикам, отквитав две шайбы.

Своих хоккеистов канадские болельщики провожали многотысячным гулом: «Бу-уу», который на местных стадионах выражает высшую степень недовольства игрой. Не этот счет 3:5 и два поражения за четыре первых матча серии мечтали увидеть местные зрители. Но результат ванкуверского матча и общий итог: две победы русских при одном поражении и одной ничьей были закономерными.

После этой игры Фил Эспозито дал очень эмоциональное интервью по национальному телевидению. «Мы делаем все, что можем, и выкладываемся до конца, и я хотел бы, черт побери, чтобы вы, люди, поняли это. Эти русские – великие хоккеисты. Почему бы вам не оценить их по достоинству и не прекратить осыпать нас обвинениями?» – вопрошал в интервью Фил Эспозито. Потрясающие по эмоциональности слова произнес форвард Фрэнк Маховлич, игрок, поражавший своими габаритами и не склонный к сентиментальности: «После того, что русские сделали с нами в нашей игре здесь, в Канаде, боюсь, в спорте не осталось ничего святого. Если их кто-нибудь познакомит с американским футболом, они через два года разгромят “Далласских ковбоев” и выиграют главный приз».

Подводя итоги первой части серии, известный хоккейный обозреватель «Спортс иллюстрейтед» Марк Мелвой писал: «… Теперь, по прошествии самой отрезвляющей недели в истории канадского спорта, хоккей стал русской игрой. За какие-то семь дней сборная СССР развеяла столетний миф о превосходстве канадского хоккея и покончила с легендой о непобедимости

игроков НХЛ. Многие теперь задаются вопросом: смогут ли они вновь ходить на матчи “Торонто Мэйпл Лифс” с “Окленд силе”?»[12]

Харламов, Якушев, Третьяк, Михайлов – эти фамилии советских игроков североамериканские специалисты, журналисты и зрители запомнили надолго. В этой части серии также блестяще зарекомендовала себя спартаковская тройка во главе с Якушевым, которого канадцы сравнивали с советским самолетом «МиГ-15» – передовым отечественным истребителем тех времен. Конечно, особенно поразил канадцев Валерий Харламов. В местной прессе его стали сравнивать с самим Бобби Орром, что являлось высшим мерилом в Канаде по отношению к мастерству хоккеиста. Но было и другое, что не красило хозяев. Владислав Третьяк вспоминал, что канадские игроки начали выходить на лед после первой игры в Монреале со специальной установкой: бить Харламову по ногам. Однако сам Валерий, часто с улыбкой на лице, проходил защитные редуты лучших игроков обороны НХЛ и продолжал забрасывать шайбы в «лукошки» знаменитым Кену Драйдену и Тони Эспозито.

Мальцев в этой серии остался немного в тени, хотя в последней игре канадской части серии ему досталась такая же бурная порция аплодисментов от местных зрителей, как Третьяку, Якушеву и Харламову. Можно сказать, что в серии 1972 года Александр Мальцев выступал большей частью в роли подающего снаряды для Харламова. Связка Харламов – Мальцев, которой по объективным причинам, к сожалению, так и не удалось заиграть в сборной впоследствии (из-за того, что привычными партнерами Валерия Харламова на долгие годы стали Михайлов и Петров), стала настоящим открытием серии.

Это был единственный сезон в сборной СССР, который Мальцев отыграл в одном звене со своим лучшим другом. И что символично, по окончании этого года разделил с Валерием Харламовым лавры лучшего хоккеиста Советского Союза. И хотя Александру Мальцеву во время первой в истории суперсерии в местных СМИ уделялось меньше внимания, чем Валерию Харламову, канадцы, начиная с этих встреч, «взяли его на карандаш». Тренер Синден, несмотря на скромные статистические показатели Мальцева в сравнении с другими советскими форвардами, тем не менее, считал его одним из лучших нападающих своего поколения.

«Саше было немного труднее, чем другим. Он техничный, быстрый игрок, любящий подержать шайбу. А в Канаде местные хоккеисты просто не давали ему как следует ее обработать и крайне жестко отбирали ее. Тем более если учесть, что Мальцеву

с его габаритами было тяжело тягаться с впечатляющими по мощи защитниками», – рассказывал мне Владимир Шадрин. «Валера Харламов тогда был одной из самых ярких звезд серии. Но и Саша сыграл очень достойно. Немножко, мне показалось, стушевался в первых двух играх, поскольку для него совершенно неожиданной оказалась грубая и подчас хамская игра канадцев. Он потом признавался, что особенно ему больно было видеть, как канадцы откровенно били сначала по ногам, а потом по голеностопам Валеру Харламова, чтобы любой ценой вывести его из игры. А потом он адаптировался. Понял, что с ними надо действовать хитростью. Саша собрался, мастер есть мастер, и отыграл с ними достойно», – полагает брат Александра Мальцева Сергей.

«Наше поколение никогда не боялось канадцев и чаще у них выигрывало, чем проигрывало им. И когда мы играли с ними клубами, и со сборной. Не было никакой боязни и у наших главных надежд. Просто Харламов был более агрессивным, дерзким в игре с ними, а Саша – более мягким на льду, я бы сказал, элегантным. Ему с канадскими гренадерами приходилось значительно сложнее, чем другим», – признавался в беседе со мной Владимир Крикунов, имевший опыт выступления против канадцев в составе «Динамо» и сборной.

Валерий Харламов, вернувшись домой после канадской части серии, часто вспоминал о мультфильме, который появился тогда на советских телеэкранах. «Добрые, мягкие» игрушки играли в хоккей с «грубыми» деревянными. «Мягкие» были более техничными и играли в более корректный хоккей, что злило «деревянных», постоянно нарушавших правила. «Мы вызываем вас на бой», – говорилось в том мультфильме. «Валера, улыбаясь, любил по-своему переиначить эту фразу. Он говорил: “Они, значит, вызывают нас на бой?”, подразумевая грубых канадцев. “Ну и дураки, что вызвали, – выдерживал паузу, произнося с улыбкой. – Согласились на свою голову играть с нами и только потом поняли, куда на самом деле вляпались”», – вспоминает Сергей Мальцев.

Московская часть советско-канадского противостояния начиналась через две недели. У обеих сторон было время, чтобы проанализировать ситуацию. Советские наставники, подводя итоги канадского отрезка, отмечали, что профессионалы выглядели уставшими и совершенно не поспевали за темпом, предложенным русскими игроками. Однако в Москве признали умение канадцев навязывать противнику силовую борьбу на всех участках поля, нацеленность на ворота, постоянное стремление овладеть шайбой и использовать малейшую возможность для ее

добивания в сетку.

Канадские мастера и журналисты особенно отмечали сыгранность, яркий комбинационный стиль, командный дух советской дружины. «У них совершенно другие принципы игры, – писал один из канадских журналистов. – Они любят играть, запутывая соперника, комбинируя до верного гола. Четыре матча показали, что это будет посильнее напористости и настырности канадских хоккеистов».

«За счет чего мы почти всегда канадцев обыгрывали? За счет того, что мы выигрывали эти матчи всей командой. Мы девять месяцев жили вместе на сборах, у нас в советской команде были пятерки из ЦСКА, два звена, уже сыгранных, когда с закрытыми глазами знаешь, куда отдать пас. И самое главное, у нас были невероятные трудолюбие и дисциплина. Нам тренер всегда говорил: терпите, приедете без одного уха, без глаза – зашьем, заштопаем, вставим, но зато вы вернетесь с золотой медалью. Терпите. Мы терпели, они нас били, судьи удаляли – терпели, били – удаляли, мы им забивали. Главное была победа», – говорил автору этих строк о главном факторе тех легендарных побед над канадцами Владислав Третьяк.

Перерыв между канадской и российской его половинами составил две недели. Сборная Канады вылетела в СССР не сразу. Сначала она направилась в Стокгольм с тем, чтобы провести два товарищеских матча со сборной Швеции. Цель у заокеанских профи была одна – «почувствовать» незнакомый лед и опробовать в деле непривычно большие для них европейские площадки. Они сыграли с командой Швеции 4:1 и 4:4. Шведские хоккейные обозреватели, комментируя эти матчи, подметили, что заокеанские игроки предпочли «очень жесткую игру, выходя на лед крайне обозленными». Тонус «озверина», как в знаменитом мультфильме про кота Леопольда, в крови у канадцев был таким, что те после второй товарищеской игры даже устроили настоящее побоище у входа в раздевалку хозяев.

Советские хоккеисты вернулись в Москву и продолжали тренироваться дома. Тут позволю сделать небольшое отступление. В советской команде случилось то, что не могло быть при Чернышеве с Тарасовым. Всеволод Бобров не стал запирать команду на сбор, а дал хоккеистам несколько дней выходных. 23-летний Мальцев и 24-летний Харламов, находившиеся в превосходном, даже феерическом настроении, решили полететь на четыре дня на юг, в Сочи. Взяли с собой каждый две тысячи рублей (!) на четыре дня – годовую зарплату советского служащего. Думали угостить людей, рассказать им о перипетиях борьбы с канадцами. Едва они ступили на

гостеприимную южную землю, как угощать стали их самих. Слух о том, что на юг наведались два всенародных любимца, говорят, долетел до отдаленных горных аулов. Сотни людей спешили увидеть прославленных хоккеистов и подарить им гостинцы с юга. К счастью, они убедили местных жителей, что «лайнер выдержит только их двоих, но никак не с грузом». Уже сидя в самолете, Александр Мальцев, хитро улыбаясь, обратился к другу: «Валерка, ну как, деньги целы?», Харламов проверил свои карманы и сказал: «У меня семь рублей». Мальцев ответил: «И у меня восемь». Нет-нет, речь шла не о тех деньгах, которые остались у них после поездки. А о тех из двух тысяч, что они потратили – 15 рублей за четыре дня поездки! «У Саши с Валерием Харламовым была такая всенародная слава, что во время той поездки, да и позже, хозяева и сотрудники южных ресторанов категорически отказывались брать у них деньги. Когда они на юге заходили куда-нибудь перекусить, рестораны и кафе тут же закрывались на спецобслуживание. Мне потом рассказывали, хозяева этих заведений держали всегда зарезервированным столик, за которым отдыхали Мальцев и Харламов, и говорили, что именно на этих стульях они сидели», – вспоминает друг Мальцева, Алексей Панфилов.

Вернувшись из Сочи, они, загорелые, вдохновленные, решили из аэропорта «Внуково» направиться поужинать в легендарный ресторан Дома кино, в котором любили отдыхать и общаться звезды эстрады, искусства, кино, спорта. Ресторан оказался забит под завязку. Метрдотель признался, что свободные места «пока еще есть за столиком у Высоцкого». «Володя, можно с тобой посидеть?» – спросил Мальцев у актера и поэта. «Конечно, присаживайтесь, мужики», – любезно пригласил их разделить с ними трапезу Владимир Семенович. «А чей тут столик рядом забронирован, не знаешь, Володя?» – спросил Харламов. «Не знаю, говорят, какой-то генерал армии должен со свитой прийти», – ответил Высоцкий. Не успели друзья рассказать своему приятелю из Театра на Таганке, как они славно отдохнули на юге, как Высоцкий, перестав улыбаться, тихонько одернул Мальцева: «Саша, обернись, только аккуратно».

Мальцев обернулся и увидел самую неприятную картину, которая могла предстать его взору. В зал в сопровождении генерала армии и еще трех генералов рангом пониже входил не кто иной, как Всеволод Михайлович Бобров! Когда Мальцев вжал плечи и обернулся назад, то Харламова уже не было за столом. «Где Валерка?» – быстро спросил Мальцев у Высоцкого. «Там! – едва сдерживая смех, показал под стол Высоцкий. – Похоже, и тебе, Саша, нужно лезть туда, другого выхода нет, в прямом и

переносном смысле». Мальцев полез под стол, надеясь вместе с Харламовым придумать выход из положения.

«Привет, Володя, как дела?» – подходя к столу Высоцкого и здороваясь с ним, добродушно сказал Бобров. «Да ничего, Всеволод Михайлович, вот заехал поужинать после спектакля», – ответил Высоцкий.

«А это кто там у тебя ужинает? – показал великий игрок рукой под стол. – Сдается мне, что это ботинки Харламова. А ну, орлы, вылезайте!»

Через несколько секунд «на поверхности» показались виновато улыбающиеся Харламов с Мальцевым. К счастью, в этот момент у стола появился знавший их официант, который быстро сориентировался в ситуации и принес им вместо заказанного шампанского «детский» крюшон. «Вот, видите, Всеволод Михайлович, – начал заступаться за друзей Высоцкий, – они к матчам ответным с канадцами готовятся, крюшон безалкогольный пьют. Официант подтвердит». Официант утвердительно покачал головой. «Знаю я их крюшон, по их загорелым лицам вижу, – нахмурился Бобров. – Даю вам завтра день на восстановление, а послезавтра с утра чтобы были на базе».

«Но мы на полчасика заехали поужинать», – попытался оправдаться перед тренером Валерий Харламов.

«Никаких полчасиков. Езжайте домой, если не хотите, чтобы завтра вся Москва говорила о том, что Мальцев с Харламовым в кабаке гуляют, вместо того чтобы к играм с канадцами готовиться», – отрезал Бобров. Через минуту друзья уже выходили из ресторана…

Поездка канадских игроков в Москву 1972 года и ряд пикантных ситуаций, связанных с профи, сейчас вызывают аналогии с рязановской комедией «Приключения итальянцев в России». «Приключения канадских хоккеистов в Стране Советов» также вылились в весьма занятную и поучительную историю. Как и в фильме со счастливым для иностранцев финалом.

Двадцатого сентября хоккеисты сборной Канады прибыли в СССР. Приехав в Москву и расселившись в канувшей ныне в небытие легендарной высотке «Интуриста» у Красной площади, некоторые канадские хоккеисты принялись, «не отходя от кассы», искать в своих номерах сюрпризы от КГБ: «жучки» и прочие подслушивающие устройства. Особенно упорствовал неустрашимый Фрэнк Маховлич, тот самый, который переломил ход канадской части серии во втором матче в Торонто. Ожидая провокаций, он предлагал канадцам поселиться не в официальной гостинице, где «везде имеются уши КГБ», а разбить «ставку канадского командования» – палатки где-нибудь под

Москвой. Прямо по Наполеону. «Идет холодная война. Советы могут сделать всё, что им заблагорассудится. Например, начать стройку в четыре утра возле гостиницы, чтобы мы не заснули. Для усиления своей пропаганды они должны выиграть и готовы на всё», – серьезно полагал Фрэнк Маховлич. В «Интуристе» он, зайдя в номер, начал тщательную проверку на предмет нахождения в нем подслушивающих устройств. Фортуна «улыбнулась» Фрэнку Маховличу, подарив ему неизвестное металлическое крепление под паласом, которое он, словно рыбак на подледной ловле, с наслаждением начал вынимать из пола. В том, что он открутил люстру в номере этажом ниже, Маховлич догадался по звону стекла и воплям соседей.

Второй канадец тоже был замечен в откручивании предметов гостиничного обихода. Уэйн Кэшмэн, наслушавшись рассказов о том, что советские агенты обычно следят за иностранцами сквозь некие камеры, расположенные позади зеркал, снял зеркало в своем номере и выбросил в окно, тем самым «удружив своей жене», лишенной возможности прихорашиваться перед выходом. В отместку до конца пребывания канадцев в Москве новое зеркало в номер буяна так и не поставили. В итоге супруга Кэшмэна ходила «наводить марафет» в номер жены Фила Эспозито.

Наконец, опасаясь низкого качества местной еды и угрозы пищевого отравления, канадцы привезли с собой в СССР массу провизии – от мяса до пива. Но эти запасы, помещенные на склад «Интуриста», таяли, по их мнению, не по дням, а по часам. Особенно заокеанские игроки обиделись на пропажу пива, которое «испарилось» из гостиницы сразу же по окончании первой игры в Москве. Позже один из канадских хоккеистов шутливо заметил, что именно после этого неприятного инцидента «они страшно разозлились и решили во что бы то ни стало выиграть всю серию».

Впрочем, не все так плохо складывалось для заморских гостей. Канадские хоккеисты сполна ощутили то радушие, с которым их принимали повсюду, несмотря на холодную войну и «железный занавес». Они встречались с простыми москвичами, посетили Кремль, Большой театр, знаменитые московские музеи.

Но вернемся к ледовым баталиям. Для победы в суперсерии сборной СССР было достаточно в четырех московских встречах не проиграть три раза. Первый матч прошел в заполненных под завязку «Лужниках» 22 сентября 1972 года. Ажиотаж превысил все мыслимые границы. На матч приехали члены Политбюро во главе с Брежневым. Но советских болельщиков больше удивило, насколько мощная группа поддержки последовала в Москву за

канадскими хоккеистами. Брат Мальцева Сергей присутствовал на всех четырех играх московской суперсерии. На эти матчи каждому из хоккеистов сборной СССР давали только по четыре пригласительных билета для родных.

О том, чтобы выбить приглашения для других лиц, не могло быть и речи. Десятки начальников, заведующих базами, ресторанами, магазинами были готовы выполнить любую просьбу, поставить самый дефицитный товар, только бы получить заветный квиток. «Для меня это было в диковинку, когда я ждал кого-то, чтобы передать приглашения, и впервые увидел возбужденную толпу канадских болельщиков, одетых в свитера сборной и под присмотром милиции прошествовавших к Дворцу спорта», – признается Сергей Мальцев.

Один крайне любопытный эпизод, связанный как с канадскими болельщиками, так и с невероятным ажиотажем вокруг московских игр, описал в своей книге «Хоккейный репортаж» Владимир Дворцов. «Несколько советских болельщиков, которые, кстати, прилетали на игру даже с Камчатки, не имевших на руках билетов, подошли к канадским любителям хоккея с почти безнадежным в те дни вопросом: “Нет ли лишнего билетика?” Вдруг одна из канадских болельщиц, которая ради этих игр перелетела через океан, сказала скорее ради бахвальства: “Есть, но очень дорогие, по 80 рублей!” Надо сказать, что это было действительно дорого – по тем временам три четверти зарплаты советского инженера. Неожиданно один из советских болельщиков радостно воскликнул: “Беру!” На глазах десятков свидетелей иностранке пришлось выполнить свое обещание и отдать билет.

Когда она поняла, какую глупость совершила, было уже поздно. Через несколько минут она сама попыталась купить билет уже за гораздо большую сумму, чем выручила сама. Но все эти попытки оказались тщетными. Кто же продаст свое место, отказавшись наблюдать за тем, как творится история. Канадка разревелась, как девчонка, не уставая произносить: “Дура я, дура!”»…

Уже первый период первого матча показал, что канадцы извлекли уроки из поражений на родном льду. Игра заокеанских профессионалов в целом выглядела более разнообразной, они перестроились, стали играть строже в обороне и настырнее в атаке. К первому перерыву профи благодаря шайбам Паризе и «драчуна» Кларка вели со счетом 2:0, а на 32-й минуте встречи Хендерсон закрепил более чем достаточное преимущество 3:0 перед заключительным отрезком встречи.

Однако советская сборная отнюдь не впала в уныние, а

наоборот, раскрепостилась, став играть в свое удовольствие. Блинов, Анисин, Шадрин, Гусев с интервалом в восемь минут провели четыре шайбы в ворота противника, который ответил лишь голом неутомимого Хендерсона. К окончанию 52-й минуты матча на табло была зафиксирована ничья 4:4. И тут на первый план вышло уже обкатанное в Канаде звено Викулов – Мальцев – Харламов. Разыграв многоходовую комбинацию, партнеры вывели на бросок Валерия Харламова, который закрепил окончательный счет матча 5:4 в пользу сборной СССР. «В нашей раздевалке стояла гробовая тишина. Состояние у всех было подавленное. Как это могло произойти? Все были расстроены, – писал Кен Драйден. – Еще бы, всего полчаса назад мы были полны энтузиазма, а сейчас проигрываем серию со счетом 1:3, имея впереди весьма сомнительную перспективу выиграть три оставшиеся встречи, а с ними и всю серию».

До общей победы советской сборной оставалось сделать не шаг, а маленький шажочек. Достаточно было сыграть с канадцами вничью в одном из трех поединков. Итак, перед второй игрой в «Лужниках» канадцы оказались в положении раненого зверя, припертого к стенке. Им нужно было выигрывать все три матча.

В шестой встрече канадцы наступили на горло собственной песне и выбрали игру «от обороны». Именно эта, как, конечно, и заключительная встреча суперсерии стали самыми напряженными по накалу страстей на льду и вне его. Судьба матча решилась во втором периоде, когда были забиты все голы. В ответ на гол Ляпкина канадцы умудрились за 83 секунды забросить в ворота Третьяка три шайбы. Предоставим слово Кену Драйдену. «Казалось, мы контролировали ситуацию. Всё, что от нас сейчас требовалось, – это вести умную, позиционную игру с четким контролем шайбы. Но мы играли глупо. Мы стали получать бесконечные штрафы. И вот в конце второго периода после броска Якушева счет вдруг стал 3:2. А грозило нечто еще более страшное, – вспоминал канадский вратарь. – Они (русские) волнами накатывались на нас. В какой-то момент мне показалось, что русские забросили шайбу… Слава богу, через несколько секунд период закончился. В раздевалке мы все дико переругались. Мы понимали, что теряем контроль над собой и проигрываем встречу».

Позже после этой серии немецкий судья Компалла выступил с неожиданным признанием в интервью одной из западногерманских газет: «Когда я вспоминаю об этих играх, у меня мороз пробегает по коже. Я искренне рад, что вернулся домой невредимым. Когда у канадцев не ладилась игра, то всю вину они сваливали на судей. Заокеанские профессионалы вели

себя скандальным образом. Дело дошло до того, что они угрожали физической расправой моему коллеге Францу Баадеру».

Самым неприятным моментом второго матча в Москве для советской команды стала травма Валерия Харламова. Бобби Кларк нанес советскому игроку крюком клюшки рубленый удар в область лодыжки, чуть выше верхнего края ботинка. Повреждение оказалось очень тяжелое. «Мы шли параллельными курсами, и Харламов толкнул меня клюшкой, а потом развернулся и уехал. Я его догнал и тяпнул по ноге, совершенно не думая, куда и как бью. Я игрок жесткий и уважаю жесткость в других. Но если меня “трогают” клюшкой, я делаю то же самое», – оправдывался потом «беззубый забияка» Кларк.

Впрочем, как оказалось позже, он бессовестно лгал и ставил себе задачу непременно травмировать Валерия Харламова. Джон Фергюссон, тогдашний помощник старшего тренера сборной Канады, много лет спустя наконец-то решился признаться: «Харламов нас бил до смерти. Я сказал Кларку: “Мне кажется, что нам нужно стукнуть его по лодыжке”. Я ни на секунду не сомневался (в том, что это был правильный ход)». Позже Кларк хвастался: «Если бы я иногда не прикладывал их (русских) “двуручником”, я бы до сих пор куковал в деревне Флин Флон».

Валерий Харламов продолжить игру уже не мог и вынужден был покинуть площадку. Канадцы, разозлившиеся и агрессивные, сумели довести эту встречу до победы, несмотря на то, что за две минуты до конца матча оказались в численном меньшинстве. Все попытки армейского врача Белаковского вместе с главным советским спортивным травматологом Зоей Сергеевной Мироновой помочь Валерию вернуться в игру оказались тщетны. Харламов выбыл из борьбы, казалось, на оставшиеся два матча. «Многие путают и принимают трусость за отвагу. Некоторые канадские “патриоты” до сих пор считают Кларка героем встреч Канада – СССР 1972 года только за то, что он, орудуя клюшкой, как дубиной, выбил из игры лучшего советского форварда Валерия Харламова, после чего тот был отправлен с переломом в больницу. Не думаю, что подобное “геройство” сошло бы Кларку с рук, окажись на месте Харламова, к примеру, Лэрри Робинсон из “Монреаль Канадиенс”», – писал известный хоккейный боец Дэйв Шульц по прозвищу «Кувалда».

Гарри Синден позже признавал, что травма Харламова сыграла большую роль в итоговом результате. «Теряя свою “звезду”, команда становится не такой сильной, а мы просто не могли его удержать. Без Харламова Советы не стали лучше», – резюмировал Синден.

Конечно, можно говорить, что советские хоккеисты

перегорели, переволновались, выступая на родном льду. Но надо признать тот факт: в Москве родоначальники хоккея показали такую грубую игру, которую до этого не видели ни советские хоккеисты, ни любые другие команды Старого Света. Якушев, Мальцев и в особенности Харламов, стоило им появиться на льду, сразу подвергались нещадным атакам канадцев. Те не скрывали, что Харламова просто «хотели сломать». Игра некоторых канадцев была прямо направлена на нанесение травмы советским игрокам. Беззубого светловолосого грубияна Бобби Кларка иначе как «фашистом» некоторые советские болельщики и не называли.

Беда была в том, что защитить Мальцева, Харламова, Якушева и их партнеров на льду тогда было некому: в сборной СССР не было таких «тафгаев» – «крутых парней», специализированных бойцов, которые долгие годы в НХЛ считаются «телохранителями» лучших игроков команды. Вдобавок сами ветераны признаются, что в те годы существовало категорическое указание тренеров под угрозой отчисления из команды не отвечать на провокации канадцев и не ввязываться с ними в драки.

…Но впереди у советской команды было еще две попытки.

Седьмой матч серии превратился в бенефис братьев Эспозито. Тони прекрасно стоял в воротах, а Фил забросил первые две шайбы в ворота Третьяка. В промежутке между ними благодаря усилиям Бориса Михайлова и Владимира Петрова советская сборная сначала сравняла счет, а затем вышла вперед. Роковым, по мнению специалистов, для советских хоккеистов стал третий гол канадцев, когда Джильберт, объехав ворота Третьяка, «пустил» ему шайбу между ног. И хотя вскоре Якушев с передачи Мальцева сравнял счет, психологическое преимущество было на стороне «Кленовых листьев».

За три с половиной минуты до финальной сирены произошла знаменитая стычка между Гарри Бергманом и Борисом Михайловым. Во время драки Михайлов несколько раз ударил Бергмана. Но оба в итоге поехали на скамейку штрафников отбывать наказание на пять минут.

Когда казалось, что матч так и закончится вничью, оборона советской сборной допустила ошибку. Хендерсон, пересекая синюю линию, обыграл Геннадия Цыганкова, вышел один на один с Третьяком и, уже падая, забросил шайбу в створ ворот, прямо под перекладину. Таким образом, паритет в серии восстановился: у хозяев и гостей было по три победы при одной ничьей. А это означало, что победитель заключительной, восьмой игры, как в той песне группы «АББА», «получал всё», выигрывая в итоге советско-канадскую суперсерию.

Решающий матч суперсерии прошел 28 сентября 1972 года. Гарри Синден в этой встрече сделал ставку на голкипера Кена Драйдена, что удивило специалистов. Советских тренеров волновал один вопрос – сможет ли выйти на лед Валерий Харламов? Несмотря на боль, мужественный хоккеист, которого об этом попросил лично Борис Кулагин, все-таки появился на площадке. И опять в уже наигранной и полюбившейся болельщикам связке с Владимиром Викуловым и Александром Мальцевым.

Канадцы поставили ультиматум: если, как во второй игре московской части серии, эту встречу будут обслуживать немецкие арбитры Компалла – Баадер, то они попросту не выйдут на лед. Канадцы настаивали на том, чтобы решающий матч судили Дальберг и арбитр с ласкающей ухо фамилией Батя. В результате благодаря вмешательству Андрея Старовойтова был найден компромисс. Каждая сторона выбрала по одному судье из этих пар – встречу довелось обслуживать немцу Компалле и уже упомянутому Бате. Последний сразу взял с места в карьер, удалив канадца Уайта. Спустя чуть более полминуты Компалла отправил на лавку Пита Маховлича. Советской сборной не составило труда реализовать такой численный перевес. Александр Мальцев бросил по воротам, Драйден отбил шайбу, однако первым на добивании оказался Александр Якушев, который открыл счет.

А затем произошел эпизод, фотографии которого облетели многие мировые газеты. Произошла стычка на льду с участием нескольких советских и канадских хоккеистов, которую спровоцировал Жан Поль «Джей-Пи» Паризе. (Кстати, его сын – Зак, выступающий в отличие от отца за сборную США, а не Канады, отличился в финале Олимпиады в Ванкувере, сравняв счет в матче с канадцами за считаные мгновения до конца третьего периода.) Неизвестно, какая муха укусила Паризе-старшего, но после того, как его обыграл Мальцев, канадец сначала попытался задержать советского хоккеиста клюшкой, а затем нанес ему откровенный, причем колющий удар ею в живот. На защиту Александра Мальцева бросились все хоккеисты сборной СССР, находившиеся на льду. К судьям подъехал капитан сборной Борис Михайлов. Лишь чудом не возникла массовая потасовка. Канадцы устроили разборки с арбитрами, принявшись откровенно хамить им.

«Помните этот скандальный эпизод?» – спросил я у Мальцева.

Александр Николаевич взял паузу, улыбнулся и неожиданно ответил: «Если честно, то не очень». А после того, как я напомнил, о чем именно идет речь, немногословно заметил: «Много там таких эпизодов было».

На самом деле выходка Паризе не ограничилась только провокацией в отношении Мальцева. Советские зрители тогда справедливо сравнили дальнейшее поведение канадца с повадками хвостатого обитателя зоопарка. Рассвирепевший Паризе бесновался на льду, сломал заградительное стекло на скамье штрафников, расколотил свою клюшку об лед. Судья Компалла выписал грубияну 10 минут штрафа, однако тот не успокоился, замахнулся клюшкой на него самого. К счастью и для арбитра, и для хоккеиста, тот остановился в последний момент. В итоге Паризе получил свое законное удаление до конца матча. Именно тогда стало окончательно ясно, что победы канадцы намерены добиться любой ценой.

После того как разбушевавшийся Паризе отправился в раздевалку, судьям еще несколько минут пришлось убирать со льда полотенца, клюшки, которые туда, со скамейки запасных, выбросили разъяренные канадцы. Наконец страсти улеглись и игра возобновилась. Как часто бывает в таких случаях, скандальная ситуация обернулась в пользу той команды, которая больше выпустила пар. Через несколько минут, воспользовавшись удалением Цыганкова, канадцы усилиями Эспозито сравняли счет. Правда, вскоре Лутченко восстановил перевес в одну шайбу, пробив Драйдена с дальней дистанции. Но за две с половиной минуты до конца первого периода теперь уже канадский защитник Парк восстановил равновесие в счете. 2:2 перед вторым периодом. Голевая феерия продолжилась с возобновлением свистка арбитра. Проходит всего 21 секунда после начала периода, как Владимир Шадрин после выстрела Якушева делает счет 3:2. Канадцы отвечают шайбой Уайта. Секундомер фиксирует прохождение половины встречи, и Александр Якушев снова выводит советских хоккеистов вперед. А вскоре, за две минуты до конца периода, Валерий Васильев, реализуя большинство, доводит преимущество сборной СССР до двух шайб – 5:3.

Если бы в конце отрезка реализовали свои шансы Шадрин и Блинов, то вопрос о победителе мог быть решенным. Но в итоге канадцы ушли на перерыв, имея шансы отыграться. Потом многие из профессионалов признавались, что вряд ли когда-нибудь еще они играли с таким остервенением, как в заключительном отрезке последнего московского матча. Выйдя на лед после второго перерыва, они обрушили на ворота Третьяка шквал атак. Наиболее свирепствовал «Филя» Эспозито, который особенно остро почувствовал «запах крови». На 43-й минуте он провел первую из двух необходимых родоначальникам хоккея шайб, делая счет 4:5. Еще через 10 минут последовал бросок Парка от синей линии. После серии рикошетов, удара Эспозито шайба

отскочила к Курнуайе, который отправил ее в сетку.

Гол? Но советский арбитр за воротами не зажигает красный фонарь. Это начало нового акта хоккейной драмы. Данное решение буквально взбесило одного из руководителей канадской делегации Алана Иглсона, того самого, который внес залог за советских хоккеистов по иску чехословацкого эмигранта в Канаде. Он побежал за ворота, к советскому судье, требовать объяснений. Позже Иглсон сам признавался, что его первым желанием было как следует «надавать тумаков этому арбитру».

Благо в считаные мгновения вокруг несчастного судьи сомкнулось кольцо милицейского оцепления, а канадского гостя, несмотря на его чин и статус, буквально скрутили и, взяв под руки, повели в подтрибунное помещение. Несколько канадских профессионалов, моментально сорвавшись со скамейки запасных, отбили своего шефа у «московских копов». При этом Питер Маховлич открыто тыкал в милиционеров своей клюшкой, а один из канадских тренеров Джо Сгро и вовсе показывал средним пальцем руки непристойные жесты с канадской скамейки. Все это уже не веселило, а заставляло застыть в недоумении большую часть зрителей на трибунах. «Я сидел в трех рядах от того места, когда произошел памятный эпизод с Иглсоном, – вспоминает Сергей Мальцев. – Поразило, насколько быстро и профессионально, словно спецназовцы, канадские игроки взяли одного из руководителей своей делегации в кольцо и отвели обратно на скамейку».

Тем временем арбитры на льду признали правоту забитого канадцами гола. Итак, ничья 5:5 за семь минут до конца встречи, которая приносила общую победу в серии советским хоккеистам. Канадцы заведены. Игра достигает своего апогея. Лед буквально трещит под скрежетом коньков канадцев, наседающих на ворота Владислава Третьяка.

И вскоре наступает момент, который до сих пор признан одним из самых величайших моментов в истории канадского хоккея и канадского спорта в целом. На последней, 60-й минуте канадцы входят в зону сборной СССР, вбрасывая шайбу. Первым на отскоке оказывается Курнуайе, который умудряется передать ее на пятачок. Карауливший ее там Хендерсон, которого сбивают с ног, ухитряется бросить по воротам Третьяка. Один бросок – вратарь на высоте, второй… и шайба все-таки влетает в ворота хозяев. «Я видел, как она вошла туда! Но красный фонарь за воротами русской сборной опять не зажегся. Однако теперь ни у кого из нас не было сомнений, что все свершилось. Оставшиеся 34 секунды мы оборонялись как одержимые, не дав русским ни разу как следует бросить по воротам. Конец. 6:5…» – писал в

своей книге вратарь канадцев Кен Драйден.

Сам Пол Хендерсон неоднократно признавался, что когда он забивал решающую шайбу, ему «сделал подарок Всевышний». В этой связи не случайно, что, уйдя из хоккея, он стал глубоко религиозным человеком, одним из руководителей христианской благотворительной организации «Атлеты в действии». А в Канаде с тех пор популярна поговорка: «Любой канадец (теперь уже старшего поколения. – ***М. М.***) скажет вам, где находился и что делал в двух случаях: когда стреляли в президента Джона Кеннеди и когда забивал победную шайбу в Суперсерии-1972 Пол Хендерсон».

Едва закончился матч, как три тысячи канадских болельщиков дружно запели «О, Кэнэда!». Некоторые канадские игроки, празднуя победу в матче, а с ней и в серии, не скрывали своих слез. По признанию Мальцева, советские хоккеисты долго не могли поверить в происходящее. В то, что не использовали ни один из трех предоставившихся им шансов во второй половине серии.

«Валерий Харламов и Саша признавались, что если бы канадцы вели себя как джентльмены и не грубили, не хамили на льду, то это поражение не переживалось бы так остро и болезненно самими хоккеистами и всеми советскими болельщиками. Просто выиграли те, кто показал не лучшие свои качества поведения на льду, – убежден Сергей Мальцев. – Саша неоднократно потом говорил, что мы не уступили канадцам. У него была большая уверенность в правоте, в том, что советская сборная как минимум оказалась не хуже канадцев. Валерий и вовсе говорил, когда кто-то пытался поставить под сомнение успехи сборной СССР: “Посмотрите, как мы сыграли на их льду и всё поймете”. Ни спортивной злобы, ни какой-то обостренной обиды на канадцев не было. Как не было и зависти к их заработкам, к той атмосфере шоу, которое сопровождало матчи на канадском льду».

Итоговое поражение от канадцев (4 победы, 3 поражения, 1 ничья) никак не вписывалось в советские пропагандистские установки. Москва вела постоянное и непримиримое идеологическое соперничество с Западом, в особенности с государствами Северной Америки, в котором крайне болезненным был каждый разящий укол противника. Поражение любимых народом хоккеистов, да еще от североамериканцев, воспринималось наверху как провал.

Но в целом эффект от этих игр был архиважным для обоих совершенно противоположных стилей мирового хоккея. Вместо «пасующих дураков», которыми до этого иногда называла

советских хоккеистов западная пресса, Канада увидела подлинных эстетов на льду, отдав должное мастерству Харламова, Мальцева, Якушева, Михайлова, неуступчивости Рагулина и Васильева, стойкости Третьяка. Едва ли не половину состава советских хоккеистов мечтали увидеть в своих рядах боссы клубов НХЛ. А фраза: «Советские хоккеисты развеяли миф о непобедимости канадских профессионалов» и вовсе стала расхожей на долгие годы. Пожалуй, с наиболее точным и емким комментарием по итогам серии выступила немецкая газета «Ди Вельт»: «Одной из легенд мирового спорта о сверхмогуществе канадских профессиональных хоккеистов больше не существует. Как оказалось на поверку, высшие гонорары игроков еще не обязательно гарантируют высшее мастерство на льду»[13].

После этой серии игр болельщики в Канаде стали еще больше уважать советских хоккеистов. «Динамо» в конце 1972 года полетело на одном самолете со сборной СССР в Северную Америку. В Нью-Йорке, где приземлился лайнер, их пути разошлись. Сборная, с динамовцами Васильевым и Мальцевым в составе, отправилась в турне по Соединенным Штатам, «Динамо» же – на встречи с канадскими клубами.

Первой остановкой в этом вояже значилось Торонто. «Мы приехали на торонтскую “Арену”, туда, где еще недавно играла сборная СССР, на тренировку. Мне не терпелось выскочить на лед и ощутить атмосферу канадской площадки, той самой, где еще недавно играли Харламов и старший брат, – вспоминает Сергей Мальцев. – Оделся я первым и, восемнадцатилетний, мигом помчался на лед. Приближаюсь к выходу на площадку, отгороженную занавеской, и слышу гигантский гул. Рядом в проходе молча стоит Аркадий Иванович Чернышев и хитро улыбается. Приоткрыл я чуть-чуть эту занавеску и остолбенел. Думаю, что-то напутал. Зал забит под завязку. И это чтобы посмотреть обычную тренировку одной из лучших советских команд? Чернышев подмигнул мне и говорит: “Чего застеснялся, иди, оправдывай на льду великую фамилию Мальцев”. Тренировка прошла на ура. Болельщики аплодировали, особенно когда мы отрабатывали комбинации с перепасовкой при входе в чужую зону».

Спустя годы главные участники тех игр и ее очевидцы вспоминают, что серия продвинула хоккей на годы вперед. «Энхаэловцы сегодня не те, с которыми мы играли в 1972 году, что и наотмашь били, и позволяли недозволенные приемы, после чего их надо было постоянно гнать на скамейку штрафников. Это был совершенно грязный хоккей, – признавался в беседе с автором этих строк Владислав Третьяк. – Сейчас вы НХЛ не

узнаете. В Лиге проповедуется абсолютно европейский стиль игры. Даже если у них на льду проходит кулачный бой, то это нужно для шоу, а не для грубого выяснения отношений. А раньше как было? Канадцы играют, одно у них в голове: перешел красную линию, борт, проброс и беги, дави, лови на пятаке, жми и добивай. Сейчас почти нет таких бездумных пробросов. Сейчас все идут в зону соперника пасом, как мы в свое время, тактика поменялась. И сегодня скорости намного выше, чем когда мы играли. Я даже до сих пор не пойму, как они, циркачи, принимают без остановок эту шайбу. На лету. Если посмотреть, хоккеисты не останавливаются вообще. Они не тратят силы на остановки, они все время в движении, все на больших скоростях».

Именно игру в пас, ту самую, что так кропотливо ставили на изнуряющих и мучительных сборах хоккейные дирижеры Аркадий Чернышев и Анатолий Тарасов, игру скоростную, коллективную, когда один из партнеров на два-три хода знает то, как будет развиваться атака, переняли у русских канадцы. Сборная СССР потому и покорила взыскательного канадского болельщика, что была сплоченным, маневренным коллективом звезд, которые благодаря четким установкам тренеров знали, чего они действительно могут и чего хотят добиться на площадке.

Канадцы, родоначальники хоккея, которым, казалось, на роду было написано самим обучать хоккею новичков, не постеснялись учиться у русских после осенних матчей 1972 года. «Они узнали хоккей в исполнении Валерия Харламова, Александра Мальцева, Владимира Петрова, Валерия Васильева, Бориса Михайлова, Александра Якушева, Владислава Третьяка. Когда канадцы в 1972 году проиграли нам серию матчей в родных стенах, они тут же задумались, почему русские их обыграли. Вроде бы и катаются они несуразно, и бегут медленней; тем не менее, у них своеобразная школа катания, их тяжело сбить с ног. Что есть у русских? Коллективная игра, ее понимание, дисциплина и очень неплохая техническая оснащенность. Канадцы все это быстренько начали брать на карандаш», – писал в своей книге воспоминаний Виктор Коноваленко.

Отдельный вопрос в том, что привнесли эти матчи в хоккей советский. Здесь советские ветераны менее оптимистичны, чем их заокеанские коллеги.

«Канадцы увидели, что Европа тоже умеет играть в классный хоккей, и открыли свою лигу для легионеров. Теперь при взгляде на НХЛ иногда появляется ощущение, что их хоккей похож на тот, что был в Советском Союзе. В пас, с головой, с умными комбинациями, только все это дополнено традиционными канадскими козырями. А мы разбавили свой стиль заокеанской

грязью. В суперсерии научились зацепам, подножкам, толчкам руками. После 1972 года невольно отошли от своего фирменного хоккея и “поселили” эту грязь в свой чемпионат», – полагает Александр Якушев[14].

Об этой игре еще напишут книги. Благо теперь появилась возможность посмотреть матчи суперсерии и скачать их в Интернете. Наслаждайтесь, друзья!

Глава одиннадцатая
СЕМЬЯ АЛЕКСАНДРА МАЛЬЦЕВА. ЗНАКОМСТВО С ЖЕНЩИНОЙ ЖИЗНИ

Во время московских матчей серии 1972 года некоторые из зрителей на трибунах «Лужников» обратили внимание на стройную молодую девушку, которая наравне со всеми болельщиками дружно поддерживала советскую команду. Она была особенно азартна в те мгновения, когда шайба оказывалась у Александра Мальцева. Восемнадцатилетняя Сусанна Бутейко только недавно начала ходить на хоккей. За несколько месяцев до начала поединков с канадскими профессионалами она познакомилась со своим будущим мужем Александром Мальцевым. Про Сусанну говорили, что такая красивая и элегантная жена, да еще с таким редким и благородным именем может быть только у такой звезды, как Мальцев.

Они познакомились летом 1972 года. Александр Мальцев после окончания очередного хоккейного сезона прилетел в Одессу. Было очень жаркое лето. Одесситы и гости столицы юмора и смеха находили отдохновение на городском пляже. Туда пришел и титулованный хоккеист. Ему всего 23 года, а за его плечами уже десятки голов за сборную и титулы чемпиона мира по хоккею. Он уже становился лучшим нападающим мировых первенств, входил в символическую сборную планеты. А полгода назад стал олимпийским чемпионом. У хоккеиста, купавшегося в лучах славы, было море поклонниц всех возрастов, начиная со старшеклассниц и заканчивая дамами бальзаковского и даже пенсионного возраста.

Редакции многих столичных газет и журналов были завалены письмами с адресом «Москва. Лично Мальцеву» от представительниц слабого пола. «Однажды я пришел к Саше домой, смотрю, в прихожей лежат два больших холщовых мешка. Это были письма от его поклонниц, которые ему передала редакция одной из газет, – вспоминает Сергей Мальцев. – “Что застыл в проходе? Давай проходи, помогай, бери мешок и читай”, – с улыбкой сказал Александр. “Саша, нас в детстве учили не читать чужие письма”, – напрягся младший брат. “Да расслабься! Не дам я их тебе, сам почитаю”. За этим занятием Александр Николаевич провел весь выходной день».

Сусанне, которая в то лето приехала в Одессу, еще не было и восемнадцати лет. Она ничего не знала о хоккее. Напротив, ее

любимым видом спорта являлся футбол. Ее кумирами были футболисты «Динамо», только не московского, а киевского, которое через несколько лет под чутким руководством Валерия Васильевича Лобановского превратится в «команду мечты». Несмотря на столь молодой возраст, Сусанне было чем гордиться. Она целых восемь лет занималась в хореографическом училище, из них шесть лет провела в ленинградском интернате.

«Я была зачислена в Московский мюзик-холл, который прибыл в черноморский город на гастроли. Нашему знакомству помогла моя подруга Валентина, также работавшая в мюзик-холле, за которой ухаживал хоккеист – защитник “Спартака” Евгений Паладьев (умер в январе 2010 года. – ***М. М.***). Впоследствии Женя и Валя стали мужем и женой, вместе растили сына Сашку, но, увы, разошлись», – вспоминала Сусанна Мальцева в одном из интервью. Знакомство состоялось, когда отдых Мальцева подходил к концу. В оговоренный час Мальцев пришел на пляж. Своим видом он не то что смутил молодую девушку. А, скажем прямо, произвел на нее не очень приятное впечатление. «Можете представить этого всемирно известного хоккеиста в махровом – последний писк тогдашней моды – полосатом пляжном костюме? А с шевелюрой ниже плеч, которую Саша отращивал, поспорив с Валерием Харламовым? Портрет Мальцева был бы неполным без полотенца на шее, “простреленной” остеохондрозом. Из-за недуга он смотрел по сторонам, как Фантомас, поворачиваясь всем телом. В общем, Мальцев меня поразил!» – с улыбкой вспоминала о их первой встрече жена хоккеиста[15].

«У Саши был отпуск, и он его в Одессе очень чудненько проводил. Он произвел на меня отвратительное впечатление, – улыбаясь, вспоминала жена хоккеиста в 1984 году во время съемок ленты о Мальцеве «Последний сезон». – Когда я узнала, что это тот самый Мальцев, о котором говорили на каждом углу, я не поверила».

«Сусанна работала танцовщицей в Московском мюзик-холле, – вспоминает Александр Мальцев. – Не трудно предположить, что со мной было, когда я увидел ее на берегу моря. Романтика, идиллия. Как видите, браки после пляжных знакомств тоже бывают крепкими».

Михаил Титов, друг и одноклубник Мальцева, тоже в то время отдыхал в столице всесоюзного юмора. «Виталий Семенович Давыдов в Мацесту любил ездить, принимать сероводородные ванны. Ребята помоложе направлялись в сторону Сочи, посещая, как бы сейчас сказали, тусовочные места. А я часто ездил в Одессу. Сусанна в том 1972 году выступала там с

мюзик-холлом. Мы с Сашей и с ней пошли вместе в ресторан. Саша красиво ухаживал за Сусанной, рассказывал веселые истории, шутил. Потом мы не виделись до отъезда и повстречались уже в Москве. Саша признался: “Миш, понимаешь, встретился с такой хорошей девушкой, она сильно нравится мне, но за ней ухаживает какой-то парень”. Я ему посоветовал быть таким же напористым, как на льду. Если нравится – вперед. Тогда у него все и закружилось», – вспоминает Михаил Титов.

Гастроли мюзик-холла в чудесном приморском городе закончились, и труппа возвращалась в столицу. Каково же было удивление Сусанны, когда, оказавшись в самолете, она увидела в кресле за своей спиной того самого русоволосого хоккеиста. Так «выпал» счастливый авиабилет, или Мальцев специально поменялся местами с пассажиром самолета, эта тайна осталась в прошлом. «Привет, это я, – улыбнулся бомбардир. – Может быть, все-таки обменяемся телефонами?»

Позже молодые пообщались в Москве, когда собрались вчетвером поужинать – Евгений Паладьев с Валентиной и Сусанна с Мальцевым. «Проснулся какой-то интерес друг к другу – стали встречаться, общаться в узком кругу. Потом у Саши начались игры в сборной – на какой-то период расстались, и вдруг совершенно случайно судьба свела вновь в Кремлевском дворце, где наш мюзик-холл давал концерт. В общем, завязался роман, – признавалась Сусанна Мальцева. – И начались бесконечные звонки домой, из разных городов, когда он уезжал с “Динамо”, из разных континентов, когда он был в составе сборной. В разное время дня и ночи». Вскоре эти звонки стали такими долгожданными, и Сусанна Бутейко поняла, что у этого грозного, но немного застенчивого бомбардира оказалось очень нежное сердце.

По признанию Сусанны, Мальцев ухаживал за ней красиво, хотя в Москве они виделись редко, так как он постоянно находился на сборах и соревнованиях. «Зато наши скоротечные встречи были как праздник. Прогулки, ужины в ресторанах, цветы – все, как положено», – вспоминала жена хоккеиста. Молодая девушка довольно часто стала ходить на матчи «Динамо», пытаясь разобраться в правилах, а потом и в нюансах этой игры. Хотя однажды Мальцев «расстроил» журналиста, который перед интервью с его женой спросил совета у хоккеиста. «Она ведь ничего не понимает в хоккее!» – совершенно искренне удивился Александр Николаевич, узнав о предстоящей беседе корреспондента с его супругой.

В 1973 году Александр Мальцев переехал в квартиру к ее маме. Родители Сусанны были известными в Москве людьми.

Отец – знаменитый академик Константин Бутейко, автор методики дыхания посредством волевой ликвидации глубокого дыхания. В свое время его не поняли в Москве, фактически не давали работать в столице и реализовывать свою уникальную программу на практике. И тогда Константин Бутейко уехал в новосибирский Академгородок, один без жены, которая осталась в Москве. В 1972 году, когда врач выступил со знаменитой лекцией в МГУ, пытаясь обосновать свою методику лечения больных астмой, официальная советская медицина начала против него гонения. Метод Бутейко фактически признали только в годы перестройки.

В Новосибирске Бутейко работал до самой своей смерти в 2003 году. Семья ученого и медика распалась фактически с его отъездом из столицы. Отца своей жены Александр Мальцев по объективным причинам видел не так часто, все-таки большую роль играло расстояние между Москвой и Новосибирском, а также то, что хоккеист проводил львиную часть времени на сборах.

Теща Александра Николаевича была легендарной женщиной. Сюзанна Николаевна Звягина, одно время выступавшая в Большом театре с Улановой, на протяжении большого времени, с 1950-х годов, возглавляла профсоюз работников, а позже Совет ветеранов Большого. Брак с К. Бутейко был для нее вторым. В доме на Каретном жила почти вся балетная элита Москвы. Здесь Александр с Сусанной до свадьбы провели почти восемь месяцев, по словам жены хоккеиста, «проверяя свои чувства».

«Однажды после нашей запоминающейся победы над “Спартаком” в сезоне 1973/74 года со счетом 13:3, когда Саша уже жил у Сусанны, нам в команде дали сутки отдыха. Вечером мы решили отметить победу, а особо тот факт, что после моего броска шайба порвала сетку спартаковских ворот. Было очень весело и легко на душе. Саша предложил мне поехать на Каретный, там переночевать, – вспоминает Михаил Титов. – Заходим домой, в коридоре нас встречает Сусанна, обижается, что Саша не предупредил, что задержится, уходит к себе в комнату. Тут к нам из другой комнаты бежит собачка, овчарка очень большая у них жила. Лезет к нам обниматься, лижет в лицо, как Джим у Есенина, потом и бабушка появляется. Помню, пирожки нам предлагала. Наутро будит нас Сусанна. Улыбается. Идите, победители, завтракайте. Только в следующий раз предупреждайте, что поздно появитесь»…

Сусанна Бутейко и Александр Мальцев были представителями различных социальных слоев. Она, коренная москвичка, воспитанная в элитной московской семье,

обучавшаяся в главной хореографической школе страны. Он – провинциальный паренек из простой многодетной семьи, закончивший десятилетку и, по большому счету, ничего кроме хоккея не видевший.

Теща Мальцева, чего греха таить, поначалу не одобряла выбор дочери. Возможно, она считала, что ее наследница достойна другого избранника, человека из мира искусства. Но Сюзанна Николаевна была мудрым и остроумным человеком. На притирку с зятем, чье имя уже гремело на всю страну, потребовалось совсем немного времени.

Сергей Мальцев вспоминает один любопытный эпизод, когда они с братом и его женой в конце 1973 года были приглашены на обед к Звягиной. Домработница Сюзанны Николаевны очень постаралась. Борщ, салаты, жаркое. Сварила компот, разлив его в два графина. Александру Мальцеву очень хотелось пить и он, по-простецки, приложился губами к графину, взяв его прямо со стола. Так, как бывало дома, в Кирово-Чепецке, когда он прибегал в свою квартиру после изматывающих тренировок и жадно прилипал к банке с водой. Думал, что его никто не видит, кроме брата. Надо же такому случиться, что в этот момент на пороге столовой появилась Сюзанна Николаевна. Она несколько секунд пристально наблюдала за Мальцевым, а потом со всем своим изяществом и статью громко выдохнула: «Да…» Затем на паузе произнесла лишь одну фразу: «Сашенька… пора бы вам избавляться от ваших детских привычек». – «Простите, Сюзанна Николаевна, я после игры, жажда мучает», – сказал Мальцев, но теща уже вышла из столовой.

«Сначала Саше было немножко дискомфортно в такой обстановке, требовавшей неукоснительного соблюдения этикета и правил, с которыми он с детства был попросту не знаком. Теща конечно же знала, насколько знаменит Саша, слышала, как его имя гремит по всей стране. Но она была полностью погружена в балет. Но вскоре она приняла зятя, – вспоминает Сергей Мальцев. – И прежде всего потому, что увидела, насколько трогательно Саша относится к Сусанне, насколько сильно ее любит и боготворит. И самое главное, не допускает никаких конфликтов по отношению к ней. Это очень импонировало Сюзанне Николаевне».

Свидетелями на свадьбе, состоявшейся 19 сентября 1973 года, были подруга Сусанны Татьяна и лучший друг Мальцева Валерий Харламов. Но самое поразительное в этой истории заключается в том, что накануне этого торжественного события, 18 сентября состоялся матч «ЦСКА» – «Динамо», который до сих пор называют одним из самых незабываемых в истории ледового

противостояния динамовцев и армейцев. Об этом поподробнее.

В те сентябрьские дни, когда проводились первые дни чемпионата СССР, Александр Мальцев играл особенно вдохновенно. «Наконец, перед самой свадьбой, мне предстояла встреча с ЦСКА, противником, у которого тогда невозможно было выиграть. Но и проигрывать мне накануне свадьбы было совершенно нельзя», – признается Мальцев. Динамовский молодожен сражался, как лев, с каким-то особым вдохновением. Так сильно он хотел подарить своей невесте победу накануне одного из самых торжественных событий в жизни.

«Я не собиралась идти на ту игру, хотя, в общем-то, в ту пору ходила почти на каждый матч с участием “Динамо” и даже посещала тренировки динамовцев в “Лужниках”, – вспоминала Сусанна Мальцева. – Но Саша меня попросил, и я туда все-таки поехала. Правда, перед тем как мы расстались, Саша мне сказал: “Я хочу тебе сделать подарок”. Я была заинтригована. Напоследок я пожелала его “Динамо” выиграть, а ему самому забить больше шайб, чтобы наш свадебный день прошел хорошо и ничем не омрачался».

«Тогда в ЦСКА играли все звезды, которых мы в “Динамо” не боялись. Все было бы хорошо, но на противоположной стороне играл и мой свидетель Харламов, который не собирался отставать от меня», – признается Мальцев. Харламов также вышел на лед и столь же вдохновенно бился за выигрыш своей команды. Игра развивалась по самому худшему сценарию, какой только был возможен для Мальцева накануне свадьбы. И первый, и второй периоды динамовцы проиграли с одинаковым счетом 1:3.

«В команде знали, что у Саши Мальцева завтра свадьба. Но первые два периода у “Динамо” ничего не получалось, так мощно играл ЦСКА. Во втором перерыве Саша попросил партнеров просто сыграть в свою лучшую игру. Он настолько завел нас, что все динамовцы вышли на лед с горящими глазами. Саша вообще заводился, когда команда проигрывала. А представьте, тут светило такое поражение накануне свадьбы, к тому же на трибуне находилась невеста», – вспоминает Владимир Полупанов.

Такой вдохновенной игры не только от Мальцева, конечно, а от всего «Динамо» и требовали его верные болельщики. В третьем периоде бело-голубые катком прошлись по своему самому принципиальному сопернику, выиграв заключительный отрезок встречи со счетом 5:1. В итоге на табло была зафиксирована боевая ничья 7:7, подарившая столько волнительных минут преданным поклонникам игры, а также молодожену и свидетелю, разведенным по разные стороны хоккейных баррикад. Александр Мальцев сделал более чем прекрасный подарок к свадьбе. Он

забил три гола в ворота ЦСКА, оформив хет-трик! «Матч выдался крайне сложным, я бы сказал, даже немного жестоким для двух команд. В этой игре я сделал все, что мог, забив три шайбы», – признается Мальцев.

Но самое обидное, что Александр Мальцев в духе голливудских сценариев мог бы достойно «увенчать» этот хоккейный чудо-поединок, не попади он на последней (!) секунде матча в штангу армейских ворот. Но и так 7:7, и три гола Мальцева были более чем запоминающимся свадебным подарком Сусанне.

А уже на следующий день играли свадьбу. Выбрали для гулянья только что построенный и сверкающий белизной ресторан «Белград» на Смоленской площади. В этом случае сработала магия имени Мальцева. Исключительно из уважения к любимому хоккеисту дирекция ресторана согласилась провести свадьбу за два дня до официального открытия заведения. Впрочем, свои плюсы из такого события руководство «Белграда» все же извлекло. Уже через два дня прямо перед церемонией открытия двери ресторана были украшены снимками со свадьбы знаменитого хоккеиста.

А потом для четы Мальцевых настали суровые будни семейной жизни. Все те же изнурительные сборы и тренировки, редкие минуты, когда он приезжал домой. «Да и какая это была жизнь: после матча хоккеистов отпустят к женам на ночь – и до следующих встреч!» – вспоминала Сусанна Мальцева. Сусанна оставалась одна с ребенком, Сашей-младшим, который родился в 1974 году. Она не только продолжала работать, но и четыре года отдала учебе на дневном отделении театрального института. «Приходилось крайне трудно, и воспитывать ребенка, и учиться на дневном. Четыре часа сна были за счастье! Но я не жалею: такой багаж всегда востребован», – подчеркивала Сусанна Мальцева.

В 1999 году она говорила в интервью «Советскому спорту», что за почти 30 лет их совместной жизни Мальцев совсем не изменился. Взрывной, эмоциональный, резкий, импульсивный хоккеист на льду, в семье он был внимательным, щедрым человеком. У Александра Мальцева, однолюба по натуре, с годами появились забота, чувствительность к чужой боли. Когда у Сусанны начались проблемы со спиной – сказалось балетное прошлое, Мальцев не позволял ей взяться за пылесос или швабру и всю хозяйственную работу по дому делал сам. Конечно, в семье бывали ссоры. Сусанна Мальцева вспоминала, что «взрывной хоккеист» порой вспыхивал из-за мелочи, но быстро отходил. Супруги уже не ссорились по серьезным поводам.

Все те ветераны советского хоккея, с которыми мне приходилось общаться в период написания книги и которые были знакомы с супругой Александра Николаевича, в один голос свидетельствовали, что Сусанна Константиновна сыграла самую важную роль в жизни хоккеиста. Это был единственный человек, которого Мальцев слушался. Именно она удержала его от искушений, которые подстерегали и погубили многих талантливых спортсменов во время их взлета. Она помогла Мальцеву не сломаться по окончании спортивной карьеры, когда вслед за оглушительной и безмерной славой начались сначала забвение в клубе, затем потери товарищей, с которыми играл столько лет. Мальцев с его ранимой душой крайне мучительно искал себя в новой жизни, проходившей вне знакомой и родной ледовой арены. И именно любовь и поддержка Сусанны помогли ему выстоять.

«Десять лет я ждала его, – признавалась Сусанна Мальцева во время съемок фильма “Последний сезон” в 1984 году. – Больного и здорового, возвращавшегося с тренировок и других городов, веселого, радостного или, наоборот, грустного, огорченного проигрышем. Когда его не было рядом, я старалась мысленно быть с ним. Когда ты думаешь о нем, то веришь, что это ощущение передается ему, поддержит его, подбодрит и поможет в трудную минуту». «Выходишь из больницы, возвращаешься в родной дом, почувствуешь всю теплоту, и после этого появляется жажда выйти на поле, еще сильнее тренироваться и вдохновеннее играть», – в свою очередь говорил сам Мальцев в «Последнем сезоне».

Однажды из-за сложного перелома руки Александр выбыл из строя на целых четыре месяца. Визиты к врачам были неутешительными. Игрок стал подумывать о завершении игровой карьеры. Три раза он неудачно ездил в Институт спортивной травматологии, а на четвертый раз сказал Сусанне: «А знаешь, давай поедем со мной, на счастье!» «Мы подъехали к ЦИТО, и я осталась ждать его на лавочке у входа, – вспоминала Сусанна Мальцева. – Его не было долго, слишком долго, час, полтора, два. Я уже понимала, что по тому, как именно он выйдет, будет ясно, сможет ли он дальше продолжить играть в хоккей. Наконец я его дождалась. По тому, как он не вышел, а вылетел из дверей института, я поняла, что он в порядке, а значит, снова будет играть!»

«Александр Николаевич боготворил Сусанну. Она была чуткой и отзывчивой женщиной, чувствительной к чужой боли. Вспоминаю, как, получив известие о гибели нашего с Сашей брата Виктора в 1977 году, она уже на следующий день приехала в

Кирово-Чепецк, чтобы поддержать нашу семью. Саша в те дни играл на чемпионате мира и не смог покинуть расположение сборной», – вспоминает Сергей Мальцев.

«Я хорошо знал супругу Саши. Сусанна сильно повлияла на Сашу, и он ее искренне любил как женщину и как самого верного и надежного друга, – уверен Владимир Шадрин, который со своей женой часто отдыхал с четой Мальцевых на юге. – Когда они находились рядом, было видно, что он не только любит ее, но и уважает, прислушивается к ее словам, дорожит ее мнением. Сусанна была для него стержнем в жизни. Когда он пытался, как говорится, убежать в детство, пытаясь “похулиганить”, она резко осаживала его».

«Вот один такой эпизод. Сидим с утра на пляже в Пицунде. Отдых подходит к концу. Все грустные оттого, что скоро уезжать в Москву. Саша пытается растормошить компанию, но народ не весел, – продолжает Владимир Шадрин. – “Вы что такие смурные, давайте просыпайтесь”, – не сдается Саша. Но никто не реагирует. По его лицу вижу, что он что-то задумал. Саша отходит от компании к воде. Берет небольшой камень, засовывает себе в плавки, поворачивается: “Смотрите, какой я хороший мужик!” Мы все умираем со смеху. Помню, Сусанна долго потом журила Мальцева».

При всем своем интересе к жизни супруга, Сусанна Мальцева, со слов самого Александра Николаевича, никогда не влезала в хоккейные дела. «Единственное, что я могу себе честно приписать – это заботу о его здоровье», – говорила Сусанна Мальцева.

В 1974 году у четы Мальцевых появился сын. Его назвали Сашей. Впоследствии Александр Александрович какое-то время занимался теннисом. В 1979 году в заключительный день турнира на приз газеты «Известия» во время церемонии награждения практически все хоккеисты советской сборной вышли на лед со своими детьми и счастливые, радостные победоносно подняли их над головами. Оказалось, что практически у всех представителей советской ледовой дружины есть мальчики. Кто-то произнес пафосную речь о наследниках великих хоккеистов, которые скоро сменят своих отцов и будут ковать победы во славу советского спорта. Увы, «яблоки упали далеко от яблоней»: из всех тех мальчишек в большом хоккее заиграли, пожалуй, младший сын капитана сборной Бориса Михайлова – Егор и сын Валерия Харламова – Александр, правда, рано завершивший свою спортивную карьеру. «Дети хоккеистов росли в других условиях, не как отцы. Горя не знали – зачем им хоккей? Раньше в ЦСКА шел отбор, а сейчас – набор. Тарасов незадолго до смерти возился с пацанами пяти-шести лет. Говорит одному: “Ты будешь играть в

ЦСКА!” А тот глазами хлопает: “Я о ‘Торонто’ мечтаю”. Тарасов чуть на пол не сел», – высказался на этот счет в одном из интервью Виктор Тихонов.

В 1984 году журналист газеты «Кировская правда» спросил у приехавшего на свою родину Мальцева о том, пойдет ли его десятилетний сын по стопам отца. «Говорят, не спорт ищет себя, а ты себя в спорте. Я не вмешивался, а дал сыну возможность самому разобраться в своих спортивных наклонностях. Он предпочел большой теннис. Что же, эта игра, видимо, ему больше по душе», – с грустью ответил Александр Мальцев.

К сожалению, потом у Мальцева-младшего возникли проблемы со здоровьем, и на этом его увлечение спортом закончилось. Еще учась в школе, проявлял интерес к точным дисциплинам. «У сына несколько иной склад ума. Он занимался одно время теннисом, но потом у него стала катастрофически портиться осанка, а мальчик он высокий. Надо было тренироваться каждый день, без выходных, без каникул. Словом, мы забрали его из большого тенниса. Начальные классы Саша закончил с отличием, а в старших – увлекся компьютерами. И по сей день занимается компьютерными разработками», – говорила Сусанна Мальцева[16].

«Сын у Саши – умница. У него математический склад ума. Про таких говорят – компьютерный гений. Мне кажется, что Саша был по отношению к нему требовательным, но не жестким отцом. Более строго, если можно назвать это строгостью, воспитывала его Сусанна. Впрочем, Саша-младший не доставлял родителям хлопот, в свободное от учебы время предпочитая не болтаться по двору, а сидеть за компьютером», – вспоминает Сергей Мальцев.

Александр Мальцев-младший подарил своим родителям внучку Анастасию. Он воспитывает двух девочек (первая – дочка жены от предыдущего брака). «Я – счастливый дед, у меня две внучки», – улыбается Александр Николаевич.

«Я выдержала все испытания в жизни потому, что любила и была любима мужем. Более тридцати лет мы идем рука об руку в жизни. Когда он рядом, я чувствую себя как за каменной стеной», – признавалась Сусанна Мальцева в одном из своих последних интервью.

Глава двенадцатая
ОБНОВЛЕННАЯ СБОРНАЯ. НОВЫЕ ВСТРЕЧИ С КАНАДЦАМИ

К середине 1970-х годов Александр Мальцев постепенно становится символом «Динамо», игроком, без которого в течение почти полутора десятилетий будет абсолютно невозможно представить себе эту команду. В каждом своем матче за динамовский клуб он опровергал расхожую поговорку: «Один в поле не воин». Одиночка, нападающий без постоянного сочетания партнеров, Александр Мальцев едва ли не каждый сезон начинал в новом звене и играл так, что его опасались все соперники. У острых на язык журналистов родилась шутка: «Тройка для сборной? В центре – Мальцев, а крайних подберут!» «Первым в сборной СССР долгие годы считалось наше звено – Михайлов – Петров – Харламов. Но мы знали, в какое бы сочетание ни поставили Сашу, свою тройку он будет “вытаскивать” наверх, чтобы она была в числе лучших», – признается многолетний капитан сборной СССР Борис Михайлов.

Средний возраст отечественной хоккейной дружины в конце 1972 года составлял всего лишь 23 года. «Груз ответственности возрос до предела – мы стали лидерами. Всеволод Бобров профессионально подошел к важнейшему процессу ротации состава. Он доверял молодым, хоккеистам золотого хоккейного возраста, – вспоминает Борис Михайлов. – Ансамбль был сыгранным, играл в духе советских традиций, и вносить изменения было опасно».

Всеволод Бобров, который восхищался хоккейным талантом Мальцева, имел у игроков колоссальный авторитет. Из поколения в поколение у тех игроков, которые не видели его живьем, из уст в уста передавались истории о мастерстве Боброва – футболиста и хоккеиста. Главным его тренерским принципом было: «Делай, как я, и все получится!» Все ветераны отмечали в разговоре со мной, что Бобров был необычайно снисходительным к игрокам, и это его ярые критики неизменно ставили ему в вину.

Чемпионат мира по хоккею 1973 года принимала советская столица. Это право было доверено Москве во второй раз. Игры шести команд в двухкруговом состязании прошли во Дворце спорта «Лужники». Чехи горели желанием отстоять победный титул, завоеванный годом ранее в Праге. Их победный, звездный состав практически не претерпел изменений.

Когда тренеры советской сборной Всеволод Бобров и Борис Кулагин за день до старта чемпионата объявили, кто из хоккеистов будет отстаивать честь СССР на московском турнире, удивлению болельщиков не было предела. В составе не оказалось таких признанных корифеев, как Кузькин, Фирсов, Викулов. По поводу отсутствия двух последних мастеров весьма резко высказался Анатолий Тарасов, назвавший ошибочным курс на «механическое омоложение состава сборной». Из признанных авторитетов советской команды в ней оставался только Александр Рагулин.

Три первые встречи на чемпионате сборная СССР по обыкновению начала с разгрома своих противников. Особенно туго пришлось западногерманской сборной, которую советская команда разнесла со счетом 17:1. Александр Мальцев в этом поединке отметился тремя заброшенными шайбами. Следующими на очереди были финны 8:2, а затем поляки, которые «отскочили» со счетом 3:9. В промежутке между этими поединками советская команда провела, как и предполагалось, труднейший матч с Чехословакией и, победив 3:2, возглавила турнирную таблицу. Красноречиво об амбициях советских хоккеистов говорит тот факт, что еще одного своего конкурента, сборную Швеции, дружина Боброва обыграла со счетом 6:1, умудрившись накидать шесть шайб в ворота шведов уже к 25-й минуте.

Вторая половина чемпионата и вовсе превратилась в бенефис советской команды на своем родном льду. Сборная СССР начала бить все мыслимые рекорды, начиная от 20:0 с поляками, заканчивая другими любопытными достижениями. Если в первом матче с командой ФРГ отличилось звено Мартынюк – Шадрин – Якушев, наколотившее в сетку ворот немцев 10 шайб, из них 8 – Мартынюк (!), то уже в матче с поляками 14 шайб провело первое звено сборной. Причем Борис Михайлов забросил 7 шайб, Владимир Петров – 5, а Харламов ограничился «всего» двумя.

Впрочем, свое Валерий Харламов сполна наверстал в повторной игре между сборными СССР и ЧССР. Первый гол советской команды получился курьезным. Защитник чемпионов мира отобрал шайбу у Мальцева в своей зоне. Динамовец упал за воротами, но сумел резко вскочить и выбить шайбу из-под клюшки зазевавшегося игрока сборной ЧССР на Якушева, который отправил ее в сетку. Впрочем, чехи сравняли счет, однако в численном большинстве Борис Михайлов после щелчка Александра Гусева переправил шайбу в ворота. А потом заблистал Валерий Харламов. Прямо из своей зоны он рванул с шайбой на двух защитников, резко метнулся в сторону, поймав их «в улитку» – два соперника столкнулись лбами. Выманил вратаря

на себя, а сам отдал пас назад Михайлову, которому оставалось попасть в пустые ворота.

Четвертую шайбу Харламов забросил сам. Игра, которая в итоге завершилась со счетом 4:2, сделала советскую сборную победителем московского чемпионата мира. В заключительном матче сборная СССР победила шведов со счетом 6:4. 100 заброшенных шайб – таким был новый рекорд мировых первенств по хоккею. Средняя результативность сборной СССР на московском чемпионате составила ровно 10 шайб за игру! А Борис Михайлов, достигнув невероятного результата по системе «гол плюс пас» – 34 (18+16) очка, стал лучшим бомбардиром первенства. На этом чемпионате мира Александр Мальцев в девяти проведенных им играх набрал 13 очков, забив 7 шайб и отдав 6 голевых передач партнерам по команде.

Именно тогда президент Международной федерации хоккея Джон Ахерн назвал главную проблему мирового любительского хоккея в том, что нельзя найти команду, которая могла бы противостоять сборной СССР. «Есть еще, правда, вариант обязать вас играть без вратаря, но вряд ли вы на это согласитесь», – улыбнулся тактичный Ахерн.

Свой успех советская дружина праздновала и на чемпионате мира в 1974 году, который проводился в Хельсинки. Несмотря на 9 побед в 10 играх, он выдался для советской сборной крайне сложным. Чехословацкая команда на этом чемпионате предстала в своем самом боевом составе с вратарем Иржи Холечеком, защитниками Яном Сухи, Иржи Бублой, Франтишеком Поспишилом. В атаке «главных противников» блистали Владимир Мартинец, Иван Глинка, Вацлав Недомански.

В первой игре чехи вдоволь покуражились на льду, не оставив советской сборной никаких шансов. Так, первый и второй периоды были выиграны ими со счетом 3:0 каждый. Итоговое преимущество сборной ЧССР 7:3 впечатляло и болельщиков, и специалистов. Как вспоминал впоследствии Борис Михайлов, особо оно впечатлило советского посла в Финляндии, который, прибежав в раздевалку сборной СССР, обещал доложить о позоре лично «товарищу Леониду Ильичу Брежневу». «Перед игрой и тренеры, и журналисты нам говорили: у вас только один матч на этом чемпионате – с ЧССР, и вы должны его выиграть. Нас просто запугали предстоящим матчем. Это называется “накачка”. Мы проиграли встречу еще до выхода на лед. Боялись самих себя. Страх поборол нашу уверенность. Игроки с самого начала стали ошибаться, вот и посыпались голы», – вспоминал Владислав Третьяк. Как и на двух предыдущих чемпионатах, советская сборная для того, чтобы побороться за золотые медали, должна

была обязательно выигрывать второй матч у команды ЧССР. С игроками и тренерами команды у руководства делегации состоялись серьезные и даже жесткие разговоры, хотя сами хоккеисты и без них прекрасно понимали, что им необходимо выигрывать.

Восемнадцатого апреля 1974 года на чемпионате мира состоялся второй матч советской команды со сборной Чехословакии. Перед встречей Бобров пошел на несколько кадровых перестановок. Александр Мальцев заменил в первом звене на месте центрального нападающего Владимира Петрова, который получил травму. Складывалось все замечательно. Одну шайбу в начале игры забросил Александр Мальцев, а вторую, победную, с его передачи провел Борис Михайлов. Гол Якушева закрепил преимущество советской ледовой дружины 3:1. С таким же счетом была обыграна команда Швеции. Так сборная СССР завоевала свой 11-й победный титул за последние 12 лет. На этом чемпионате Мальцев набрал 10 очков, забив 6 шайб и отдав 4 голевые передачи.

На этот раз довольный советский посол, тот самый, который обещал «позвонить Брежневу», пригласил хоккеистов в свою резиденцию. Он угощал их шампанским, подходя к игрокам с бокалом игристого в руках и услужливо заглядывая им в глаза.

Этот чемпионат мира запомнился и тем, что два хоккеиста, из сборных Швеции и Финляндии, стали первыми жертвами допинга в мировом хоккее. Международная федерация хоккея приняла решение тестировать игроков на допинг еще в 1969 году. После каждого матча два игрока, выбранные произвольно из каждой команды, проходили тест. Но только спустя пять лет попались первые нарушители. Ими стал швед Ульф Нильссон, а также вратарь финнов Стинг Уетзелл. За это обе команды лишились двух очков, а аннулированный результат поединка Финляндия – Чехословакия стоил двух очков и третьего места хоккеистам «Суоми».

Мировая федерация хоккея не случайно повела борьбу с допингом. В конце 1960-х – начале 1970-х годов в игровых видах спорта, не только в хоккее, но, скажем, и в водном поло, стало практиковаться стимулирование игроков таблетками. Упомянув в разговоре с Мальцевым эту тему, неожиданно услышал от него фразу: «Дали нам как-то раз какие-то больно дорогие японские пилюли в команде, сказали, что для стимуляции сердечной деятельности. Но мы с Валеркой (Харламовым), придя к себе в номер, где жили, спустили их прямо в унитаз». Выдающимся игрокам не нужно было стимулировать себя неизвестными препаратами. «Чехи все подшучивали над нами: “Знаем мы ваш

настоящий допинг – водку". А мы просто играли с вдохновением. Главным допингом для нас были звуки гимна и поднимающийся ввысь ледового дворца красный флаг», – признавался мне один из прославленных советских хоккеистов.

В 1974 году советской команде предстояло еще одно важное сражение – встреча с канадскими профессионалами. Сборная СССР провела серию игр под названием «Олл старз» («Все звезды») с командой, составленной из игроков ВХА «Канада-74». После матчей Суперсерии 1972 года пути советских хоккеистов с канадскими профессионалами не пересекались. Но в Канаде, почувствовав, какое удовольствие и самим хоккеистам, и болельщикам приносят такие поединки, стали искать возможность проведения новых встреч с советскими хоккеистами. Больше всего это удалось руководству Всемирной хоккейной ассоциации (ВХА), которая находилась в жесткой конфронтации с НХЛ. А точнее, виновниками конфликта были Гэри Дэвидсон и Деннис Мэрфи, два калифорнийских адвоката, ее создавшие. Кстати, они же являлись совладельцами Национальной баскетбольной ассоциации.

ВХА была основана всего за два с половиной года до этих матчей, в декабре 1971 года, и задумывалась как более состоятельный конкурент Национальной хоккейной лиги. Мотив для ее создания был, по сути, один – еще одна, прилично зарабатывающая группа североамериканских бизнесменов, которых не подпустили в свое время к энхаэловской кормушке, решила подзаработать на хоккее. «Изобретать» велосипед они не стали. Модель новой лиги была скопирована с НХЛ: команды также проводили между собой более 80 встреч, а затем в состязаниях на вылет разыгрывали свой главный трофей.

Разумеется, ассоциация не могла быть собрана с нуля, и ее владельцы стали переманивать в ВХА игроков НХЛ, прельщая их более высокими зарплатами. Тогда им удался, как бы сейчас сказали, мощный «пиаровский ход». В клуб «Виннипег джетс» удалось заполучить одного из лучших канадских профессионалов Бобби Халла. Его переход стоил ВХА сумасшедших по тем временам в хоккее денег – двух с половиной миллионов долларов. Во всей этой истории самое любопытное состоит в том, что полтора миллиона долларов за игрока заплатил сам клуб, а еще миллион собрали… его конкуренты, другие команды ВХА, с той целью, чтобы приход игрока способствовал популярности новой лиги. Кстати, Бориса Павловича Кулагина шокировала сумма страховки, которую платили профессионалам ВХА в случае травм во время игр и тренировок. Он произнес знаменитую фразу: «Я бы тоже себе все новые зубы вставил, если тут за один

выбитый 5 тысяч долларов платят».

Разумеется, сама новая ассоциация и желание ее хозяев заполучить в свои ряды если не самых лучших, то вполне добротных хоккеистов встретили нешуточное сопротивление со стороны НХЛ.

Боссы НХЛ, раздраженные появлением «неоперившегося хоккейного птенца», делали вид, что в упор не замечают ВХА, в которой числилось 14 клубов. Конечно, в своей общей массе игроки, выступавшие во Всемирной хоккейной ассоциации, были заметно слабее энхаэловцев. Но конкуренцию до своего расформирования в 1979 году они составляли НХЛ приличную. Впрочем, перебить славу Национальной хоккейной лиги ВХА не смогла: к тому же ее матчи принципиально не показывало североамериканское телевидение, болельщики ходили на ее матчи не слишком охотно в сравнении с энхаэловскими поединками. С 1971 по 1974 год ВХА работала себе в убыток.

Впрочем, по части «пиара» накануне игр с Советами адвокаты из Калифорнии не отставали от своих главных конкурентов. Во всех интервью говорили, что состав канадцев «будет значительно круче», чем в предыдущей серии 1972 года. В результате билеты на сентябрьские матчи ушли еще в конце мая. Более того, так же как и в 1972 году, билеты стоимостью в два доллара были разыграны в лотерее, в которой приняло участие два миллиона человек! А попали на игру только 15 тысяч счастливчиков – в среднем один из 133 желающих.

Серия 1974 года, как и предыдущая, проводимая советскими хоккеистами с профессионалами из НХЛ, была разбита на два этапа: по четыре встречи по обе стороны океана – в Канаде и СССР. Любопытно, что в Стране кленового листа в отличие от хозяев ВХА ни специалисты, ни журналисты не признавали предстоящие поединки суперсерией. В отличие от предельно дерзкой команды, вышедшей с канадской стороны противостоять русским за два года до «Олл старз», на этот раз в бой «пошли одни старики». Действительно, особенно по сравнению с советской командой, где большинству лидеров, включая Мальцева, было около 25 лет, тон у канадцев задавали ветераны. Вратарю Джерри Чиверсу было 34 года, Ральфу Бекстрему – 37 лет. Бобби Халу исполнилось 35, как и пятикратному обладателю Кубка Стэнли Трамбле. Наконец, Горди Хоу, закончивший карьеру в НХЛ тремя годами ранее, отпраздновал свое 46-летие! К тому же в сборной канадских звезд, почти как в каких-нибудь показательных матчах, на лед с «папой Хоу» выходили два его сына, несовершеннолетние на тот момент Марк и Марти. Кстати, участвовал в серии тот самый Пол Хендерсон, герой

заключительного матча в Москве 1972 года. Выделялся у канадцев и колоритный вратарь. У Чиверса в контракте с клубом ВХА был уникальный, особенно по сегодняшним временам, пункт. Во время перерывов между периодами игр он мог пить пиво. «Лучше бы он без маски играл», – шутили советские хоккеисты, узнав об этом. О маске вратаря-оригинала ходили легенды. Чиверс взял себе абсолютно чистую маску и после игр обводил те места на ней, где были следы от попавшей в нее шайбы. «Этим я хочу показать, что было бы с моим лицом, если бы я играл без маски», – признавался Чиверс.

Первые четыре игры, проводившиеся за океаном, по свидетельству очевидцев, вызвали настоящий ажиотаж в Канаде.

Впрочем, специалисты, признавая мощь советской сборной, сомневались в общем успехе канадцев в серии. «Разве этим парням из ВХА устоять перед русскими?» – вопрошала одна из канадских газет.

Перед играми было много разговоров о грубости. Советские хоккейные руководители еще раз попросили своих коллег поговорить с командой соперников, чтобы визави из Канады не грубили. А Валерий Васильев предупредил канадского тренера по-своему: «Держитесь в рамках, а то так тряхану – мало не покажется. И учтите, вы будете лечиться за свои деньги, а меня страна вылечит»[17].

В Канаде встречи прошли в сентябре 1974 года, начавшись сражением на льду Квебека в то время, когда в Москве была глубокая ночь. Поединок, состоявшийся 17 сентября, открыло настоящее шоу. «Матч еще не начался, а трибуны уже бушевали. Играл электроорган, пронзительно вскрикивали трубы, гремели кастрюли и барабаны. Это напоминало настоящую психическую атаку. Но если два года назад мы были ошарашены такой немыслимой какофонией, то теперь спокойны», – вспоминал в своей книге «Хоккейная эпопея» Владислав Третьяк. К тому времени советские хоккеисты уже прошли крещение монреальским «Форумом» в 1972 году. На фоне тамошних зрителей иные группы поддержки просто блекли. Игра закончилась боевой ничьей 3:3.

Причем в Квебеке Валерий Харламов при счете 1:2 забил гол, приведший в изумление и восторг десятки тысяч болельщиков на трибунах. В канадской прессе об этой забитой шайбе, которую Харламов перебросил в сетку ворот через упавшего Чиверса, обойдя перед этим нескольких защитников, писали – «гол для гурманов». После этой встречи Горди Хоу, повидавший в хоккее многое, сказал, что «Валерий Харламов катается, как бог».

Александр Мальцев выходил на лед во втором звене

советской команды, где компанию ему на первые два матча составили спартаковцы Владимир Шадрин и Александр Якушев. Во втором матче в Торонто советская команда уступила канадцам 1:4. Игра запомнилась болельщикам чудачествами арбитра Брауна. Как иначе объяснить то, что гол в ворота канадцев, который забил Владимир Петров при счете 1:3, видели все, кроме судей. «Мы были в шоке, что его не засчитали. А гол в Канаде – это очень важно, это переломный момент матча. Мы проиграли 1:4, возвращаемся в гостиницу, включаем телевизор, а там везде показывают, как шайба туда-сюда в ворота идет и из ворот выходит. Это сегодня такие моменты просматривают профессионально, в НХЛ есть 8–10 камер, они все это фиксируют, а тогда мы были вынуждены смириться с несправедливым решением судьи», – признавался Владислав Третьяк.

Много приятных минут советским хоккеистам и болельщикам доставил третий матч, состоявшийся в Виннипеге. Канадцы, правда, игравшие без шести основных игроков, были повержены со счетом 8:5. В этой игре Мальцев, который был переведен в третье звено к игрокам «Крыльев Советов» Лебедеву и Бодунову, забросил одну шайбу. Он отличился и в четвертом поединке, который закончился со счетом 5:5. Именно в этом матче, когда советские хоккеисты проигрывали 2:5, и произошел тот самый памятный эпизод, когда Валерий Васильев, поинтересовавшись: «А как там играют в шахматы?», пообещал комментатору Н. Озерову и журналисту В. Дворцову, что сборная СССР не проиграет. Однако мало кто знает, что тренер Кулагин в самой концовке встречи при счете 4:5 пообещал тому игроку, кто сравняет счет в этом матче, бутылку отборного армянского коньяка. Ждать долго не понадобилось. «Лауреатом» стал защитник Александр Гусев, который отличился уже через минуту.

После того как местные хоккеисты оказали русским нешуточное сопротивление на родном льду, пессимизм канадцев стал сходить на нет. Спортивные журналисты Маккензи и Лакруа писали о том, что канадские хоккеисты буквально «казнят себя за то, что проворонили во время последней встречи в Ванкувере бросок Александра Мальцева, обернувшийся четвертой шайбой». Тренер канадцев Билл Харрис перед ответной поездкой всячески заводил своих игроков: «Теперь вы убедились, что русских можно одолеть. Для этого лишь нужно не расчехлять коньки за четыре минуты до финального свистка судьи». Канадская пресса называла вратаря Третьяка, нападающих Михайлова, Петрова, Харламова, Мальцева и особенно Якушева игроками мирового класса. Советские специалисты отмечали настоящую звезду в составе канадцев – Бобби Халла, а также ветерана Горди Хоу,

которого «не берет время».

Прибыв в Москву, профи, в отличие от своих соотечественников, с опаской разместившихся в «Интуристе» двумя годами ранее, не искали «жучки» и шпионскую аппаратуру у себя в номерах. Во Дворце спорта «Лужники» они вели себя, как студенты перед экзаменом: выйдя на лед, сосредоточенно и молча катались по площадке непривычных для них больших размеров, словно слушая, как в тишине этого огромного пространства шуршат коньки. Напряжение в стане противника было заметно невооруженным глазом. Тренер гостей Билл Харрис даже не пошел на предматчевую конференцию, заявив, что ему «нужно продумать все детали матча и переговорить с игроками».

Но уже вечером 1 октября Большая ледовая арена «Лужников» напоминала встревоженный улей. Лишние билеты на игру стали спрашивать за два часа до нее. В официальной продаже их уже не было. Цена за билет начиналась от 10 рублей (почти три бутылки водки) и доходила до 50 – треть среднемесячной советской зарплаты. В отличие от предыдущей серии 1972 года большинство квиточков на игру разошлось «наверху». Или, как тогда говорили, по блату.

В зале, вмещавшем 11 тысяч зрителей, яблоку некуда было упасть. Канадцы выглядели искренне удивленными, когда перед игрой русские красавицы в национальных костюмах преподнесли им хлеб-соль. Александр Мальцев в Москве играл в сочетании с Анисиным и Викуловым. Второе и третье звено советской команды были перекроены из-за травмы Александра Якушева.

Пятая, она же первая московская, встреча серии превратилась в бенефис Мальцева, почувствовавшего особое вдохновение в игре на родной площадке в присутствии жены и близких. Первый свой гол нападающий забил на пятой минуте встречи с роскошной передачи Викулова, заставив еще больше нервничать и ходить взад-вперед за скамейкой, где сидели игроки, тренера канадцев Билла Харриса. Канадцы применили новую тактику игры. Зная о скоростных качествах советских хоккеистов, они нарочно замедляли темп атак, как писал в отчете о матче один из журналистов, «убаюкивая и гипнотизируя советских игроков».

На 17-й секунде второго отрезка, выйдя к воротам Третьяка, суперветеран Горди Хоу с передачи своего сына забил ответный гол. Команда СССР встрепенулась лишь в концовке второго периода, когда при розыгрыше большинства Александр Мальцев забросил свою вторую шайбу в игре, сделав счет 2:1. Сам игрок позже поблагодарил за гол Владимира Шадрина, который, выманив на себя защитника и вратаря, отдал пас на Мальцева. Этот непростой поединок в итоге завершился со счетом 3:2 в

пользу сборной СССР, а Александр Мальцев и «любитель пива» – канадский вратарь Чиверс были признаны лучшими игроками встречи. «Если кого-то можно хвалить, так это в первую очередь Викулова и Мальцева, – признавался в своем интервью «Комсомольской правде» заслуженный тренер СССР Анатолий Тарасов. – Саша убедительно продемонстрировал: с таким скоростным маневром, с таким ярким индивидуальным мастерством, каким владеют наши ребята, канадцы ничего поделать не могут. Этот далеко не лучший матч советской сборной подтвердил мой давнишний тезис: наш хоккей сильнее канадского, он интереснее, современнее и богаче».

Александру Мальцеву был вручен памятный подарок – только что отчеканенная в Канаде олимпийская монета с символикой предстоящих в Монреале летних Олимпийских игр 1976 года. «Мальцев является одним из выдающихся хоккеистов, который обладает огромной скоростью, виртуозной техникой и умением находиться на самом острие позиции», – говорилось в отчете с этой игры в одной из североамериканских газет.

Неудачу своей команды канадский тренер объяснил тем, что «хоккеисты не успели перевести внутренние часы на московское время и не приспособились к широкой площадке». «Я просто не узнаю свою команду. Моих ребят, наверное, растрясло в самолете. Но я-то полагал, что мои парни – не нежные барышни», – произнес грустный Харрис. Тренер советской сборной Борис Кулагин в составе своей команды выделил тройку Мальцев – Анисин – Викулов, сказав, что от других звеньев нападения ждет гораздо большего.

На вторую игру московской серии канадцы вышли разозленными, не скрывая своего намерения отыграться. Однако их пыл с ходу остудило первое звено советской сборной. Борис Михайлов с передачи Валерия Харламова уже на 34-й секунде встречи открыл счет. Сборная СССР в эти минуты сыграла в своем привычном стиле, демонстрируя коллективный, комбинационный хоккей, не давая противнику и шанса, чтобы переломить ход игры. Второй гол стал результатом индивидуального прохода Валерия Васильева. Он начал рейд из своей зоны, дошел до владений противника и ложным движением, показав, что будет делать передачу, сильно щелкнул по воротам Чиверса.

Однако эта неудача не сломила канадцев. Сначала Уль в первом периоде забил первую ответную шайбу, а на 27-й минуте Горди Хоу сравнял счет. Правда, через две минуты Вячеслав Анисин снова вывел советскую сборную вперед. И опять гол был забит в результате многоходовой комбинации, доказав, что именно такая тактика способна привести к успеху во встречах с

канадцами. Александр Мальцев не доиграл этот матч. В середине его он получил небольшое повреждение, и Борис Кулагин принял решение заменить его новичком сборной Сергеем Капустиным.

Проигрывая, канадцы вновь, как и в заокеанской части серии, сбились на грубую игру, отсидев на лавке к концу второго периода 21 минуту – большой показатель по тем временам. В меньшинстве они пропустили и четвертую шайбу, которую провел Владимир Шадрин. В последнем отрезке игры отличился Валерий Харламов. И опять, как в первой игре, Харламов забил гол-красавец, проскочив между двумя игроками обороны, в падении посылая шайбу в ворота Чиверсу.

К сожалению, празднование советскими хоккеистами пятого гола и финал игры были омрачены потасовкой, спровоцированной несколькими канадскими игроками. Этот матч стал самым грубым в серии, а канадские профи запомнились откровенно хамской игрой, как в целом, так и по отношению к лучшим игрокам советской сборной. Кульминацией беспредела на льду стал эпизод, произошедший уже после финального свистка.

Защитник Рик Лей, внешним видом напоминавший гангстера времен «золотой лихорадки», всю игру охотился на Харламова. А после окончания встречи отказался пожимать ему руку и, сбросив перчатки, устроил рукопашную с 17-м номером советской сборной, который значительно уступал канадцу по габаритам. На льду началась потасовка, а комментировавший поединок Николай Озеров произнес знаменитую фразу: «Такой хоккей нам не нужен». Трансляцию матча по Центральному телевидению прервали. Канадцев удалось остановить только через 10 минут. В ложе почетных гостей за этим поединком наблюдал Леонид Ильич Брежнев, который не пропускал ни одного из поединков московской серии. В конце потасовки он поаплодировал советским игрокам, которые дали достойный отпор канадцам.

«Казалось бы, незаметный тычок клюшкой, и у Харламова разбита переносица. Мне с трудом удается остановить у него кровь. Удар в переносицу – штука очень болезненная, но сейчас не до боли, и Валерий снова рвется на лед. Канадцы ставят перед собой задачу – сломить этого упрямца, сломить любой ценой, – вспоминал врач советской сборной Олег Белаковский. – И тут же на глазах у тысяч возмущенных зрителей происходит нечто отвратительное. Рик Лей, канадский защитник, настигает Валерия и бьет кулаком в лицо ни с того ни с сего. Бьет кулаком в переносицу! Уцар Лея служит сигналом, и начинается настоящее побоище. Больше всего достается Харламову, Якушеву, Мальцеву, Васильеву, Лутченко. Все они серьезно травмированы. Я едва

успеваю перевязывать, подмазывать, подклеивать. Едва успеваю потому, что ребята буквально рвутся в бой. Рвутся, несмотря на опасность новых столкновений. Это было поистине великое противостояние».

По воспоминаниям ветеранов, на любимца болельщиков Валерия Харламова было страшно смотреть после этой игры. Все его лицо было в кровоподтеках, как после жестокого боксерского боя, свитер порвался и был весь в крови. Партнеры под руки в полубессознательном состоянии увели Валерия в раздевалку. На пресс-конференции после матча разозленный Борис Кулагин сказал, что канадские игроки, которые замешаны в безобразной игре, заслуживают отстранения от матчей. Впрочем, никто потом никого так и не отстранил.

Многие специалисты сходились во мнении, что канадцам лучше всего удалось продемонстрировать только свои силу и грубость. Спортивный телекомментатор канала «Си-би-эс» в одном из своих репортажей заявил: «Нам говорили, что русские играют грубо. Но то, что мы с вами только что видели – это сплошные канадские кулаки». Канадцы, поняв, что им не одолеть советских игроков силой техники, как и их соотечественники два года назад, пытались взять «русскую крепость» грубостью и нахрапом.

Когда заключалось соглашение о проведении этой серии, ВХА взяла на себя гарантии соблюдать правила и вести корректную игру, однако тренер гостей Харрис, который до начала поединков говорил: «Я не потерплю в своей команде головорезов», оказался неспособен убедить своих подопечных вести себя на площадке по-спортивному.

Неудивительно, что хамское поведение гостей в шестом матче быстро получило отклик в советской прессе, только и ждавшей для этого повода. «В гости ждали мастеров, а разочарование всегда горько. Особенно “отличился” Р. Лей, бросившийся с кулаками на В. Харламова. “Закусив удила”, затевали конфликты братья Хоу, Б. Макгрегор. Право же, лучше бы им ориентироваться на Б. Халла – у него и мастерство выше, и свое достоинство он старается не терять. А грубость, неумение соблюдать правила являются признаками слабости», – писала в отчете о втором московском матче главная советская газета «Правда».

Кульминацией восьмиматчевого противостояния стала седьмая встреча. После нее в бушевавшем эмоциями огромном Дворце спорта в Лужниках и определился победитель серии. Поняв, что русских не возьмешь на испуг, канадцы обошлись без рукоприкладства, хотя играли жестко и по-спортивному зло. К

тому же руководители канадской делегации заверили, что в оставшихся матчах их хоккеисты будут вести себя дисциплинированно.

Сборная СССР сразу же устремилась вперед, пытаясь психологически подавить канадцев своим напором. В одной из редких атак гостей Горди Хоу послал шайбу, парированную Третьяком после броска Бекстрема, мимо пустых ворот, и тут же последовала расплата. После мгновенной передачи партнера по команде Лутченко, выйдя на голкипера соперника, открыл счет. Далее в первом периоде соперники обменялись голами. На шайбу Тюрина канадцы ответили броском Уэбстера. А спустя три минуты после перерыва Бекстрем сравнял счет. Канадцы не успокоились и, когда был удален Лутченко, забросили третью шайбу. Впрочем, советский защитник Гусев убойным по силе броском сравнял счет, а вскоре капитан сборной СССР Борис Михайлов вывел хозяев льда вперед – 4:3.

В третьем периоде ошибся Александр Мальцев. В безобидной ситуации он отдал шайбу на клюшку канадца Трамбле, тот отпасовал ее неугомонному Бекстрему, сравнявшему счет в этом непростом поединке. После этого эпизода тренер сборной СССР Борис Кулагин посадил Мальцева на скамейку запасных, и больше на лед он в том матче не вышел. Игра закончилась со счетом 4:4. «Мы ничего не можем с ними поделать. Русские играют чертовски хорошо», – оставалось констатировать после игры Горди Хоу.

Таким образом, после семи матчей в активе у советской команды стало 9 очков, у канадцев – 5. В итоге советская команда досрочно выиграла всю серию 1974 года, при этом три поединка свела вничью и лишь одну встречу проиграла, при общем соотношении шайб 32:27 в свою пользу. На восьмой, уже ничего не значащий в турнирной стратегии матч, состоявшийся 8 октября 1974 года, Борис Кулагин не поставил в состав целый ряд ведущих игроков: Третьяка, Васильева, Петрова, Михайлова, которому в тот день, кстати, исполнилось 30 лет. Первая тройка сборной выглядела необычно: Мальцев был переведен на позицию центрального нападающего к Харламову и Викулову. По замыслу тренеров, тройка в таком сочетании должна была продемонстрировать высокотехничный, комбинационный хоккей, основанный на виртуозных действиях каждого из этих игроков. Однако, несмотря на обилие моментов у этого звена, ни Мальцев, ни Харламов, ни Викулов не использовали многочисленные голевые ситуации.

В советской команде блеснула спартаковская тройка Шадрина, которая стала автором всех трех голов в ворота

канадцев. Две шайбы провел новичок сборной Виктор Шалимов, в итоге признанный лучшим игроком встречи, один раз отличился Якушев, названный канадскими журналистами одним из самых лучших крайних нападающих в мире. В составе сборной Канады в очередной раз отличился Бобби Халл. Он с девятью очками (семь заброшенных шайб и две передачи) стал лучшим бомбардиром серии.

Пожалуй, именно Бобби Халл, выросший в американской глубинке, дружелюбный и простой парень с неизменной широкой улыбкой на лице, вызывал симпатии у советских болельщиков и журналистов. После окончания последней игры он задержался на заключительном банкете и последним уходил из банкетного зала ресторана «Интурист». Когда к нему подошли советские журналисты выразить свои симпатии, уставший Халл сказал: «Вы меня с кем-то перепутали. Я не звезда, а просто врач команды». Улыбнулся и ушел восвояси, этими своими словами нисколько не обидев репортеров, которые оценили довольно своеобразную шутку мистера Халла.

Кстати, от организаторов матч-турнира с советской стороны Бобби Халл, признанный самым техничным и корректным игроком в составе канадцев, получил необычный приз – десятидневную поездку по Советскому Союзу. В объединенную символическую сборную этой серии от советских хоккеистов вошли Владислав Третьяк, Валерий Харламов, Борис Михайлов и Александр Якушев. Канадцы, бывшие непримиримыми бойцами на ледовой площадке, вне ее пределов оказались компанейскими парнями.

Эти матчи действительно принесли пользу как канадской, так и советской школам хоккея. «Встречи со сборной ВХА нельзя назвать второстепенными. И дело не только в том, что для победы нам пришлось приложить все силы. Для советского хоккея серия 1974 года имела немаловажное значение. Она доказала, что только звезды НХЛ могут сравниться с русскими хоккеистами, доминировавшими на мировой арене», – считает Борис Михайлов.

Сами канадцы подчеркивали, что они вновь убедились в высоком классе хоккеистов сборной СССР. А Дэйв Бауэр, долгие годы работавший с любительской командой Канады, признавался, что «ради того, чтобы посмотреть такие матчи, стоит два раза пересечь океан». Этот тренер, который в 1969 году высказал сомнение в будущем Мальцева и его способности удержаться на вершине хоккея, в своих интервью особо подчеркивал то, насколько уверенно и быстро бывшие молодые игроки, включая динамовца, стали признанными лидерами обновленной советской команды.

Эти матчи еще больше подпортили статистику выступлений канадцев с советской сборной. «У каждого – свое время. Если принижать успехи сборной СССР, тогда ответьте, почему мы в 1972 году обыгрывали канадцев? В 1974-м выиграли серию, – напоминает Владислав Третьяк. – Клубами их постоянно обыгрывали. Мы показывали свою силу. По статистике у нас больше побед, чем у них. Если взять по всем сериям: и в Канаде, и Кубки вызова, и Кубки Канады, в совокупности у нас больше побед. Пожалуйста, вот вам мерило. Мы на своем уровне лучше, мы и здесь лучшие, и им не уступаем».

Глава тринадцатая
«ДИНАМО» РАССТАЕТСЯ С ЧЕРНЫШЕВЫМ. МАЛЬЦЕВ И ЮРЗИНОВ. ГОНЕНИЯ НА ХОККЕИСТА

В последние два года работы Аркадия Ивановича Чернышева главным тренером клуба «Динамо» немного сбавило обороты. Выигрыш Кубка СССР 1972 года стал единственным громким успехом бело-голубых за последние несколько лет. Большие надежды болельщиков и руководства Центрального совета «Динамо» возлагались на чемпионат СССР 1973/74 года, тем более что ряды главных конкурентов в чемпионате – ЦСКА и «Спартака» накануне этого сезона покинула целая группа выдающихся мастеров, и оба коллектива переживали болезненную смену поколений. Однако в этом сезоне выстрелили отнюдь не динамовские хоккеисты, а «Крылья Советов», которые во главе с тренером Борисом Кулагиным достаточно ровно прошли всю дистанцию чемпионата.

«Крылышки» по три раза победили и лишь один раз проиграли в очных поединках с ЦСКА и «Динамо». За весь чемпионат они потеряли только 13 очков и опередили финишировавший вторым ЦСКА на целых 11 баллов в турнирной таблице. «Динамо» (Москва), обойдя на три очка московский «Спартак», заняло в чемпионате СССР 1973/74 года третье место. До последнего тура болельщики пристально следили за дуэлью двух главных бомбардиров чемпионата – Вячеслава Анисина из «Крыльев Советов» и Александра Мальцева. В итоге лучшим бомбардиром с 48 очками стал Анисин, который опередил динамовца всего на один балл. Мальцев, который забросил 25 шайб и сделал 22 результативные передачи в сезоне, вошел вместе с одноклубником Валерием Васильевым в символическую сборную шести «Звезд советского хоккея».

Динамовцы, кстати, в свой актив записали самую крупную победу сезона. Со счетом 13:3 они одолели московский «Спартак». Подробности этой игры, о которой ранее вспоминал Михаил Титов, мне рассказал Гиви Петрович Чикваная – легенда динамовского водного поло, сосед Мальцева и Давыдова по дому. «Звонит мне как-то Саша и говорит: “Гиви Петрович, на хоккей в ‘Лужники’ сходить не хочешь? Приходи, не пожалеешь. Мы завтра со ‘Спартаком’. Обещаю тебе, зрелище будет”, – вспоминает Чикваная. – Беру друга, ярого фаната “Динамо”, знаю, что будет

зрелище, если обещает Саша. Тот нас встречает, улыбается. Билеты оказались на гостевую трибуну, где сидели спартаковцы. Тут на льду такое началось. Мальцев играл с таким куражом, что все трибуны ахали. И по мере того, как “Динамо” забивало голы, спартаковский сектор все пустел и пустел. Мы остались с другом одни на трибуне, и Саша, который забил два гола, даже помахал нам».

Чашу терпения руководства Центрального совета «Динамо» переполнило обидное поражение динамовцев в финале Кубка СССР от тех же «Крыльев Советов». Доминируя практически всю игру, бело-голубые уступили со счетом 3:4. Но не только спортивные результаты, а проблемы с дисциплиной в «Динамо» вызывали беспокойство у чиновников, ответственных за динамовский спорт.

В высоких инстанциях было принято решение отправить на заслуженный отдых Аркадия Ивановича Чернышева, а на его место назначить коренного динамовца Владимира Юрзинова. Он прошел «двухлетнюю обкатку» за границей, в 1972–1974 годах выступая играющим тренером финского клуба «Кое-Вее». «Я принял команду в 34 года. Борис Павлович Кулагин, один из тренеров национальной сборной, сказал мне в 1974 году: “Хватит тебе работать за границей. Возвращайся домой, будешь работать со мной”, – вспоминает в разговоре со мной Владимир Юрзинов, который уважительно называл Кулагина «Шефом». – Первоначально я намеревался трудиться в сборной под руководством Бориса Кулагина без совмещения работы в клубе. Но вскоре меня с подачи Центрального совета “Динамо” командировали на работу в родной хоккейный клуб, где, по моей тогдашней информации, ребята меня уже ждали. В начале 1970-х я часто подменял Аркадия Ивановича во время его отсутствия на занятиях, был играющим тренером. Многих ребят знал, две трети коллектива вообще играло со мной за несколько лет до этого в “Динамо”. Так что у меня не было проблем в налаживании межличностных отношений с игроками. В последние годы карьеры они привыкли к тому, что я часто провожу тренировки».

Подробности и малейшие детали снятия А. И. Чернышева и прихода в «Динамо» В. В. Юрзинова покрыты тайной. Ветераны вспоминают, что сначала было написано некое коллективное письмо в Центральный совет от имени комсомольской организации хоккейной команды «Динамо», в котором говорилось об «ухудшении качества тренировок и общей дисциплины в динамовском коллективе». Правда, кто именно из хоккеистов его написал или подписал, выяснить так и не удалось.

Все было, как положено в те годы. Этим письмом «подавался

сигнал наверх»: что называется, примите меры… На сигнал, как водится, по законам советской бюрократии, вовремя и оперативно отреагировали. Тем более что был и другой повод: в сезоне 1974/75 года «Динамо» стартовало откровенно слабо. Все это в совокупности позволило отправить на заслуженный отдых Аркадия Ивановича Чернышева, который как раз достиг пенсионного возраста. Увольнение прошло «очень тихо». «Ушли» мэтра без проводов и восторженных статей в прессе. А Юрзинов оказался в «Динамо» в октябре 1974 года сразу же после суперсерии сборной СССР с мастерами из ВХА.

«В “Динамо” быстро ощутили, что пришел молодой и амбициозный тренер. Наши занятия стали более продолжительными и насыщенными, они проходили с гораздо большими нагрузками, – вспоминает Михаил Титов. – Объективности ради, нам действительно не хватало в то время атлетической подготовки. Из-за этого мы и стали постоянно проигрывать ЦСКА и другим ведущим командам. Юрзинов добавил “физику”, стал жестче спрашивать с ребят. Как говорят в таких случаях, новая метла замела по-новому».

«Команда была неуправляемой, часто проигрывала. Не секрет, что Аркадий Иванович души не чаял в Мальцеве и Васильеве и прощал им многое. А когда, как известно, тебе многое позволяют, велик соблазн сесть на шею, – полагает Владимир Юрзинов. – Некая атмосфера расслабленности, к сожалению, стала укрепляться в клубе, расхолаживания и ветеранов команды, и, что хуже всего, молодых новичков. На тренировках доходило до того, что, “воспитывая на прочность характера” одного из вратарей, молодого парня, некоторые игроки специально пытались попасть ему в маску.

По Москве ходили слухи, что отдельные ребята из “Динамо” позволяют себе многое, вплоть до того, что на базе в сугробах охлаждают бутылки с водкой, чтобы она к вечеру была холодненькой. Чего скрывать, столичная жизнь затягивала, особенно звезд. Их в то время буквально разрывали на части люди, которые с ними хотели сначала познакомиться, пообщаться, а потом закрепить дружбу стаканом. Когда я пришел в “Динамо” и начал наводить порядок, то не встретил особого сопротивления. По глазам многих хоккеистов я видел, что им самим надоела подобная атмосфера в команде».

В жизни любого выдающегося спортсмена наступает момент, когда он, выиграв все возможные титулы, теряет прежнюю мотивацию и нередко снижает нагрузки. На этот счет хорошо высказался прославленный армеец Владимир Викулов, с которым Александр Мальцев играл в одной тройке в сборной СССР в

начале 1970-х годов: «Когда спортсмен поднялся к вершинам, стал чемпионом мира, олимпийским чемпионом, ему как будто бы стремиться больше и не к чему. Появляется искушение снизить нагрузки, поберечь себя, дабы продлить свой век в спорте. Опасное заблуждение! Снизив нагрузки, не продлишь, а сократишь свое время в спорте. Альтернативы здесь нет. Нужно по-прежнему отказывать во многом и себе, и семье. Для тебя, а стало быть, и для твоих близких, как и раньше, когда ты еще не был чемпионом, нет ни праздников, ни настоящих каникул, ни обычных житейских развлечений, ты обязан тренироваться так же неистово, как на первых порах становления мастерства».

То, что «Динамо» к середине 1970-х годов, безусловно, нуждалось в переменах, признавали многие из тех ветеранов, с которыми автору этих строк приходилось беседовать. Вопрос в другом. Все ли из них одобряли и до сих пор одобряют методы так называемой «шоковой терапии», которые выбрал Владимир Юрзинов? И справедливо ли было отношение нового тренера к динамовским авторитетам?

«Я начал с того, что прекратил “посиделки на базе” и наладил жесткую дисциплину в коллективе. Проработав в Финляндии, я вернулся в “Динамо” с определенными знаниями, методикой построения тренировочного процесса. Начал с того, что сделал акцент на совершенствовании атлетической подготовки. Кулагин тогда шутил: “Ты с утра давай им такие тренировки и нагрузи их так сильно, как следует, чтобы они у тебя сами к вечеру о бутылке забыли”. Мы начали много бегать, больше внимания уделяли физической подготовке, в этом я многое взял от финнов. Почти все ребята, надо отдать им должное, внешне не показывали недовольства, хорошо тренировались, и потихоньку “Динамо” стало прибавлять в выносливости и атлетизме, – рассказывает мне Владимир Юрзинов. – Сейчас некоторые из них могут обижаться на меня, на мои жесткие меры, на методы работы, но у меня на этот счет мнение другое. Я считаю, что, наладив дисциплину, отбив охоту к определенному виду досуга, я продлил им спортивное долголетие и саму жизнь. Тем более, повторюсь, что могу вам назвать уйму фамилий их сверстников, которые погибли из-за болезненного пристрастия к водке».

«Конечно, у Аркадия Ивановича была значительно более крепкая тренерская закваска, все ребята его боготворили, справедливо считая его своим вторым отцом, – говорит Виталий Давыдов. – Володя Юрзинов привнес в тренировочный процесс новые элементы, более углубленно стал работать над физической подготовкой, так как “Динамо” в 1973–1974 годах стало заметно

уступать своим главным конкурентам, конечно же ЦСКА, в атлетизме и выносливости. Безусловно, у Юрзинова, который, как тренер, был более жестким в сравнении с Чернышевым, на этой почве возникали определенные конфликты с игроками, которые, к счастью, удавалось разрешить внутри коллектива».

С момента основания «Динамо» в 1946 году и почти до середины 1970-х Аркадий Иванович Чернышев находился у руля динамовской команды. Именно он сформировал стиль игры динамовского хоккейного клуба, который Владимир Юрзинов не стал ломать. Специалисты и болельщики знали, что Чернышев подбирал игроков и ставил тренировочный процесс под атакующий хоккей, но с оборонительным уклоном. «Динамо» с момента своего создания большое внимание уделяло защите собственных ворот.

«Динамовцы всегда умели классно обороняться, и если мы им сразу не забивали, то у нас с ними получались сложные матчи», – вспоминает Борис Михайлов. Теряя шайбу в чужой зоне, четыре динамовских игрока моментально возвращались к синей линии, а один, оставаясь в зоне соперника или средней зоне, прессингуя, мешал сопернику начать атаку. Этой тактики «Динамо» придерживалось десятки лет, она стала своеобразной «визитной карточкой» бело-голубых.

«К тому времени у меня за спиной был пройденный в Финляндии комплекс подготовки хоккеистов. Когда я понял, что одним махом ситуацию не решить, то выработал целый перечень мер: от наказания до стимулирования игроков. Дело не ограничивалось беседами, приходилось даже штрафовать рублем. Чтобы игроки не ворчали на меня, дескать, Юрзинов необъективен, придирается к хоккеистам, в “Динамо” мы создали специальную научную группу, которая при помощи датчиков и аппаратуры определяла технико-тактические действия каждого конкретного хоккеиста. Игроки буквально опешили, когда увидели, что я привел на тренировку ученых мужей с электронной аппаратурой. Помню, Валера Васильев обронил тогда шутку, мол, готовься, “Динамо”, на хоккеистах сейчас будут ставить научные эксперименты», – улыбается Владимир Юрзинов.

«Помню один забавный эпизод, связанный с этими “электронными отрезками”. Васильев и Мальцев, всегда подспудно соперничая в “Динамо”, кто из них имеет больший авторитет в коллективе, стремились быть первыми во всем. Страшно они не любили проигрывать не только в играх, но и на тренировках, – продолжает Юрзинов. – Уже позже, когда мы в “Динамо” взяли из Пензы Васю Первухина, он постоянно оказывался первым по результатам тестов во время беговых

упражнений. После первого теста, когда аппаратура показала, что лучшим стал Первухин, ко мне подъехал Мальцев и сказал, что такого не может быть. “К чертовой матери вашу аппаратуру, она барахлит у вас, давайте устроим повторный забег”, – завелся капитан команды, который страшно обижался, когда проигрывал. После второго упражнения Вася опять оказывается лучшим, и теперь ко мне едет Васильев, нервно произнося: “Как, опять Первухин?!” Саша с Васильевым чуть не разнесли мне эту электронную систему. Успокоились они только после того, как я им открыл секрет, что в юности Василий Первухин был чемпионом Пензы по бегу на коньках. Саша был не просто игрок. Это был соревновательный игрок, который ни за что тебе не проиграет ни в баскетбол, ни в теннис, ни забег на тренировке».

«Помню, один раз, уже в самом начале 1980-х годов Саша сказал мне с его особой грустью: “Подождите, вы нас сейчас душите, а мы, старики, вас терпеливо слушаемся, а вот станут в сборной заправлять дерзкие, молодые хоккеисты, как Ларионов, Крутов, и вы еще увидите. Тогда вы нас и вспомните”, – говорит Юрзинов. – Опытный тренер знает, что все звезды всегда чем-то недовольны. Сегодня светит солнце, но оно слишком яркое. Завтра идет дождь, но он слишком нудный. Все талантливые и великие хоккеисты, с которыми я играл или которых тренировал, на моей памяти были ранимыми людьми, а Саша с его обостренным чувством справедливости и поэтической натурой – вдвойне. К тому же, принимая “Динамо”, я тоже был относительно молодым человеком, мог им в запале ответить».

Надо отдать должное Юрзинову. В интервью со мной он дипломатично обошел конфликтные ситуации, возникавшие у него с Мальцевым и Васильевым, а если и говорил о каких-то размолвках, то переводил это в разряд шуток. «Давайте-ка, я лучше расскажу вам, как они сборы проводили. Или еще лучше спросите сами потом у них, чтобы картину дополнили, – маститый тренер вспоминал, улыбаясь, явно приятные для него, веселые моменты из спортивной жизни. – Аркадий Иванович любил проводить сборы команды в эстонском Отепе. Это курортное местечко приглянулось ему, когда он там проводил однажды свой отпуск. Со мной же они поехали в местечко Зарасай в Литве».

Юрзинов выдерживает большую паузу, потом смеется: «Ох, они потом стонали, особенно сравнивая с теми условиями, что создавались для них прежде, в Эстонии. Со мной – обычная “однозвездочная” деревенская, с позволения сказать, гостиница, а никакой там не отель. Спали, в том числе и чемпионы мира, без каких бы то ни было поблажек по шесть – восемь человек в

номере. Взяли, помню, первый раз на такой сбор братьев Голиковых. Они приехали, посмотрели на условия и говорят: “Да вот, мы даже в ‘Химике’ на сборах жили в отелях, не то что здесь. Что, ‘Динамо’ найти нормальную гостиницу не может?”

Мальцев посмотрел на них своим внимательным взглядом, от которого, что называется, мурашки по коже, и тихо так оборвал их на полуфразе: “ ‘Динамо’-то все может. Ничего, и здесь привыкнете”. И нормально, пообвыклись. Правда, Валера Васильев отреагировал на эту ситуацию с юмором. Он взял большой лист ватмана, написал на нем большими буквами – “Приказано выжить!”, а под ними начертил дни календаря, которые потом зачеркивал большим фломастером. Дескать, день наконец-то прожит, готовимся к следующему».

О сборах, практиковавшихся во всех советских командах без исключения, кстати, следует сказать особо. На тренировочных базах игроки проводили по одиннадцать из двенадцати месяцев в году. «Сейчас любой может сказать, что нас держали под замком. Да, были длительные сборы, но все к этому адаптировались», – вспоминает Борис Михайлов. Такое «осадное сидение» у хоккеистов, как правило, изредка прерывалось праздниками, небольшими отпусками «домой на побывку» вечером после игр. Или когда тренеры после окончания сезона, но еще до отпуска, «снизойдут» дать выходной. А так одна и та же рутина, одни и те же лица…

Мало кто задумывался, что все эти годы советским хоккеистам постоянно приходилось многим жертвовать: и своим домом, и домом родительским, и свободным временем, и молодостью, и здоровьем, наконец. На этот счет хорошо высказался в одном из интервью Александр Якушев: «Тогда уже в 30 лет многих выдающихся игроков просто списывали со счетов. Оно и понятно – столь запредельные нагрузки бесследно для здоровья не проходят»[18].

Впрочем, в 1960-е годы, по свидетельству Вячеслава Старшинова, сборы не сильно утомляли. Отпахал на утренней тренировке и весь день свободен. Такое расписание прекрасно позволяло Старшинову учиться после обеда на дневном отделении Московского авиационного института. Интенсивность тренировок заметно увеличилась после Суперсерии 1972 года, когда схлынули эмоции и стало видно, что советские хоккеисты проигрывают канадским профессионалам в физической мощи, хотя игроки сборной СССР были значительно выносливее и смотрелись свежее в третьем периоде. Тренировки хоккеистов многих советских клубов к середине 1970-х годов стали назначаться два раза в день.

В период межсезонья в командах проводилось несколько сборов, первый из которых называли «втягивающим», поскольку игроков на нем подводили к высоким нагрузкам, причем увеличивая их постепенно. Хоккеисты проходили углубленный медосмотр, растягивавшийся в командах на три-четыре дня. Второй сбор уже был основным – с более сложными физическими упражнениями, кроссами, двухразовыми тренировками, в том числе и на льду. Наконец, в ходе заключительного сбора, тренеры проверяли готовность игроков в двухсторонних и контрольных играх. Игрокам национальной команды приходилось трудиться дополнительно. У каждого из них была специальная тетрадка с заданиями от тренеров сборной, которые они должны были выполнять в своих клубах. Подобная методика помогала в первую очередь армейцам, составлявшим костяк национальной команды. Уже в первых играх они начинали буквально летать по льду и обыгрывали соперников не только на классе, но и за счет преимущества в физической подготовке.

Все эти этапы подготовки были нацелены на выступления сборной СССР в крупнейших международных турнирах в конце сезона. Чемпионат мира многие игроки до сих пор называют «соковыжималкой». Ведь всего за две с небольшим недели советская команда, с учетом финального этапа, как правило, проводила не менее десяти игр. Более того, настраиваться приходилось на каждую встречу.

«Перед началом сезона это (такое количество сборов) был перебор, – признавался Александр Якушев. – Но, с другой стороны, при такой системе воспитывался характер, улучшалось физическое состояние игроков. Не случайно все тогда отмечали, что на чемпионатах мира и Олимпийских играх сборная СССР в третьем периоде, как правило, дожимала соперника в трудно складывавшихся матчах»[19].

К сборам все быстро привыкали. Тем более что тренеры пытались разнообразить досуг игроков, привозя на базу известных артистов. Да и сами хоккеисты находили возможности разнообразить свой досуг. Кстати, многие игроки полезно использовали отпускное время. Так, Виталий Семенович Давыдов любил отдыхать в санатории КГБ СССР имени Дзержинского на юге. Оттуда ездил на Мацесту, где принимал сероводородные ванны. «Сейчас игроки не используют эти уникальные возможности, а зря. Тогда эти ванны, содержание серы в которых было намного больше обычного, здорово помогали мне в восстановлении. Были и обычные ванны, и четырехкамерные, куда погружались руки и ноги. Для хоккеистов, с их часто ноющими суставами, это была незабываемая практика для

реабилитации организма после тяжелого спортивного сезона», – уверен Виталий Давыдов.

Были у хоккеистов, пытавшихся разнообразить унылые будни, свои развлечения. «Мы так резались в бильярд или карты, что страсти кипели не хуже, чем у профессиональных картежников или бильярдистов. Все было: играли не только на интерес, но и на кукареку, когда проигравший залезал под стол и начинал изображать петуха. И на деньги. Запал был такой, что могли друг другу по физиономии врезать. На кону порой стояли такие суммы, которые не снились рядовым советским гражданам», – вспоминает в разговоре со мной знаменитый советский хоккеист, попросивший не упоминать его имени.

Хоккеисты ЦСКА покупали в «Детском мире» веревочные лестницы, привязывали их к подоконникам, чтобы выбираться из окон базы. Потом «уходили» через дырку в заборе. Бывший игрок «Крыльев Советов», впоследствии известный тренер Федор Канарейкин признавался, что забавы у хоккеистов «Крылышек» были интереснее и хитрее армейских. «Мы поступали хитрее. Тогда было популярное упражнение – к тебе одним концом крепят длиннющий каучуковый жгут, другой обмотан вокруг столба. Хватаешь двадцатикилограммовый блин в руки и бежишь, пока силы есть. На ходу блин должен крутить в руках, приседать и делать черт-те что. Зато по этим жгутам мы с базы и уходили. Один конец привязываешь к батарее, второй выбрасываешь в окно. И катапультировались», – вспоминал Канарейкин в одном из интервью[20].

Но это были эпизоды. Все понимали, сфилонишь на сборах, тебе же это аукнется потом, в конце сезона. «Кому-то может показаться, что у нас легкомысленно относились к спиртному. Но на самом деле с ним все было строго. В течение сезона, если выпил и засекли, наказания были самые жесткие – могли дисквалифицировать, деньгами наказать, – вспоминает Борис Михайлов. – И нарушений режима было немного, между матчами хоккеисты расслаблялись весьма осторожно и аккуратно. Летом было проще. Но оно у всех было коротким, хватало времени только отдохнуть где-нибудь у Черного моря».

Но вернемся к первым месяцам пребывания Юрзинова в «Динамо». Отношения между лидерами «Динамо» и молодым тренером, сменившим в динамовском коллективе самого Чернышева, которого игроки боготворили, объективно говоря, были далеки от идеальных. Здесь совпало несколько обстоятельств: и неравнозначность «калибров» тренерского мастерства Юрзинова и Чернышева, и извечные споры, которые возникают в любой команде между молодым тренером и

титулованными игроками, и то, что Владимир Владимирович всколыхнул «тихую заводь», коренным образом стал менять спокойный уклад жизни хоккеистов.

Александр Мальцев очень неохотно вспоминает тот период в «Динамо», когда ушел Аркадий Иванович Чернышев. «Когда Юрзинов принял команду, состоялось собрание у большого динамовского начальства. Там наш новый тренер заявил, что ему нужны, мол, не звезды, а мальчики, которые бы его слушались, – говорит Мальцев. – Этот разговор дошел до нас с Валерием Васильевым. Видимо, нас и имел в виду Юрзинов. Из той логики выходило, что не нужны были ему именно мы. Разумеется, это осложнило наши отношения с тренером. Хотя ссорой это, наверное, называть неправильно».

Ветераны команды признавались автору книги, что Александр Мальцев со своим ранимым характером переживал эту ситуацию вдвойне болезненно. Он уже привык к особому отношению к себе со стороны Чернышева, как на льду, так и за его пределами. Вдобавок он был звездой первой величины, хорошо, по словам его близких, даже очень хорошо знавшим себе цену. Мальцев не понимал, зачем он должен перестраивать годами привычную систему тренировок, разучивать какие-то новые элементы на этих занятиях, если с каждым годом не регрессирует, а, наоборот, стабильно входит в число лучших хоккеистов СССР, а иностранными специалистами регулярно признается одним из ведущих нападающих мирового хоккея. Его не устраивало то, что Владимир Юрзинов на тренировках пытается акцентировать внимание на звездах, заставляя их на глазах молодых хоккеистов «более тщательно» выполнять упражнения. «Помню, как на тренировке, закончив раскатку, мы стояли у бортика с ныне покойным хоккеистом “Динамо” Толей Севидовым. И он сказал мне с улыбкой: “Смотри, Юрзинов учит Мальцева раскатываться, а Васильева откатываться”. Действительно было странным видеть, как тренер воспитывает олимпийских чемпионов, признанных мастеров, по сути, обучая их основам катания на льду», – вспоминает Михаил Титов.

«Юрзинов, только начавший тренировать “Динамо”, специально показывал, что все в коллективе для него равны, неважно, звезда ли ты или начинающий хоккеист. Если наказание, то равное для всех игроков вне зависимости от выигранных титулов», – рассказывал мне динамовский ветеран Игорь Самочернов.

А вскоре грянул настоящий конфликт. Мальцеву сполна довелось испытать то, через что проходит любой талантливый спортсмен, стоит ему чуть оступиться или «подняться над

толпой». Любимца болельщиков страны и всей советской верхушки, «обожаемого Сашу Мальцева» стали бить не только на льду в прямом смысле, но и в переносном – в высоких инстанциях и в прессе.

Когда я просил ветеранов хоккея рассказать о конкретных причинах гонений на Мальцева, многие не могли сформулировать их, говоря, что и не припомнят, «с чего все и началось». «С конфликта с Юрзиновым? Вряд ли, – отвечали хоккеисты, – это обычные рабочие отношения начинающего тренера с признанным авторитетом». К тому же Юрзинов, еще в 1952 году, по его словам, ставший «юным динамовцем» и получив значок спортобщества, в «Динамо» был до мозга костей своим. В конце концов, именно они с Давыдовым взяли под свою опеку восемнадцатилетнего Сашу Мальцева из Кирово-Чепецка, появившегося в странной и непомерно большой для провинциального мальчишки Москве.

Потом вдруг озарило. Чем больше историй из жизни Мальцева и Харламова вспоминали люди, которые их близко знали, тем больше становилось понятно одно. Эти веселые и жизнерадостные парни, первыми надевшие золотые цепочки во время игр, видные меломаны и модники столицы, люди, перед которыми открывались двери лучших ресторанов и театров, с их яркостью, неординарностью не вписывались в серый «пейзаж советских будней». К тому же и армеец Харламов, и динамовец Мальцев были офицерами, обязанными четко блюсти устав. Говорят, что один из больших начальников, прочитав «отчет» о том, что два хоккеиста «снова прилетели из загранпоездки в новой одежке», раздраженно сказал: «Пусть играют, но пусть не выпендриваются!» Тогда-то все и началось…

Во время одного из перерывов во второй части сезона 1974/75 года, когда у сборной как раз не было турниров, «Динамо» решило отправиться в Швецию на проводимый там Кубок Ахерна. Этот предновогодний турнир был учрежден еще в 1952 году шведским клубом «Юргорден» и газетой «Дагенс нюхетер». Уже в аэропорту «Внуково» в январе 1975 года команда недосчиталась своего капитана. Юрзинов, подождав немного, принял решение лететь на турнир без Мальцева. Тем временем один известный журналист «Комсомольской правды» уже «строчил» негативную статью о хоккеисте на базе «имевшихся у него» заготовок про моральный образ спортсмена. К слову, до этого он был не просто знаком с Мальцевым, а ездил с ним в комсомольские агитбригады и, более того, навещал Александра в больнице, где тот лежал после тяжелой травмы.

«Ничего не случилось…» – так называлось это «Открытое

письмо капитану хоккейного “Динамо” Александру Мальцеву». Корреспондент делал вывод, что опоздание на вылет в Швецию «логично вытекает» из образа жизни нападающего сборной СССР. Дескать, тот стал уделять больше внимания пирушкам, чем хоккею. Настоящей желтой карточкой – строгим предупреждением Мальцеву, «объявленным на весь Советский Союз», заметим, в самой популярной газете страны (!) были заключительные строки этого «письма»: «Не стоит, право, дожидаться очередного звонка. Ведь он, Александр, может оказаться последним. Понимаешь, последним». В советские времена это действительно могло расцениваться как «последнее китайское предупреждение».

«В то время подобным образом, как бы подвергая “публичной порке” заслуженных спортсменов, пытались, кроме того, чтобы повлиять на них самих, еще и воспитать молодых, начинающих игроков, предупредить их, что последствия нарушения дисциплины могут быть самыми серьезными. Исходила такая инициатива из высших партийных инстанций. Дескать, если так поступили с самыми выдающимися людьми спорта, то что же может быть с вами? Лучше даже не рискуйте и не пробуйте. Так что на примере Саши Мальцева показали, что в СССР нет и не может быть неприкасаемых спортсменов», – полагает известный комментатор Владимир Писаревский.

Ветераны спорта потом вспоминали, что после таких эссе в 1937 году хоккеиста бы точно расстреляли или посадили, как в случае с братьями Старостиными. Хорошо, что на дворе был 1975 год, а Мальцев был народным кумиром и любимым игроком Юрия Владимировича Андропова. «Саша остался в Москве. У него, помню, тогда сильно болело колено, а во время игр чемпионата передохнуть было некогда. Он говорил, что хочет отдохнуть в кругу семьи. В общем, он остался в Москве. А Юрзинов решил его наказать. Видимо, жестко, вплоть до отчисления. Чтобы на примере одного из самых выдающихся хоккеистов показать другим, что в его команде не будут прощать нарушителей дисциплины. Так и появилось письмо в “Комсомолке”», – вспоминает Михаил Титов.

Этот случай так разозлил друга Мальцева Валерия Харламова, что в общем-то добродушном и неконфликтном армейце «забурлила» горячая испанская кровь. Пока Мальцев у себя дома отходил от шока, вызванного публикацией «письма-статьи», очернившей его на весь Советский Союз, Валерий Харламов примчался в редакцию «Комсомольской правды» и потребовал организовать встречу с автором публикации и напечатать опровержение. Но было поздно, «маховик порицания»

Мальцева уже был запущен, и руководство «Комсомолки» не смогло уважить просьбу даже такого обожаемого в СССР человека, как Валерий Харламов. «В том письме, конечно, многое журналист выдумал, как говорят, добавил отсебятины, приписав то, чего не было», – вспоминает Игорь Самочернов.

Мальцев сказал руководству, что проспал время вылета, забыв завести будильник. Ситуацию в 1999 году прояснила жена Александра Мальцева Сусанна. «Просто получилось так, что год за годом хоккейные обязанности лишали Сашу общения с семьей на Новый год, хотя у нас уже рос сын. Однажды терпение лопнуло, и он решил сам изменить традицию, – признавалась Сусанна Мальцева в интервью «Советскому спорту». – Во многом спровоцировал этот шаг тогдашний тренер “Динамо” Владимир Юрзинов, который за две недели до злополучного турнира заявил, что ему не нужны звезды, а нужна средняя команда. У них и раньше было достаточно много шероховатостей в общении, а тут представьте себе состояние Саши, когда ему в лицо сказали, что как звезда он не нужен. Средним игроком он никогда не был и не смог бы уже быть. Плюс при Юрзинове они постоянно жили на сборах. В лучшем случае два раза в месяц их отпускали на ночь после игры. И так с сентября по май. А Новый год – это домашний праздник. Но даже несмотря на все это, я тогда была возмущена решением мужа не лететь на турнир, тем более что за этот проступок у него сняли одну звездочку на погонах».

Теперь предоставим слово самому Александру Мальцеву. «Я обращался к Юрзинову с просьбой дать мне передышку. Однако он не разрешил мне пропустить шведский турнир. Тогда я нарочно опоздал на самолет. Журналист, на мой взгляд, специально раздул это дело, сделав из мухи слона. Думаю, что сейчас из-за такого проступка игрока бы просто оштрафовали и ничего бы ему не сказали», – убежден Мальцев. Он крайне тяжело пережил несправедливое, по его мнению, наказание. И пока команда находилась в Швеции, тренировался с мальчишками, чтобы не потерять форму. А потом все вернулось на круги своя.

В том, что Мальцева не убрали из динамовской хоккейной команды, заслуга тогдашнего руководства Центрального совета «Динамо». Да и, честно говоря, кто бы захотел дразнить Юрия Владимировича Андропова, у которого Мальцев, несмотря на его слабости, повторимся, был любимым игроком. «Динамо» выиграло Кубок Ахерна и вернулось в столицу, где спустя несколько дней к команде присоединился и Александр Мальцев. Но обиду на корреспондента он затаил немалую. Потом долгое время с определенным недоверием общался с представителями репортерского цеха. Один из ветеранов отечественной спортивной

журналистики признавался мне, что, даже спустя годы, приходя на какие-нибудь публичные мероприятия, где присутствовал автор той самой разоблачительной заметки, Мальцев, узнавая об этом, тут же разворачивался и уходил восвояси.

«Публикацию того письма в “Комсомолке” в 1975 году и сам Саша, и команда переживали крайне болезненно. Но тогда было такое мнение руководства команды – принять самые жесткие меры по отношению к Саше. Хотя никто не ожидал, что такое может случиться. И само письмо, и сам факт такой публикации. Но, к счастью, он остался в хоккее, сумел найти в себе силы – доказать, что он лучший и является тем стержневым игроком, на котором держится команда», – вспоминает Владимир Полупанов.

Мальцев снова заблистал в чемпионате СССР, принявшись с удвоенной энергией доказывать, что он – лучший. Правда, в сезоне 1974/75 года «Динамо», крайне неудачно начавшее чемпионат, в итоге заняло шестое место. «Во второй половине того чемпионата Саша так заблистал в играх первенства СССР, так повел за собой команду, что нам оставалось кусать локти из-за проваленного старта чемпионата», – вспоминает Михаил Титов.

Скандал с письмом в «Комсомолке» не только не повлиял на популярность Александра Мальцева в СССР, но, наоборот, повысил ее. В советские годы в народе особенно любили гонимых официальной пропагандой. К середине 1970-х годов популярность Мальцева в стране была такой, что некоторые эстрадные исполнители… стали включать в маршрут своих гастролей по стране поездку в Кирово-Чепецк. К тому же руководство химического комбината во главе с Яковом Терещенко всячески поощряло и стимулировало подобные мероприятия. Однажды с концертом в Кирово-Чепецк приехал знаменитый в те годы азербайджанский исполнитель Полад Бюль-Бюль оглы. Он вышел на сцену заполненного под завязку городского Дворца культуры и первым делом спросил: присутствуют ли в зале родители Александра Николаевича Мальцева?

Наступила тишина, и все поняли, что родителей не пригласили на выступление, или они сами не пришли на него. Тогда кто-то из зрителей догадался сбегать за Мальцевыми, благо их дом находится всего в сотне метров от Дворца культуры. Певец несколько раз извинился, однако публика отнюдь не была расстроена, а наоборот, стала терпеливо дожидаться прихода родителей всенародного любимца. Когда Николай Михайлович и Анастасия Степановна скромно появились в зале, пытаясь присесть на приставленные сбоку стулья, двое зрителей под

аплодисменты присутствующих уступили им место в первом ряду. Близкие вспоминают, что родители хоккеиста, которых потом познакомили с известным певцом, долго сокрушались, что невольно доставили организаторам концерта столько хлопот, хотя никто на них конечно же не обижался.

В те годы популярность Александра Мальцева и Валерия Харламова действительно достигла своего апогея. При этом происходили весьма курьезные эпизоды. Как правило, во время отдыха. Как-то раз, дело происходило в середине 1970-х годов, игроки советской сборной СССР с семьями приехали в форелевое хозяйство в окрестностях Пицунды. Несколько игроков вместе с женами направились в местный ресторанчик. Хозяин, как говорят в таких случаях, лицо кавказской национальности, не сразу признал в наших игроках всенародных любимцев. Видимо, из всех видов спорта ему по душе больше была борьба, популярная в тех краях. «Нет у меня ничего, ни мяса, ни рыбы», – отрезал хозяин. «Как же нет, – возмутился Мальцев. – А у них за столом почему есть?»

Хоккеист показал на стол, где высились горы шашлыка, рыбы и напитков, за которым сидели местные «авторитеты», хорошие знакомые директора. Тот улыбнулся, развел руками и что-то сказал про уважаемых людей, которым «накрывают поляны в любое время дня и ночи».

«Тогда Мальцев, ничего не говоря, своей походочкой вразвалочку медленно приблизился к музыкантам, не спеша достал деньги, расплатился, интеллигентно поговорив с ребятами, – рассказывал мне Владимир Шадрин. – Спустя несколько мгновений в ресторане раздалось: “Для местной мафии от лица советских хоккеистов, чемпионов мира исполняется мелодия из кинофильма ‘Крестный отец’. Через несколько минут наш стол начал наполняться изысканными яствами. А Владиславу Третьяку разрешили даже его огромными руками половить форель из пруда».

Но не все местные жители признавали талант великих советских мастеров хоккея с шайбой. Однажды Мальцев, любивший общаться с музыкантами на отдыхе, по обыкновению подошел к ресторанным «лабухам». Он попросил их исполнить песню «Листья желтые». Видимо, местные исполнители были не в духе или просто приняли гостей за «нахальных москалей». Они действительно начали исполнять по просьбе хоккеиста «Листья желтые над городом кружатся»… только на украинском языке, словно издеваясь над ними. Мальцев пошел разбираться, почему эта душевная песня прозвучала не так, как он просил. Видимо, разговор выдался эмоционально сильным и «был полон не только

деепричастными оборотами». Из ресторана чемпионы мира Шадрин, Мальцев, компанию которым составил их друг Савва Ямщиков, выходили спиной к спине, как мушкетеры, приготовив для защиты пустые бутылки из-под шампанского. К счастью, у входа игроков уже ждали друзья на машинах.

Совершенно умопомрачительную байку, которая так и просится быть запечатленной где-нибудь в юмористической передаче «6 кадров», я услышал однажды в компании динамовских хоккеистов-ветеранов. Дело было в середине 1970-х годов в легендарном ресторане «Кавказский аул», популярнейшем месте отдыха между Адлером и Сочи, настоящем райском уголке отдыха с горной речкой и свежим воздухом.

Иногда щедрость местных жителей и чрезмерное гостеприимство руководителей ресторанов надоедали игрокам. То же случилось и с Александром Мальцевым. Бесконечные тосты во славу и здравие, а ему так хотелось побыть одному… Он незаметно вышел из ресторана, присел на стульчик возле одинокого дерева без листьев. И вдруг его осенило. Он достал из кармана брюк пачку сторублевок, которые взял с собой на курорт, и стал развешивать купюры на голых ветках. Благо не было ни ветерка, и эти «денежные листья» не осыпались. Через несколько минут искать пропавшего Мальцева из ресторана вышли хлебосольные хозяева. Подошли и видят «картину маслом»: нежится Александр под солнышком, а рядом на дереве висят сторублевки.

«Саша, что это?» – спросил один из потрясенных аксакалов.

«Да вот, сакура распустилась. Сейчас урожай буду собирать», – невозмутимый, как всегда, когда шутит, ответил Мальцев. Вышедшие следом из ресторана друзья Александра Мальцева чуть не попадали от смеха прямо у порога гостеприимного ресторана…

Веселыми и запоминающимися на десятилетия случались курьезы на южных курортах. На самом деле знакомством с выдающимися хоккеистами непобедимой сборной СССР гордились лучшие люди страны: актеры, деятели искусств, космонавты.

«Среди космонавтов самым преданным поклонником “Динамо” был Павел Попович. Но и Юрия Алексеевича Гагарина часто видели в “Лужниках”. Известно, что хоккей был любимым видом спорта нашего космонавта номер один», – признается Виталий Давыдов.

Еще раньше, когда хоккейные игры проводились на воздухе, а не в закрытых помещениях, и на трибунах негде было яблоку упасть, на хоккей любили приходить всенародные любимцы:

актеры Борис Андреев, Николай Рыбников и другие. Виталий Давыдов рассказывал автору этих строк, что еще застал те времена, когда легендарный артист Николай Крючков, ярый болельщик «Спартака», в лютый мороз приходил на стадион «Динамо», задолго до начала матча, чтобы занять место у самого бортика, скромно, в ожидании игры, сидел на корточках. Игрой Мальцева и Харламова восхищался «Штирлиц» – легендарный актер Вячеслав Тихонов, болельщик тоже, кстати, московского «Спартака». В архиве Мальцева есть один запоминающийся фотоснимок – три всенародных любимца тех лет: Тихонов, Мальцев и Харламов, одетые в элегантные костюмы с иголочки, в 1978 году рассматривают какой-то буклет на одной из старинных площадей Праги.

В начале 1970-х годов частым гостем на динамовской базе и на сборах национальной команды был Владимир Семенович Высоцкий. Приезжал после спектаклей в Театре на Таганке, хоть и уставший, честно пел песни в кругу хоккеистов, рассказывал истории из своей жизни. По словам Мальцева, он общался с Высоцким с конца 1960-х годов и уже тогда понял величие таланта Владимира Семеновича. Вместе с Валерием Харламовым они старались не пропустить ни одной премьеры в любимовском Театре на Таганке, гремевшем в те годы на всю Москву. «Высоцкий, Хмельницкий, Смирнитский – это были наши с Валерой лучшие друзья из артистического мира», – вспоминает Александр Николаевич те годы с хитрой улыбкой на лице, заверяя, что поводы для встреч с этими уже легендарными людьми у них были радостными, а время, проводимое вместе в компаниях с ними, беззаботным.

Любил бывать на динамовской базе в 1970-х годах тогда еще начинающий юморист Евгений Петросян. Пытался рассмешить уставших хоккеистов. Ветераны говорят, что получалось. Но настоящий фурор производили приезды в Новогорск легендарного актера Евгения Павловича Леонова. «В 1970-е годы, когда я работал начальником динамовской команды, хоккеисты постоянно просили меня привезти к ним Леонова. Большой души был человек, оптимист, весельчак, прекрасный рассказчик, царствие ему небесное, – вспоминает друг и старший товарищ Мальцева Виталий Давыдов. – Помню, встречаю его после спектакля и везу на базу. Хотя скоро предстоит отбой, хоккеисты сидят и нетерпеливо ждут представления, уже потирая руки от предстоящего удовольствия. Знают, что наш выдающийся актер будет опять разыгрывать сценки, рассказывать смешные истории. Он действительно блистает и умудряется заворожить своей простотой. И вот наступает кульминация его выступления, то,

чего так ждут все ребята. Леонов, нахмурившись, показывает Доцента из “Джентльменов удачи”, разводит пальцами в сторону и говорит: “Цыц, моргалы выколю”. Тут хоккеисты и вовсе со смеху падали со стульев. Любил он на базе попариться в нашей баньке. После его довольного уже за полночь отвозили на нашей служебной машине домой в Москву».

Позже Евгений Леонов стал настоящим талисманом советской сборной. Ветераны команды вспоминают, что великий актер, в жизни простой и обаятельный человек, во время своих приездов в расположение сборной настолько поднимал настроение игрокам, что накануне решающих матчей им не требовалось дополнительных установок от тренеров. Как-то он, в очередной приезд на базу сборной СССР, заканчивая свое выступление, сказал: «Завидую я вам, ребята. Сколько у вас болельщиков! Вот я народный артист, а разве можно мою популярность сравнить с вашей?» – «Можно, – ответил кто-то из хоккеистов. – Еще как! Если вы сыграете роль тренера хоккейной сборной СССР, тогда точно всех затмите». И Леонов с хоккеистами дружно рассмеялись.

На базу в Новогорск из соседних Химок часто приезжал киномеханик с пленками – хоккеисты старались не пропустить ни одной громкой кинопремьеры. В 1960– 1980-е годы игровые команды сильно дружили с театральными коллективами. Особенно доверительные отношения установились у динамовских игроков с труппой Театра имени Вахтангова. Самым заядлым болельщиком «Динамо» был директор театра по фамилии Спектор. Игру в хоккей любили Ульянов, Этуш, Яковлев, Шалевич, Гриценко. Последнего динамовские ветераны и по сей день вспоминают с особенной теплотой. Николаю Олимпиевичу Гриценко в театре удавались все роли: от величайшей трагедии до искрометной комедии. Его называли «театром в театре» и гением при жизни. Про Гриценко говорили, что он не просто перевоплощается в другого человека, а как бы впускает его в себя. На гастролях в Греции потрясенная публика так и не поверила, что потешного толстяка Тарталью, метущегося Протасова и праведника Мышкина сыграл один и тот же актер – Гриценко. Преданный динамовский болельщик, в кино он запомнился исполнением роли немецкого генерала из «Семнадцати мгновений весны», Рощина в «Хождении по мукам» и многих других. Хоккеисты не пропускали ни одной премьеры с участием этого талантливого актера, скончавшегося в 1979 году в психиатрической клинике. Однажды динамовские хоккеисты сидели на премьере одного из спектаклей Театра имени Вахтангова рядом с мамой актера. Уже прошло полтора акта, а

она никак не могла понять, когда же выйдет на сцену ее сын, задействованный, между прочим, в главной роли – так хорошо он «перевоплотился».

Хоккеистов на крупнейших турнирах всегда сопровождала внушительная группа поддержки – лучшие юмористы, артисты, певцы. «Где мы только не были… После матча мои друзья-хоккеисты во главе с Сашкой Мальцевым усаживались за столы, а к ним выходила наша “банда”. Покойный Евгений Мартынов как затянет “Яблони в цвету”… Из всех щелей к нам начинали подтягиваться финны, шведы, канадцы: “Что происходит?” Они поздно вечером доедали кашу, а тут вдруг у русских какой-то шабаш! Это был замечательный допинг для команды», – вспоминал Александр Ширвиндт[21].

Мальцев крепко дружил с игроком киевского «Динамо» и сборной СССР по футболу 1970– 1980-х годов Леонидом Буряком. Казалось бы, что связывало этих двух совершенно разных игроков, футболиста и хоккеиста, одного из Киева, другого из Москвы, живших за тысячу километров друг от друга. Тем не менее их дружба была крепкой. Буряк родился в Одессе. Был неисправимым весельчаком и балагуром, но в то же время оставался простым и скромным человеком, как и Мальцев. Сусанна и Александр летали к Буряку в Одессу, хотя возможность выкроить время для общения у представителей летнего и зимнего видов спорта, живущих на значительном отдалении друг от друга, представлялась редко.

Близкие Мальцева подчеркивают, насколько легко при его внешней молчаливости и замкнутости Александр Николаевич сходился с представителями совершенно непохожих друг на друга сфер жизни и искусства. Так, например, Мальцевы дружили с популярным в 1970– 1980-х годах певцом из Эстонии Яаком Йоалой, ездили по его приглашению отдыхать в Таллин.

«Друзья и приятели у Александра Николаевича были и из мира эстрады, и из театра и балета. Они легко сходились с Сашей, сначала даже не зная, что его тещей является Сюзанна Николаевна Звягина, которая пользовалась огромным авторитетом в Большом, – вспоминает Сергей Мальцев. – Саша поддерживал приятельские отношения с Михаилом Кокшеновым и Геннадием Хазановым, с одной стороны, дружил с Татьяной Дорониной, Майей Плисецкой, Васильевым и Максимовой – с другой. Бытует ошибочное мнение, что Александр Николаевич – этакий рубаха-парень, который только и делал, что “представлялся” знаменитостям. Это в корне ошибочное мнение. Саша никогда не любил светиться на публике, не признавал, как сейчас говорят, атмосферу элитных тусовок. Для него гораздо

комфортнее было посидеть с товарищами, земляками. Да, у него было много приятелей из мира тогдашней московской богемы, но он не панибратствовал с кем попало, а сходился с людьми, которые были близки ему по духу, прежде всего с теми, кто достиг успеха благодаря своему труду и таланту, как и он».

«Сашу все в сборной СССР любили. На него никто никогда не держал зла. На Сашу вообще трудно было обижаться, – вспоминал Александр Якушев. – Нельзя сказать, что он раздаривал свою дружбу всем, кто с ним хотел пообщаться. Он был разборчив в дружбе». «Саша был общительный, компанейский человек, который мог и любил пошутить. Но он всегда соблюдал определенную дистанцию. Он не особенно допускал к себе не знакомых ему людей, пусть и знаменитых. Тех, кого он знал и любил, с теми был открытым и искренним. С ним и Харламовым всегда можно было общаться, но существовали определенные границы, за которые в разговоре с ними заходить было уже некорректно», – вспоминает телекомментатор Владимир Писаревский.

По признанию близко знавших его людей, Мальцев показывал, что ему больше по душе общаться с простыми, человечными личностями, чем с напыщенными знаменитостями. «В годы нашей молодости было в Советском Союзе выражение “наш человек”. Так называли надежного, порядочного парня, с которым бы хотелось пойти в разведку. Так вот, Саша Мальцев был стопроцентно – наш человек», – признается Борис Михайлов.

Несмотря на осознание своей звездности, понимание того, что он лучший из лучших, в жизни хоккеист действительно оставался все тем же Сашей Мальцевым, остроумным, компанейским парнем. В 1970-е годы главная молодежная газета Советского Союза «Комсомольская правда» придумала по весне направлять на передовые стройки для общения с молодыми ребятами группы знаменитых артистов, выдающихся спортсменов, хотя пробивать такие авиарейсы по тем временам было невероятно трудно.

Это было время настоящей молодежной романтики. Тысячи молодых ребят срывались с насиженных мест в крупных «удушливых городах» в неуют и холод комсомольских строек, таких, например, как БАМ, в погоне за чем-то куда более светлым и возвышенным, чем материальные блага. Их тянуло не только к перемене мест, но и к перемене шкалы ценностей, хотя некоторые укоряли их – мол, погнались за длинным рублем. Самые популярные люди страны, которых чаще можно было видеть по телевизору, направлялись в такие поездки искренне, как говорится, по зову сердца, ехали, чтобы отдать нечто вроде долга

тем людям, которые пахали на этих крупнейших стройках от зари и до заката.

Мальцев участвовал в таких поездках, ездил и на БАМ, в настоящую сибирскую глухомань, куда можно было добраться только вертолетом, и то при условии летной погоды, которой можно было ждать по нескольку дней. В воинских частях, заводских клубах, студенческих общежитиях залы, где появлялся хоккеист со своими товарищами, набивались битком. Для простых людей было главным узнать, действительно ли хоккейное умение этих талантов совпадает с чисто человеческими качествами, то, насколько знаменитости так же хороши в жизни, как на льду. «Эти известные люди ехали с нами в эти командировки, зная, что их ждут бесчисленные переезды, остановки в холодных гостиничных номерах с треснувшими кроватями. И совсем небольшие суточные, – вспоминает тогдашний корреспондент «Комсомолки», ныне президент Федерации спортивных журналистов России Николай Долгополов. – Постоянным членом таких агитбригад был Саша Мальцев, который после окончания хоккейного сезона в апреле – мае непременно направлялся в подобные поездки, так, что впору было выдавать ему удостоверение спецкора “Комсомольской правды”».

С собой в поездку Мальцев всегда брал кипу хоккейных клюшек, драгоценных в те годы всеобщего дефицита. Причем клюшки он начинал раздавать узнавшим его пассажирам прямо на борту самолета – Мальцев редко кому отказывал. Потом он подписывал и раздаривал эти клюшки во время своих выступлений. «Навыкам Цицерона не обученный, Александр Мальцев мог держать зал часами. Ему кипами посылали записки, и он старательно, негромким своим говорком отвечал на них с полной, невиданной в ту пору откровенностью. Точно: эта искренность и сделала его любимым. Посмотреть на Сашу приезжали, не вру, за сотни километров. Однажды он чуть не час раздавал автографы группе темнолицых казахов, прибывших на своем открытом грузовике из какого-то аула. Мы пытались вырвать его из добрых, но каких же цепких рук, а Мальцев воспротивился: “Нет-нет, народ вон какой приехал, как я могу уйти. Клюшек не осталось?”» – рассказывает Николай Долгополов.

В этом и состоит секрет мальцевского обаяния. «Некоторые считают его беззаботным весельчаком. То не маска. Он и есть весельчак. Однако весельчак думающий, взвешивающий свои дела, много успевший. Послушно откликавшийся сотням хорошо и не особенно хорошо знакомых людей на “Привет, Саша!

Здорово, Шурик!”, он и не собирался ограничивать жизнь бортиками узковатой хоккейной площадки, – признается Долгополов. – Дослужился до полковника пограничных войск. И в какую бы точку Советского Союза ни забрасывали его судьба и хоккей, каждый вечер спешил к телефону: как там жена и маленький сын?»

Потому сотни, тысячи людей, которым посчастливилось общаться с Мальцевым на комсомольских стройках или в воинских частях, до сих пор помнят не только великого чемпиона, но и простого, искреннего человека, «такого же парня», как и они сами.

Глава четырнадцатая
СЕРЕДИНА 1970-х. КРИЗИС В СБОРНОЙ. МАЛЬЦЕВ ИГРАЕТ ЗА ЦСКА

На свою вторую Олимпиаду, которая проводилась в феврале 1976 года в австрийском Инсбруке, советская хоккейная сборная направилась за победой, а Александр Мальцев – за вторым золотом.

За год до этого сборная СССР, уже под руководством Кулагина и Локтева, провела как никогда мощно чемпионат мира в Мюнхене. Этот турнир последний раз разыгрывался по схеме, когда шесть команд проводили по два матча друг с другом. Советские игроки дважды победили команду ЧССР, оба матча с разницей в три шайбы – 5:2 и 4:1, а также шведов – 4:1 и 13:4. Александр Мальцев, в очередной раз ставший чемпионом мира, принял участие во всех десяти встречах сборной, забросив 8 шайб и сделав 6 результативных передач.

В сезоне 1974/75 года во время игры с ЦСКА на чемпионате СССР Александра Мальцева сильно припечатали к борту. Удар пришелся в спину. Последствия этой травмы Мальцев ощущал еще очень долго.

За годы, проведенные на ледовой площадке, на долю Мальцева выпало столько травм, что, образно говоря, не осталось «живого места» на его теле. По этому безрадостному показателю его с Харламовым, наверное, и сейчас трудно догнать. Разгадка в общем-то проста. Техничных и изворотливых Мальцева и Харламова было трудно сдержать в рамках правил, и тем чаще против них в ход шли запрещенные средства, а подчас и откровенно хамские приемы. Случались и такие травмы, после которых в спорт и особенно в хоккей уже, как правило, не возвращаются. Но Мальцев неизменно возвращался и снова был одним из лучших на льду!

«Самыми страшными для меня были игры, когда я не мог действовать в полную силу, сделать все, на что способен. Например после травмы. Болельщики, знаю, ждут от меня тех маленьких шедевров, ради которых они пришли во Дворец спорта. А я бессилен. Это, если хотите, маленькая трагедия», – говорил Мальцев в одном из интервью в конце 1990-х годов.

До середины 1970-х годов серьезные травмы обходили Мальцева стороной, несмотря на то, что ему неоднократно

приходилось скрещивать клюшки с канадскими профессионалами, грубая игра которых к тому времени стала притчей во языцех. Несколько раз нещадно «ломали» его лучшего друга Валерия Харламова, а Мальцев тем временем практически не пропускал игр сборной, продолжая идти к рекордным в истории советского хоккея статистическим показателям. Но не зря говорят на Руси: пришла беда, отворяй ворота. Для хоккеиста нет ничего обиднее, чем получить травму не в схватке на пятачке у ворот и не в столкновении у бортика, а вне льда и не по своей вине. «Играл вроде бы нормально, и черные мысли в голову не лезли. Но досадный случай мог сыграть свою роковую роль», – признается Александр Мальцев.

Анализируя травмы, полученные им за долгие годы хоккейной карьеры, поражаешься, сколько из них было получено при нелепых, а значит, и вдвойне обидных обстоятельствах. Первым звоночком стал глупейший перелом кисти, когда в начале 1970-х Александр Мальцев в составе одной из комсомольских агитбригад отправился в поездку на очередную всесоюзную молодежную стройку. Оттуда он вернулся с гипсом на руке. Прямо как Семен Семеныч из «Бриллиантовой руки» от контрабандистов. «Ерунда, бандитская пуля», – улыбался Мальцев, пародируя героя другого легендарного фильма.

Травма была нелепее не придумаешь. Во время экскурсии на один из комбинатов хоккеист случайно облокотился на кузов «КамАЗа». Водитель машины, подходя к ней с другой стороны, вдруг резко хлопнул дверью грузовика. Мальцев с его потрясающей хоккейной реакцией успел убрать кисть руки, но дверца прищемила указательный палец. Так рука игрока на пару недель оказалась в гипсе.

Однажды Мальцев пострадал по вине врачей. В конце 1970-х ему неудачно вырезали аппендицит. Вот как вспоминает этот эпизод друг Мальцева, Михаил Титов: «После того как ему вырезали аппендицит, у Саши начались большие проблемы. Операция, которую сделал ему один из известных московских хирургов, оказалась крайне неудачной. Саша выписался из больницы, а выглядел хуже прежнего. У него постоянно держалась высокая температура, к тому же сильно воспалилось и загноилось то место, где был разрезан живот. Никто не понимал, в чем дело. Когда врачи провели повторную операцию, выяснилось, что во время предыдущего хирургического вмешательства врачи забыли вынуть салфетку, которая по чьей-то ошибке осталась внутри живота. И надо же, такой исключительный случай произошел не с кем-нибудь, а с Сашей, который из-за этого не полетел на крупный турнир». Эта ошибка

медиков стоила Мальцеву пропущенных чемпионата мира в Москве и Кубка вызова в 1979 году.

Совсем нелепый эпизод, который на несколько недель отлучил Мальцева от хоккея, случился на тренировке динамовцев в 1975 году. Свой же защитник Михаил Алексеенко, когда Мальцев принимал шайбу, въехал в него сзади на полном ходу. В результате: травма позвоночника, раздробление кости, тяжелейшая операция. Был сильно поврежден шейный позвонок, и хоккеист долгое время лежал на вытяжке. Вдвойне обиднее было получить такую травму от своего же партнера, в обычной игровой ситуации, который делал это движение неумышленно и потом постоянно корил себя, что «сломал Сашу Мальцева». Причем случилась эта неприятность, когда хоккейный сезон набирал обороты – осенью 1975 года. (Кстати, про Алексеенко динамовские болельщики говорили, что когда он начинает свою могучую обводку, которой практически не владел, это напоминает заход на посадку крупного бомбардировщика.)

Все, кто тогда приезжал навестить Мальцева в госпиталь КГБ СССР на северо-западе Москвы, где игрок проходил долгий курс лечения, поражались его неисправимому оптимизму. Лежа на специальной кровати-растяжке, он постоянно говорил о предстоящих весной Олимпиаде и чемпионате мира, где обязательно должен выступить. И ведь сыграл! Постоянно расспрашивал гостей о том, как смотрится без него родное «Динамо». «В те так долго тянувшиеся дни наибольшие неприятности вызывали не физическая боль и сомнения, как долго я буду находиться в госпитале, а осознаваемая необходимость вскоре все начинать сначала, чтобы зрители и соперники поскорей забыли о моем долгом отсутствии на льду», – вспоминает Александр Мальцев.

В сезоне 1975/76 года перед Олимпиадой и чемпионатом мира в Польше травмы преследовали Александра Мальцева одна за другой. Из-за них он трижды за три месяца выбывал из строя. В том же 1975 году из-за проблем со спиной тренироваться начал только за несколько дней до начала всесоюзного первенства. «Травм в тот год было как никогда много: и у динамовцев, и у игроков сборной. Понятное дело, что нервничали мы, еще больше нервничали тренеры. Ничего хорошего из этого не получилось. Мы проиграли тот чемпионат. А мои беды на этом не закончились. В Польше я сломал ключицу», – вспоминает Александр Мальцев.

Из-за проблем со здоровьем (серьезнейшие травмы, аппендицит) Александр Мальцев пропустил два чемпионата мира и упомянутый Кубок вызова 1979 года, не говоря уже о других

турнирах рангом поменьше.

В 1975 году уже известный читателю по скандалу в «Лужниках» во время Суперсерии-1972 Алан Иглсон, который продолжал оставаться одним из руководителей профессионального хоккея Канады, предложил главе Международной лиги хоккея на льду Гюнтеру Сабецки проводить соревнования с участием сильнейших команд мира, включая сборную канадских профессионалов. Так появился на свет Кубок Канады. Для его проведения выбрали сентябрь каждого олимпийского года. Так чтобы учесть интересы и клубов НХЛ, и любительских команд Европы. В турнире с тех пор постоянно участвовали шесть сильнейших команд мира, а преимущественное право постоянного участия всегда имели Канада и США.

На розыгрыш первого Кубка Канады сборная СССР поехала в ослабленном составе, без ряда ведущих игроков. «Нагрузки в тот год на лидеров сборной выпали колоссальные. Пожалуй, впервые я ощутил такую усталость, играя за сборную уже семь лет, – вспоминает Александр Мальцев. – Не скрою, мне хотелось остаться в Москве, чтобы подлечить старые болячки, но против воли тренеров не пойдешь. Честно говоря, ехали за океан, понимая, что против сильных чехов и хорошо мотивированных канадцев нам, без ряда наших звезд, не особо сыгранным, ничего не светит».

Из твердых игроков основы сборной в тогдашнем Кубке Канады принимали участие: Третьяк, Васильев, Гусев, Лутченко, Мальцев, Викулов, Лебедев. Большинство команды составляли новички, включая будущую легенду латвийского хоккея, талантливого рижанина Хельмута Балдериса, который считался одним из самых скоростных игроков в мире, и армейца Виктора Жлуктова, который покорил канадцев, когда во встрече с финнами забросил четыре шайбы. Талант рижского динамовца Балдериса, позже перешедшего в ЦСКА, в полной мере раскроется в 1977–1978 годах, когда он станет лучшим бомбардиром и лучшим игроком чемпионата СССР. Принял участие в канадской серии и земляк Мальцева Владимир Крикунов, будущий наставник сборной СССР на Олимпийских играх в Турине 2006 года.

Тот Кубок Канады советская сборная не выиграла. В соревновании шести команд в сентябре 1976 года советские хоккеисты победили в двух матчах, с Финляндией 11:3 и США 5:0, разошлись мирно со шведами 3:3, проиграли звездной команде ЧССР 3:5 и канадцам 1:3 и, таким образом, оказались вне финальной игры. На турнире Александр Мальцев забросил три

шайбы. Но на этом, проигранном Кубке Канады 1976 года Мальцев вошел в символическую сборную этого турнира, что, безусловно, говорило о восхищении его игрой консервативных и субъективных к чужакам канадских специалистов.

Любопытный эпизод произошел в Торонто, где проводилась пятая игра. Организаторы Кубка устроили небольшое ледовое шоу: лучшие игроки команд соревновались в индивидуальном мастерстве. От советской команды на лед вышли Третьяк, Мальцев, Шалимов. Они успешно выступили в своих состязаниях. Третьяк выиграл мини-состязание на непробиваемость вратарей. Мальцев – на точность броска. Но все огромные по тем временам призовые, которые заработали советские хоккеисты, по действовавшему в СССР положению, сдали администратору сборной. Уже в Москве Третьяку из выигранных им 15 тысяч долларов (!) выдали в кассе 399, а Мальцеву и вовсе на 100 долларов меньше.

1976 год действительно оказался чрезвычайно насыщенным для игроков сборной, вместив Кубок Канады, чемпионат мира в Катовице, а также Олимпиаду в Инсбруке. Этот турнир в феврале 1976 года начался с предварительного раунда, в котором команды, разделившись на пары, сыграли по одной встрече. Затем, уже с участием олимпийских чемпионов – сборной СССР, турнир прошел по круговой системе. В дебютной встрече команда СССР «не пожалела» австрийцев, разгромив их со счетом 16:3. Мальцев отметился в этом матче двумя заброшенными шайбами. По разу отличился он в следующей игре с американцами, выигранной со счетом 6:2, а также в поединках с командами Польши (16:1) и ФРГ (7:3). В предпоследнем матче советская команда победила финнов со счетом 7:2, а Мальцев отметился двумя забитыми голами.

Таким образом, сборная СССР, одержав победы во всех предыдущих встречах, перед матчем со своим главным конкурентом, сборной Чехословакии, имела преимущество в два очка. Чехи, извечные соперники советской команды, подошли к поединку со сборной СССР с двумя ничьими в пассиве, и теперь их устраивала только победа, в то время как советским хоккеистам достаточно было и ничьей. Этот матч вошел в хоккейную историю как один из самых волнительных и интересных поединков с участием сборной СССР, о котором до сих пор с восхищением вспоминают наблюдавшие его болельщики.

На Олимпиаде Александр Мальцев играл в тройке с Виктором Жлуктовым. Спустя годы в одном из интервью Жлуктов, особо отмечая выступление в Инсбруке, признавался: «Меня удивляло

его, Саши, доброжелательное отношение к молодым. Кроме того, он ведь всегда мог забить сам, но голевой пас ценил больше! В этом отношении Мальцеву равных не было. Я вообще здесь могу поставить его на одну ступень разве что с армейцами Фирсовым и Викуловым»[22].

На сборную ЧССР до начала Олимпиады обрушилась эпидемия гриппа, хотя перед турниром всем игрокам сделали прививки от этого заболевания. Владимир Мартинец вспоминал, что он и Богумил Штясны отказались от инъекции и были единственными, кто не заболел. «С утра сборная валялась в кроватях, мы с Богумилом разносили горячий чай, а вечером все поднимались и отправлялись на игру», – вспоминал Мартинец.

Вдобавок за два тура до финиша получил травму основной голкипер соперников Иржи Црха и, таким образом, команда ЧССР осталась с одним вратарем Иржи Холечеком в составе. Но и у того в день игры произошло несчастье: температура у голкипера поднялась до 40 градусов. Но на этом беды оппонентов сборной СССР не закончились. По окончании матча с поляками у капитана команды Франтишека Поспишила в ходе медицинской проверки был обнаружен допинг, и его отстранили от игр. «Поспишил просто лечился интенсивнее других, потому что у него был страшный насморк. Из-за лекарства от него он эту дисквалификацию и схлопотал», – добавляет Владимир Мартинец.

Однако чехословацкие хоккеисты не собирались сдаваться и в матче со сборной СССР взяли с места в карьер. После обидной ошибки защитника Александра Гусева, отбросившего шайбу на клюшку соперника, чехи повели со счетом 1:0. Первый период совершенно не принес радости советским спортсменам. В обоюдоострых атаках больше преуспел противник. Иван Глинка, будущий тренер омского «Авангарда», трагически погибший в автокатастрофе возле Карловых Вар в 2004 году, перед первым перерывом сделал счет 2:0.

Неужели великая сборная СССР, которая побеждала на трех предыдущих Олимпиадах в 1964, 1968 и 1972 годах, сложит с себя чемпионские полномочия? В перерыве в раздевалке советской команды состоялся серьезный мужской разговор, и хоккеисты выходили продолжать игру с таким настроем, что казалось, вот-вот и от их неуемного рвения расплавится лед. Но тут хоккейная фортуна подготовила сборной СССР самое тяжелое испытание за все время турнира: советские хоккеисты остались в меньшинстве – втроем против пятерых соперников. Да еще почти на целых две минуты. Чехи поняли, что если сейчас они забьют третью шайбу, тогда их будет уже практически не догнать.

Тройка хоккеистов сборной СССР и Владислав Третьяк сдерживали тяжелейший штурм игроков сборной Чехословакии, не покидая своей зоны. Это был ключевой отрезок игры, который наконец-то мог открыть путь в олимпийские чемпионы для хоккеистов противника. «Среди всех моих игр, проведенных на четырех Олимпиадах, особняком, конечно, стоит встреча с чехами в Инсбруке. Этот матч мне больше всех запомнился. Самый тяжелый был, – вспоминает многолетний товарищ Мальцева по сборной Владислав Третьяк. – В 1976-м мы в Инсбрук приехали, а там разговоры: ну кого там побеждать, если вы Канаду легко обыгрываете, самих профессионалов. Нам всем уже золотые медали на шеи заранее повесили. А тут еще чехословаки с допингом попались, они ходили и умоляли: не забивайте нам много, мы все больные, с гриппом. Мы думали: ну кого там действительно побеждать? И выйдя против нас, эти самые чехословаки как дали нам прикурить!»

«Когда мы проигрывали им 2:0 в первом периоде и остались втроем против пятерых, запахло жареным. На льду были Юра Ляпкин, Геннадий Цыганков, Володя Шадрин и я. Мы вчетвером эти проклятые две минуты стояли и зубами ловили все эти шайбы, потому что не хотели уступать. Это была для многих из нашей сборной самая памятная игра – самый, наверное, тяжелый в жизни первый период. И когда мы выиграли, я просто был безумно счастлив», – вспоминал в беседе с автором этих строк Владислав Третьяк.

Выбор Кулагина на этот решающий отрезок был несколько неожиданным. Обычно он давал сыграть в такие минуты Михайлову, Харламову. «Когда мы вчетвером вышли на лед, то вспомнилось выражение: “Позади Москва…” Отступать было действительно некуда, – признавался мне Владимир Шадрин. – И прав Владислав, когда говорит о том, что мы буквально вгрызались в шайбы. Ситуация была наисложнейшая. Две минуты выстоять без замен против искусных чехов, тем более когда в защите у них были Махач и Поспишил, игроки с самым мощным броском… Там не то что грудь под бросок, а просто ложиться под шайбу страшно было. Да, оказалось, этого и не надо. Нашей задачей было создать у нападающих команды ЧССР иллюзию, что они путем перепасовки могут соорудить более выгодный голевой момент. Главное, было играть просто и надежно. Помню, как после окончания этих, казавшихся вечностью минут я ехал на скамейку запасных, жадно глотая воздух».

Есть такое выражение – умирать на площадке. Так с большим уважением говорят о хоккеистах, которые, не щадя себя, ложатся под убойные броски, распластавшись на льду, перекрывают

направления возможных атак противника. Трое полевых игроков оказались настолько обессиленными, что, вернувшись на скамейку запасных, нюхали нашатырь, чтобы не потерять сознание.

Теперь советских спортсменов было не узнать. Окрыленная сборная СССР обрушила на сборную Чехословакии всю свою мощь и заперла соперника вблизи его ворот. Владимир Шадрин на третьей минуте второго отрезка забил первую ответную шайбу, а затем Владимир Петров в середине периода забросил вторую, сравняв счет. Соперник сломлен и дрогнул? Однако команда ЧССР олимпийского созыва 1976 года оказывается крепким орешком. За восемь минут до конца третьего периода в ворота Третьяка влетает третья шайба, и противник опять вырывается вперед, ведя со счетом 3:2. И вот, когда казалось, что удача отворачивается от сборной СССР, проявился легендарный русский характер. Загнав себя в угол, советские хоккеисты умудрились не только отыграться, но и дожать противника.

В этом матче произошел еще один эпизод, который надолго запомнился любителям хоккея. В тот отрезок встречи, когда сборная СССР находилась в численном меньшинстве, Евгений Мишаков проделал уникальный трюк. Подхватив шайбу в своей зоне, он подсек ее, чтобы она оказалась на клюшке, и поехал с ней вперед, вдоль бортика, подняв клюшку с шайбой на уровне пояса. Опешившие чехи сначала просто остановились, а когда погнались за Мишаковым, пытаясь ударить по клюшке, чтобы шайба упала на лед, игрок умело укрыл ее от противника корпусом. Таким образом, Евгений Мишаков пробежал от борта по всему периметру площадки, «убив» время в кульминационном отрезке игры. После подобный трюк в матчах смог повторить только Владимир Петров.

За четыре минуты до конца встречи Александр Якушев сравнял счет, а в самой концовке встречи Валерий Харламов, сделав несколько финтов, красивым кистевым броском забил победный гол, тем самым подведя черту под блистательным выступлением советских хоккеистов на Олимпиаде в Инсбруке: во всех, без исключения, встречах были одержаны победы с общей разницей «плюс 42 шайбы». Александр Мальцев забросил семь шайб, а лучшим бомбардиром стал его друг Владимир Шадрин с десятью шайбами.

За победу в Инсбруке хоккеисты сборной получили по 600 долларов призовых. Как говорится, курам на смех, если сравнивать с теми гонорарами, которыми сегодня щедро задаривают победителей и призеров Олимпиад.

Ликованию советского народа в те минуты не было предела!

После этой игры с чехами тысячи мальчишек ринулись записываться в хоккейные секции, а многие девчонки решили стать фигуристками, чтобы получить возможность кататься на коньках.

С годами количество сборов и турниров в карьере Александра Мальцева все больше возрастало. И он действительно тяготился тем, что не может больше времени уделять жене с малолетним сыном. Все реже Александр мог вырваться в родительский дом в Кирово-Чепецке, но в коротком расписании отпуска непременно выкраивал несколько дней, чтобы побывать на своей любимой малой родине.

Приезжая в Кирово-Чепецк, сразу же после визитов на химкомбинат, к руководству города, Александр Мальцев, сбросив с себя официальную одежду, устремлялся на природу. Чаще получалось, что он приезжал в июне – июле. На Вятке в это время стояла прекрасная погода. «Однажды в середине 1970-х годов он приехал в тридцатиградусную жару, и мы, выехав на рыбалку, заночевали прямо на песке. Помню, какое великолепное у него было настроение. Сборная СССР опять стала чемпионом мира. Он прибыл домой подышать свежим, таким родным воздухом. Саша сильно любит природу. Это его стихия. Именно в этих условиях у него пробуждалось чувство расслабленности, – говорит друг Мальцева Виктор Перетягин. – Саша очень любил сесть за руль небольшого катера “Крым”, который был в нашей семье. Для него и для нас, его друзей, это был целый ритуал. Мы подъезжали к лодочной станции “Олимпии”, где Мальцева и нашу компанию уже ждал у мостика катер. Саша под аплодисменты и радостные возгласы друзей сразу же садился за штурвал».

«Итак, я за рулем. Слушай мою команду!” – шутливо командовал Мальцев, и катер брал направление к облюбованному малолюдному песчаному пляжу на реке Вятка. Но один раз Мальцев решил поехать на речку Чепцы, впадающую в Вятку. Перетягин возразил: “Саша, у меня мало бензина”. “Ерунда, по дороге заправимся”, – сказал Мальцев с таким деловым видом, будто по пути на реке было несколько заправок, обслуживающих катера. Потом рассмеялся.

Подъезжаем к берегу, Мальцев с таким же серьезным выражением лица, и опять, будто ведет автомобиль, а не обычный речной катер, восклицает: “Что за дела, где тут у тебя тормоз?” К берегу мы все-таки подъехали, и тут я наконец-то спрашиваю, пользуясь тем, что отвлекать Мальцева в эту минуту уже можно: “Саша, зачем ты в это место приехал?” – “Как зачем? – невозмутимо отвечает Мальцев с уверенным видом. – Грибы собирать”. Я хватаюсь за голову и задаю ему еще один вопрос:

“Какие грибы в тридцатиградусную жару да еще в этом прибрежном месте?” – продолжает Виктор Перетягин. Мальцев, ничуть не сомневаясь, как Петр Первый на знаменитой картине, уверенными шагами идет в неизвестность, при этом замечая: “Я просто по лесочку хочу прогуляться. Может быть, и грибочков найду”. Наша компания разделяется. Я бегу на катер, беру ведерочко и иду в одно знакомое мне место, где когда-то однажды действительно собирал грибы. Саша же идет в лесочек вместе со своим однофамильцем Вениамином Мальцевым и Анатолием Быковым по прозвищу “Граф”».

Тут необходимо сделать небольшое отступление. Анатолий Быков, с детства получивший прозвище «Граф» за элегантность и манеру модно одеваться, в масштабах Кирово-Чепецка – личность легендарная. Родился в 1937 году в Ленинграде, потерял родителей, перед блокадой вместе с другими детдомовцами был эвакуирован в Кировскую область. Позже его усыновила директор одной из кирово-чепецких школ. Похожий на Пушкина, красивый, черноволосый, кудрявый «Граф» даже снялся у Марка Донского в фильме «Фома Гордеев», правда, в небольшой роли.

«У Толи есть одно ценное качество. Он любит людей, и все отвечают ему взаимностью. Трудно теперь сказать, когда Александр Николаевич познакомился с Толей. Возможно, когда вместе воровали морковку с грядок. Шучу», – смеется Виктор Перетягин.

«Граф» был настоящей достопримечательностью Кирово-Чепецка в 1960-е годы. В промышленном, далеком от культурных поветрий и модных течений, наконец, закрытом оборонном городе он умудрился стать… первым стилягой. Мальцев никогда не забывал привозить своему другу подарки из заграничных турне. Однажды во времена диктата суровой советской морали, когда джинсы в СССР еще были под запретом, Александр Мальцев привез «Графу» не просто ковбойские брюки из Америки, а стильные джинсовые шорты. Последний тут же надел обновку «от Мальцева» и пошел гулять по городу, строя глазки девчонкам. На следующий день в стенгазете, которая была вывешена на информационном табло на центральной площади города, появилась красочная карикатура: патлатый, хулиганистый «Граф» рассекает в шортах по городу на глазах изумленных прохожих. «Позор стиляге Быкову!» – красовался большой заголовок в стенгазете. Надо сказать, что, по признанию друзей, «Граф» всегда был оригинальным человеком, стремясь выбиться из серого однообразия советских буден. Про себя он говорит, что всю жизнь работал «инженером опытных работ». «Он на самом деле трудился аппаратчиком на химкомбинате. У него шутки

кругом. Большинство из них он перенял от “Шурика-Шути” Мальцева еще в детстве», – признается Виктор Перетягин.

У Анатолия Быкова, наверное, самая роскошная в Кирово-Чепецке коллекция галстуков. Еще бы, ее начал пополнять сам Мальцев в конце 1960-х. Позже узнал о «Графе» от своего друга и Валерий Харламов, который, лично познакомившись с Быковым и проникшись к нему симпатией, также передавал в Кирово-Чепецк небольшие подарки. Из каждой заграничной поездки Александр Николаевич привозил бывшему кирово-чепецкому стиляге по два-три галстука. Говорят, что в коллекции «Графа» сейчас насчитывается более двухсот галстуков от Мальцева и Харламова – настоящий бесценный раритет!

Вся его «однушка» в малосемейном доме в Кирово-Чепецке, в которой он, будучи скромным и непритязательным человеком, живет много лет, превращена в настоящий «уголок Александра Мальцева», здесь все напоминает о его великом земляке и друге. Однажды в кирово-чепецкой газете была даже опубликована фотография Анатолия Быкова, который снят на фоне галстуков – подарков от великих советских хоккеистов Александра Мальцева и Валерия Харламова.

Об этой однокомнатной квартире впереди еще будет уморительная история. Но вернемся в середину 1970-х. «Я про себя думаю, где же тут найти грибы, ведь Мальцев, пока не добьется своего, не успокоится. Предлагаю им, вот вам участок леса, тут, насколько я помню, в свое время была грибница. Саша посмотрел на меня, как Остап на Кису, вернувшегося после ресторана, но ничего не сказал. Я им говорю: “Сейчас слетаю тут рядом, на край болотца, и вернусь”. Оставляю им ведерко, их же больше, сам иду в лес с пакетом», – смеется Виктор Перетягин. Итак, четверка друзей разделилась: Перетягин пошел в лес по грибы. Два однофамильца Мальцевых в компании «Графа» якобы «прогуляться в лесочек».

«Бегу по лесу, думаю, лишь бы не заблудиться. Наконец выхожу на поляну и вижу долгожданный урожай – мне попадаются пять огромных красноголовиков, прекрасных, сочных подберезовиков, которые едва ли не полностью заполняют мой пакет. Радостный, спешу поделиться своей находкой с мужиками, сказать им, что грибы-то почти и не червивые, – продолжает Виктор Перетягин. – Подхожу к трем друзьям, они втроем сидят на пенечке, хитро так на меня смотрят, а Саша водит по земле палочкой. Я говорю, подбегая к ним: “Ура, мужики, сегодня варим суп из моей грибницы!” Они не радуются, а наоборот, делают вид, что им мои грибы безразличны.

Потом Саша так буднично говорит: “Посмотри сюда,

студент!” Я огибаю пенек и вижу, что то самое ведерко, которое я им оставил пустым, уже заполнено грибами, а на вершине лежит огромный не червивый подберезовик на громадной ножке. Мне остается лишь развести руками. Я тут же вспоминаю случай с динамовских сборов, когда Саша нашел грибы во время кросса в Отепе, о котором он мне как-то рассказывал. Тогда, помню, я ответил ему, что ты, Саша, талантлив настолько, что даже грибы сами к тебе идут. Я неоднократно убеждался в том, что природа действительно его любит и отдает ему свои дары».

«А суп-то сварили?» – спрашиваю у Перетягина.

«Суп Саша такой наваристый сварганил, что пальчики оближешь, – признается Виктор Перетягин. – Проблема была в другом. Не знаю, как мы до дому с таким небольшим количеством бензина дотянули. Не нашли мы, чем заправиться, хотя шутник Саша уверял, что все будет в порядке и нам обязательно попадется бензозаправочная станция».

Впервые Мальцев с друзьями выехал на рыбалку в Кирово-Чепецке еще летом 1974 года. Потом старался выкроить время во время отпусков в июне – июле. Часто просил друзей не афишировать о его поездках, зная, как будут «разрывать на части» во время нелюбимых им официальных мероприятий. Насколько было возможно, скрытно доезжал до родительского дома, принимал душ, говорил со стариками, устремлялся на Вятку. Очень любил Мальцев половить стерлядь – рыбу, которая так хороша для ушицы.

«Однажды я заранее приготовился к приезду Саши. Было это в начале 1980-х годов после очередного выигранного сборной СССР чемпионата мира. Саша приехал в родной город утром, помылся, переоделся, а в полдень мы уже поехали на Вятку. Я заранее наловил ведро стерляди, и, заехав в одно тихое место, мы развели костер и начали готовить уху. Было жарко, как сейчас помню, вода – словно парное молоко, прямо как на каком-нибудь черноморском курорте. На песке вообще невозможно стоять. Я тогда принес титановый столик, гладкий, который и убирать-то не надо было, смахнешь крошки и все. Мы поставили на него, прямо в воде, кастрюлю с ухой, пивко, зелень.

«Какая там Ялта, какое Сочи, когда вокруг такая красота!» – произнес Мальцев, сказав друзьям, что нужно оставаться в таком благодатном месте до вечера. «Мы проснулись в пять утра на следующий день! Я смотрю в котелок, а там – настоящее желе, в которое превратилась уха из стерляди, – продолжает свой рассказ Перетягин. – Александр Николаевич дует на костер, ставит котелок разогреваться. Настоящий завтрак туриста! Всю пойманную рыбу мы тут же съели. Вообще Саша не любил брать

сумки с гостинцами, которые обычно собирали ему в Москву. В дорогу Мальцев брал лишь вяленую рыбу – сорожку, небольшую, величиной с ладонь, но очень вкусную. Еще он любил уже после окончания карьеры заехать прямо с поезда в пивной бар “Дымок” у нас в Кирово-Чепецке. Под бокал пива попробовать там креветок. В “Дымке”, располагавшемся в подвале, было хорошо и уютно. Прохладно, мало народу. Сусанна разрешала нам зайти туда, не заезжая домой».

А тогда они сделали фотографию. Александр Мальцев с мокрыми, аккуратно причесанными волосами облокачивается довольный и бесконечно счастливый, сидя в воде, на этот столик. Купить у Мальцева этот снимок пытался один шведский журналист газеты «Свенска дагбладет», который увидел его у хоккеиста во время интервью в 1982 году, как раз через год после триумфального для сборной и самого Александра Николаевича чемпионата мира в Стокгольме. Как уже говорилось ранее, в Швеции Александра Мальцева боготворят, а в те годы популярность его в Скандинавии и вовсе не знала границ. Гость сначала давал за маленький снимок 100 долларов, потом 150, затем планка подросла почти до 500 «зеленых». Журналист не унимался и «пытал» Мальцева два с лишним часа, чтобы тот продал снимок. Сдался, когда Александр Николаевич наконец-то убедил иностранного репортера, что память о дружбе не измеряется никакими деньгами.

«В середине 2000-х годов мы с Анатолием Быковым, благодаря возможностям современной техники, сделали Саше большую копию этого снимка и решили обрадовать его, направив фото посылкой по почте на домашний адрес Мальцевых. Но эта посылка дважды возвращалась в Кирово-Чепецк, поскольку в середине 2000-х годов они с Сусанной чаще жили на даче, чем в доме на Башиловке. А так придет посылка, полежит, согласно инструкции, три месяца на почте и отправляется обратно к нам в Кирово-Чепецк, поскольку за ней никто не приходит. Лишь в 2009 году накануне юбилея мы вручили снимок Мальцеву не нарочным, а лично, когда он приехал в родной город. Хорошо помню, как, провожая Сашу, его подарки мы загрузили в машину. Эту самую фотографию он не дал положить в багажник, а трогательно взял с собой в руки, сказав, что это его самый любимый снимок в жизни», – вспоминает Виктор Перетягин.

Друзья видели, как не хочет Александр Мальцев уезжать из Кирово-Чепецка в Москву. Здесь ему было комфортно с людьми, которые не докучали его одними и теми же вопросами о жизни и спорте, не требовали от него пахать на тренировках и успевать на сборы.

К середине 1970-х годов Мальцев действительно познал изнанку обрушившейся на него славы: случайные знакомые, которые норовят набиться в друзья, пристальное внимание прессы, слухи и сплетни, а также нелегкое бремя лидерства, когда нужно «тащить» за собой «Динамо» и играть каждый раз так, чтобы за спиной не говорили: «Вот, Мальцев стареет»… Но большая хоккейная жизнь между тем продолжалась.

После серий между советскими игроками и канадскими профессионалами в 1972 и 1974 годах канадцы стали утверждать, что им нет равных на уровне клубного хоккея. Пришлось принять новый вызов. Летом 1975 года между Федерацией хоккея СССР и руководством НХЛ Канады была достигнута договоренность о проведении серии игр между профессионалами и советскими любителями на уровне клубов двух стран. Представлять честь отечественного хоккея за океаном выпала ЦСКА и «Крыльям Советов», как наиболее сильным советским командам трех последних чемпионатов СССР.

Советская сторона настаивала на том, чтобы эти встречи проходили корректно, в честной спортивной борьбе, без каких-либо провокаций со стороны задиристых канадских профессионалов. В СССР хорошо знали, что к середине 1970-х годов, когда в НХЛ еще играло только шесть клубов, масштаб грубости принял такие размеры, что журналисты и болельщики вполне серьезно ставили вопрос о подключении к расследованию инцидентов на льду правоохранительных органов Соединенных Штатов, включая Министерство юстиции США, которому подчиняется ФБР. «В наши дни меньше вероятность получить увечье в темном переулке, нежели на льду ярко освещенного хоккейного стадиона», – писал журналист Клайф Коккинг[23].

Особенно усердствовала в грубости и даже жестокости команда «Филадельфия флайерс». Ее наставник Фред Шеро считал, что главное не блеснуть мастерством, а как следует запугать соперника. «Многие хоккеисты добились бы большего, если бы не боялись драки. На чистом льду они короли и забивают много голов, но стоит их хорошенько припугнуть, и они не торопятся выходить с шайбой из средней зоны», – говорил Шеро. Президент НХЛ Кларенс Кэмпбелл в декабре 1975 года был даже вынужден разослать перед серией встреч с советскими хоккеистами специальное письмо в адрес руководителей клубов лиги, напоминая им об особом беспокойстве русских относительно возможных проявлений агрессии на льду со стороны канадских хоккеистов: «Руководство советских команд в курсе той кампании по пресечению грубости, которая проводилась нашей лигой в течение последних двух лет. Вполне

понятно их беспокойство в этом вопросе еще и потому, что почти каждый игрок из состава двух участвующих клубов является кандидатом в олимпийскую сборную СССР, которая будет отстаивать свой титул чемпиона в любительском хоккее на Олимпийских играх, начинающихся в феврале 1976 года в Инсбруке».

Со своей стороны руководители североамериканских клубов заверили Кэмпбелла, что предупредят хоккеистов о необходимости строгого соблюдения правил и недопущения грубости. В Москву был командирован известный спортивный журналист Мелвой, который специализировался на освещении предыдущих серий с советскими хоккеистами. Его репортажи из СССР опять больше походили на язвительные фельетоны, цель которых – всячески принизить мастерство советских хоккеистов и роль отечественных тренеров.

Надо отдать должное заезжему репортеру: его статьи были полны красочных и живописных сравнений. Игрок Терехин, единственный не гладко выбритый в составе «Крыльев Советов» хоккеист, напомнил ему Иисуса Христа – видимо, столь непривычно было для журналиста видеть на льду столько «гладко выбритых мужчин», как в СССР. «Советские тренеры едва ли действуют сколько-нибудь самостоятельно. Вся их работа запрограммирована федерацией хоккея. Наставник “Крыльев Советов” и сборной СССР Кулагин постоянно ворчит на игроков. Он как бы хочет сказать или, может быть, дать им прочитать в своих глазах: “Попробуй сделать это еще раз, негодяй, и я отправлю тебя в Сибирь на 24-летнюю каторгу!..”» – писал журналист[24].

«Борис и его ребята готовятся к товарищеским играм» – так был назван этот опус. Почти как «Тимур и его команда». Словом, происходило нечто похожее на прелюдию к предыдущим сериям: русские не могут ничего, и их нужно побеждать во всех матчах. Кроме того, журналисты искусственно подводили матчи к очередной серии противостояния «двух миров, двух образов жизни».

Канадские специалисты, проанализировав серии 1972 и 1974 годов, пришли к выводу, что большинство успешных комбинаций и голов советской сборной проходило за счет обыгрыша быстрыми и легкими форвардами тяжеловесных канадских защитников на краях. Удержать Харламова, Мальцева, Якушева не всегда могли и лучшие игроки обороны из числа профессионалов. Канадские тренеры давали своим игрокам установку лишить маневренных русских нападающих пространства, начать их опеку еще до получения ими шайбы.

Итак, в конце 1975 года хоккеисты ЦСКА вылетели в Северную Америку для участия во встречах с североамериканскими клубами. В их состав «для усиления» были включены два игрока из московского «Динамо» – защитник Валерий Васильев и нападающий Александр Мальцев. Так сбылась мечта Анатолия Тарасова: динамовский «бриллиантик» все-таки засветился в армейской короне. Динамовского нападающего определили выступать в последнем, третьем звене, а когда получил серьезную травму Владимир Петров, выбыв из строя на несколько месяцев, то перевели в первое звено к Борису Михайлову и своему другу Валерию Харламову. Забегая вперед отметим, что в таком сочетании эта тройка выступила на чемпионате мира в польском городе Катовицы весной 1976 года. В этом звене Александр Мальцев играл на позиции центрального нападающего, на том самом месте, где начинал свою хоккейную карьеру.

В заокеанском турне армейцев выделяются два матча. Один из них, сыгранный 31 декабря 1975 года, по мнению многих специалистов, по содержанию игры, невероятной ее драматургии входит в десятку самых лучших хоккейных поединков XX века. Например, известный североамериканский спортивный журналист Рэй Фишер и вовсе считает его лучшим в мировой хоккейной истории. Тогда встречались «Монреаль Канадиенс» – клуб, олицетворяющий хоккей в Канаде, и ЦСКА – лучший клуб в СССР. Запись этой игры – одна из самых востребованных архивных спортивных записей при поиске в Интернете.

В «Форуме», вмещавшем 20 тысяч зрителей, почти не оказалось свободных мест. На лед вышли герои знаменитой серии 1972 года: канадцы Драйден, Курнуайе, Питер Маховлич, а также Борис Михайлов, Валерий Харламов, Александр Мальцев, Валерий Васильев и другие. На представлении матча местные зрители устроили овацию Харламову и Третьяку.

До конца 1970-х годов «Монреаль Канадиенс» доминировал в НХЛ. А в сезоне 1976/77 года этот легендарный клуб установил рекорд, победив в шестидесяти матчах регулярного чемпионата. Тренировал его лучший тренер в истории заокеанского хоккея Скотти Боумэн, который никогда не скрывал своих симпатий к советской школе хоккея и комбинационной игре, практикуемой русскими. В Монреале тогда стояли 35-градусные морозы. Советская команда, по воспоминаниям ветеранов, постоянно была одолеваема мучительной жаждой. Считали, что виной всему безвкусная пища с каким-то непривычным ароматом, которой угощали организаторы.

«Форум» встретил появление советской команды таким

диким ревом, по сравнению с которым шепотом казались крики болельщиков в поддержку хозяев во время других встреч. Психическая атака удалась. Оборона советской команды была сломлена, и канадцы быстро повели в счете 2:0. В перерыве Константин Локтев призвал игроков быстрее кататься по всей площадке и как можно точнее адресовать друг другу шайбы. Дело пошло. В итоге в той игре, проигрывая две шайбы, 0:2, 1:3, ЦСКА сравнял счет благодаря чудо-голам Харламова и Александрова. Хотя, справедливости ради, следует сказать, что все три гола в ворота канадцев были по-настоящему красивы.

Гол 17-го номера армейцев до сих пор с удовольствием вспоминают ценители хоккея. Валерий Харламов вошел в зону противника по левому краю, получил шайбу от Михайлова и сместился в центр с повисшим на его плечах канадцем Лемэром. Ложным движением он показал канадскому вратарю, что будет огибать ворота, заставив его сместиться вправо. А сам с неудобной руки послал шайбу в нижний левый угол ворот. В третьем периоде Владислав Третьяк показал такую блестящую игру, что один из канадских журналистов назвал ее «космической». Главный тренер канадцев Скотти Боумэн сказал после игры: «Любому другому вратарю пришлось бы вынимать из своей кожи осколки шайбы, как шрапнель. Но только не Третьяку. Этот русский лейтенант украл у нас победу».

До матча с «Филадельфией флайерс» ЦСКА уверенно разобрался с «Бостон Брюинз» и «Нью-Йорк рейнджерс», победив эти клубы 5:2 и 7:3 соответственно. Александр Мальцев в связке с Валерием Харламовым особенно блеснул во встрече в Бостоне. Он отметился голом и отдал два результативных паса своему другу. Мальцев играл с Михайловым и Харламовым, будто именно он, а не Владимир Петров, играл с ними всегда. Специалисты отмечали, что Александр, попав в тройку к своему другу Валерию Харламову, играл как-то по-особенному азартно и радостно. «Саша легко адаптировался к нашей тройке, потому что дружил с Валерой, поддерживал хорошие отношения со мной. Ведь как бывает, приходит в тройку новый игрок, и начинается ворчание партнеров по звену, не туда отпасовал, не туда поехал, – признается в разговоре со мной Борис Михайлов. – Нам всем комфортно было в звене друг с другом. Тем более что Саша хорошо изучил игру нашей тройки за все эти годы соперничества двух клубов и на тренировках в сборной. Его не нужно было учить тому, что мы с Валерой хотим получать от центрфорварда. Он уже все знал. Мне кажется, он с особым азартом начал отрабатывать в этих играх. Могу сказать за себя. Мне не только не было дискомфортно с ним, наоборот, во время игр в этом турне

игра с Мальцевым доставляла мне настоящее удовольствие».

«Наблюдать за игрой русских хоккеистов – все равно, что присутствовать на хорошем спектакле», – отмечала газета «Нью-Йорк таймс». А журналисты одной из канадских газет дополняли, что «смотреть русский хоккей так же прекрасно, как и русский балет». И правда, были мы когда-то впереди планеты всей…

Четвертая встреча армейцев в Канаде, проведенная с «Филадельфией флайерс», многими аналитиками признается самым грубым поединком в истории, сыгранным канадцами против советских хоккеистов. Матч ЦСКА с тогдашними обладателями Кубка Стэнли, завершившийся в итоге победой «Филадельфии» 4:1, тренер армейцев Константин Локтев справедливо назвал «ледовым побоищем». К тому моменту советские клубы выиграли серию, победив в пяти матчах из семи, и, следовательно, в общем зачете противостояния с канадцами этот поединок ничего не решал. Если во время предыдущих матчей североамериканцы еще старались держать себя в рамках правил, то в восьмом, в Филадельфии, «сошли с катушек».

Уже в первой половине первого периода «Флайерс» начали размахивать кулаками, показывая, что не прочь посостязаться в боксерских поединках. Особенно доставалось первой тройке ЦСКА. Бориса Михайлова время от времени вызывал на поединок Шульц по прозвищу «Кувалда». На двенадцатой минуте Дюпон «коршуном» налетел на Валерия Харламова, который с самого начала встречи принялся по обыкновению «оставлять в дураках» мощных и неповоротливых канадских защитников. Изрядно доставалось и Мальцеву. Советские хоккеисты не велись на провокации, и это еще больше заводило канадцев. Константин Локтев принял решение увести команду в раздевалку прямо во время матча. Ни один хоккеист из ЦСКА не хотел продолжать встречу с филадельфийцами из-за их хулиганской игры.

«Каждого из нас могли ударить сзади, подцепить клюшкой, пнуть коньком – ну какой же это спорт? Не забывайте еще и о том, что меньше чем через месяц после Филадельфии нам предстояло участвовать в олимпийском турнире. Тренеры строго-настрого запретили игрокам ввязываться в стычки. Мы должны были вернуться домой в полном здравии, а не искалеченными. Только после долгих заверений хозяев в том, что игра будет продолжаться в рамках правил, наша команда вернулась на площадку. Вернулась без всякого настроения. У нас словно все погасло внутри, мы не играли, а доигрывали. Филадельфийцы добились своей цели, но разве можно их победу считать справедливой?» – писал в своей книге Владислав Третьяк.

Бобби Халл, комментируя этот матч, сказал, что он возмущен

игрой филадельфийцев: «Клюшки даны нам не для того, чтобы устраивать побоища, а чтобы доставлять зрителям удовольствие игрой». Газета «Нью-Йорк таймс» назвала выигрыш «Филадельфии» «триумфом террора над стилем».

Журналисты в своих отчетах о матче отмечали, насколько достойно держался на пресс-конференции тренер ЦСКА Константин Локтев. Он не стал жаловаться на судейство и эмоционально причитать о грубости канадцев. А повел себя спокойно и рассудительно. «Мы, конечно, с удовольствием готовы сыграть с ними, обладателями Кубка Стэнли, еще не один раз. Мне только непонятно, зачем этим талантливым хоккеистам понадобилось превращать матч с ЦСКА в ледовое побоище. Вы выдели, что в конце встречи я даже пошел на то, чтобы не выпускать на поле таких нужных для советской сборной игроков, как Харламов, Мальцев, Михайлов, которым вскоре предстоит играть на Олимпиаде, – с достоинством произнес Локтев. – И еще. Здесь меня спрашивали, считаю ли я “Филадельфию” самой сильной командой мира. Нет, я так не считаю. Я не уверен, что проведи мы серию матчей обладателя Кубка Стэнли с ЦСКА – чемпионом СССР и многократным победителем Кубка европейских чемпионов, то успех бы обязательно был на стороне “Флайерс”».

«Мистер Локтев, а что нужно сделать для того, чтобы выиграть у русских?» – задал вопрос один местный репортер.

Локтев выдержал паузу, внимательно посмотрел на журналистов и, улыбнувшись, ответил: «Для этого прежде всего надо быть русскими!» В зале для пресс-конференций раздались аплодисменты.

В своей серии «Крылья Советов» победили трижды и лишь однажды уступили. Советские клубы, как говорилось выше, уверенно выиграли эту серию. А вообще в истории советско-канадского противостояния с 1975 по 1991 год было сыграно 108 поединков между клубами НХЛ и лучшими командами СССР. Баланс этих матчей говорит сам за себя: советские команды одержали победы в 58 встречах, 40 раз уступили канадцам при 10 ничьих. Разница шайб: 413 на 337 в пользу клубов СССР.

После достойной ничьей в матче с сильнейшим клубом мира игроков и тренеров ЦСКА пригласили отметить Новый год в советском торгпредстве в Монреале. От души накрыли стол для всенародных любимцев. А там все родное: домашние пирожки, салат «оливье», холодец, винегрет. Тогда еще никто не знал, что матч с «Монреалем» назовут «величайшим хоккейным поединком всех времен и народов». Тогда все просто радовались, что показали отличную игру и накануне Нового года не посрамили

честь Родины. Начали говорить тосты за процветание страны и советского хоккея. А Константин Локтев разрешил игрокам «приступить к дегустации». Тем более что на столе красовался не только канадский виски, но и любимый напиток многих хоккеистов – родное «Советское шампанское»…

После удачных для сборной сезонов первой половины 1970-х годов, когда советская команда выиграла Олимпиаду в Саппоро, четыре из пяти чемпионатов мира, успешно провела две суперсерии, наступила черная полоса. Именно так в советском спортивном руководстве расценивалось то, что на чемпионатах мира 1976 и 1977 года национальная команда по хоккею заняла не первое, а «всего лишь» второе и третье места.

Обо всем по порядку. Чемпионат мира 1976 года проходил в польских Катовицах. Несмотря на то, что Польша входила в социалистический лагерь, население страны все больше тяготилось тем, что вынуждено жить под надзором «большого брата». Недовольство поляков существующим режимом через пять лет, в 1981 году, выльется в акции «Солидарности». В Польше, восхищаясь мастерством отдельных советских игроков, отнюдь не собирались устраивать горячий прием самой советской сборной. Местные болельщики больше симпатизировали чехословацким игрокам, выражая им свою поддержку, как это обычно происходит с двумя небольшими государствами, оказавшимися под «пятой большой империи».

Летом 1975 года в руководстве мирового хоккея произошло знаменательное событие. Легендарного Джона Ахерна на посту президента ИИХФ сменил Гантер Сабецки, одним из первых шагов которого стало разрешение участвовать на чемпионатах мира профессионалам из-за океана. Еще одним новшеством стало то, что группа сильнейших была расширена до восьми команд. Квартет лучших из них по итогам первого круга дополнительно встречался друг с другом, разыгрывая призовые места. Чемпионат мира 1976 года для Мальцева разбился на две части. Он снова играл в первом звене с Борисом Михайловым и Валерием Харламовым, заменяя центрфорварда Петрова.

Начав турнир на привычно высокой для себя ноте (в пяти играх он забросил три шайбы и сделал три передачи), в матче со шведами Александр Мальцев получил травму и был отстранен от дальнейшего участия в чемпионате. В результате первое звено советской сборной распалось еще раз. Уже по ходу турнира сборная потеряла из-за травмы Шалимова. «Откровенно говоря, травмы мешали, и состав тренеры слишком уж передергивали. Наверное, до шести вариантов в атаке получалось, а играли тогда в три звена. Вот одна из главных причин провала на чемпионате в

Катовицах в 1976 году», – признается Борис Михайлов.

Без признанного бомбардира советская сборная потеряла три очка из четырех в матчах с командой ЧССР, уступила в повторной игре со шведами. В итоге откатилась на второе место, отстав от победителя турнира, сборной Чехословакии, на шесть очков. «Это был кошмар! Команду начали преследовать травмы. Мы вообще тот чемпионат в девять нападающих доигрывали!» – вспоминал в одном из интервью перипетии мирового первенства Виктор Жлуктов[25].

Этот турнир стал звездным часом для сборной ЧССР. Почти все игроки команды: Холечек, Дзурилла, Бубла, братья Штясны, Мартинец, Глинка и другие хоккеисты из того состава считаются легендами хоккея в Чехии и Словакии. Четыре игрока сборной ЧССР вошли в символическую сборную турнира, куда от советской сборной выбрали лишь Валерия Харламова. «Чрезвычайное событие» – второе место, а главное, проигрыш «записным аутсайдерам» чемпионата – полякам стали поводом для серьезного разноса, который устроил хоккеистам глава Спорткомитета СССР Сергей Павлов. По воспоминаниям Мальцева, «игроков и тренеров промурыжили в приемной Павлова три часа, чтобы по нескольку раз сошел холодный пот и члены сборной прониклись всей “торжественностью момента”. Во время разбора полетов хоккеистов и тренеров в особо жесткой форме упрекнули в том, что “еще ни на одном первенстве мира сборная СССР не дарила очки командам, которые бы не считались ее основными соперниками в борьбе за первое место”».

Чемпионат СССР 1975/76 года из-за двух крупных международных турниров – Олимпиады и чемпионата мира – оказался сжатым по расписанию, но получился одним из самых интересных за последние годы. Победу в чемпионате в четвертый раз в своей истории одержали спартаковцы, которые всего на три очка опередили в турнирной таблице армейцев. В свою очередь ЦСКА только на два балла опередил занявших третье место московских динамовцев. Александр Мальцев с 47 очками занял третье место в списке лучших бомбардиров всесоюзного первенства. Он забил 28 шайб и отдал 19 результативных передач. Впрочем, динамовцы в сезоне все же отпраздновали успех. В финале Кубка СССР 1976 года они, проигрывая ЦСКА 0:1 в основное время, сумели свести матч к ничьей 2:2 и вырвали победу уже в дополнительное время.

В сезон 1977 года «Динамо» вступало с новой перспективной тройкой. Владимир Юрзинов решил создать в динамовском клубе «забивное звено», определив к Александру Мальцеву быстро прогрессировавших Природина и Александра Голикова. «Это была

вторая, после чичуринской, фантастическая тройка в “Динамо” 1970-х годов. Лучше тройки я не видел, – признавался в разговоре со мной Владимир Юрзинов. – Настолько они были сами по себе разноплановые, разнохарактерные, сильные индивидуально бомбардиры. Но на льду превращались в спаянный кулак. Достаточно сказать, что в том самом чемпионате СССР 1976/77 года они наколотили 77 шайб, больше, чем признанное, первое звено сборной Михайлов – Петров – Харламов, завоевали приз “Три бомбардира”, да и, откровенно говоря, переигрывали армейцев в очных поединках. В декабре новая тройка уже играла за сборную на “Призе Известий”. Каюсь, упустил я момент, не оставил эту тройку в целости и сохранности, когда у ребят начались определенные разногласия друг с другом».

В том чемпионате «Динамо» оторвалось от ЦСКА и долгое время было реальным претендентом на золото. Но всё решили очные встречи с армейцами. Динамовцы проиграли ЦСКА все четыре поединка, а решающим оказался матч третьего круга, когда армейские хоккеисты одержали победу над динамовцами со счетом 5:2 и уже не упускали первого места. ЦСКА в двадцатый раз стал чемпионом СССР. «В том сезоне мы оторвались намного, по-моему, на 14 очков от армейцев, но из-за травмы Мальцева и моих ошибок упустили победу, – вспоминает Владимир Юрзинов. – Когда в “Динамо” перешел Голиков-младший, Владимир, мною была создана новая тройка: Мальцев – братья Голиковы. Весной 1978-го тройка Мальцева и братьев Голиковых выиграла в составе сборной золотые медали чемпионата мира в Праге. Правда, в следующем сезоне, когда Мальцев получил травму, Голиковы играли с Природиным, но в международных турнирах они вместе уже не выступали». По итогам сезона 1976/77 года Александр Мальцев снова занял третье место в списке лучших бомбардиров чемпионата с 31 заброшенной шайбой и 27 результативными передачами.

Советскую сборную, которая ехала за реваншем на чемпионат мира в Австрию весной 1977 года, некоторые из ветеранов считают лучшей в истории отечественного хоккея. Об этом, в частности, говорили в интервью разным изданиям игроки той команды Виктор Жлуктов и Александр Якушев.

Начала турнир советская команда, как и любила, – залихватски! Западные немцы были нокаутированы со счетом 10:0, к победе над финнами 11:6 в следующей игре оказался причастен Мальцев, отметившийся одной заброшенной шайбой. В третьем матче советская сборная не оставила от канадцев камня на камне, победив их с неожиданным для многих экспертов счетом 11:1. «Нам тогда, после первой игры с канадцами,

казалось, что некоторые из канадских профессионалов или не поняли, куда приехали, или были явно несыгранны. А может, не акклиматизировались после перелета. Такой беспомощной сборную хоккеистов из НХЛ я никогда больше не видел», – говорит Александр Мальцев.

Покер (4 шайбы) оформил в этой встрече давний специалист по «увяданию» «Кленовых листьев» Александр Якушев. «Я считаю лучшей в истории команду, которая была в 1977-м. Но она тоже стала лишь третьей на чемпионате мира, хотя перед этим забили 11 голов канадцам и обыграли чехов – 6:1», – вспоминал в интервью в 2010 году Якушев[26]. «Лучше команды, чем в 1977 году, у нас на чемпионатах мира не было! Но то ли мы на легкую победу понадеялись, то ли еще что… Не могу объяснить. Для самого загадка!» – вторит ему Виктор Жлуктов[27].

Действительно, сломив сопротивление американцев 8:2, в рядах которых, между прочим, играли профи из НХЛ, и чехов 6:1 (в этой игре Мальцев участия не принимал), советские хоккеисты «встали». Совершенно неожиданно уступили шведской сборной 1:5. Притом что за шесть игр перед поединком со шведами сборная СССР забросила 64 шайбы. «Шведы для нас тогда прямо-таки ступором были! Ключевой момент для нашей сборной наступил, когда днем канадцы чехословаков 6:0 разгромили, – вспоминал Виктор Жлуктов. – Перед игрой заходит в нашу раздевалку легендарный Фил Эспозито и говорит: “Русские, давайте! Мы для вас все возможное сделали, путь к золоту расчистили… ” Клюшечкой своей еще для верности по двери постучал! А мы потом… попались этим шведам!»[28]

Вторая половина чемпионата сложилась для советской сборной крайне неудачно, хотя очки теряли все фавориты первенства. Вслед за шведами советская команда уступила сборной ЧССР 3:4. Правда, еще случались на этом первенстве мира светлые мгновения, в частности вторые игры с канадцами и чехословаками. «Филя» Эспозито, который так благосклонно «расчищал путь для русских к золотому пьедесталу», изменился буквально на глазах. В интервью одной из местных газет грозный нападающий признался, что если ему придется «прыгнуть и схватить кого-нибудь за горло, чтобы выиграть матч, то он сделает это». Безобразничать канадцы начали уже на разминке. «Шайба из канадской зоны случайно попала к нам. Гена Цыганков – добрейший парень, наш защитник, только прикоснулся своей клюшкой к этой шайбе, чтобы переправить ее обратно, как на него коршунами налетели профессионалы. Канадцы были готовы затеять драку уже сейчас, на разминке, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, какие они страшные и кровожадные.

Разминка кончилась, и тут кто-то из соперников демонстративно швырнул шайбу прямо в меня. Признаться, я был потрясен. Сколько играю – такого еще не случалось», – вспоминал Владислав Третьяк в своей книге «Хоккейная эпопея».

Впрочем, Цыганков быстро показал, как надо отвечать на хамство. Он забросил первую шайбу в этой игре. Правда, вскоре канадцы ответили голом и выбрали в качестве объекта охоты советского вратаря, который к тому времени пользовался в Канаде огромным уважением. «Произошло то, о чем до сих пор я вспоминаю с отвращением. Соперники подкатывали к моим воротам и орали прямо в лицо: “Что, съел, проглотил шайбу?!” Они хотели вывести меня из равновесия, но добились обратного. Я сказал себе: “Все, этот гол последний в твоих воротах”. Так и получилось. Больше они мне не забили», – признавался Третьяк.

Эх, знали бы канадцы, что русских лучше не дразнить. Особенно в дни майских праздников! Тем более что у советских хоккеистов уже выработался иммунитет на подобные «наезды». На хамство и грубость канадцев советские игроки ответили семью (!) безответными шайбами, установив окончательный итог встречи 8:1 в пользу сборной СССР.

Увы, но накануне Дня Победы советская сборная опять была повержена шведами. На этот раз со счетом 3:1. На первое место второй год подряд вышла сборная Чехословакии с пятнадцатью очками в турнирной таблице. Сборные СССР и Швеции набрали на балл меньше, но благодаря преимуществу в личных встречах на втором месте оказалась команда «Тре Крунур». Советская сборная закончила турнир на третьем месте, самом низком для себя за последние 14 (!) лет. Александру Мальцеву на этом первенстве доставляло особое удовольствие играть на своих партнеров. Прав Борис Михайлов, когда говорит, что в карьере Мальцева было два отрезка: на первом «он больше был солистом, позднее, когда играть постоянно на реактивной скорости стало сложно, его основным оружием стал пас». На венском первенстве он забил всего одну шайбу, но отдал товарищам по сборной девять результативных передач.

Сборная СССР проиграла второй чемпионат мира. И кому? Чехам, ликовавшим от осознания того, что им удалось обставить русских. В спортивном руководстве было принято решение приступить к радикальным кадровым перестановкам, тем более что следующий чемпионат мира должен был проходить в Праге, где местная ледовая дружина выглядела явным фаворитом. Два сезона, в которых Борис Павлович Кулагин после победы на Олимпиаде-76 не сумел привести команду к золоту мировых первенств, стоили ему места главного тренера в сборной СССР.

К руководству сборной пришел новый, как оказалось, на года вперед, тандем в лице бывшего тренера «Динамо» (Рига), а теперь московского ЦСКА Виктора Тихонова и наставника столичного «Динамо» Владимира Юрзинова.

Глава пятнадцатая «БОЛЬШАЯ КРАСНАЯ МАШИНА». В СБОРНУЮ ПРИХОДИТ ТИХОНОВ

Сегодня весь хоккейный мир играет в четыре звена, инициатором чего является знаменитый хоккейный тренер Виктор Васильевич Тихонов, тот самый, кто начинал свою карьеру наставника в 1960-е годы бок о бок с Аркадием Ивановичем Чернышевым в московском «Динамо» и привез юного Сашу Мальцева в Москву. Самостоятельную тренерскую работу он начал в 1971 году в рижском «Динамо». В столице Латвии смог добиться значительных успехов, приведя команду к четвертому месту в первенстве СССР, повторив самое большое достижение этого клуба в истории.

Именно в рижском «Динамо» Тихонов применил новую тактическую модель игры в четыре звена. «Я рискую говорить о нашем приоритете потому, что в матчах на высоком уровне такой игры прежде никто не демонстрировал ни в нашей стране, ни в ведущих европейских зарубежных клубах, ни за океаном, – признавался Виктор Васильевич. – Допускаю, что где-нибудь в низовом хоккее кто-то из тренеров практиковал игру с четырьмя звеньями. Но если говорить о большом хоккее, то здесь у меня сомнений нет – мы были первыми».

Переход к новой тактической схеме дался отнюдь не безболезненно. Главным опасением для тренера-новатора был вопрос, сумеют ли хоккеисты, с юных лет привыкшие к игре в три звена, действовать с определенными интервалами отдыха, которые выбивают их из привычного ритма игры. Схема Тихонова, сокращающая для хоккеиста время пребывания на площадке, предлагала абсолютно иные требования к спортсмену: теперь более плотными и насыщенными стали проводимые им отрезки на льду. Хоккеисту в пересчете на промежуток времени приходилось провести больше технико-тактических приемов, что, разумеется, требовало от него гораздо больших усилий и мастерства, чем раньше.

Поначалу тихоновскую концепцию не принимали ни специалисты, ни зрители. Тихонову приходилось доказывать правоту своих идей забитыми голами и набранными очками. В итоге рижское «Динамо», имевшее репутацию середнячка, с единственной, по-настоящему яркой, звездой в составе – Хельмутом Балдерисом, благодаря более частым сменам во время

игры и большей «свежести» хоккеистов, постепенно сравнялось с командами, которые заметно превосходили рижан в классе.

Буквально через год-два эта схема заработала в ЦСКА конца 1970-х. А потом ее приняли на вооружение не только все наши, но и заокеанские клубы. «Если бы я кому-то сказал, что пройдут годы и уже на Кубке Канады, сыгранном в 1981 году, даже родоначальники игры, причем сборная Национальной хоккейной лиги… будут, как и мы, играть в четыре звена, что наш опыт переймут, то меня подняли бы на смех. Да тогда в новую идею не верили ни игроки, ни тренеры-коллеги, ни журналисты. Оставалось одно – доказать верность своих размышлений и выводов игрой, очками», – вспоминал спустя годы Виктор Тихонов.

Кстати, говоря о тех новинках, которые наряду с игрой в четыре звена привнес Тихонов в советский и мировой хоккей, нельзя не затронуть еще два обстоятельства. Этот наставник первым в советском хоккее поставил на поток «селекционную работу», когда практически любой талантливый игрок с периферии оказывался в составе ЦСКА. До него подобное практиковал и Тарасов, при котором армейский клуб и сборная фактически стали синонимами. Но легендарный хоккейный тренер отдавал приоритет воспитанникам армейской юношеской спортшколы, таким как Михайлов или Харламов. При Тихонове талантливых хоккеистов не только призывного возраста, но и уже показавших себя в деле мастеров начали свозить в ЦСКА со всей страны: как юного Могильного из Хабаровска или десятилетием раньше Балдериса из Риги.

Революционное начинание Виктора Тихонова, который или сам, или с помощью доброхотов искал новичков на Урале и в Сибири, впоследствии переняли практически все тренеры ведущих игровых клубов страны: от футболистов до мастеров ручного мяча. Впрочем, у такой селекции была и негативная сторона: ради успеха базового клуба сборной обескровливались самобытные провинциальные клубы. Во многом благодаря столь широкой селекционной работе Тихонова и праву «первой хоккейной ночи» при выборе игроков, ЦСКА десять раз подряд становился чемпионом страны. Стоило в конце 1980-х – начале 1990-х годов ЦСКА расстаться с целой группой игроков, укативших за океан, армейская команда угодила в глубокий системный кризис, которому, объективности ради, поспособствовали некоторые дельцы от спорта.

Столь явное превосходство одного клуба над другими в общем-то мешало развиваться советскому хоккею и начисто «душило» интригу в отечественном чемпионате, поскольку еще до

начала очередного первенства страны любой, даже неискушенный болельщик мог предсказать будущего победителя. За много туров до окончания чемпионата игрокам ЦСКА можно было вешать на шею золотые медали. Вот лишь один пример. В сезоне 1983/84 года, последнем в большой игровой карьере Мальцева, ЦСКА Виктора Тихонова показал невиданный доселе результат в чемпионате СССР, одержав 43 победы в 44 матчах. О превосходстве армейцев над соперниками ярче всего говорит такой факт: серебряного призера, «Спартак», они опередили на 28 очков, а бронзового, «Химик», – на 29. Причем у этих команд армейцы, иногда с разгромным счетом, выиграли восемь встреч из восьми!

Виктор Тихонов одним из первых в мире стал использовать технические новинки в хоккее. Едва появились в обращении видеомагнитофоны, как Тихонов стал ставить во время разбора игр и подготовки к матчам пленки с записью прошедших поединков, что позволяло ему разбирать действия своих хоккеистов и тактику противника.

Виктор Тихонов, придя в ЦСКА в 1977 году, сразу обратил внимание на нелады в армейском коллективе с дисциплиной в быту. Хоккеисты уже забыли о «железной руке» Анатолия Тарасова и позволяли себе расслабиться. Эта «расслабленная аура» повисла и над игроками сборной при добром и внимательном Борисе Петровиче Кулагине, который, по воспоминаниям ветеранов хоккейной сборной, умел находить ключ к каждому игроку, всегда интересовался жизнью хоккеистов вне льда, был внимателен к самым разным сторонам быта спортсменов.

Тихонов, как в свое время Юрзинов в «Динамо», сразу понял, что ведущие хоккеисты ЦСКА, составляющие костяк сборной, находятся в состоянии низкой функциональной и психологической готовности. Причину этого он видел в расслабленности и избалованности игроков, в отсутствии у них должной мотивации из-за пресыщенности победами. Встряску ветеранов ЦСКА, а вскоре и сборной он начал с того, что основательно нагрузил игроков физическими упражнениями и ввел двухразовые тренировки, чего практически не позволяли себе его знаменитые предшественники. (Уже потом Тихонов просто станет впускать в ЦСКА свежую кровь, избавляясь от ветеранов.)

Самым «жутким» упражнением Тихонова, пришедшего в ЦСКА, по воспоминаниям хоккеистов, были так называемые интервальные тренировки. В субботу у команды была тренировка, в воскресенье выходной, а понедельник Тихонов устраивал так

называемое «Сантьяго». «В команде их прозвали “Сантьяго” – помните, как в Чили был путч (в 1973 году) и на стадионе людей расстреливали? – признавался в одном интервью знаменитый защитник ЦСКА и сборной Алексей Касатонов. – Пробежать 16 отрезков по 400 метров с короткими паузами – ребята, это пытка! Особенно когда у тебя вес под центнер, а на дворе жара 30 градусов. Пульс был запредельный. Порой после таких забегов игроков откачивали врачи. Единственный, кому все было нипочем, – Балдерис. Он-то с Тихоновым еще в рижском “Динамо” работал, так что организм уже был адаптирован к этой пахоте. А вот Петров, Михайлов, Харламов и другие ветераны после проклятого “Сантьяго” долго не могли прийти в себя»[29].

Тогда же Тихонов начал «ставить» армейцам игру в четыре звена. Валерий Харламов говорил, что Виктор Тихонов не напоминал игрокам прежних тренеров. «Когда в июле Тихонов сказал нам, что мы будем во время одной тренировки, точнее, в ее конце пробегать десять раз по 400 метров, причем каждый раз укладываться в 70 секунд, то мы восприняли это как дурную шутку. А сейчас пробегаем, и ничего, живы. Заставили себя и как следствие – преодолели собственную инерцию, собственный скепсис, недоверие к идеям тренера», – признавался Харламов через несколько месяцев после прихода тренера в ЦСКА и сборную.

«Став наставником ЦСКА, Тихонов не стал рубить с плеча, перестраивать на свой лад весь учебно-тренировочный процесс, ломать проверенные игровые концепции. Все лучшее, фундаментальное было сохранено, хотя в чем-то и тренировки команды, и ее стратегия стали другими», – вспоминал в своей книге Борис Михайлов.

Тихонов свои самые первые турниры в качестве наставника сборной проиграл. Первым был тот самый Кубок Канады 1976 года, на который, правда, советская сборная, как уже говорилось, отправилась в экспериментальном составе. Вторым стал турнир на приз газеты «Известия» в декабре 1977 года. Известинский турнир, проводившийся в декабре, незадолго от новогодних праздников, был особенно любим советскими зрителями. Он пользовался огромной популярностью и в Европе. Всем нравился и его талисман – симпатичный снеговик, которого в 1969 году придумал бывший главный редактор «Известий» Борис Федосов.

«Домашнее поражение стало причиной больших разборов на самом высоком уровне. Тогда меня второй раз в жизни вызвал к себе председатель КГБ Юрий Андропов. Первый раз это случилось при назначении главным тренером ЦСКА и сборной. Юрий Владимирович сказал, что на следующий день после матча вся

работа в стране была, по сути, завалена. Нет, заводы и фабрики работали по-прежнему, но работали плохо», – вспоминает Виктор Тихонов. Андропов прямо сказал новому тренеру сборной, что после ее поражения на турнире настроение плохое у всей страны.

«Тогда же я накрепко запомнил и другую его фразу, – продолжает Виктор Тихонов. – Андропов сказал: “Не важно, кто победит в нашем чемпионате. Да и не страшно проиграть в любом турнире по ходу сезона. Но для страны крайне важно, чтобы наши хоккеисты стали первыми в мире”. Тогда я и осознал всю глубину ответственности, возложенной на главного тренера сборной страны. И до сих пор живу с этой ответственностью»[30].

Виктор Тихонов, став у руля сборной команды страны летом 1977 года, начал готовить ее к пражскому чемпионату мира. У него, как у сапера, не было права на ошибку. Руководство страны и в первую очередь болельщики не поняли бы, если сборная СССР уступила бы третий раз подряд. И не дай бог чехам.

В 1978 году гораздо острее, чем в последние годы встала проблема смены поколений. По признанию самого Мальцева, острой конкуренции за место в составе сборной СССР еще не ощущалось, и тренеры были озабочены поиском талантливых хоккеистов. «В юношеских командах на призы “Золотой шайбы” играли вроде бы перспективные ребята. Но когда наступало время переходить в команду рангом выше, где требования значительно жестче, далеко не все их выдерживали. Тогда, в конце 1970-х, обнажилась серьезная проблема в детском хоккее. Мальчишек мало учили мыслить на поле, играть тактически грамотно, разнообразно. Не всегда учитывались индивидуальные способности того или иного юного хоккеиста», – вспоминает Александр Мальцев.

По его словам, на чемпионат мира 1978 года советская команда выезжала с запредельным настроем. «Все хоккеисты ехали с одной мыслью – должны победить! Тем более как показывал опыт предыдущих лет, чехословацкая сборная три чемпионата мира подряд на высокой ноте играть не может, – вспоминает Мальцев. – Помню, что скорей хотелось выйти на лед, прямо в бой. Тогда с таким вдохновением мы уже не играли давненько».

На чемпионате в Чехословакии по давней традиции победных лет советская сборная сразу взяла с места в карьер. Со счетом 9:5 была повержена команда США (Мальцев отличился один раз). Затем были обыграны команда ФРГ 7:4 (шайба в активе динамовца), Финляндии 6:3, ГДР 10:2 (Мальцев отличился дважды). Пятую победу подряд сборная СССР одержала над шведами со счетом 6:1 и начала готовится к поединку с

хозяевами турнира.

Надо отметить, что в Праге 1978 года советская сборная столкнулась с таким психологическим прессингом, что канадцы с их прежними «психическими атаками» попросту отдыхали. Чешские болельщики припомнили все обиды, затаенные на советскую сборную со времен Тарасова с его провокациями. Везде, в телевизионных обзорах и газетных статьях, достоинства сборной СССР преуменьшались, а болельщики на трибунах во время матчей с ее участием были настроены против команды Советского Союза. Вдобавок на советскую команду обрушилась эпидемия травм. Уже в начале турнира из-за разного рода повреждений из состава сборной выбыло несколько ключевых и опытных игроков: Петров, Цыганков, Капустин.

Первая игра между советскими и чехословацкими хоккеистами, закончившаяся победой хозяев со счетом 6:4, запомнилась грандиозной дракой, которую спровоцировали игроки сборной ЧССР после забитого ими в ворота Третьяка гола. В этот момент советское телевидение показывало заставку вместо репортажа из Праги.

Накануне двух последних и самых решающих поединков с Канадой и сборной ЧССР ослабленная травмами ведущих игроков советская команда к тому же не имела права выбора: для того чтобы становиться чемпионом мира, нужно было выигрывать у двух наиболее сильных из конкурирующих команд. И оба поединка стали «валидольными». На пражский чемпионат приехала более мастеровитая, чем годом ранее, канадская сборная. «Очень хорошо идут у канадцев игра на пятачке перед воротами, силовая борьба, единоборство, – отзывался во время чемпионата мира в интервью одной из советских газет об игре канадских игроков Александр Мальцев. – В свою очередь, от советского хоккея канадцы переняли более разнообразные тактические действия. Ведь раньше они играли, прямо скажу, прямолинейно. Сейчас канадцы тренируются по советской методике, и любители хоккея могли убедиться, как быстро они прогрессируют в технической подготовке. А ведь наверняка что-то еще скрывают».

Чуть позже об игре с канадцами легендарный актер Евгений Леонов скажет: «Такую драму не напишет ни один драматург». За четыре минуты до конца на табло горели цифры: 1:1. Такой счет не устраивал обе команды. Но тут, за четыре минуты до конца встречи, канадский игрок Левер забросил шайбу в ворота Третьяка. Канадцы попадали в объятия друг друга прямо на скамейке и радовались так, будто только что стали чемпионами мира. Левер подъехал к воротам Третьяка и трижды, вынимая

шайбу из сетки, снова закидывал ее в ворота. Дескать, смотрите, какие мы крутые.

Но эти мгновения не стали холодным душем для советских игроков. Наоборот, после того, что случилось, в состояние долговременного «грогги» угодили сами «Кленовые листья». Гол так разозлил хоккеистов сборной СССР, что они уже после первого вбрасывания приступили к яростному штурму. Кому, как не Харламову было суждено сравнять счет. Потом Капустин с передачи Балдериса вносит сумятицу в канадские порядки. А молодой Вячеслав Фетисов и вовсе пригвождает их к стенке – 4:2. И канадцы бессильно падают на чешский лед. Во второй встрече с родоначальниками хоккея советская сборная одержала победу со счетом 5:1. Один раз в ее составе отличился Александр Мальцев. Во второй встрече со шведами, в которой блеснул Балдерис, забросивший три шайбы, сборная СССР победила еще более уверенно 7:1.

Настала пора решающего поединка. Хозяева чемпионата всем своим видом показывали, что вскоре положат в свою копилку третье подряд золото мировых первенств. Собственно, все к этому и шло. Перед заключительным туром сборная ЧССР набрала 18 очков, сборная СССР – 16. Причем советской команде для того, чтобы стать победителем первенства мира, нужно было не просто выиграть у чехов, а одержать победу с разницей минимум в две шайбы. В Праге уже шли приготовления к шикарному банкету, где должны были чествовать трехкратных чемпионов мира.

Эта игра советской команды со сборной ЧССР однозначно входит в число лучших хоккейных матчей прошлого столетия. Здесь было все, что должно присутствовать в настоящем хоккейном триллере: трибуны, неистово поддерживающие хозяев, не до конца объективная работа судей, попавших под психологический пресс шумного зала, превосходная игра вратарей и, наконец, чудо-голы нападающих. Напряжение, которое охватило болельщиков в СССР, было таким запредельным, что когда в Праге проходил этот матч, в московских аэропортах были задержаны вылеты многих рейсов. Все пассажиры столпились у телевизоров, и никакие объявления, призывы, уговоры, даже угрозы лишить места в самолете не могли заставить их пройти на посадку.

На разминке перед матчем, состоявшимся 14 мая 1978 года, советским игрокам стало ясно по бледным и напряженным лицам хозяев, что те психологически перегорели. Сборная СССР сразу взяла нити игры под свой контроль. Первую шайбу в первом периоде встречи провел блиставший в том сезоне Хельмут Балдерис. Затем во втором периоде после изящной перепасовки

Михайлов – Петров последний провел вторую шайбу. А в третьем периоде Владимир Голиков увеличил счет до 3:0.

«Через две минуты капитан сборной ЧССР Иван Глинка “раскупорил” мои ворота, и этот успех придал хозяевам новой силы. Что тут началось! Нам нужно было выстоять в течение десяти минут. Десять минут… Какими долгими могут они казаться! – вспоминал Владислав Третьяк в своей книге «Хоккейная эпопея». – Незадолго до конца, когда чехословацкие хоккеисты предприняли яростный штурм и судьба золотых наград висела на волоске, у нас почти не осталось игроков. С тяжелой травмой покинул каток Мальцев. Шайба едва не высадила глаз Лутченко, и он тоже вышел из строя. Сердечный приступ свалил здесь же, на скамейке, Васильева… Врач метался от одного к другому. Вдобавок Билялетдинов получил двухминутный штраф».

«Перенапрягся сильно. Лутченко сломался, Цыганков – тоже, и решающий матч с чехами играли в три защитника. Тихонов и Юрзинов отвернулись, мы сами менялись, а нужно было обязательно в две шайбы выиграть. Сердце прилично прихватило», – вспоминал Валерий Васильев[31]. Уже позже в Москве, во время медицинского обследования на летних сборах выяснится, что во время того памятного поединка мужественный игрок советской сборной перенес инфаркт на ногах…

На третий период из-за травмы Александра Мальцева заменили. И здесь произошел казус. Он на минуту задержался в раздевалке и оказался запертым. В спешке администратор сборной закрыл дверь комнаты, где переодевались советские хоккеисты, на ключ. «Так я просидел взаперти. Не барабанить же в дверь, все равно бы в таком гуле не услышали. Весь третий период показался мне вечностью. По реакции трибун, как ни старался, не мог определить, куда же склоняется чаша удачи. Но вот раздались шаги, стали отпирать дверь. Слышу – на трибунах тишина, значит, все в порядке», – вспоминает Мальцев.

Надо отдать должное хладнокровию спортсмена. Так обыденно, будто он нисколько не сомневался в победе своих товарищей, он говорит о том «инфарктном» матче. «А я и не сомневался», – отвечает игрок, словно читая мой вопрос. Сборная СССР победила со счетом 3:1 и завоевала звание чемпионов мира по хоккею 1978 года.

Первые два периода той игры показывали в прямой трансляции. Когда шел третий период, в сетке эфира была запланирована трансляция программы «Время». Тогда – это было святое. Эту программу никто и никогда не сдвигал, за исключением того самого матча в 1969 году, когда по воле Тарасова армейские хоккеисты ушли со льда, а телевидение

«ожидало» вместе с болельщиками, когда они вернутся. Третий период начался в 21.30 и тогда, за неимением мобильников и Интернета, практически никто не знал, чем же закончился матч. Болела вся страна, и, конечно, генсек Брежнев, который кричал, как мальчишка, в своей резиденции в Завидове, сильно пугая домочадцев.

Сергей Мальцев, брат хоккеиста, вспоминает, что особо переживала за результат поединка, державшего в колоссальном напряжении всю трехсотмиллионную страну, их мама Анастасия Степановна. «“Ты иди, папка, в другую комнату, нечего тебе волноваться”, – сказала мама отцу, а сама включила телевизор. Мама так сильно переживала, особенно когда Саша получил травму и не вышел в третьем периоде, что врачи “скорой” приезжали делать ей уколы, чтобы сбить высокое давление. Хотя медики не рекомендовали ей волноваться, она все равно потом неизменно включала телевизор всякий раз, когда шли хоккейные баталии», – вспоминает Сергей Мальцев.

Сам хорошо помню, что когда закончилась игра, телевидение впервые не стало обрывать трансляцию после финального свистка, а показало ликующих хоккеистов, и даже Виктора Тихонова, дебютанта-победителя, который плакал на скамейке запасных на плече у кого-то из чиновников. В те минуты от счастья плакали и хоккеисты, и миллионы болельщиков. Пожалуй, по эмоциям эти переживания народа были схожи с теми, что пришлось испытать ему ровно через 30 лет, когда сборная России обыграла канадцев на их родном льду, в Квебеке, в невероятно трудной игре…

В весенней Москве 1978 года в одиннадцатом часу ночи рябило от света в окнах простых советских людей, а кто-то за неимением в те годы фейерверков пускал в майское небо столицы зажженные газеты, смотревшиеся как падающие с неба факелы…

Мальцев на первенстве мира отыграл в третьей, динамовской, тройке с братьями Голиковыми все десять матчей. Он забил пять шайб и отдал восемь результативных передач, став лучшим бомбардиром сборной СССР и заняв третье место по системе «гол плюс пас» среди всех игроков чемпионата. Александр Мальцев попал в символическую сборную мира на месте центрального нападающего. Хоккейные обозреватели отметили этот уникальный случай, вспомнив, что в начале своей карьеры Мальцев входил в подобную сборную на месте крайнего форварда.

Победа, которую советские игроки одержали в крайне тяжелых обстоятельствах, продемонстрировав тот самый русский характер, о котором слагали легенды, окрылила всю огромную

страну. В Москве игроков сборной встречали как национальных героев. Щедрый Леонид Ильич Брежнев, пребывавший в особом восторге от победы советских спортсменов, распорядился удостоить особо отличившихся на негостеприимном пражском льду игроков сборной орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Любопытный эпизод случился на следующий день после победы советской сборной в Праге. Довольный и особенно обаятельный в такие минуты генсек КПСС, причмокивая губами, вошел в зал заседаний Политбюро и встряхнул «полусонное царство» престарелых вождей своим звучным возгласом: «С победой вас, дорогие товарищи!» – «С какой победой?» – недоуменно шепнул кто-то из присутствующих. Но не успел договорить. В зале раздались дружные аплодисменты, а на лицах членов Политбюро засияли улыбки. «С хоккейной, разумеется!» – подытожил Брежнев.

В ЧССР признали закономерность успеха русских. «Советская хоккейная сборная вновь подтвердила свое превосходство над сильнейшими командами мира, продемонстрировала, что она играет в хоккей лучше всех и современнее всех», – писала чехословацкая газета «Руде право».

Пражский чемпионат мира 1978 года многие специалисты называют местом рождения «Большой красной машины», как долгие годы в западной прессе именовали действительно мощную советскую хоккейную сборную под руководством Тихонова и Юрзинова конца 1970-х – начала 1980-х годов. Многие убеждены, что «красной машиной» советскую команду называли по цвету флага и формы. Действительно, некоторые иностранные игроки в интервью признавались, что когда советская команда играла не в бело-красной, а в ярко-красной форме, у многих из них сдавали нервы еще до начала игры. Красный цвет в спорте не зря именуют цветом победителей.

Но в случае с «красной машиной» этот вариант не совсем верен. Дело в том, что в Северной Америке «Большой красной машиной» в 1930-е годы называли уникальную бейсбольную команду из Цинциннати, которая установила вечный рекорд, семь раз подряд становясь чемпионом США по бейсболу. Ее игроки, как и советские хоккеисты, носили спортивные свитера красного цвета. Так что своими истоками это выражение восходит к бейсбольной легенде североамериканского спорта. Тем почетнее, что так окрестили советскую команду в Северной Америке, где действительно знают цену уникальным достижениям в спорте.

В отличие от сборной СССР в «Динамо» у Александра Мальцева дела шли не так, как хотелось бы ему самому. В начале

сезона 1977/78 года бело-голубых с самого начала первенства СССР стали преследовать неудачи. Не заладилась игра у лидеров команды Александра Мальцева и Валерия Васильева. Если в первой половине 1970-х годов у динамовцев еще теплилась надежда побороться с ЦСКА за чемпионство, то к концу 1970-х годов, когда Тихонов стал превращать ЦСКА в «главный филиал сборной СССР», собирая хоккейные сливки со всего Союза, эти надежды стали таять с каждым сезоном.

Мальцев вспоминает, что впервые за все годы карьеры ему в голову закралась мысль: а может, хватит с этим хоккеем. «В эти трудные минуты нам с Валерием сильно помогли динамовские тренеры. Они сумели убедить нас, что все трудности и слабости мы вскоре сообща преодолеем. А потом мы с Валерой Васильевым сели и вместе попытались сами разобраться, в чем состоят наши ошибки, а в чем ошибаются тренеры. Тогда, взвесив все за и против, мы поняли, что не имеем никакого морального права бросить нашу команду в столь сложный момент», – вспоминает Александр Мальцев.

Чемпионат СССР 1977/78 года динамовцы закончили вторыми, уступив 13 очков победителям первенства армейцам. Мальцев, который не попал в число лучших бомбардиров чемпионата, тем не менее, в очередной раз вошел в традиционную сборную лучших игроков сезона в СССР. И снова как на чемпионате мира на позиции центрфорварда.

Начало нового всесоюзного чемпионата сезона 1978/79 года у динамовцев также вышло скомканным. Были в играх того первенства запоминающиеся эпизоды. В матче с ЦСКА случился один момент, от которого Мальцев потом долго отходил. Команды сыграли вничью, а на последних секундах матча Александр Мальцев промазал в пустые ворота соперника с метра! После игры Мальцев швырнул клюшку, а в раздевалке динамовские игроки долго не могли его утешить…

Предолимпийский сезон 1979 года обещал быть интересным. Сборной СССР предстояло защитить титул чемпионов мира на родном льду, а еще ранее в феврале – сразиться с канадцами на Кубке вызова. И этот необычный турнир, и чемпионат мира в Москве Александр Мальцев пропустил из-за аппендицита. Если бы из-за простого аппендицита. Игрок, как уже говорилось, оказался отрезанным от хоккея на несколько месяцев из-за врачебной оплошности – забытой в его теле салфетки.

Оба турнира сборная СССР провела выше всяких похвал. Помню, что интерес к матчам национальной команды на чемпионате мира был таков, что о лишнем билете можно было даже не заикаться, а во время прямых телетрансляций из

«Лужников» улицы Москвы попросту вымирали. Так в 1979 году будет еще раз. Когда по Центральному телевидению перед программой «Время» начнут премьерный показ пятисерийного фильма «Место встречи изменить нельзя» с неподражаемым Высоцким…

Сборная СССР победила в девяти встречах из девяти, особенно впечатляющую победу одержав над командой Чехословакии 11:1. В шести встречах со своими главными конкурентами сборная СССР забила 51 шайбу – практически по 9 за матч!

Провести Кубок вызова 1979 года предложили сами канадцы, которые попытались подправить неудачную для себя статистику встреч с Советами и доказать, что лучшие хоккеисты мира, на их взгляд, «жили и живут в Северной Америке». Канадцы были уязвлены статистическими данными о личных встречах со сборной СССР: в 31-м поединке, проводившемся с 1972 по 1979 год между советскими хоккеистами и канадскими профессионалами, последние одержали только 10 побед при 18 поражениях и трех ничьих. Разница шайб и вовсе была удручающей для хозяев льда: 140:101 в пользу русских.

Кубок вызова 1979 года, на который советская команда отправилась без Мальцева, состоял из трех встреч. Победителем серии становилась та команда, которая выиграет два матча из трех. Все они проходили в Нью-Йорке на льду знаменитого культурно-спортивного комплекса «Медисон-сквер-гарден». Первую игру советские хоккеисты проиграли со счетом 2:4, во второй сумели, с трудом переломив ход встречи, взять реванш 5:4. Причем соперниками советской команды были не просто канадцы, а лучшие игроки НХЛ той поры, которые, как на матч звезд, выбирались зрительским голосованием. Возглавил эту команду Скотти Боумэн.

Канадцы долго искали «хоккейное противоядие» против Владислава Третьяка, признаваясь, что он «попросту гипнотизирует» нападающих сборной Канады. Каково же было их изумление, когда на третий, решающий, матч в воротах советской сборной появился никому не известный белокурый новичок Владимир Мышкин. У него, находившегося в «тени Третьяка», до этого в активе был лишь один матч, сыгранный за сборную СССР. Это ошеломило канадцев, которые заранее отрабатывали «противотретьяковскую» систему.

6:0 в пользу сборной СССР – такие, греющие душу советских хоккеистов и конечно же болельщиков и унизительные для канадских игроков, цифры горели на табло после окончания решающей встречи. Кстати, в матчах Кубка вызова в 1979 году

советским хоккеистам заплатили по 350 долларов за выигрыш. А канадцы уже за одно то, что попали в состав команды, получили по 5 тысяч долларов подъемных. В эти дни по советскому телевидению как раз показывали премьеру долгожданных приключений д'Артаньяна и трех мушкетеров. Советские зрители пребывали в состоянии эйфории, когда им сначала показали озорной фильм о похождениях героя Боярского и его товарищей, а потом, в записи, не менее восхитительное зрелище, когда советские хоккеисты «раздели» канадцев на их же собственном льду.

Земляк Мальцева, уроженец Кирово-Чепецка Владимир Мышкин выдал такую потрясающую игру, что все канадские и североамериканские газеты вышли с фотографиями чудо-новичка. Только в английском языке нет аналога впечатляющей русской буквы «ы». Поэтому вратаря называли то «Мушкиным», то «Мишкиным», то «Мошкиным». Что, впрочем, не убавляло восхищения местными специалистами его игрой. Знаменитый игрок канадцев Бобби Кларк потом грустно шутил: «Мы должны сказать вашим тренерам спасибо, что те не сразу поставили в ворота Мышкина». А у чепецких появился еще один повод для гордости.

Эти самые 6:0, да еще без Третьяка, без Мальцева, заставили, как по команде, замолчать даже самых ярых противников советской сборной. Похоже, для многих было очевидно, кто является «без пяти минут» чемпионом надвигающегося хоккейного турнира в Лейк-Плэсиде…

Глава шестнадцатая
ОБИДНАЯ ОСЕЧКА В ЛЕЙК-ПЛЭСИДЕ

Еще никогда в истории Олимпийские игры не проводились на таком напряженном политическом фоне, как зимние 1980 года в американском Лейк-Плэсиде. Это был пик спортивного противостояния между СССР и Северной Америкой, которое началось в начале 1950-х годов, когда советские спортсмены впервые появились на мировых чемпионатах и Олимпиадах.

В декабре 1979 года по распоряжению Кремля советские войска были введены в Афганистан. Это решение вызвало бурю возмущения на Западе, приведя к очередному витку холодной войны между двумя державами. Американцы дали понять, что будут бойкотировать летнюю Олимпиаду 1980 года в Москве. На высоком уровне было принято решение, что советские спортсмены все же поедут в Лейк-Плэсид. На эти игры делалась особая ставка. Установкой Политбюро была не только победа в общекомандном зачете, но и завоевание хоккейного золота. Москве это было важно не столько в спортивном, сколько в политическом плане для того, чтобы, как говорится, «уделать американцев на их родной земле». В случае победы на Олимпиаде в США всем без исключения хоккеистам советской сборной в Кремле намеревались вручить ордена Ленина.

Накал противостояния был запредельным. Что говорить, если в те годы, как во время Суперсерии 1972 года, появился еще один культовый мультфильм. Только на этот раз не о сражении «мягких» и «деревянных» игрушек, а о суровом противоборстве хоккейных команд «Метеор» и «Вымпел». Одни мультипликационные хоккеисты предстали в мультфильме опрятными, аккуратными, играющими в красивый хоккей.

Другие – неотесанными, грубыми, лохматыми, норовящими ударить соперника исподтишка. Нетрудно было понять, кого представляли себе зрители, просматривая этот вроде бы невинный детский мультик.

Вселившись в Олимпийскую деревню, советские спортсмены быстро поняли, «куда они попали». Она до сих пор признается одной из худших в истории Олимпиад. Чтобы «жизнь медом не казалась», олимпийцев поселили в зданиях будущей тюрьмы для подростков-наркоманов. Тюремным бытом здесь было пропитано все, начиная от узких номеров с двухъярусными кроватями, умывальником без душа, заканчивая депрессивными тонами покрашенных стен. «Проживание в этой “деревне” было похоже на

пытку. По ночам чувствовался такой холод, что приходилось укрываться двумя-тремя одеялами. В номерах трещали вентиляционные моторы. Условий для того, чтобы настроиться на игры или, наоборот, прийти в себя после матчей, не было никаких», – вспоминает Александр Мальцев. И так жили практически все команды… кроме американской и канадской сборных. Но на все это советские спортсмены старались не обращать внимания, думая о предстоящих соревнованиях.

На играх в Лейк-Плэсиде особые надежды возлагались на хоккейную сборную, которая после пары осечек на чемпионатах мира в середине 1970-х годов снова доказала, что она лучшая в мире. «Возможно, это была лучшая хоккейная сборная в истории Советского Союза», – скажет позже Вячеслав Фетисов. В глазах рябило от одного обилия звезд в ее составе: Третьяк, Васильев, Фетисов, Петров, Харламов, Михайлов, Мальцев, Балдерис и, как говорится, «далее по списку»…

И накануне ванкуверской Олимпиады Игорь Ларионов также заметил, что та сборная, игравшая в Лейк-Плэсиде, была лучшей в истории советского хоккея, хотя сам он тогда еще не выступал в ее рядах. «Абсолютно непобедимая команда. Как бы вы ее ни раскладывали, не было ни малейшего шанса, что она может кому-либо проиграть вообще»[32].

Сомнений в том, что такая команда обязательно одержит победу, накануне самих игр практически не было. На тот момент это была действительно сильнейшая ледовая дружина на планете. И сами спортсмены искренне уверовали в свои силы. «Одолеть сборную СССР в конце 1970-х – начале 1980-х годов было невероятно трудно. Я считаю ее самой сильной командой за всю историю мирового хоккея. Нынешняя сборная России, даже сплошь укомплектованная звездами НХЛ, не выдерживает сравнения. Они же индивидуалисты – каждый играет не на команду, а на себя, – признавался в одном из интервью Иржи Холик. – Команда функционировала, как машина. Ее заводили на 60 минут, и все это время она прессовала своего противника. До тех пор, пока от него не оставались рожки да ножки».

Положительных эмоций накануне Олимпиады добавила победа в товарищеском матче над хоккейной сборной США. Русские парни не оставили ни малейших шансов американцам, как говорится, «разделав их под орех», со счетом 10:3. Правда, олимпийская сборная хозяев была на три четверти составлена из американских студентов. Александр Мальцев в этой встрече забросил две шайбы, по разу отличился каждый из форвардов легендарной тройки Михайлов – Петров – Харламов, для которых выступление в Лейк-Плэсиде стало последним на Олимпиадах.

В 1980-м впервые в один год с Олимпийскими играми не состоялся чемпионат мира. На Олимпиаде в Лейк-Плэсиде была опробована новая формула хоккейного турнира: сборные были разбиты на две группы, «голубую» и «красную», по шесть команд в каждой. В дальнейший этап выходили по две команды из каждой группы, которые с учетом игр претендентов в своих группах на первом этапе образовывали финальную пульку. Фавориты Олимпийских игр: сборные СССР и ЧССР были разведены в две разные группы, в «красную» и «голубую», соответственно. Команда СССР подтвердила свой высокий класс, одержав пять побед в пяти встречах, причем две из них с двузначным счетом (над Японией 16:0, над Нидерландами 17:4). Победы над командами Канады (6:4) и Финляндии (4:2) были одержаны на классе, и специалисты замечали, что сборная СССР в этих встречах «позволила себе немного повальяжничать». А вот извечный противник русских команда ЧССР – удивила всех. Чехословацкая дружина уступила командам США и Швеции, выбыв из борьбы за золото и получив шанс побороться лишь за пятое место. По сути, для сборной СССР была расчищена дорога к золотому пьедесталу.

Итак, 22 февраля советская команда начала финальный турнир Олимпиады встречей с американской сборной. Никто не рассматривал возможность поражения, напротив, члены советской делегации даже спорили друг с другом, сколько шайб команда СССР заколотит в сетку американских ворот. Как говорили, в победу американцев не верил никто, кроме тренера Хёрба Брукса. Усыпило бдительность советских хоккеистов и то, что свой групповой турнир сборная СССР выиграла с общей разницей шайб «плюс 40».

Сами американские хоккеисты тоже полагали, что не смогут обыграть русских. Разозленному Хёрбу Бруксу пришлось использовать крайние методы накачки игроков. Перед игрой на тренировке он даже вышел из себя, крикнув: «Джентльмены! У вас недостаточно таланта, чтобы выигрывать на одном таланте». Благодаря Бруксу у американцев действительно оказался сумасшедший настрой на эту встречу. Перед самим матчем тренер американцев еще раз «встряхнул» своих игроков, заведя их уже не обидными, а пафосными фразами, которые и по сей день вспоминают участники той команды: «Вы были рождены, чтобы стать хоккеистами. Вы должны были попасть сюда. Этот момент принадлежит вам». Брукс тщательно изучил манеру игры советской сборной, поняв, что ее главный козырь кроется в отменной физической подготовке и необычайной выносливости, позволявшей дожимать самых неуступчивых противников в

концовках встреч.

Перед Олимпиадой он здорово натаскал физически своих подопечных, которые впервые оказались под прессом таких нагрузок. В итоге 22 февраля 1980 года «красной машине» противостояла по-спортивному злая, хорошо обученная, сочетавшая элементы силового канадского хоккея с комбинационным европейским стилем, а главное, голодная до побед сборная. «Наша команда в 1980 году сыграла в фантастический командный хоккей», – признавался в интервью бывший игрок американской сборной и «Миннесоты» Нил Бротен.

Зная, что от этого матча, скорее всего, не следует ожидать сюрприза, телекомпания Эй-би-си, освещавшая Олимпийские игры, даже не поставила трансляцию в прямой эфир. Когда игра началась, 10 тысяч болельщиков в едином порыве принялись размахивать флагами и скандировать «USA all the way!». Во время матча с советской сборной на трибунах висели разные плакаты, в том числе на русском языке. В некоторых из них, в оскорбительной форме, Советы настойчиво просили поскорее убраться из Афганистана.

Несмотря на гул, шум, свист в ледовом дворце, советская сборная быстро повела в счете, но американцы, в тот день костьми ложившиеся на льду, сразу же показали, что не собираются сдаваться. Их форвард Джонсон сравнял счет после грубой ошибки обороны и Владислава Третьяка. Самое обидное, что этот гол был забит всего лишь за секунду до перерыва. Защитники сборной решили, что время первого периода уже закончилось, когда Третьяк неудобно отбил шайбу впереди себя и на отскок шайбы никто не пошел, кроме американцев. «В мгновение ока Джонсон, оказавшись один на один с советским вратарем, сумел обыграть его кистевым броском. Но что это? Гол или не гол? Красный сигнал почему-то не горит. Однако судья указывает, что гол засчитан. Оказывается, красный фонарь не зажегся потому, что уже горел зеленый, показывающий конец периода. Потом выяснилось, что надо доиграть еще одну секунду. Русские уже покинули площадку. Арбитр вновь приглашает их на лед, хотя это просто формальность» – так трактовался этот эпизод в книге «Один гол», написанной американцами Пауэрсом и Каминским о Лейк-Плэсиде.

Доиграть секунду в первом периоде на лед вышли три полевых игрока и второй вратарь, тот самый Мышкин, чье имя гремело в Северной Америке после выдающейся игры на Кубке вызова в 1979 году. Впоследствии Тихонов сожалел об этом: «Я послушал тех, кто советовал мне после ошибки Владислава Третьяка на последней минуте первого периода заменить его на

Владимира Мышкина. Потом я извинился перед Владиславом». Комментаторы заметили, что сборная после замены Третьяка на Мышкина потеряла уверенность, хотя по-прежнему доминировала на площадке. Второй гол в составе советской сборной забил Александр Мальцев. Но к тому моменту 30-й номер, малоизвестный американский вратарь Джим Крейг, потом так и не нашедший себя в НХЛ, творил в рамке чудеса.

Стало ясно, что исход противостояния решится в заключительном отрезке игры, на который сборная СССР выходила отнюдь не безоговорочным фаворитом. Настоящая паника началась в советской сборной после того, как на 8-й минуте третьего периода американцы забили третью шайбу, реализовав численное преимущество после сомнительного удаления Крутова, а вскоре капитан американской команды Майк Эрузионе вывел сборную США вперед. «После второго периода мы вели 3:2, и надо было собраннее действовать в обороне. Но тут между коньков Сергея Старикова проскакивает шайба прямо на клюшку американского нападающего и пролетает у меня под щитком», – вспоминал Владимир Мышкин. Ни наскоки, ни хаотичные атаки советских хоккеистов не приводили к успеху: шайба летела куда угодно, в каркас ворот, в защитников, в самого вратаря Крейга. Но только не в сами ворота. На последней минуте матча Мальцев, выйдя в звене с Михайловым и Харламовым, слева от ворот с неудобной руки, а затем с синей линии щелчком бросал в створ, но Крейг неизменно вставал на пути шайбы.

В последние секунды матча, когда все 10 тысяч американцев принялись дружно отсчитывать хором истекающие цифры, американский телекомментатор Эл Майклз сказал фразу, которая дала название самой игре и фильму о ней: «Вы верите в чудо? Я – да!» Американцы утонули в объятиях друг друга, камера выхватывала победно вскидывавших руки Хёрба Брукса и героя матча Крейга, а комментатор Майклз только успевал восклицать: «Невероятно! Нет слов!»

Итак, накануне одного из самых торжественных праздников – Дня Советской армии «красная машина» уступила не просто «идеологическому противнику», а команде американских студентов, прыгнувших выше собственной головы. Унынию советских мужчин не было предела. Лучшего подарка американцам и их мощной пропагандистской машине, начавшей называть СССР «империей зла», трудно было придумать.

«Miracle on ice!» – «Чудо на льду!» – так окрестили американские журналисты происшедшее в тот день. И хотя в заключительном матче советские хоккеисты разгромили шведов

со счетом 9:2, это уже не помогло. Благодаря успеху в личной встрече на Олимпиаде победили американцы. Этот их триумф официально признан самым выдающимся спортивным достижением Соединенных Штатов в XX веке.

После окончания игры и тренеры, и игроки советской сборной находились настолько в шоковом состоянии, что оцепеневший Виктор Тихонов даже забыл пожать руку главному тренеру американской сборной. Хёрб Брукс, прославивший сборную США в Лейк-Плэсиде, трагически погиб в автомобильной катастрофе в Миннесоте летом 2003 года.

После победы американских хоккеистов в Америке началось нечто невероятное: коллекционеры гонялись за квитками билетов на этот исторический матч, скупая их по невероятной цене. О том, какое значение придается этой победе в США, говорит тот факт, что про нее в Голливуде в 2000-е годы снят художественный фильм, который так и называется «Чудо на льду». Победа «звездно-полосатых» американских хоккеистов живописуется в нем во всех красках. На роль Хёрба Брукса пригласили не кого-нибудь, а известного актера Курта Рассела. Виктор Тихонов в фильме изображен этаким бездушным тренером-диктатором, а русские хоккеисты едва ли не роботами, выполнявшими все его указания. Словом, типичный для Голливуда сюжет: патриоты Америки сражаются против чужестранцев. Только не с автоматами, а с клюшками в руках.

Воспоминание о черном дне отечественного хоккея в Лейк-Плэсиде и по сей день больная тема для участников той игры. Для отечественного хоккея само название местечка, «Лейк-Плэсид», стало именем нарицательным, обозначающим крупный спортивный провал. «Единственный раз мы и другие звенья отошли от своих принципов и проиграли. Это случилось в 1980 году на Олимпиаде. Ребята смотрели на хоккеистов, выходящих на лед, вопросительно: может быть, вы забьете? И ничего не получилось. Но это пусть печальный, но редкий случай», – говорил Борис Михайлов.

Тихонов в одном из интервью признавал свою вину, памятуя не только о замене Третьяка, но и общих принципах комплектования команды на этот турнир. «При определении состава сборной я не проявил необходимой решительности. Накануне Олимпиады я не хотел, чтобы Владимир Петров, Борис Михайлов и Валерий Харламов в Лейк-Плэсиде играли вместе. Я считал, что отличные, но потерявшие былую скорость звезды уже не смогут тащить за собой всю команду, – говорил Виктор Тихонов. – Хотел дать возможность проявить себя представителям нового поколения: Сергею Макарову, Владимиру Крутову,

Александру Скворцову, Вячеславу Фетисову, Алексею Касатонову, Василию Первухину, Зинэтуле Билялетдинову. Молодые игроки составили компанию опытным ветеранам – Валерию Васильеву, Александру Мальцеву, Юрию Лебедеву, Хельмуту Балдерису… Но перед Олимпиадой Петров, Михайлов и Харламов подошли ко мне и попросили поставить их в одно звено. Для них это был, возможно, последний шанс сыграть вместе. И я уступил. В итоге первое звено сборной не дало ей того, что должно было дать. А в матче с американцами Петров, Михайлов и Харламов выглядели очень уставшими».

В 2001 году, приехав с ЦСКА на родину Мальцева для товарищеских игр с местной «Олимпией», Виктор Тихонов снова вспомнил об Олимпиаде в Лейк-Плэсиде. «Самым тяжелым, обидным оказался наш проигрыш в олимпийском 1980 году. Тем более что тогда у нас была, пожалуй, самая сильная команда, и вот потому, что в ней играли великолепные хоккеисты, мы и потерпели поражение. Они никак не могли психологически избавиться от этого чувства превосходства… Американцы же нас боялись, как огня. А мы считали, все равно, в любом случае победим. И это подвело», – признался Виктор Тихонов.

В 2009 году он и вовсе был предельно откровенен, вспомнив, пожалуй, о своей главной хоккейной неудаче в жизни. «После того как незадолго до Игр мы разгромили сборную США–10:3, хоккеисты расслабились. Хотя каждый день твердил: “Забудьте. Наши главные соперники на Олимпиаде – не чехи, а именно американцы”. Но достучаться до игроков не смог. Все были уверены, что снова легко с ними разберемся. За это и поплатились. А американцы к тому же бежали на допинге, в этом у меня сомнений нет. Что-то им кололи»[33].

Вот как вспоминал о тех горьких минутах Владимир Мышкин, заменивший Третьяка в рамке: «Их вратарь Джон Крейг отбивал шайбы то черенком, то шнурком… Нам залетало что-то из области фантастики. А победный гол нашел малюсенькую щель под рукой. Это реально что-то необъяснимое! С таким нападением мы должны были забивать в разы больше. Видимо, небеса в этот день были за США. Крейг потом пытался закрепиться в НХЛ, но ничего не вышло. Потом вовсе исчез куда-то. Это был миг его славы».

На турнире в Лейк-Плэсиде Мальцев провел семь игр, в которых забросил шесть шайб.

Чемпионат СССР 1980/81 года в очередной раз закончился победой ЦСКА. Динамовцы заняли в первенстве третье место, на целых 26 очков отстав от победителей и на 8 от финишировавшего вторым московского «Спартака». Александр

Мальцев, несмотря на неудачное выступление родного клуба на фоне других московских команд, тем не менее, попал в команду звезд советского хоккея 1981 года на позиции левого нападающего.

После провала на Олимпиаде-80 Тихонов начал серьезную чистку в рядах сборной и уже на чемпионат мира 1981 года поехала заметно омоложенная команда. И этот турнир стал настоящим бенефисом 32-летнего ветерана сборной Александра Мальцева.

Но обо всем по порядку. Надо отдать должное советским болельщикам, которые по обыкновению направляли письма с пожеланиями удачи отечественной сборной в «Комсомольскую правду» со всего Советского Союза. «Даже в самые трудные минуты не забывайте, что у вас в команде есть еще и 23-й игрок – многомиллионная армия болельщиков», – писал читатель из Запорожья. «Дорогие друзья! Коллектив чаеразвесочной фабрики желает вам честной спортивной борьбы и мужественной красивой победы», – писали в адрес хоккеистов из знойного Самарканда.

Сборная СССР ехала на чемпионат мира в Швецию, чтобы реабилитироваться перед отечественными болельщиками за унизительное поражение на Олимпиаде в Лейк-Плэсиде. Основными соперниками советской сборной наряду со шведами и командой ЧССР были канадцы, которым удалось заполучить в свои ряды трех выдающихся представителей НХЛ: самого Тони Эспозито, понюхавшего порох в играх с русскими в Суперсерии 1972 года, могучего защитника Лари Робинсона и знаменитого бомбардира Ги Лефлера.

В составе советской сборной было четыре хоккеиста, которые приезжали на победный для них чемпионат мира в Стокгольме еще 11 лет назад: Александр Мальцев, Владислав Третьяк, Валерий Васильев и Владимир Петров. На следующий день после прилета советская команда начала свои выступления в турнире матчем с записным аутсайдером – командой Голландии. 10:1 – таким было итоговое преимущество сборной СССР, а Александр Мальцев, забросивший в этой игре три шайбы, сразу «взял быка за рога», возглавив список бомбардиров в «любимой Швеции».

Впечатляющими были победы, одержанные сборной СССР и в других матчах. Финны оказались поверженными со счетом 7:1, канадцы – 8:2. Мальцеву, большому специалисту по Швеции, не удалось отличиться в следующем поединке, выигранном у хозяев чемпионата 4:1. В годовщину своего рождения, 20 апреля 1981 года, Мальцев, а вместе с ним и вся советская сборная провели свой, по мнению многих специалистов, лучший и «вдохновенный» матч на турнире, обыграв одного из главных конкурентов,

команду ЧССР, со счетом 8:3. «В этот вечер нашим ребятам удавалось буквально все, чем богато сегодня хоккейное искусство. Они были быстры и техничны, смелы и мужественны, метки и выносливы, хитроумны и хладнокровны. И чехословацкие хоккеисты, похоже, были просто не в состоянии устоять перед вдохновенной игрой наших ребят, чей неудержимый натиск утренние шведские газеты сравнивают с всесокрушающим тараном», – писал в отчете о поединке корреспондент газеты «Известия» В. Калядин. После этого матча «Известия» раздали иностранным журналистам свою традиционную анкету с целью определить «Золотую клюшку» – лучшего хоккеиста Европы 1981 года. Получивший анкету первым, финский журналист Ратчипас вписал в ее самую верхнюю строчку фамилию Александра Мальцева.

Во время чемпионата мира в Стокгольме журналистам удалось взять интервью у почетного гостя турнира Аркадия Ивановича Чернышева. Один из вопросов касался оценки действий на льду Александра Мальцева, который своей вдохновенной игрой покорил сердца местных болельщиков и в очередной раз не заставил специалистов усомниться в своем мастерстве. «Он, как и был, фантазер, светлая голова, – с удовольствием признавался Аркадий Чернышев. – Я очень рад, что он в сборной СССР так великолепно играет и поныне».

Уже в финальной пульке советская сборная подтвердила свой высокий класс. После ничьей с канадцами 4:4 не оставила камня на камне от обороны шведов, разгромив хозяев турнира с неприличным для них счетом 13:1! На счету Мальцева в этом матче были две заброшенные шайбы. Сыграв в заключительном матче шведского первенства 1:1 со сборной ЧССР, в итоговой таблице советские мастера оторвались от шведов на три очка.

Итак, советская сборная в очередной раз завоевала титул чемпионов мира. Мальцев, переживавший вторую молодость, по оценке многих специалистов, был лучшим на шведском турнире. С тринадцатью набранными по системе «гол плюс пас» очками (шесть заброшенных шайб и семь голевых передач) Александр Мальцев занял третье место в гонке лучших бомбардиров мирового первенства. Он вошел в символическую сборную чемпионата мира 1981 года на месте центрфорварда и был признан лучшим нападающим. При этом советский игрок установил рекорд: никому еще не удавалось получить этот титул дважды, с разницей в девять лет. Мальцев же сравнялся и со своим кумиром Анатолием Фирсовым по общему количеству званий лучшего нападающего мировых чемпионатов, удостоенный таковым три раза.

Вернувшись в столицу, лидер московского «Динамо» и сборной СССР стал готовиться к новому сезону, на этот раз имея гораздо более усеченный отпуск. Ведь уже в конце августа предстояло отправиться в Канаду.

Второй розыгрыш Кубка Канады по ряду причин состоялся не в 1980 олимпийском году, а годом позже. На этот раз шесть сборных, принимавших в нем участие, предстали в сильнейших составах. В советской команде не оказалось Валерия Харламова, что стало откровением для всей Северной Америки, в которой он уже многие годы считался самым лучшим европейским игроком в истории хоккея…

Глава семнадцатая
ЛУЧШИЙ ДРУГ – ВАЛЕРИЙ ХАРЛАМОВ

Если спросить у Александра Николаевича Мальцева, о потере кого из своих друзей он сожалеет больше всего, он, не раздумывая, назовет имя Валерия Харламова, хотя с момента гибели одного из самых ярких игроков мирового хоккея прошло уже три десятилетия. «У нас с ним было полное взаимопонимание, общие интересы. Сейчас у меня такого друга нет», – с грустью признается Александр Николаевич.

Об уникальном таланте Харламова однажды была высказана красивая фраза, очень точно и емко характеризующая его мастерство: «Шайба, посланная им, имеет глаза». «Где-то я прочитал, что поэзия – это то, что нельзя пересказать словами. Игра Харламова была хоккейной поэзией, очарованием загадки и фантазии. Валерий и сам не всегда знал, как в следующую секунду будет обыгрывать соперника, куда и кому будет отдавать шайбу. Но главное, что экспромт получался часто, лишний раз подчеркивая величие Харламова», – вспоминает Виталий Давыдов, который сам на тренировках сборной и в играх «Динамо» против ЦСКА имел возможность воочию убедиться в уникальном таланте армейского хоккеиста.

В ночь с 13 на 14 января 1948 года в Москве в семье Бориса Сергеевича Харламова, слесаря завода «Коммунар», и Бегониты, испанки по национальности, работавшей на том же предприятии, которая в конце 1930-х годов двенадцатилетней девочкой приехала в СССР, родился сын. Весил он при рождении меньше трех килограммов. Его назвали в честь летчика Валерия Чкалова.

Борис Сергеевич сам играл в хоккей и часто брал сына на тренировки заводской команды, в которой выступал. А чтобы Валера не мерз в раздевалке, выводил его с собой на лед. В 7 лет Валерий Харламов впервые встал на коньки и вместе с отцом вышел на каток. Весной 1961 года мальчик тяжело заболел ангиной, которая дала осложнения. Вскоре врачи обнаружили у него порок сердца и категорически запретили ему заниматься не только хоккеем, но и посещать уроки физкультуры, поднимать тяжести и даже просто играть во дворе. «Мальчик может умереть», – мрачно сказал его отцу доктор, словно подписывая приговор. Но Валерий Харламов родился и вырос недалеко от катка ЦСКА. И его родители не только не возражали против игры

Валеры в хоккей, но наоборот, поощряли мальчишку, каждую свободную минуту рвавшегося на лед. Борис Сергеевич, озабоченный частыми простудными заболеваниями сына, полагал, что лед укрепит и закалит его здоровье.

Вопреки запретам врачей, довольно поздно, тайком от мамы, в 14 лет Валерий начал тренироваться в армейской хоккейной школе. Харламов был маленького роста, и отец ввел в заблуждение тренеров ЦСКА относительно возраста сына – четырнадцатилетних в школу уже не принимали. Вскоре обман раскрылся, но талантливого юношу не мог не заприметить Анатолий Тарасов, который особенно пристально следил за одаренными мальчишками с первых шагов их появления в ЦСКА. Причем щупленький Харламов в день набора в хоккейную ДЮСШ оказался единственным из двух десятков мальчишек, кого приняли в секцию! Валерия перевели в группу начальника ДЮСШ, тренера Андрея Старовойтова, у которого он прозанимался около четырех лет. А одно из регулярных медицинских обследований, которые время от времени проходил Харламов, вскоре выявило, что проблем с сердцем больше нет и он полностью здоров.

«Помню, они шли на тренировку, а Тарасов вставал специально у подъезда и за каждым наблюдал, – вспоминал отец хоккеиста, Борис Сергеевич Харламов, ушедший из жизни в конце января 2010 года. – Многих вели родители, форму и клюшки за них несли. И Анатолий Владимирович тут же на таких мальчиков начинал рычать: “Ты должен сам свою форму носить! А голы за тебя тоже папа будет забивать?” Валерка же мой, хоть и был маленького роста, сам на себе амуницию тащил. Едва не сгибался пополам под этим грузом. Я его переводил через дорогу, а у забора прощался: “Дальше сам, сынок!” Тарасов его за это хвалил: “А вот ты молодец! Как фамилия? Харламов? Из тебя что-то стоящее должно получиться”»[34].

Говорят, что искренне симпатизировал игре Харламова другой наставник армейцев Борис Кулагин, а Тарасов, дескать, якобы поначалу не верил в возможности и будущее Валерия из-за его маленького роста. Анатолий Тарасов действительно набирал в команду физически сильных и рослых хоккеистов, зная, что в самое ближайшее время им придется сразиться с канадскими профессионалами, казавшимися великанами. «Как же мы их победим, если наши нападающие карлики буквально – метр с кепкой?» – вопрошал Анатолий Владимирович. Но при этом и защитники в ЦСКА были не просто разрушителями, но умели создать голевую комбинацию.

Александр Мальцев спустя годы вспоминал: «По меркам

канадского хоккея, Валера был “малышом” (рост Харламова – 173 сантиметра. – ***М. М.***), и соперники особенно сердились, когда именно Харламов раз за разом обыгрывал их, могучих и огромных, на льду. А после исторической Суперсерии-1972 даже профессионалы НХЛ признали, что и такой “малыш”, как Харламов – атлет, весь как литой, из мускулов, может быть звездой в игре могучих мужчин».

Харламов прошел с армейцами сбор в Кудепсте, провел дебютную игру 22 ноября 1967 года с «Сибирью», но больше в составе ЦСКА в тот год не появился. Сейчас трудно определенно сказать, разглядел ли Анатолий Владимирович Тарасов в юношеском возрасте талант великого игрока, специально отправив его «для возмужания» на стажировку в «Звезду» из Чебаркуля на Урале – армейскую команду Свердловского военного округа. Или великий хоккейный мэтр посчитал, что место в ЦСКА надо выстрадать, а «выплывет» ли этот талант в таких обстоятельствах – дело другое… Говорят, что перед этой поездкой Тарасов обронил в своем окружении фразу: «Пусть обобьется». Другой бы подающий надежды игрок раскис, обиделся на весь свет, а то и вовсе завязал бы с хоккеем. Но только не Харламов с его железным характером и настырностью, однажды доказавший, что на льду его не остановит даже порок собственного сердца. Стиснув зубы, проклиная все на свете, он целый сезон доказывал, что его место не в команде класса «Б», где он наколотил уйму шайб (34 в 40 матчах) и провел на льду больше игрового времени, чем партнеры.

В Кирово-Чепецке один из болельщиков со стажем, когда я спросил его о Харламове, вспомнил, как в начале 1968 года «Звезда» приехала на игру с «Олимпией», с которой выступала в одной зоне союзного чемпионата. Гости победили со счетом 7:3, и три шайбы из семи провел Валерий Харламов. «Он почти в одиночку обыграл местную команду, поразив нас своей изящной техникой, но больше всего – великолепным катанием», – признался болельщик.

Тогда же в начале 1968 года посмотреть на игру Харламова в Чебаркуль приехал Кулагин. И был восхищен ею. По возвращении в Москву состоялся долгий разговор двух армейских наставников. Кулагин доказывал главному, что место Харламова в основном составе ЦСКА. Уже годы спустя Валерий Харламов с надписью «Моему первооткрывателю» подарит Кулагину свою фотографию, которая будет особенно любимой в альбоме у тренера.

Это гораздо позже Тарасов назовет Валерия «бриллиантом в короне российского хоккея». А пока Харламов вернется в ЦСКА, с честью «пройдя сквозь медные трубы». Вернется окрепшим,

возмужавшим игроком, который уже познал бремя лидерства в ту чебаркульскую зиму, вернется мужиком, не подавленным обстоятельствами, а, напротив, уверенным в себе. Начав в октябре 1968 года играть в тройке с Петровым и Михайловым, он за два года станет ведущим нападающим и в ЦСКА, и в сборной страны, а в «золотые» для этих команд 1970-е неоднократно завоюет титул чемпиона СССР, мира, Европы, Олимпийских игр.

«Если я вправду чего-то стою, то неужели только потому, что могу обвести двух соперников и забить гол канадскому или чехословацкому вратарю. Не нужно, конечно, чтобы у человека были такие вот поводы для самоутверждения, но говорят, что человек только предполагает… Мне хотелось, чтобы и я сам, и Ира, моя жена, и родители поняли, что чемпионом я стал не только потому, что попал в хорошую компанию, к хорошим тренерам, что мне повезло. Хотелось прояснить и для себя самого извечный вопрос – чего же я стою. Не только везение, но и настойчивость, мужество, характер у меня есть – вот что мне хотелось. Повторяю – прежде всего самому себе», – признавался Валерий Харламов в одном из интервью конца 1970-х годов.

«Харламов – идеальный хоккеист, у него сочетаются космическая скорость, особенно стартовый рывок, ловкость пантеры, мужество подлинного ледового рыцаря, – писал в 1978 году в своей книге «Хоккейный репортаж» журналист Владимир Дворцов. – Много раз я ловил себя на том, что, когда на площадке Харламов, только за его игрой и смотрю. Валерий в игре необыкновенно щедр – никогда не передержит шайбу, стоит кому-то из партнеров выйти на голевую позицию. На льду подвижен, как ртуть, в жизни почти всегда оживлен, улыбчив, готов на всякие шалости».

Про жизнь Харламова, трагически ушедшего из жизни в возрасте Христа, в 33 года, ходит много легенд. Про то, почему он практически никогда не праздновал забитые голы («Надо щадить чувства соперника»), про то, как целый день после матча искал хоккеиста «Химика», чтобы извиниться перед ним за грубый силовой прием, проведенный накануне. Про то, что Харламов якобы родился в машине и умер в машине, хотя мама хоккеиста произвела его на свет в обычной московской больнице.

Такая вот доля на Руси – хоронить гениев молодыми, а потом окутывать их имена легендами. К счастью, на годы расцвета таланта Валерия Харламова пришлась золотая эра русского хоккея. Харламову повезло. Он купался в лучах славы, не был обделен признанием на самом верху и был искренне и беззаветно любим своим народом. При этом конечно же осознавая и видя это поклонение и свою невероятную популярность, оставался

простым и доступным человеком.

«Глядя на то, насколько бывают надменны нынешние, так называемые великие звезды из мира богемы, к которым не подступиться и не подойти на пушечный выстрел, а если подойдешь, то могут и послать подальше, я всегда вспоминаю Сашу с Валерой, когда мне посчастливилось быть вместе с ними, как говорится, на людях, – говорит брат Александра Мальцева, Сергей. – Только они заходили вместе перекусить в кафе, как к ним, подлинным любимцам народа в 1970-е, едва не выстраивалась очередь. Ладно бы просто просили автограф, но непременно находился тот, кто предлагал им выпить за знакомство. Или уже, будучи навеселе, стремился поговорить с ними за жизнь, как персонаж из “Бриллиантовой руки”, который все хотел узнать, почему Володька сбрил усы. Надо было видеть, как Валерий Харламов, с его невероятно обаятельной и открытой улыбкой находил такие слова, чтобы не обидеть человека, но и не растянуть разговор на долгие минуты».

Валерий Харламов и Александр Мальцев обязательно должны были встретиться и подружиться: два хоккейных гения, импровизаторы на площадке, открытые в жизни, таланты с обаятельной «улыбкой Гагарина». Хоккей они воспринимали как нечто большее, чем просто «очки, голы, секунды». Два великих таланта, два техничных форварда, они не завидовали друг другу и не «расталкивали» друг друга за право быть «первым под солнцем». «Они стали дружить с первого для всех нас сбора в национальной команде. Нас тогда поселили в номерах по двое: Сашу с Валерой, меня с Володей Петровым, – вспоминает Борис Михайлов. – Мы были постарше Харламова и Мальцева на несколько лет. Они быстро подружились. Оба были молодыми, задорными, у них нашлись общие интересы, увлечение модной тогда музыкой. Потом мы стали вместе проводить время. Когда Валера с Сашкой встречались, то и мы подъезжали к ним вместе с Петровым. Помню, были забавные ситуации. Саша и Валера чувствовали, что на них обращают внимание, особенно девушки, ведь они – такие молодые, симпатичные, холостые, еще и чемпионы мира. Они не пижонили, не зазнавались, а, наоборот, с иронией относились к обрушившейся на них славе, даже слегка кокетничали, удивляясь, неужели, дескать, все эти лавры нам? У Саши немножко проглядывались пижонские нотки, но он знал, когда это показать и с кем это показать».

Александр Мальцев и Валерий Харламов стали лучшими друзьями, проводя вместе все свободное время. Холостяком Саша Мальцев часто оставался в родительской квартире Харламовых, когда с утра надо было отправляться на базу сборной команды

СССР: из дома Валерия было рукой подать до места сбора хоккеистов, и при заботливых родителях исключалась возможность проспать время подъема. А уже позже, когда Мальцеву в 1971 году выделили квартиру на проспекте Мира рядом с так называемым «Домом на сваях», напротив тогдашнего ВДНХ, Харламов спешил в эту «хлебосольную квартиру», которая станет знаменитой среди спортсменов благодаря мальцевскому гостеприимству.

Чего греха таить, пили советские спортсмены, пили особенно много после окончания изнуряющих сборов и тяжелейших турниров. «Святош» было мало. Тогда не существовало кабинетов психологической разгрузки, и спортсмены отдельных команд и сборной предпочитали расслабиться за «рюмкой чая». Благо физическое состояние позволяло «брать на грудь» с относительно безболезненными для организма последствиями на следующее утро. Но кое-кто из хоккеистов, как, например, подлинные гении советского спорта Альметов, Численко и др., увлекся этим делом и не смог остановиться до самой смерти.

По воспоминаниям очевидцев, Александр Мальцев и Валерий Харламов были весьма стойкими атлетами за столом, хотя на генетическом уровне больше преимуществ было у последнего. Валерия Борисовича с его испанскими генами и богатырским здоровьем вообще было трудно перепить. Для них, с их любимым шампанским, легким, игристым, которое Мальцев называл «пшик», из-за звука, который издавался при открытии пробки, дружеские посиделки в шумной компании звезд спорта и эстрады были этакой формой гусарства, которое они могли себе позволить на кураже после впечатляющих побед. Гиви Петрович Чикваная, известный динамовский ватерполист, который, несмотря на свой солидный возраст, поражает мощью и физической крепостью, вспоминал, как они отдыхали с Мальцевым. «Однажды прихожу в Центральный совет “Динамо”, бумагу какую-то в кадры занести, и сталкиваюсь в коридоре с Аркадием Ивановичем Чернышевым, – вспоминает известный спортсмен. – Он мне говорит: “Гиви, пойди-ка сюда!” Пристально на меня смотрит и говорит: “Ты зачем мне это Мальцева спаиваешь?” Я ему отвечаю: “Мальцева поди спои. Он свою меру знает”.

Помню, пили мы с Сашей в одной компании, так он умудрился оказаться выносливее меня. Живем мы в одном доме, я на одной площадке с Виталием Семеновичем Давыдовым. Чувствую, стыдно мне. Говорю Саше: “Ты, главное, меня к стенке прислони и на звонок нажми. И тихо, чтобы Давыдов в глазок своей противоположной двери не увидел, а то скажет, что Мальцев Гиви перепил”. Саша, бедолага, в два раза меньше меня

размерами, но умудрился довести до дома, прислонить и в дверь позвонить. Открываю, падаю в объятия жены. А Мальцев уже по лестнице убежал».

Гиви Петрович потом «алаверды» сделал. По возвращении с победного чемпионата мира по хоккею 1974 года хоккеисты направились в одно из любимых московских кафе-ресторанов «Лесное». Там играл неплохой оркестр и всегда можно было послушать новейшие инструментальные мелодии. Тогда в фаворе были итальянцы и «долетевшая до Москвы» композиция из запрещенного голливудского фильма «Крестный отец», которую спортсмены любили заказывать особенно часто. В разгар вечера гуляли все: хоккеисты, артисты, прочие гости заведения, в которое, чтобы попасть, нужно было отстоять солидную очередь. В зале запахло жареным. За одним из столов кто-то из гостей разбил графин, и официант пообещал вызвать милицию. А гуляли все так, что оставалось только крикнуть «Федя, дичь!».

«В этот момент я подумал, что лишний скандал нам ни к чему. Загребут еще с нарушителями, потом по Москве слухи пойдут. Саша с другом не хотели уходить. Тогда я просто взял их под мышки и пошел, – признается Чикваная. – Картина потрясающая. Навстречу, на входе, изумленные милиционеры. Здороваюсь с ними и говорю: “Не обращайте внимания, это такая у нас методика тренировок. Я документ могу показать, только у меня руки заняты”».

«Мы знали меру, а также то, какие нагрузки предстоят. Если мы нарушали спортивный режим, то выбирали такое место, чтобы было ближе к дому, – улыбается Борис Михайлов. – С Валерой и Сашей всегда было приятно проводить время, где-то покуражиться. Большое удовольствие доставляли выезды на природу, пивко под шашлычки. В этом отношении таким непревзойденным местом был ресторан в Тарасовке, прямо напротив железнодорожной станции, хозяин которого Амиран Ильич, большой поклонник “Спартака”, обожал принимать у себя советских спортсменов. Какие там были шашлычки, потрошки, пальчики оближешь, все так вкусно. Это место посещали спартаковцы, а потом туда стал вхож всенародно любимый Валера Харламов, который подтянул и всех нас. Особо доверительные отношения из конкурентов были у нас, армейцев, с динамовцами. Бывало, помню, после игр в “Лужниках”, когда заканчивался матч, заезжали на Воробьевы горы и прямо напротив трамплина пропускали по паре бутылочек пивка. Или заезжали по набережной в гостиницу “Россия”, “отмечались” и ехали дальше по своим делам».

В целом хоккеисты знали меру удовольствию и то, когда

можно расслабиться без последствий для собственной игры, а когда необходимо остановиться. Владимиру Крикунову, возглавлявшему сборную России в середине 2000-х годов, принадлежит крылатая фраза о некоторых хоккеистах национальной команды, не будем называть их имен, которые в 2006 году в Турине «не жгли сердца людей, а жгли свои глотки горячительными напитками».

Мальцев однажды в ответ на вопрос корреспондента, выпивали ли они в молодости, когда играли в сборной, сказал одну из своих легендарных фраз: «Мы пили, но ведь мы и играли»… Здесь не надо лишних слов, а кто сомневается, пусть посмотрит на количество имеющихся у хоккеиста титулов.

Валерий Харламов, которому ЦСКА выделил квартиру на улице Свободы в Тушине, любил бывать в гостях у Мальцева. Рядом – ВДНХ, фонтаны, просторы, кафе, да и в доме Саши, и в соседнем – «на сваях» жило множество игроков сборных СССР по футболу и хоккею: с ними интереснее, чем одному. «Эх, Саша, – как-то признался Харламов другу, улыбаясь своей фирменной открытой улыбкой, – надо нам с тобой, чтобы не тратить время на объезды, обратиться к руководству метрополитена с тем, чтобы прямую ветку из Тушина до ВДНХ провели, даром что ли каждый год чемпионаты мира выигрываем?» Кто знал, что спустя три десятка лет после этой сказанной Харламовым фантастической по тем временам фразы от ВВЦ (бывшей ВДНХ) действительно будет запущено легкое метро, которое едва недотянет до Тушина…

И хотя Мальцев сделал для друга дубликат ключей, Валерий Харламов предпочитал дожидаться его, иногда прямо сидя на крылечке возле дома. Сюда сразу же стекались толпы подростков, приходили за автографом покупатели, продавцы и рабочие из соседних магазинов. Близкие Александра Мальцева, с которыми мне в период подготовки этой книги приходилось разговаривать об отношениях двух друзей, в один голос говорили об особой эмоциональной совместимости Мальцева и Харламова, хотя один с виду был – «молчун», другой – самый настоящий «живчик».

При всем удивительном и не иссякающем чувстве юмора у обоих они никогда не переступали грань, когда шуткой можно не просто уколоть, но даже обидеть друг друга. Их шутки всегда были беззлобными. Юмор Александра Николаевича, конечно, был более своеобразен. Этот юмор корнями идет от мальцевской манеры говорить – он бросит мимоходом одну фразу, как ее бы назвали – «вводную», которая, подобно айсбергу, показывает лишь седьмую часть того, что спрятано внутри, «под водой». Но фразу, полную внутреннего смысла. Скажет ее, давая собеседнику возможность самому домысливать остальное. И если ты понял,

если расположил его к себе, то Мальцев обязательно одарит тебя своей фирменной улыбкой.

Он мог и может с таким серьезным лицом выдать шутку, состоящую всего из одного предложения, что, поняв ее скрытый смысл, не сразу, а через несколько мгновений будешь заливаться смехом.

Вот один пример.

Мальцев, а на соседнем сиденье исполин-защитник Валерий Васильев вместе с другими динамовцами ехали по одной из финских дорог на очередной хоккейный сбор. В салоне не до смеха, все уже порядком устали от тренировок. Валерий Васильев пытался заснуть, постоянно крутился на сиденье. Не получалось. И вдруг Мальцев предельно отрешенно, буднично, с абсолютно непроницаемым выражением лица обронил фразу. Именно бросил мимоходом: «Валера, смотри, вон твой батя идет».

С Васильева слетела минутная блажь. Он моментально оживился, поведясь на розыгрыш соседа. Защитник засуетился, приподнялся в кресле и лихорадочно принялся искать взглядом своего отца за окнами автобуса, набравшего приличный ход. Мальцев выдержал свою знаменитую паузу, потом в уголках губ появилась его фирменная улыбка, наконец он тихо сказал: «Валера, что ты так суетишься? Как твой батя может по Финляндии гулять? Внимательнее быть надо». После этих слов динамовцы в салоне покатились от хохота.

Бывало, Мальцев «шутил без слов». «Саша Мальцев был неисправимый хохмач. Я помню, что перед каждой зарубежной поездкой, откуда транслировались игры сборной и куда направлялся сотрудник телецентра вести репортажи, я учил свежие анекдоты. Потом рассказывал их Мальцеву и Харламову, но они все равно знали их больше меня. Улыбались, говоря, что этот анекдот устарел, – признается известный телекомментатор Владимир Писаревский. – Как-то мы возвращались с одного выигранного сборной турнира в Чехословакии. Я купил четыре литых диска для машины, большой дефицит и диковинку по тем временам. Приехали в аэропорт для вылета в Москву, я поставил их возле ребят, а сам отошел на пару минут купить сувениров. Возвращаюсь, дисков нет. Ребята, все серьезные, говорят, что ничего не видели, выражают мне сочувствие. Меня начинает прошибать холодный пот. Ведь на этот дефицит ушли почти все командировочные. Потом выяснилось, Мальцев их спрятал, чтобы пошутить и скрасить томительное ожидание перед полетом».

Харламов «брал» и словами, и еще больше мимикой. «Улыбка Валерия Харламова была настолько обезоруживающей, что он становился своеобразным центром обаяния в любой компании,

как солнышко, притягивая к себе взгляды. Я не то что не вспомню, но даже не могу представить, чтобы Валера произнес какие-то шутки с подвохом», – вспоминает Сергей Мальцев, который, будучи игроком «Динамо» в 1972–1975 годах, часто встречался в компании с братом и с великим хоккеистом ЦСКА.

Однажды в выходной братья Мальцевы вышли прогуляться на улицу, однако вернулись во двор своего дома на проспекте Мира не с той стороны, где их обычно ждал Харламов, а со стороны пожарной академии. У подъезда они увидели сначала «Москвич-412» – первую машину Валерия Харламова, затем самого хоккеиста со спины. Как обычно, он поджидал братьев у подъезда дома Мальцева. Соблюдая конспирацию, те приблизились к Валерию с тыла. Но не разыграли его, заметив повреждение бампера на машине Харламова. «Вот попал в небольшую аварию, пока к вам ехал», – немного грустно заметил Валерий Харламов, не подавленно и не отрешенно, как, наверное, бы сделал начинающий автолюбитель. Харламов произнес эту фразу так, будто ничего страшного и не случилось, и он только опоздал на киносеанс, но отнюдь не расстроен происходящим.

«Саша, ты же знаешь, мама сильно расстроится, увидев царапину на новом автомобиле… Можно машина у тебя во дворе постоит, пока я насчет ремонта договорюсь? – спросил у друга Харламов, выдержав паузу и добавив, светясь от улыбки: – А я скажу маме, что одолжил тебе свой “Москвич”, чтобы ты девушку на свидании по Москве покатал». – «Конечно, конечно, Валера, – хитро улыбнулся Мальцев. – С тебя бокал шампанского и мороженое».

«Кто бы спорил», – дружелюбно ответил Харламов, обнимая друга.

Два брата и Харламов поднялись на восьмой этаж в квартиру Мальцева. «Тут они, явно стараясь произвести впечатление на меня, начали такой надуманный спор, у кого из них круче грампластинки», – рассказывает Сергей Мальцев. В ту пору коллекции музыкальных записей иностранных исполнителей были запрещены к продаже в СССР и доставлялись в страну нелегально из-за границы. Спортсмены сборной, имея возможность колесить по свету, привозя пластинки на свой вкус, постепенно превращались в заядлых меломанов. Заметим, что стоимость западной пластинки могла доходить, а то и превышать в разы зарплату среднего советского служащего.

«С годами Валерий и Саша стали разбираться в современной музыке не хуже зарубежных меломанов. Валере, во многом, из-за его темперамента, нравилась взрывная, импульсивная музыка – “Роллинг Стоунз”, “Ху”. Саша предпочитал мелодичные

композиции: как многие в сборной, обожал Тома Джонса, с удовольствием слушал “Битлз”, Сальваторе Адамо. И вот, когда мы в тот день поднялись в квартиру Саши, они сразу начали рассматривать пластинки, – вспоминает Сергей Мальцев. – Александр Николаевич достает с полки одну пластинку за другой, показывая своему другу. Валера делает вид, что ему неинтересно. Затем, расплываясь в улыбке, отвечает, что, дескать, такие банальные записи есть и у него. И вдруг Александр Николаевич с явным удовольствием достает свой припрятанный “джокер”, пластинку, которая только недавно появилась в его коллекции. Это была запись начинающего молодого исполнителя Адриано Челентано. И это в 1972 году, задолго до того, как он станет всенародным любимцем в СССР. Харламов разводит руками, дескать, сделал ты, Саша, меня. Признаю твою победу.

Этот эпизод лишний раз демонстрирует вкус Саши. Диск никому неизвестного итальянца, который станет любим миллионами советских зрителей даже не через месяцы, а через годы, Александр, осознав весь потенциал экспрессивного Челентано, приобрел одним из первых в СССР во время одного из чемпионатов мира».

После победного для Мальцева с Харламовым мирового первенства 1973 года, уже четвертого для них по счету, они поймали особое вдохновение и кураж. Перед тем как отправиться на юг к морю, решили удивить Москву, начавшую просыпаться от зимней спячки. Мальцев понимал, что с началом семейной жизни, а осенью ему предстояла свадьба с Сусанной, их встречи с Валерием уже не будут носить налета этакой «вольности». «Сашу так любили, что когда мы приезжали вечером после какой-нибудь игры, двери гастронома в его доме открывались по стуку Мальцева. Однажды мы постучали, заведующая впустила нас, предупредила, что у нее проверка: “Подождите пару минут в шкафу”. И заперла нас у себя в шкафу в кабинете. Пришлось нам там посидеть больше получаса. О нас “немного” забыли. Но потом заведующая торжественно открыла бутылку “пшика”», – признается Михаил Титов.

Весной 2010 года друг Мальцева Виктор Перетягин позвонил в цирк имени Юрия Никулина, чтобы пригласить на открытие нового ледового дворца в Кирово-Чепецке московских артистов цирка на льду. «Звоню директору этого коллектива Абрамовой Наталье Алексеевне, представляюсь директором ледового дворца в Кирово-Чепецке. На том конце провода молчание, видимо, она осмысливает информацию, – вспоминает Перетягин. – Уточняю: “Речь идет об открытии дворца имени Александра Мальцева, нашего земляка”. Слышу на другом конце провода – оживление, и

Наталья Алексеевна задает всего лишь один уточняющий вопрос: “Кого-кого?” Я немножко смущен. “Мальцева, великого советского хоккеиста”. Сказал, что с детства знаком с ним и нахожусь в хороших отношениях. Разговорились, и она рассказывает поразительную историю. Оказывается, в начале 1970-х годов они с мужем, защитником сборной СССР по футболу Николаем Абрамовым, проживали в том самом доме, где жил Мальцев. Более того, в квартире на седьмом этаже, под его однушкой. “Так вы тоже у нас в доме бывали, гуляли там? Не слышали, случайно, как я в потолок стучала? – смеясь, спрашивает Наталья Алексеевна. – Не беспокойтесь, постараемся приехать в Кирово-Чепецк. А Александру Николаевичу передавайте большой привет”»…

Два гениальных хоккеиста дружили так крепко, что Валерий Харламов даже сына назвал Александром в честь Мальцева. «Знакомых у нас – тьма, а настоящих друзей, каким был Валера Харламов, почти не осталось», – однажды в 2000-е годы сказала жена Мальцева Сусанна.

Сергей Мальцев вспоминал, что уже перед самой свадьбой его брата, когда состоялась одна из последних встреч тогдашних холостяков, Александр Николаевич напутствовал его и Харламова: «Смотрите теперь, не хулиганьте в мое отсутствие». Сказал он эту фразу с нескрываемой улыбкой и добротой. Мальцев-младший и Харламов сделали вид, что прислушались.

После свадьбы, когда Александр Мальцев стал уделять внимания молодой жене больше, чем лучшему другу, Харламов загрустил, видимо, понимая, что число дружеских «вечеринок» и посиделок теперь заметно сократится. И вот однажды Валерий набрал телефон Сергея Мальцева, у которого в тот день также был выходной, и предложил ему прогуляться по Москве.

Договорились встретиться на Ленинградке, недалеко от дома, где жили родители Валерия Харламова. «Стою на месте, вижу, как ко мне приближается довольный Валера и улыбается своей знаменитой улыбкой. Ну, думаю, сейчас что-нибудь выкинет. Правда, все шутки или розыгрыши Харламова были добрыми и легкими. Он приобнял меня по-дружески и так заговорщицки произносит: “Ну что, Серега, скажу тебе, мой юный друг, что Малец – теперь отрезанный ломоть. Отныне мы с тобой вдвоем весело проводить время будем. Готовься”. Я помнится, сильно смутился и не знал, что ему ответить.

“Да расслабься ты, – сказал Валера после небольшой паузы, по-дружески приободряя меня. – А не прогуляться ли нам по Москве в этот прекрасный выходной денек?” – вспоминает Сергей Мальцев. – Предложение хоккейной звезды было мною с

легкостью принято, хотя я сначала действительно напрягся».

Друзья направились к станции метро «Сокол» по пути в одну из кафешек, о чем-то непринужденно беседуя в этот теплый сентябрьский день 1973 года. И вдруг совершенно неожиданно возле самой станции метрополитена натолкнулись на идущего им навстречу Всеволода Михайловича Боброва, который в то время тренировал сборную СССР. «Я остолбенел, стою как вкопанный, увидел великого Боброва. Стушевался, смог его только поприветствовать, – продолжает Сергей Мальцев. – А Валерий, улыбаясь, вдруг решил переключить акцент на меня. “Всеволод Михайлович! Познакомьтесь, это будущий великий хоккеист, Сергей Мальцев, брат того самого великого Мальцева”, – едва сдерживая смех, сказал Харламов. Бобров, улыбаясь, ответил Валере: “Ну, Харлам, ты даешь! Я что же, по-твоему, не знаю брата Саши Мальцева?” Затем, делая вид, что спрашивает строго, заметил: “А вы куда это собрались? Небось, выпить решили?” При этом Бобров двумя пальцами изобразил стопочку.

Валера засмущался, произнес так добродушно: “Да нет, Всеволод Михайлович! Максимум по кружечке пива”. Тут Бобров стал более серьезен: “Валера, смотрите аккуратнее. Скоро сборы начинаются, побереги силы”. Он сделал паузу, тронулся с места, пожимая нам руки: “Не балуйтесь, ребята, ведите себя хорошо”». В тот день два приятеля так и не выпили пива. Не смогли нарушить слово, данное великому наставнику.

Сергей Мальцев вспоминал, как однажды Валерий Харламов невольно повторил одну из выдумок героя «Двенадцати стульев». Александр и Сергей Мальцевы в один из весенних погожих дней 1972 года получили в «Динамо» выходной. О том, что такой же отгул в тот день достался и Харламову в ЦСКА, они еще не знали. Братья проснулись в воскресенье, и Александр предложил пойти попробовать шашлыка на ВДНХ, отведать которого туда в те годы приезжали со всей Москвы. Погода, что называется, «шептала», и Мальцевы провели пару часов на территории Выставки достижений народного хозяйства.

Когда Валерий Харламов подъехал к дому на проспекте Мира, одна из бабушек у подъезда уже доложила ему, что «Мальцевы ушли в неизвестном направлении, одетые налегке». Харламов предположил, что братья пошли за продуктами. Ждет минут десять, полчаса, час, а их всё нет. Валерий разволновался, ведь это сейчас – найти человека, когда есть мобильный, не проблема, а тогда приходилось томительно ждать, порой часами. И вот у Харламова, прямо по аналогии с произведением Ильфа и Петрова, родился замечательный план: он подозвал к себе несколько мальчуганов, катавшихся во дворе на велосипедах. И

хотя они были готовы помочь «дяде Валере» бесплатно, раздал им по 50 копеек, как Остап – мелочь пацанам, побежавшим искать несчастные 12 стульев, и попросил ребятишек «найти Мальцевых». Ну, а того из велосипедистов, кто приведет к нему братьев, пообещал наградить дополнительно.

Еще только подходя к своему дому, издали братья Мальцевы обратили внимание на неожиданно большое в этот утренний час число мальчишек, нарезающих круги на велосипедах по окрестности в поисках кого-то. Мальцевы, пройдя во двор и увидев Харламова, заметили, как со всех сторон к ним подкатывают явно разочарованные велосипедисты. «Улизнули. И от меня, и от мальчишек. Ну, вы даете, кирово-чепецкие», – расплылся в улыбке Валерий Харламов…

Отдохнув в Москве несколько дней после окончания победного чемпионата мира 1973 года, Мальцев, Харламов, Лутченко и Третьяк отправились в Ялту. «Прихожу в квартиру, а Саша улыбается, мол, проводишь нас, молодой, с Валерой на Курский вокзал. Сначала не вижу никакого подвоха, а потом, судя по их хитрым лицам, понимаю, что они припасли на десерт какой-то сюрприз», – вспоминает Сергей Мальцев.

В итоге все так и вышло. Дом два друга покидали в цветных рубахах, ковбойских жилетах и шляпах, которые им в 1972 году после суперсерии подарили канадцы. «Ребята эти модные наряды берегли, не надевая, до отпуска. Едем на вокзал, и там к ним присоединяются еще двое “сборников” в точно таких же жилетках и шляпах. Зрелище феноменальное, – продолжает Мальцев-младший. – Красивые, стройные, походкой уверенных в себе мужчин-победителей, вытянувшись в струнку, идут вдоль Курского вокзала, словно сошедшие с плаката четыре гладко выбритых “ковбоя” – квартет знаменитых хоккейных чемпионов. И позади я плетусь с сумкой. Слышу, как одна из старушек, продававших рядом семечки, напряглась и говорит другой: “Смотри, американские шпионы объявились. Что они тут у нас на Курском вокзале забыли, одни, без сопровождения? Иностранцы у нас в стране без сопровождения не ходят. Надо в милицию сообщить”. В общем, бабуля оказалась идеологически подкованной. А ребятам хоть бы что: идут, уверенные в себе, красивые, статные».

Сергею Мальцеву пришлось остановиться и убеждать бабушек не тревожить почем зря доблестную милицию. Старушки долго отказывались признать в «американских ковбоях» тех самых Харламова с Мальцевым, за игрой которых они любили наблюдать у экранов телевизоров…

«Мальцев и Харламов были не только самыми талантливыми

представителями своего хоккейного поколения, но и законодателями моды в хоккее. Только они двое могли позволить себе в те суровые времена морального облика строителя коммунизма выходить на лед с золотыми цепями на шее в палец толщиной, тем самым показывая, что они надели их просто потому, что это им нравится, как бы показывая молодым, будешь играть так же блестяще, как и мы, будешь таким, – убежден известный спортивный комментатор Григорий Твалтвадзе. – Но, на мой взгляд, это не было пижонством. Просто и Валерий Харламов, и Александр Мальцев самыми первыми из хоккеистов подхватывали моду того времени. Помню, как, работая в "Гудке", оказался в аэропорту "Внуково" в 1977 году, куда с неудачного для себя чемпионата мира возвращалась наша хоккейная сборная. Вышли наши хоккеисты, идут с грустными лицами, один на другого в унынии похож. И вдруг на этом общем фоне озаряет вспышка: из-за спин возникают два неразлучных друга Мальцев и Харламов. Степенно, широко улыбаясь, одетые по последнему слову моды, идут, как люди из другого мира, как голливудские актеры или два человека, только что сошедшие с подиума».

Это сегодня у спортсменов на номерах машин иногда появляются те цифры, которые они носят на своих футболках и свитерах. Мало кто знает, что первым такой «личный номер» в СССР появился у Мальцева после триумфального для сборной и для него (напомним, лучший бомбардир и лучший нападающий) чемпионата мира 1970 года. «Каюсь, целый год ездил я на своей первой "Волге" по Москве без прав, – улыбаясь, вспоминает Мальцев. – И хотя меня ни разу не тормознули, решил все-таки зарегистрироваться в московской ГАИ. Начальник оказался моим заядлым болельщиком. "Проси, Саша, что хочешь!" – говорит. Я подумал и тихо так произношу: "А номер 00–38 можно?" Он напрягся весь, ничего не поймет, спрашивает: "А почему не 10 или 11, как на твоих свитерах в "Динамо" или в сборной?" Я ему отвечаю: "Потому что милиция находится на Петровке, 38". Он расхохотался. Но через час я вышел из ГАИ с новыми номерами 00–38, как обещали. Уже позже номер 00–17 появился у Валеры, а потом фирменными знаками стали обзаводиться футболисты и хоккеисты сборных».

Друзья и близкие Мальцева, к слову, подмечали, что, как бы ни складывались обстоятельства, он в одежде, обуви, прическе всегда старался и старается быть очень аккуратным, не выносит неряшливости. Даже когда настали трудные времена и Александр одевался менее броско, чем в молодости, в выбранной им одежде чувствовались стиль и вкус. Если кожаная куртка, то не турецкая или китайская, а из очень хорошего магазина, которая идеально

сидит на нем. Мальцев признается, что и сейчас хочет жить счастливо и красиво. «Я понимаю красоту не в мещанском, меркантильном смысле, не в пошлости или в роскоши бытия. Просто хочется, чтобы обо мне говорили: Мальцев – красивый человек. Красивый своими действиями и поступками».

В те времена, когда за «Динамо» играл Виталий Давыдов и когда там начинал Александр Мальцев, хоккей в силовых структурах курировал КГБ. Хоккейное «Динамо» долгие годы было штатной командой федеральных погранвойск, подчинявшихся руководству Комитета государственной безопасности. И хотя болельщики называют «Динамо» милицейской командой, по отношению к хоккейному клубу – это неверно. Министерство внутренних дел в те годы курировало в «Динамо» футбол. Хотя связь между этими двумя динамовскими коллективами, да и во всем динамовском спортобществе была самая тесная.

С 1960-х годов многие будущие динамовские звезды проходили в клубе срочную армейскую службу, а по ее окончании их переаттестовывали в офицеры. Сначала они были приписаны к хозяйственному управлению (ХОЗУ) КГБ СССР. Но когда динамовских хоккейных офицеров стало так много, что у кадровиков ХОЗУ «округлялись глаза» от списка никому не известных «секретных сотрудников», хоккеистов «Динамо» в 1975 году приписали к Голицынскому пограничному училищу, расположенному на северо-востоке Москвы, создав там штатную спортивную команду. Раз в год летом перед отпуском, надев офицерскую форму, фуражку, динамовцы приезжали в училище для «отчета о своей работе» – все-таки они там числились. Выходили на сцену, где, как правило, всем игрокам рукоплескали от души и вручали подарки.

«Зрелище было впечатляющее, – признавался автору этих строк знакомый, учившийся в 1970-е годы в Голицынском погранучилище, – динамовцы, один за другим, поднимались на сцену под взглядами сотен преподавателей и курсантов. Особенно хороши были Билялетдинов с его волосами по плечи, торчащими из-под офицерской фуражки, и Васильев, который под бурные аплодисменты поднимался на сцену своей знаменитой, степенной походкой, будто он сейчас на льду, и с его фирменным выражением лица, словно вот-вот бортанет канадца».

Главным куратором «Динамо» являлся председатель КГБ Юрий Андропов. Он не был свадебным генералом, а считался тем человеком из «круга избранных», который действительно интересовался проблемами хоккейной команды и по возможности решал их. «О том, что ему была далеко небезразлична наша игра,

можно судить хотя бы по тому, что после каждого периода в матчах “Динамо” один из помощников Андропова обязательно звонил ему и подробно рассказывал обо всем, что происходило на льду. А если мы забрасывали шайбу, то об этом шефу сообщалось раньше, чем диктор успевал объявить, кто это сделал», – вспоминает Виталий Давыдов.

Александр Мальцев был любимым хоккеистом Ю. В. Андропова, который после смерти Л. И. Брежнева в 1982 году стал во главе Советского государства. К нему он был вхож в любое время. Мальцев признается, что не раз встречался с Юрием Владимировичем и эти встречи были душевными. Разговор шел о жизни, спорте, поэзии, которую Андропов очень любил и сам, кстати, писал стихи. Именно Юрий Владимирович оберегал Мальцева и Валерия Васильева от посягательств ЦСКА, которому симпатизировал сам Брежнев. Эти слова подтверждает и друг Мальцева Арарат Попов.

«Саше и Валерию Харламову с самых молодых лет, когда они заблистали в клубах, а потом в сборной СССР, благоволили, как говорится, сильные мира сего, люди, от которых зависело принятие судьбоносных для страны решений. Члены Политбюро, министры, директора крупнейших предприятий, артисты, спортсмены – все они приходили буквально в мальчишеский восторг, наблюдая за игрой Мальцева и Харламова, – признается Арарат Попов. – То, что Саша был любимым игроком Юрия Владимировича – это чистая правда. На мой взгляд, Андропов был своего рода ангелом-хранителем для него, оберегая как от притязаний ЦСКА, так и от недоброй молвы. Будучи эрудированным человеком, действительно беседовал с ним не только о хоккее, призывая Сашу уделять особое внимание образованию и чтению, которые ему пригодятся в будущем. Если бы не Андропов, то Мальцева не отпустили бы из команды и на собственную свадьбу, которая вопреки всему происходила не по окончании сезона, а тогда, когда захотели сами молодые».

Это покровительство не только не отпугивало недоброжелателей, но увеличивало их количество. Мальцев и Харламов, самые яркие хоккеисты сборной на льду и за его пределами, сполна ощутили на себе черную зависть к своим успехам и даже к своей крепкой и искренней дружбе. В начале 1970-х годов находились кляузники, которые пытались нашептать Аркадию Чернышеву и Анатолию Тарасову, что Мальцева и Харламова «видели тогда-то и там-то». К счастью, два великих тренера спрашивали со своих любимцев не в соответствии с «моральным обликом строителя коммунизма», а по большому «хоккейному счету». Два мудрых наставника понимали, что все

эти развлечения Харламова и Мальцева – минутная блажь, а главное, что движет ими, – это огромная преданность его величеству Хоккею и своей великой Родине.

До собственной свадьбы Валерий Харламов стал самым частым и желанным гостем в доме Мальцевых. Теперь уже в трехкомнатной квартире на Новой Башиловке от спортобщества «Динамо». «Пока Валера не был женат, он почти все выходные проводил с нами, был почти членом нашей семьи. Жил в нашем доме по два-три дня в неделю. Такая дружба, которая между ними существовала, сейчас большая редкость, хотя оба, не забывайте, играли в разных клубах», – говорила Сусанна Мальцева в одном из интервью. Только с Харламовым Александр Мальцев делился своими самыми сокровенными мыслями, ему первому сказал о предстоящей свадьбе. В задушевных беседах до позднего вечера он признавался Валерию, как счастлив, что его сравнивают с великим Бобровым, кумиром его юности. А потом друзья часто затягивали свою любимую песню тех лет, где есть такая строчка: «О любви говори, пой, гитарная струна!» Это шлягер румынского композитора и певца Дана Спэтару, который позже исполнял Муслим Магомаев, Валерий Харламов, брав в руки гитару, часто пел в компании на бис. Музыкальный слух и вокальные способности перешли к нему от матери, которая любила петь дома испанские народные песни.

«Темперамент у Валерия от мамы. Помню, на пятидесятилетии у Бориса Кулагина она – не девочка уже – всех переплясала, очаровала, – писал в своей книге в конце 1970-х журналист Владимир Дворцов. – Харламов пользуется большой любовью у нас в стране и не менее известен за рубежом. В Канаде, свидетель тому, с Валерием по популярности из иностранных спортсменов не может сравниться даже Пеле».

Два сверстника, пришедшие в команду СССР почти одновременно, большие друзья в жизни, они делили номер во всех зарубежных поездках сборной, будь то Олимпийские игры или товарищеские встречи. «С Сашей Мальцевым у нас очень много общего. Мы одного возраста, судьбы наши в спорте сложились схоже, мы почти в одно время начали играть и в своих клубах, и в сборной команде: впервые Александр на чемпионат мира попал тоже в 1969 году. Мы тянемся друг к другу в часы, свободные от тренировок», – писал Валерий Харламов в своей книге «Три начала».

Про Мальцева в свое время говорили, что совершенно нельзя предугадать дальнейший ход его мысли на льду. Валерий Харламов сам неоднократно признавался, что нередко не знал, какое решение он примет во время игры в следующую секунду:

все зависело от мгновенно изменявшейся ситуации и интуиции.

«Мы, хоккеисты, не пытаемся соперничать с Евгением Гришиным, Ардом Схенком или Евгением Куликовым, олимпийскими чемпионами по скоростному бегу на коньках. У нас иная скорость, душа которой – смена ритма. Александра Мальцева догнать никто не может не только потому, что он стремителен в своих движениях, но и потому, что движения его необычны. Вот он мчится что есть духу, и вдруг резкое торможение, мгновенная остановка, снова рывок – и уже нет рядом никого, – рассказывал Валерий Харламов. – Скорость в хоккее – это умная скорость. Перехитрить опекуна, поймать его на ложный прием, оставить с носом доставляет мне, не скрою, величайшее удовольствие».

Несмотря на схожесть игровой манеры и исключительно высокую технику, которой они обладали, Мальцев и Харламов, по большому счету, не были двумя «нападающими-близнецами». Особенно в том, что касалось их собственных финтов и обводки. «Манера игры Валеры Харламова была схожа с игрой Александра Мальцева. Только у Мальцева движения были гладкими, плавными. А у Харламова – более резкими, непредсказуемыми. Он мог пойти в самую гущу игроков и обыграть их. Он находил щели у защитников, у вратарей. Харламов мыслил на поле. И его мысль всегда опережала действие», – признавался в одном из интервью заслуженный тренер России Юрий Морозов.

Их поведение на льду во многом обусловливалось тем, что было заложено в них родителями, и тем, что уже ими самими развито в детстве. В Харламове, по признанию тех, кто его близко знал, «свое брали гены». В нем бурлила его испанская кровь. Темперамент, доставшийся ему от матери, заметно влиял на координацию его движений на льду, действительно, резких, непредсказуемых для противника. Свою же блестящую манеру катания, которую специалисты называли идеальной для хоккеиста, он выработал в детстве, сначала занимаясь с отцом, а затем совершенствуя эти навыки в армейской детской спортшколе. Сусанна Мальцева, сама балерина, отмечала, насколько профессионально попадал в ритм Валерий Харламов, когда играла музыка и начинались танцы. «Он мог сплясать любой модный танец, ему были подвластны рок-н-ролл, фокстрот, ча-ча-ча и другие ритмы. В этом Валере, наверное, действительно не было равных среди всех советских хоккеистов. Сказывалась горячая испанская кровь», – дополняет картину брат Александра Мальцева, Сергей.

«Когда говорят о небольшом росте Валерия Харламова, часто забывают о его невероятной физической мощи. Он обладал

хорошо развитой мускулатурой, выглядел, как принято сейчас говорить, как настоящий качок. Невероятно выносливый, подвижный, он как-то сказал про себя культовую фразу: “Я потею, даже когда плаваю в бассейне”, – вспоминает Григорий Твалтвадзе, который в 2000-е годы создал цикл телепередач о хоккейных легендах прошлого. – Вспоминаю тот случай с хоккеистом “Химика”, когда Валерий, устав от постоянных тычков и зацепов с его стороны, так припечатал игрока воскресенцев к борту, что того с сильными ушибами доставили в больницу. На следующий день (вот ведь оперативно сработали) в “Комсомолке” вышла статья Тарасова, к тому времени уже ушедшего из ЦСКА, в которой он называл своего недавнего любимчика “Валерку” за этот силовой прием едва ли не самым последним негодяем».

В отличие от Харламова Александр Мальцев предпочитал не «взрываться», а плавно и изящно проходить редуты обороняющихся соперников. Финты Мальцева в сочетании с его немного медленной, «переваливающейся» с ноги на ногу «походкой» (что проявлялось как на льду, так и за его пределами) действовали на игроков обороны как седативное и усыпляющее средство.

Однажды во время ключевого матча между «ЦСКА» и «Динамо» Харламов и Мальцев во время смены столкнулись друг с другом и немножко повздорили. Наказание последовало незамедлительно, и через некоторое время диктор зачитал «приговор» двум друзьям: «За обоюдную грубость с поля удалены на две минуты каждый Валерий Харламов (ЦСКА) и Александр Мальцев (“Динамо”)». При этом динамовские болельщики недовольно загудели. Им казалось, что Харламов виноват больше, что он первым начал небольшую стычку и, следовательно, заслуживает более сурового наказания. Кто-то «требовал продолжения банкета», советуя Мальцеву ответить своему другу и «намять бока» в следующем игровом эпизоде. Но только матч закончился, как страсти немедленно улеглись. Теперь такими нелепыми казались выкрики некоторых болельщиков с призывами к хоккеистам «накостылять друг другу». Уже через полчаса после окончания встречи на выходе из раздевалки довольные Мальцев и Харламов шли рядом и что-то весело и непринужденно рассказывали друг другу.

Узнав о дружбе двух ярких хоккеистов, канадские скауты решили их вместе и переманить в НХЛ. Пик «окучивания» двух друзей со стороны заокеанских «купцов», суливших им самые невероятные блага, пришелся на чемпионат мира 1975 года, проводившийся в ФРГ. Спортсменов преследовали буквально по пятам, карауля момент, когда они окажутся вместе, но отдельно

от других «сборников» и пытались уговорить остаться на Западе. Основными претендентами на Александра Мальцева, по его словам, были «Торонто Мэйпл Лифс» и «Миннесота Норд Старз».

Телекомментатор Владимир Писаревский вместе с Николаем Озеровым освещал игры того первенства. Он стал свидетелем тех памятных событий. «К нам с Николаем Николаевичем подошел известный хоккейный специалист Билл Харрис, тот самый, который в 1974 году тренировал команду ВХА. Он обратился с предложением о покупке нескольких наших хоккеистов, в том числе Мальцева и Харламова, – вспоминает Писаревский. – Сулил нам с Озеровым приличные комиссионные, говоря, что несколько клубов НХЛ готовы тут же предложить за наших звезд большие деньги, а он уполномочен вести от их лица переговоры. Демонстративно показал чековую книжку, куда можно было вписать любую сумму. Речь шла чуть ли не о миллионе долларов за контракт каждого игрока. Николай Озеров, который был хорошим артистом, сделал вид, что “мы прислушались к этому предложению и заинтересовались им”. А сам сказал, чтобы я спускался к команде и нашел кого-то из нашей службы безопасности. Я рассказал им об этом пристальном интересе к нашим игрокам».

На следующий день Валерий Харламов первым появился на раскатку из раздевалки советской команды. На пути к ледовой площадке стояли несколько человек в одинаковых серых плащах и серых шляпах. На подмогу офицеру по безопасности, обслуживающему команду, вызвали «нескольких людей в штатском».

«Они буквально обложили весь дворец, в котором должна была пройти игра, чтобы никто из наших хоккеистов не сбежал. Валера подошел ко мне и спросил: “Владимир Львович, что происходит? У нас в стране что-то случилось, власть, что ли, переменилась?” – продолжает Писаревский. – Я ему объясняю, что вчера произошел такой-то эпизод. Валера развернулся и сказал несколько раз с укоризной, но улыбаясь: “Эх, что же ты наделал, Владимир Львович? Что ты наделал?”». «Обхаживания» наших хоккеистов со стороны иностранцев вскоре прекратились.

«Мы были воспитаны совершенно не так, как нынешнее поколение хоккеистов. Мы играли за идею, за честь флага, за Родину. Что значат деньги по сравнению с этими непреходящими ценностями? Для себя я один раз и навсегда решил, что не уеду за океан ни при каких обстоятельствах. Потому что мне никогда бы этого не простили мои близкие и наши болельщики», – комментирует эту ситуацию Мальцев.

Ни сам Александр Николаевич, ни его супруга не испытывали

никакого дискомфорта, отвечая на вопрос журналистов, что было бы, если б Мальцев родился позже и, заиграв в НХЛ, дескать, стал бы миллионером. «В свое время четырем советским хоккеистам – Мальцеву, Харламову, Третьяку и Якушеву – американцы предложили заключить годовой контракт на такую сумму, о которой нынешнее поколение хоккеистов даже мечтать не может. Получив отказ, ребятам предложили стать невозвращенцами, но это тем более было неприемлемо, поскольку, помимо советского воспитания, у всех дома были семьи», – вспоминала в одном из интервью жена Мальцева Сусанна Константиновна[35].

С этим согласен и брат Александра Николаевича Сергей. «И Саша, и Валера Харламов, и Валера Васильев, может быть, и жалели внутри себя, что не могли играть в НХЛ. Но не из-за того, что не могли зарабатывать огромные деньги (они были по-другому воспитаны), а из-за того, что не могли проверить свой потенциал в сравнении с теми, кого западная пресса называла самыми лучшими хоккеистами-профессионалами на свете. По сути, они были лишены той самой нормальной конкуренции (отдельные игры не в счет), которая способствует росту таланта», – считает брат хоккеиста Сергей Мальцев.

Мальцев и Харламов никогда не пасовали перед соперником, как бы силен он ни был. «Харламов – это бриллиант нашей игры, – сказал Ульф Стернер, один из лучших форвардов шведского хоккея. – Какой рывок с места, какой дриблинг, пас, броски – все в идеале! Но это еще и мужество, смелость!»

Александр Мальцев вспоминает, что Харламов как-то в минуты их особой душевной близости признался ему, что мальчишкой всерьез плакал только один раз. Это было, когда он начинал играть в детской команде ЦСКА и впервые судья удалил его на две минуты. «Вот тут я зарыдал – горько стало, что ребят оставил в меньшинстве. А когда к борту прижимали, на лед сбивали – терпел как ни в чем не бывало», – говорил Валерий Харламов своему другу.

Накануне первого для дебютанта сборной СССР Валерия Харламова чемпионата мира в Стокгольме в 1969 году в товарищеской игре со шведским клубом «Ферьестад» шайба угодила ему в лицо, выбив два зуба. Аркадий Иванович Чернышев, глядя на дальнейшее поведение Харламова на скамейке и на льду, заметил: «Не дрогнул Валера, сплюнул и дальше пошел биться как ни в чем не бывало. Игрок будет мирового класса!»

Однажды на встрече с болельщиками Харламова спросили: «Скажите, что такое слава и что чувствует спортсмен, которого узнают на улице?» Ответ вызвал смех и аплодисменты: «Начали

бить чуть ли не через матч – значит, пришла слава…» Харламова на льду били так нещадно, что однажды он, не в силах терпеть тычки и удары исподтишка, спросил арбитра: «За что они меня так, и почему вы смотрите на это сквозь пальцы?» Судья ответил: «А как они еще могут справиться с тобой?»

Мама Харламова, Бегонита, почти не ходила на его матчи. Боялась, что от волнения с ней случится сердечный приступ. А в те редкие минуты, что Бегонита Харламова приходила во Дворец спорта, то с первой и до последней минуты сжимала за сына три пальца на руке…

И знаменитая фраза Николая Озерова «Такой хоккей нам не нужен!», которую до сих пор цитируют во время телетрансляций и о которой мы уже говорили, ведь родилась у легендарного спортивного комментатора в матче между сборными СССР и Канады. Озеров воскликнул ее, не в силах больше смотреть на то, как канадцы, тщетно пытаясь справиться с Харламовым, устроили на него настоящую грубую охоту на площадке.

В 1976 году, спустя несколько месяцев после свадьбы, Харламов, возвращаясь ночью из гостей вместе с молодой женой Ириной, на Ленинградском шоссе не справился с управлением и попал в автомобильную катастрофу. Машина разбилась вдребезги, и супругов доставили в больницу. «Скажу честно, когда я увидел, во что превратилась его машина, мне стало дурно от мысли, что же стало с Харламовым, – вспоминал знаменитый армейский спортивный врач Олег Белаковский. – Я доложил в Главное военно-медицинское управление о состоянии Валеры, добавив, что, по моему мнению, на восстановление старшего лейтенанта Харламова как хоккеиста потребуется месяца четыре. В ответ получил упрек в непрофессионализме. Нашлись “авторитетные” специалисты, считавшие, что Харламов в лучшем случае будет ходить».

У Харламова были зафиксированы двухложечный перелом правой голени, перелом двух ребер, сотрясение мозга, множество ушибов. Врачи говорили о том, что Валерий может остаться инвалидом, мало кто верил, что он вообще сможет вернуться в хоккей. Но он поставил перед собой цель – выйти на лед и снова быть лучшим. В восстановлении Харламова большую роль сыграл Андрей Петрович Сельцовский, хирург Главного военного госпиталя в Москве, который оперировал его и лично следил за курсом реабилитации всенародного любимца.

Харламов не был фаталистом, напротив, полагал, что в этой жизни все зависит от умения и желания самого человека. «Стиснув зубы, преодолевая страшную боль, глотая слезы, он буквально карабкался к хоккею, что для него было равнозначно –

к жизни. Именно к жизни, так как хоккей был для него единственно возможным образом существования», – вспоминал Олег Белаковский. Два месяца провел Харламов на больничной койке. Не терял времени, разрабатывал голеностопы. Сначала через два месяца после операции учился ходить. Передвигался с костылями, потом начал тренироваться, сперва играя с мальчишками во дворе. Настал день, когда он приехал с доктором Белаковским в ЦСКА.

Анатолий Тарасов тогда придумал для Харламова специальное упражнение – играть на льду одному против шести– восьми– десяти– двенадцатилетних мальчишек из армейской школы. Валерий Харламов вспоминал, что никакое противостояние с канадцами по сложности ни шло в сравнение с этими тренировками, когда каждый из ребят отчаянно пытался отобрать шайбу у своего кумира.

«Валера пошел в раздевалку, надевая коньки, невероятно волновался, дрожали руки. Попросил клюшку, как он сказал – “для уверенности”. Вышел на лед. Должен сказать, что ради таких моментов стоит жить и работать. Мы, взрослые мужики, не могли сдержать слез, глядя в глаза Валеры, – продолжает Белаковский. – Глаза человека, перенесшего нечеловеческие страдания, отчаяние и страх. И теперь эти глаза светились таким безбрежным счастьем, что мы поняли – Харламов вернулся и будет играть! Будет играть вопреки всем тем, кто сомневался и поспешил вычеркнуть его из нашего хоккея».

В первой игре после возвращения, когда Харламов забросил свою первую шайбу, вся команда «Крыльев Советов» во главе с ее тренером Борисом Кулагиным стоя аплодировала ему. После этого матча Кулагин с восхищением сказал: «Мы должны гордиться, что в нашей стране живет такой человек и хоккеист, как Харламов!»

Мальцев и Харламов в сборной были большими шутниками, несмотря на внешние скромность и застенчивость. Любили, естественно после окончания сборов и соревнований, зайти в легендарный ресторан «Яр» при гостинице «Советской». Туда, по преданию, хаживали великие русские поэты в XIX и начале XX века, искав отдохновение в протяжных цыганских романсах. Бывал там, на тогдашней окраине Москвы, по преданию, и сам Пушкин. Любили неповторимую атмосферу «Яра» и знаменитые советские чемпионы 1970-х годов. «Советская» расположена в Петровском парке, недалеко от спорткомплекса ЦСКА и стадиона «Динамо», потому там в 1970-е годы собиралось много спортсменов. А у Мальцева так и вообще дом находится в километре от этого ресторана.

«В 1975 году это было. Сижу я как-то в “Яре” за ширмой, ужинаю, – рассказывал автору этих строк один из прославленных советских спортсменов. – Слышу оживление и знакомые голоса. И понимаю, что это Лутченко, Харламов, Мальцев и еще несколько игроков, свежеиспеченных чемпионов мира, в гости к цыганам пожаловали. Харламов был особенно вдохновлен. Он недавно познакомился с красавицей Ириной, которая вскоре станет его женой.

Они заказали свое любимое “Советское шампанское”. “Что мы, не гусары?! – воскликнул кто-то из компании. – Давайте бокалы на счастье разобьем!” Пыл игроков, только что выигравших очередной чемпионат мира, остудил хитрый Мальцев. Он предложил продолжить празднество дома у Харламова, заметив, что он видел у Валерия в шкафу фужеры из венецианского стекла». К счастью, бокалы в тот вечер не полетели на пол ни в ресторане «Яр», ни в доме у Харламова…

– Были ли у вас еще любимые места с Валерием Харламовым, кроме «Яра», где вы предпочитали расслабиться в редкие минуты отдыха? – спрашиваю у Мальцева.

– Конечно, были, – улыбается Мальцев, выдерживая свою знаменитую паузу, во время которой он изучает собеседника. – Любили бывать в «Метле» («Метелица» – знаменитое в 1970–1980-х годах заведение на Калининском проспекте, ныне улица Новый Арбат, с приходом эпохи рыночных отношений ставшее внушительным казино).

– Пили, помимо лимонада, наверное, любимое «Советское шампанское»? – пытаюсь «расколоть» Мальцева.

– Только шампанское, ничего крепче во время чемпионата, – отвечает Александр Николаевич.

– А чем закусывали?

– Любили шампанское со сливочным мороженым.

– А с клубникой? – задаю вопрос, потом, сообразив, что клубника в советские времена не лежала на прилавках магазинов круглый год, как сейчас в супермаркетах.

– Когда был сезон, то и с клубникой, – улыбается Мальцев…

Несмотря на всю славу, обрушившуюся на них в молодости, у Мальцева и Харламова так и не появилось налета «звездности и снобизма». «Он был великий хоккеист, потому что человечище был могучий», – обронил как-то гениальную фразу про Валерия Харламова Анатолий Владимирович Тарасов. «Он был не только выдающимся хоккеистом, но и прекрасным парнем, – вспоминает Виталий Давыдов о Харламове. – Хороших игроков немало, но далеко не каждый из них оказывается порядочным человеком. Величие Валерия Харламова я вижу в его преданности – стране,

хоккею, друзьям. Он относился к тем людям, которые готовы отдать последнюю рубашку. Его жизнь была насыщена не только серьезными испытаниями, но и радостями, трудом, любовью к родителям, жене, детям».

Он никогда не отказывал в автографах, особенно мальчишкам. Харламов в те дни и недели, когда был травмирован, сажал ребятишек со двора в свою «Волгу» и катал их по Москве. Не отказывал им и когда они просили его поиграть с ними на дворовой площадке в футбол или хоккей. «Дядя Валера, ну поиграйте с нами, а мы вам машину помоем», – предложили как-то ребята Харламову. «Машину я и сам помою, – ответил Валерий. – А играть сейчас приду». На эти игры собирался весь двор: надо же, сам легендарный Харламов с мальчишками играет. А когда кто-то однажды произнес: «Что ты вечно с пацанами возишься? Делать тебе больше нечего?», Валерий Харламов ответил: «Это не пацаны, это дети». Трудно оценить, насколько ценно это было для мальчишек. Глядя на кумира, который вот так возится и играет с ними, они сами верили, что когда-нибудь станут такими же великими, как и он.

Когда заканчивался чемпионат мира, то игроки советской команды первым делом шли покупать сувениры и подарки для друзей и родственников. Говорили, что по магазинам не ходил только один Валерий Харламов. Но это не совсем так. Из любой поездки Харламов, как и другие «сборники», на свои грошовые, по сравнению с зарубежными игроками, командировочные старался купить подарки маме, жене, детям, сестре.

«В наше время по окончании турниров нам давали, как мы говорили, два часа на разграбление магазинов. Игры на таких состязаниях были почти каждый день, из расположения сборной нас не отпускали, и ходить было некогда. Потому по окончании зарубежных соревнований каждый старался быстро и на небольшие командировочные приобрести подарки родным. К тому же нас предупреждали, не ходите по одному, а всегда парами, а лучше втроем. Саша с Валерой всегда начинали покупки с музыкальных пластинок и модной одежды», – вспоминает Борис Михайлов.

У Харламова в Испании жил богатый дедушка, владевший несколькими судоверфями, и проблем с импортными товарами по тем крайне дефицитным временам для Валерия не было. Однажды, уже будучи знаменитым игроком, Харламов приехал в Испанию к своему деду. У того во время правления диктатора Франко отняли практически весь бизнес, но он по-прежнему оставался достаточно состоятельным человеком. Катал внука по городу на дорогой машине, угощал его изысканными блюдами в

элитных ресторанах. «Лучше бы ты стал не хоккеистом, а тореадором, проку бы больше было», – однажды пробурчал дедушка.

Он не знал, что накануне столь ожидаемого приезда Харламова на родину своих предков испанское телевидение не упустило возможности снять телевизионный фильм об одном из лучших хоккеистов мира. Когда дедушка Харламова увидел фильм про внука по центральному испанскому телеканалу, он гордо расправил плечи, улыбнулся и, обняв внука, сказал: «Да, насчет тореадора я погорячился»…[36]

Двадцать шестого августа 1981 года сборная СССР по хоккею улетела на Кубок Канады, полная решимости доказать североамериканцам, что она – сильнейшая на планете. Настоящей сенсацией стало то, что в списке «сборников» не было Валерия Харламова. Его отсутствие в команде главный тренер Виктор Тихонов объяснил плохой функциональной подготовкой хоккеиста. Хотя на Кубке европейских чемпионов, проводившемся ранее тем же летом, Харламов в составе ЦСКА забил две шайбы и отдал девять результативных передач. «Для тренера важен результат. Я же всегда брал в сборную сильнейших. А Владимир Крутов даже после травмы выглядел в контрольных матчах лучше Харламова», – признавался Тихонов.

Вячеслав Фетисов вспоминал, что Валерий Харламов накануне тренировался «буквально неистово и был в прекрасной форме». «Чувствовалось, что Валерий очень ждал турнира такого высокого ранга, понимая, что он станет последним для него. Мы паковали чемоданы, как вдруг Тихонов вызвал к себе Харламова. Через полчаса Валера вышел из тренерской. Ничего не объясняя, он пожал ребятам руки, что-то пролепетал о победе, развернулся и уехал. Как потом выяснилось, Тихонов “отцепил” Харламова за какое-то прошлое нарушение режима…» – вспоминал Вячеслав Фетисов.

«Никогда не говорил об этом в прессе, но у Харламова к тому моменту были напрочь разворочены голеностопы. Из-за этого он потерял маневренность. Валерка-то обыгрывал всех на льду за счет своих подвижных голеностопов. Если ЦСКА он бы помог даже в таком состоянии, то в сборной уже терялся, – вспоминал Виктор Тихонов спустя годы. – Он и сам это осознавал. Накануне отъезда в Канаду мы разговаривали в бане. “Валер, ты не обижайся”. – “Виктор Васильевич, я все понимаю. Никаких обид. Вы ж меня сроду не наказывали, хотя часто по пьянке прокалывался”. Злиться на Харламова было невозможно. Такой он был человек. Море обаяния. Вот Мальцев, к примеру, другого склада. Хитрован. Пьет с ребятами, потом всех ловят – только

Мальцев уже смылся»[37].

В Москву Валерий Харламов вернулся со сборов в крайне подавленном состоянии. «После первой автокатастрофы и возвращения на лед Валерий, возможно, окончательно поверил в свою счастливую звезду, в то, что черная полоса неудач осталась позади, что неприятностей в его жизни больше не случится и новых серьезных испытаний в его жизни не произойдет, что игра с судьбой, начавшаяся за много лет до первой автокатастрофы со ссылки в Чебаркуль, выиграна, – считает Виталий Давыдов. – Но это было глубоким заблуждением, приведшим к возникновению трения с руководителями отечественного хоккея, с тренерами сборной СССР, которые в итоге не взяли его в Канаду не из-за плохой игровой формы, как гласило официальное объяснение, а по каким-то личным мотивам. Так что уверенность Харламова в благополучном продолжении игровой карьеры, повторяю, была большой ошибкой – судьба и не думала сдаваться, приготовив новые испытания».

Звезда русского хоккея по имени Валерий Харламов «закатилась» 27 августа 1981 года на 74-м километре Ленинградского шоссе. «Волгу», за рулем которой сидела его жена Ирина, резко занесло в сторону, когда машина пошла на обгон автобуса. На скользком от дождя, только что отремонтированном асфальте «Волгу» бросило под колеса тяжелого встречного грузовика. Валерий Харламов погиб мгновенно. На нем не было крови, на теле врачи не зафиксировали никаких повреждений. Просто от сильного удара у него разорвалось сердце. Супруга Валерия пережила его на 10 минут. Спустя полтора года ушла из жизни мама Валерия. Она так и не смогла перенести смерть любимого сына и невестки. Полная жизненных сил, цветущая женщина фактически «сгорела», потеряв почти половину своего веса…

Известие о гибели Харламова в автокатастрофе под Москвой, по признанию Мальцева, стало для него «страшнейшим ударом». Сборная СССР в это время направлялась на самолете в Страну кленового листа для подготовки к Кубку Канады. «В аэропорту Виннипега, подойдя к нам, шведский судья рассказал, что погиб Харламов. Для нас страшным ударом был уход из жизни такого самобытного игрока и удивительного человека. Я понял, что потерял родную душу, – вспоминает Александр Мальцев. – Виктор Тихонов, тренер сборной, видя, в каком шоковом состоянии я нахожусь, даже не поставил меня на первую игру. Харламов был настолько любим всеми, что когда в Северной Америке объявили минуту молчания по Валерию, то, думаю, почтить его память встали вся Канада и Соединенные Штаты».

В раздевалку советской команды после одного из матчей на этом турнире зашел Бобби Халл. В руках он держал букет красных гвоздик. «Я знаю, что красные гвоздики были любимыми цветами Валерия Харламова. Пожалуйста, возьмите их и поклонитесь от имени всей Канады великому Хоккеисту и Человеку», – попросил Бобби Халл.

«Саша вместе с Третьяком и Васильевым обратился к Тихонову с просьбой отпустить их на похороны, – вспоминала Сусанна Мальцева. – Туда и обратно, за свой счет. Была такая возможность. Более того, желание взять все расходы на себя изъявили даже канадцы. Но Виктор Васильевич, посоветовавшись с начальством, отказал…» Сборная СССР выиграла Кубок Канады 1981 года и посвятила эту победу памяти Валерия Харламова.

Хоронили Валеру на Кунцевском кладбище. Проститься с Харламовым пришли тысячи людей, как годом ранее провожали в последний путь Владимира Семеновича Высоцкого. В этот день постоянно менялась и капризничала погода. Сначала шел сильный дождь, потом засверкали молнии и вдруг выглянуло ослепительное солнце. Анатолий Тарасов обронил фразу: «Видите, над Харламовым плачет даже Бог»…

В августе 1991 года, в десятую годовщину трагедии, на 74-м километре Ленинградского шоссе болельщиком Харламова по имени Михаил был установлен памятный знак. На пятисоткилограммовой мраморной шайбе была выгравирована надпись: «Здесь закатилась звезда русского хоккея ВАЛЕРИЙ ХАРЛАМОВ». Некоторые болельщики со стажем признаются, что после его гибели почти перестали смотреть хоккей. Он стал каким-то пресным…

«Самого близкого друга судьба у меня отняла, – тихо говорит Александр Мальцев. – Если бы жив был сейчас Валера, совсем бы по-другому все сложилось. Его мне никто заменить не смог. Было время – я жил один. В квартире не было телефона. После очередного долгого отсутствия я нехотя, как-то обреченно с динамовской базы в пустой дом возвращаюсь. Вдруг, еще только поднимаясь по лестнице, чувствую такой родной, просто божественный запах жареной картошки. Открываю дверь, иду на кухню, а там Валерка в фартуке, довольный, счастливый меня ждет. Мы обнимаемся, а масло на сковородке приятно так шкворчит…»

О своем друге Александр Николаевич вспоминает часто. В эти минуты в его глазах видна боль утраты, которая не стихла, несмотря на прожитые годы. Мальцев оживляется, когда его просят рассказать о счастливых днях, проведенных с Харламовым, когда о его друге говорят теплые слова. В 1999 году знаменитый

«голос Лужников», диктор Валентин Валентинов, на банкете в честь пятидесятилетия Мальцева, когда до него дошла очередь поздравлять юбиляра, бросил фразу, которую он часто произносил во время игры сборной СССР. «Я встал и как только можно торжественнее сказал: “С подачи Валерия Харламова, номер 17, шайбу забросил Александр Мальцев, номер 10”. Александр ко мне через весь зал побежал обниматься. Для него эти слова оказались лучшим подарком», – вспоминает Валентинов.

Смог бы Харламов ужиться в сегодняшней суровой жизни? Когда материальное начало вытеснило из всех сфер романтику, а в хоккее то и дело говорят о суммах контрактов и бонусов для суперзвезд, которым по своему мастерству недотянуться до «звезды Харламова». Не знаю… В нынешнем беспощадном времени мне почему-то особенно трудно представить Валерия Борисовича Харламова и Владимира Семеновича Высоцкого.

Кем бы был Валерий Харламов, доживи он до наших дней? Однажды он сам сказал: «Хочу быть детским тренером. Я им должен, они помогли мне вернуться на лед». Владислав Третьяк на мой вопрос заметил: «Работать тренером команды мастеров Валера, скорее всего, не потянул бы. А вот возиться с детишками, вполне возможно. Добрый, открытый человек он был. Дети к таким людям тянутся». В одном из редких интервью и отец хоккеиста, Борис Сергеевич Харламов, предположил, что если его сын был бы жив, то сейчас, скорее всего, работал бы тренером в детской школе.

Потом помолчал и добавил: «Ему с его характером сейчас вообще было бы трудно. Он у меня был романтиком, а теперь в России многие живут по волчьим законам. Валерка бы так не смог…»

Глава восемнадцатая
МАЛЬЦЕВ УХОДИТ РЕКОРДСМЕНОМ СБОРНОЙ СССР

На Кубке Канады 1981 года Александр Мальцев, по его признанию, играл за двоих: за себя и Валерия Харламова. Можно только представить, насколько тяжело ему давались эти матчи. Когда каждую секунду жгла боль невосполнимой утраты, когда постоянно терзала мысль о том, что он не может отдать последнюю дань памяти своему лучшему другу в Москве, а должен в эти дни находиться далеко за океаном. На этом турнире Мальцев провел четыре игры и забросил одну шайбу. В эти дни, по его словам, ему было не до хоккея.

Обстановка в рядах сборной СССР действительно была гнетущей. Особенно тяжело приходилось тем, кто играл с Валерием Харламовым в сборной и клубе много лет, для которых он стал другом и братом. «Прошло уже три десятилетия, а в памяти до сих пор события тех дней. И главное, вопрос: почему это случилось так внезапно? Не после какой-то болезни, а вот так оборвалась жизнь одного из лучших наших спортсменов, нашего друга», – вспоминает Борис Михайлов.

И на самом Кубке Канады условия для выступления были не лучшие. Играть сборной СССР выпало на старом катке, построенном в 1930-е годы, с большими перекрытиями, с простенькими трибунами, без удобств для зрителей, наконец, с такими высокими бортами, что и без того маленькая по европейским меркам хоккейная коробка казалась откровенно миниатюрной. Там, такому скоростному хоккеисту, как Мальцев, было трудно развернуться.

Под знамена канадской сборной были призваны самые лучшие игроки НХЛ. Профессионалы составляли большинство в сборных командах США, Швеции, Финляндии. Тем весомее и впечатляюще оказался успех советских хоккеистов, победивших на первом этапе шведов 6:3, американцев 4:1, финнов 6:1, хозяев площадки канадцев 7:3 и лишь однажды потерявших очки, сыграв вничью 1:1 с чехами. В полуфинале команда ЧССР была повержена со счетом 4:1. Все, что нужно было сказать и доказать сборной, она показала в последнем матче турнира во встрече с хозяевами, сжавшись в единый кулак. Спокойно, шайба за шайбой, увеличивая счет и празднуя голы без неуместного в эти трагические дни пафоса. 8:1 – с таким счетом команда Советского

Союза нанесла, пожалуй, самое унизительное поражение канадским профессионалам в истории встреч этих двух сборных. Унизительное, потому что канадцы, собравшие под свои знамена действительно лучших из лучших, проиграли у себя дома. И где – на льду Монреаля! Турнир сборная СССР завершила блистательно: в семи играх одержаны шесть побед и лишь однажды зафиксирована ничья.

После заключительного матча премьер-министр Канады Пьер Эллиот Трюдо торжественно вручил капитану сборной СССР Валерию Васильеву Кубок Канады. Это сильно не понравилось тем, кто давно имел «зуб на Советы», например, одному из руководителей НХЛ Алану Иглсону, тому самому, кто дебоширил в «Лужниках» в последнем матче Суперсерии 1972 года. В сопровождении полицейских он, а также председатель оргкомитета соревнований и хранитель торонтской галереи хоккейной славы, пройдя в раздевалку советской сборной, забрали приз, только что врученный победителям. Они сказали, что обладатели Кубка Канады на самом деле получают копию, а оригинал трофея, дескать, должен вернуться в Торонто с «присовокупленным» хранителем галереи.

И тогда бизнесмен из Виннипега Джордж Смит, возмущенный оскорбительными и хамскими действиями Иглсона и компании, обратился к соотечественникам с призывом собрать средства и изготовить копию кубка взамен «украденного». Деньги собрали за несколько дней и быстро сделали точную копию Кубка Канады. Позже Смит приехал в Москву и в торжественной обстановке вручил этот трофей его победителям. 14 октября 1981 года второй раз за месяц его поднял над головой капитан сборной СССР Валерий Васильев.

За победу на Кубке Канады 1981 года Виктор Тихонов «пробил» для игроков сборной СССР премию в тысячу долларов. Тогда, по признанию ветеранов, они ощутили себя едва ли не миллионерами.

Возвратившись в Москву, Мальцев заехал домой, оставил вещи. Навестил родителей Валерия Харламова, а потом поехал на могилу друга на Кунцевское кладбище. Там он не сдержал слез. А как было иначе, ведь самый близкий для него друг ушел таким молодым, полным жизненных сил и планов. Жизнь только начиналась, пусть даже вне большого хоккея, но полная новых побед и красочных переживаний. Он вспоминал их радостные встречи, их разговоры о будущем после хоккея и эту безмерно обаятельную улыбку Валеры…

Если посмотреть на снимки Мальцева той поры, то защемит сердце от выражения тоски и грусти в его глазах. Это были не

потухшие глаза – Мальцев всегда оставался настоящим бойцом, просто трудно было скрыть горечь, что не уходила потом столько лет…

В начале 1982 года на Мальцева обрушилась новая напасть. До чемпионата мира в Финляндии оставалось чуть больше месяца, когда на одной из тренировок «Динамо» в самом начале марта Александр Мальцев вновь, как и семь лет назад, столкнулся со своим же динамовским защитником и получил тяжелую травму. «Я упал. И первая мысль, которая мелькнула в голове, это – колено. С трудом доплелся я до раздевалки. Когда разделся, меня прошибло холодным потом. Колено моментально распухло, и я понял, что на этот раз без операции не обойтись, – вспоминает Александр Мальцев. – Подумал я и решил операцию отложить. Понадеялся, что само заживет». Но надежда на то, что боль пройдет, а колено «заживет, как на собаке», не оправдалась. «Подождал с месяц, и тогда думаю – была не была», – признается Мальцев.

В один из первых апрельских дней он приехал на динамовский каток к восьми утра, незаметно прошел в раздевалку, чтобы его никто не видел. Начал зашнуровывать коньки, пытаясь проверить, как реагирует колено на резкие движения. Вроде ничего, «не бодается». «И вот я аккуратно ступил на лед, начал движение на коньках, осторожно, словно в первый раз. И тут же почувствовал в колене пронзившую меня боль, – вспоминает Александр Мальцев. – Я добрался до скамейки, сел на нее и чуть не заплакал. Вот и второй чемпионат мира, как и в 1979 году из-за аппендицита, пройдет мимо меня. С таким абсолютно невеселым настроением я поехал домой».

Дома он все рассказал Сусанне. Потом, спустя два дня, за обедом, вдруг пронзила мысль завершить карьеру, тем более что настроение последние месяцы было никудышным. Сусанна помолчала и ответила согласием. Мальцев решил поехать на динамовскую базу и рассказать о принятом на семейном совете решении главному тренеру «Динамо» Владимиру Борисовичу Киселеву, тому самому Киселеву, который на первой тренировке Мальцева в «Динамо» в 1967 году, шутя, спросил у Чернышева, где тому удалось найти «такого зверька». Тренер Киселев внимательно выслушал хоккеиста и сказал, что ему нужно отдохнуть и успокоиться. «Он сказал, что я нужен команде и зрителям. И это было решающим фактором для меня», – вспоминает Александр Мальцев.

«В общем, убедил меня Владимир Борисович в том, что я крайне необходим команде и расставаться мне с хоккеем еще очень рано, – вспоминает Александр Мальцев. – А сколько я тогда

писем от болельщиков получил, даже передать сложно, пачки, сотни писем. В них были и слезы, и тепло надежды. Доходило до серьезных требований, мол, товарищ Мальцев, вы не имеете права покидать лед и оставлять “Динамо” и сборную СССР в столь ответственный момент…»

Тринадцатого апреля 1982 года профессор Башкиров сделал Александру Мальцеву сложную операцию на колене. Несколько дней игрок не поднимался с кровати, потом передвигался по палате лишь с помощью костылей. Тогда перед финским чемпионатом мира сборная СССР во главе с Виктором Тихоновым в полном составе пришла на традиционную встречу с журналистами «Комсомолки». В ответ на волнующий корреспондентов и всех болельщиков вопрос о состоянии здоровья любимого игрока один из партнеров Мальцева по команде произнес с неподдельными грустью и горечью: «Травма у Александра Мальцева такая, что в хоккей после операции он вряд ли вернется». Несмотря на праздничную в целом атмосферу проводов советских хоккеистов в поход за очередным чемпионским званием, пишущая братия в зале заметно приуныла.

Все две недели, пока шел чемпионат, на котором сборная СССР снова одержала победу, Мальцев провел на больничной койке. «Когда я лежал в больнице и смотрел за играми ребят, то понял, насколько трудно болеть за любимую команду», – признавался тогда Мальцев в одном из интервью. Особенно ему понравились две встречи советских хоккеистов с канадцами, выигранные 4:3 и 6:4. Советская команда уверенно подтвердила звание сильнейшей в мире, одержав победу в девяти встречах из десяти при одной ничьей.

После окончания чемпионата мира, в начале мая, Александра Мальцева отпустили на несколько дней домой на «побывку». Потом хоккеист снова вернулся в больницу, чтобы пройти долгий курс восстанавливающих процедур. Врачи говорили, что на лед Мальцев выйдет в лучшем случае к началу хоккейного сезона.

Но Александр Мальцев назло всем напастям вернулся раньше! Правда, чего это стоило, особенно когда тебе шел четвертый десяток лет, знали только сам хоккеист и динамовский каток в Петровском парке в здании ДЮСШ. Александр Николаевич вспоминает, что готовился к возвращению на лед по своей собственной программе. «Никто меня не контролировал. Да и зачем. Я четко понимал и представлял, что все, что я делаю, нужно мне и только мне. А ребята из команды “Динамо” меня всячески опекали и поддерживали, огромное спасибо им за это. Они так верили в меня, что я не мог их подвести».

Занимался вечером, как тогда в детстве, в Кирово-Чепецке,

когда оставался на полутемном катке в гордом одиночестве в самую лютую стужу. Ускорения, рывки, круги вдоль бортов. А потом броски и щелчки, десятками, сотнями с излюбленных позиций. Что-то не нравилось, сердце подсказывало, нет, так не пойдет. И опять начинались рывки, ускорения, броски и щелчки. А потом все сначала: с утра тренировки с командой, потом отдельно. Так недели. На динамовском катке в гордом одиночестве, в который раз побеждая невзгоды своим неистовым, мальцевским трудолюбием. Это было самое настоящее мужество, о котором он говорил в одном из интервью в конце карьеры, когда его попросили ответить, что такое для хоккеиста быть мужественным человеком. «Мужество – это когда так трудно сдержать себя, когда обидно спокойно переносить грубость не в меру ретивого “спортсмена”, когда велико искушение дать ему сдачи. Подлинное мужество требует выдержки и терпения. Мужество в хоккее – это колоссальное трудолюбие, это регулярные тренировки, работа с выдумкой и огоньком даже тогда, когда тебе так хочется отдохнуть, сделать себе какое-то послабление, а ты не имеешь права выбиваться из тренировочного ритма», – говорил Александр Мальцев.

Жизнь Мальцева в те месяцы, несмотря на травму, была насыщенной и скучать ему не приходилось. К тому же предстоящим летом его ждала защита диплома в Московском областном педагогическом институте имени Крупской, и уже 3 июня ему предстоял первый государственный экзамен.

Однажды в кабинете Виталия Семеновича Давыдова вместе с Мальцевым мы листали красочный фотоальбом о хоккее. Виталий Семенович, надо сказать, большой шутник и юморист и в свои семьдесят с небольшим даст фору в жизнелюбии и оптимизме многим молодым. «Погоди-ка, это ты, Сашка, что ли, такой важный, экзамен сдаешь?» – со своей фирменной хитринкой спрашивает трехкратный олимпийский чемпион, указывая на снимок, где Мальцев сидит в просторной аудитории перед маститыми преподавателями. «И что, учил, сдавал экзамены без поблажек и снисхождения?» – продолжает острить Виталий Семенович. «Учил и сдавал, как положено», – Мальцев серьезен и не думает подыгрывать Давыдову, который продолжает шутить: «А это что за серьезный мужчина во главе стола, больно суровый вид у него на снимке?» Тут Мальцев наконец-то улыбается. «Это – председатель госкомиссии, был моим самым большим поклонником из числа преподавателей. Но он мне как раз больше всех вопросов тогда на экзамене задал», – в кабинете Давыдова раздается дружеский смех.

В период реабилитации после травмы, когда он почувствовал

себя немного лучше, Александр Мальцев решил поехать в Ярославль, где в те дни проходил всероссийский семинар тренеров детско-юношеских спортивных школ. Мальцев мог бы спокойно остаться в Москве, но он предпочел поехать туда и посмотреть на будущих хоккейных дарований. Он, как и Харламов, не стеснялся признаться в том, что чем-то в своей хоккейной жизни обязан мальчишкам. «Лично я очень многому научился благодаря общению с хоккеистами-юниорами. На одной тренировке я подметил очень хитрый финт в исполнении пятнадцатилетнего мальчишки и затем сам овладел им. И поэтому сегодняшним мастерам желаю – почаще встречайтесь с ребятами на льду, они вас многому научат», – говорил Мальцев в одном из интервью[38].

После этого семинара в Ярославле часть тренеров и Александр Мальцев поехали в Пензу, чтобы посмотреть за финальными соревнованиями на приз «Золотая шайба». Во время этого турнира произошел неприятный эпизод. «В составе детской команды Ярославля десятилетнего возраста приехал оторва, самый настоящий хулиган. Он грубил на площадке, задирался к сверстникам, устраивал драки. Когда Саша Мальцев, легенда нашего хоккея, сделал ему замечание, то этот пацан и вовсе послал знаменитого хоккеиста на три веселых буквы, – вспоминает Евгений Душкин. – Все, кто наблюдал за этой неприятной сценой, застыли, как в “Ревизоре”. У тренеров в буквальном смысле отвисли челюсти. Строптивого пацана взяли за ухо и попытались объяснить ему, что нельзя грубить, тем более старшим, да и еще и самому великому Мальцеву. А хулиган не унимается, говорит: “А мне что Мальцев, что не Мальцев”.

Тогда Саша проявил принципиальность, заявив: “Ладно, с этим пацаном все ясно. Его, конечно, дисквалифицируют за все его чудачества. Но он ребенок и многое не понимает, а вот куда смотрят его воспитатели, как они вообще допустили такое безобразие с дисциплиной у себя в детской команде. Если они нарочно заводят несмышленых детей и с ранних лет учат их хамству и грубости, то таким воспитателям и тренерам не место в спортивной школе”. В результате Саша добился проведения тщательного расследования. Нерадивый тренер, по крайней мере на время турнира, был лишен возможности заниматься с детьми».

«Популярность Мальцева в СССР была неимоверной. Мы с тренерами по окончании соревнований в Пензе сидим в пивном баре, выстояли большую очередь, наконец-то прошли в помещение. Вдруг, смотрим, в бар заходит Саша, видит нас и застывает на пороге заведения, поскольку внутри нет ни одного свободного стула и все сидят почти впритык друг к другу, –

продолжает Евгений Душкин. – Я побежал к бармену, сказал, что на пороге их заведения находится сам Мальцев, не решаясь пройти внутрь и выстаивая очередь. Бармен бросил все дела, любезно пригласил Александра Николаевича и принес стул едва ли не из кабинета директора. В те годы была популярна поговорка: “Требуйте долива пива после отстоя пены”. Что говорить, пиво во многих заведениях в кружки явно недоливали, когда эта самая пена спадала. Саша присел к нам за стол, а бармен сам лично поднес ему кружку, которая в отличие от наших была заполнена до самых краев и играла пузырьками».

Все опешили, когда увидели Мальцева в первых турах начавшегося чемпионата СССР по хоккею. Ведь даже друзья по сборной уверовали в то, что Мальцев больше не сыграет. Но он вышел на лед. А получив болезненную травму руки в североамериканском турне с «Динамо» в конце 1982 года, вернулся на площадку и находился в блестящей форме накануне, как оказалось, последнего для себя первенства планеты.

Чемпионат мира 1983 года было решено провести в западногерманских Дортмунде, Дюссельдорфе и Мюнхене. Именно на этом первенстве состоялся дебют в составе национальной сборной будущего наставника российской команды Вячеслава Быкова, а также армейского форварда Михаила Васильева. Дебютанты были определены в тройку к Александру Мальцеву. «Думаю, ребята будут выступать увереннее от матча к матчу. Тем более им есть у кого учиться – рядом с ними играет опытнейший нападающий Александр Мальцев», – сказал в интервью журналистам капитан сборной СССР Вячеслав Фетисов. Кстати, сам Мальцев считает, что Фетисов был последним из настоящих вожаков отечественной хоккейной сборной.

Виктор Тихонов поставил новобранцев в тройку к Мальцеву накануне игры с Финляндией. «В этом звене хоккейная мудрость, великолепный пас и огромный опыт Мальцева в сочетании с реактивными скоростями молодых нападающих, дебютантов нынешнего чемпионата, должны принести интересные плоды», – отметил наставник советской сборной.

«Сколько себя помню, серьезных противоречий с тренерами у меня не было. Конечно, бывало, в игре сделаешь что-нибудь не так – нагоняй от наставника получишь. И по делу: со стороны виднее. Но чтобы неприязнь после этого появилась к тренеру – не было такого. И с партнерами также, – признавался Мальцев в одном из интервью во время чемпионата. – Конечно, у большинства хоккеистов характер не сахар. Но, выходя на поле, ребята забывают обо всем, что их тревожит в обычной жизни. Остаются лишь поле, шайба и соперник, которого нужно

победить».

Это первенство стало для Александра Мальцева уже тринадцатым мировым чемпионатом в хоккейной карьере. «Я никогда не придавал этой цифре особого значения», – ответил нападающий на вопрос, как он относится к «суеверному числу» 13. В том составе сборной двузначные цифры участия в мировых первенствах были только у Мальцева и Третьяка. Многолетний партнер Александра Мальцева по «Динамо» Валерий Васильев на этом чемпионате уже не играл, а на первые роли в команде уверенно вышла армейская пятерка: Касатонов – Фетисов, Макаров – Ларионов – Крутов.

Советские хоккеисты вели себя так, как подобает фаворитам чемпионата. Не позволяли себе расслабляться даже во время тренировок, хотя многие журналисты заранее записали их в победители мирового первенства. Настроения ребятам добавил концерт давних друзей хоккеистов. Поддержать игроков в Дортмунд приехали актер Лев Дуров, поэт-пародист Александр Иванов, певец Иосиф Кобзон.

Местная пресса задавалась всего двумя вопросами: сможет ли сборная ФРГ пробиться в финальную четверку и кто же отберет хотя бы очко у советских хоккеистов? В расположение советской сборной пришел бывший игрок чехословацкой команды, в те дни заместитель редактора братиславской газеты «Шпорт» В. Малец. Рассыпался в комплиментах советским хоккеистам, а затем не удержался от похвалы в адрес Александра Мальцева и Сергея Макарова. Первого назвал самым думающим и неожиданным нападающим в мире, а армейского хоккеиста – настоящим спортивным бойцом.

Формула этого турнира изменилась по сравнению с предыдущими чемпионатами. Отныне в финальном раунде, куда выходили четыре лучшие сборные, не учитывались очки, набранные на предварительном этапе. Причем руководство Международной федерации хоккея пошло на этот шаг «для сохранения интриги мирового хоккея». Спортивные чиновники решились на это после убедительных побед сборной СССР на чемпионатах мира 1979 и 1981 годов, когда она досрочно выигрывала золотые медали, практически лишая другие команды мотивации.

Тихонов обкатывал тройку Васильев – Быков – Мальцев в первом матче с канадцами, и надо же такому случиться, в этой игре Мальцев получил обидную травму. Советские игроки победили со счетом 8:2. Однако Виктор Тихонов пришел на пресс-конференцию расстроенным. «Легкость выигрыша отнюдь не означает, что победа досталась без напряжения, – отметил

наставник советской сборной. – Соперник, видимо, решил приберечь силы до финала, поскольку в отличие от остальных команд не участвует на первом этапе в борьбе за титул чемпиона Европы. И все-таки канадцы не упускали случая сыграть жестко, а порой и грубо. К сожалению, получил травму Александр Мальцев…»

Из-за этой травмы у ветерана советской сборной оказался смазанным почти весь чемпионат. Он провел в восьми встречах в ФРГ всего лишь одну шайбу и отдал три результативные передачи.

Сборная СССР легко вышла в финальный квартет, игры которого проводились в Мюнхене. В первой игре «под ноль» были обыграны шведы 4:0. Более напряженным выдался матч со сборной ЧССР. В ответ на шайбу советских хоккеистов чехи сравняли счет. Последние минуты встречи были очень тяжелыми для сборной СССР. Ситуации у ворот Третьяка создавались одна острее другой, но он выручил в нескольких очень опасных эпизодах. Ничья 1:1. «За две с половиной минуты до конца этого матча я выкатился с правого края один на один с вратарем. Бросил – он отбил шайбу. Может, стоило его обвести, но я не рискнул: могло не получиться – играл на обезболивающих уколах, а к концу матча их действие ослабло», – вспоминает Александр Мальцев.

Судьба золотых медалей решалась в последнем туре, к которому команды Чехословакии и СССР подошли, набрав по три очка и с лучшей разностью забитых и пропущенных шайб у советской сборной. Канадцы оказали серьезное сопротивление сборной СССР лишь в первом периоде встречи. Во втором отрезке, который советская команда выиграла со счетом 6:0, все на чемпионате мира стало ясно. Победный счет в матче с канадцами, и опять те же 8:2, что и в первом круге, сделал советскую команду чемпионом мира. Тринадцатое первенство планеты по хоккею принесло Мальцеву звание девятикратного чемпиона мира. А команда СССР стала сильнейшей в мире уже в девятнадцатый раз.

В чемпионате СССР 1982/83 года во многом из-за травмы Мальцев не смог помочь «Динамо» обойти «Спартак» в битве за второе место. Спартаковцы опередили бело-голубых в турнирной таблице на три балла, а впереди них с отрывом в 12 очков финишировал ЦСКА.

Александр Мальцев по-прежнему был самым частым участником агитбригад «Комсомолки», отправляясь в поездки по всей стране. Везде его встречали с особенной теплотой. Как-то в компании, выехавшей в 1983 году с очередной агитбригадой, спортсмены заспорили не на публике, а уже между собой: где

требуется больше всего смелости? Журналист Николай Долгополов, доказывавший Мальцеву, что ему еще рано уходить со льда, вспомнил о своих друзьях. О прыгунах в воду, с их вечными вывихами локтей и суставов. Сошлись, что в прыжках в воду с десятиметровой вышки прыгуны не уступают в смелости хоккеистам.

Мальцев не согласился, заявив, что с вышки прыгнуть можно легко, нужно только настроиться, и был дружно осмеян. «Я пропустил эти слова мимо ушей, – вспоминает Николай Долгополов. – Мы уже сидели в столовой какого-то бассейна, когда обед нарушило появление толстенького малыша: “Эй, там дядя Саша вас в бассейн зовет”. Карапуз, ловко плутая по коридорам, вывел всех обедавших за столом в бассейн. Мальцевское “Эй!” раздалось с десятиметровой вышки. Стройный, подтянутый, не отягощенный не то что лишними килограммами, граммами, Александр Мальцев стоял на вышке. Еще секунда, взмах рукой, и случился мгновенный полет сверху ласточкой, головой вниз. Мальцев четко и профессионально вошел в воду – прямо посередине, между натянутых канатов плавательных дорожек. Это был первый его прыжок, было видно, что Мальцев ушибся, не без труда выбрался на бортик. Но приветственно взмахнул рукой, широко улыбнулся… А на ужине скромно сказал: “Все-таки самые смелые из спортсменов – хоккеисты”. И никто больше с великим игроком не спорил».

В 1983 году Мальцева и других героев только что завершившегося победой советских хоккеистов мирового первенства по традиции ждал отдых на главном советском курорте в Сочи. Но черноморская здравница бомбардира так и не дождалась. Мальцев поехал в направлении почти противоположном. Он направился в Казахстан, на запад Павлодарской области, в Экибастуз, где на крупном топливно-энергетическом комбинате кипела ударная комсомольская стройка. Заметим, что здесь в советские времена добывалось 11 процентов угля, производимого в СССР. К тому времени над Мальцевым, курортам и отдыху предпочитавшим поездки по стране в составе агитбригад, по-доброму подтрунивали партнеры по хоккейной сборной: «Разве есть еще ударная стройка, на которой не побывал Шурик Мальцев?» Действительно, Мальцев в командировках по линии ЦК ВЛКСМ исколесил почти всю страну: от Нечерноземья до Экибастуза, от БАМа до КамАЗа.

Едва ступив на трап самолета по прилете в Экибастуз, он сразу же оказался в центре внимания. Мальцев, без сомнения, был самым желанным гостем, главной «изюминкой» в россыпи приехавших звезд. Ему доставалось и больше вопросов, и больше

внимания. Тут не скажешь, что же было главной причиной: всенародная любовь к народной игре, очередной успех советских хоккеистов или неповторимое мальцевское обаяние. Ведь простой народ не обманешь.

В зал или Дворец культуры, где проходили новые встречи с рабочими, он проходил, присаживаясь где-то с краешка. А в президиум летели записки: «Просим пересадить товарища Мальцева в центр, его же не видно». А потом, когда Мальцев все же пересаживался, туда летели записки, обращенные к нему.

По воспоминаниям Долгополова, эта поездка в Экибастуз была особенной. Приглашенные гости не только выступали сами, но и слушали других, своими глазами видели, в каких тяжелых условиях приходится работать людям. Мальцева особенно поразила экскурсия на самый крупный угольный разрез комплекса – «Восточный». Стоя на площадке на самом верху разреза, московские гости неподдельно удивлялись гигантским размерам предприятия и тяжелейшим условиям труда на нем. Даже сюда, на самый верх от котлована, долетали мелкие дробинки угля, подгоняемые злым порывистым ветром. Приезжим же гостям пояснили, что люди на дне карьера добывают уголь сутками и годами.

«Нет, мало мы все-таки, хоккеисты, тренируемся, работаем, – неожиданно произнес Мальцев, показывая рукой вниз, – вот кто по-настоящему вкалывает и прославляет нас. – Он взял паузу и сказал чуть тише: – Ничего, мы для этих ребят своими победами заставляем исполнять наш гимн на соревнованиях за границей. Мы побеждаем и заставляем весь зал вставать перед красным флагом. Ради этого, ради ребят, которые трудятся в Экибастузе, стоит сражаться».

В агитбригаду в тот раз взяли начинающую певицу, молодую Катю Семенову. Робкую, стеснявшуюся девушку, только начинавшую свою эстрадную карьеру, взялся опекать Александр Мальцев. Чтобы поддержать ее, решил во что бы то ни стало преподнести певице цветы. Пришлось обегать весь городок, пока не достал-таки здоровенный букет. Причем выпросил его у кого-то, и они с Долгополовым еле успели на выступление в зал. Преподносили этот букет Кате Семеновой по просьбе Мальцева вдвоем. Девичья радость была неподдельно искренней.

«Во всех своих бесчисленных поездках, в то время без мобильников, Александр Мальцев обязательно первым делом искал телефон. Звонил жене Сусанне, говорил с маленьким сыном Сашей. И в этих скупых, рубленых мальцевских словах было столько нежности и теплоты, сколько было не счесть в иных витиеватых фразах из любовных романов», – вспоминает Николай

Долгополов.

После победы на Кубке Канады в 1981 году у Мальцева, по большому счету, не осталось в хоккее спортивных стимулов. Остались непокоренными лишь НХЛ и вершина пьедестала всесоюзного чемпионата. Но в первую нельзя было уехать, а на вторую не пускал всесильный ЦСКА с его могучим составом. Впрочем, в следующем, 1984 году начинались Олимпийские игры, и у Александра Мальцева был шанс войти в элиту избранных: стать трехкратным олимпийским чемпионом.

«В конце карьеры Мальцев стал игроком настроения, – полагает хоккейный аналитик Григорий Твалтвадзе. – Мог просто поиграть на льду первый период, ничего особенного не совершив, а в следующие двадцать минут, будто на него сверху сошло просветление, начать творить чудеса».

В 1981 году «Динамо» на выезде играло с ленинградским СКА и этот матч транслировался по Центральному телевидению. В первом периоде происходящее на льду навевало неимоверную тоску на болельщиков, расположившихся на трибунах и у телеэкранов. Как бы сейчас сказали некоторые острословы: «Игра была равна, играли два…» Мальцева несколько раз грубо атаковали, но судейский свисток предательски промолчал. Злить мастера оказалось себе дороже. Во втором периоде, устав смотреть на происходящее, Мальцев взорвался. Он взял шайбу на правом крае и молниеносно ворвался в зону по правому борту, прошел одного защитника, второго, еще больше набирая скорость. Дальше еще интереснее. Он подъехал к воротам, но не зашел в их периметр, не обострил ситуацию.

А продолжил свое движение вдоль борта, не замечая никаких преград. Вышел из зоны противника и затем с той же шайбой пошел на второй круг туда же, в эту самую чужую зону вдоль борта! На его плечах повисли два защитника, Мальцев разогнался за воротами, набрал скорость, выехал из-за них в круг вбрасывания и вдруг что есть сил резко затормозил. Летевшие вслед за ним защитники, не сумев остановиться, столкнулись на вираже. А Мальцев, объехав их, вышел один на вратаря и спокойно забросил шайбу в «девятку»!

«В последние два-три сезона Александр Мальцев часто играл по настроению, – повторяет Григорий Твалтвадзе. – Есть пословица, что в глазах еврейского народа выражена вся его скорбь. По аналогии с этим можно сказать, что в глазах русского хоккеиста Мальцева читалась неистребимая грусть. Повлиял ли на него уход из жизни лучшего друга Валерия Харламова, исчезла ли у него мотивация в хоккее, в котором он выиграл все, что можно, и понимал, что не добьется звания чемпиона СССР, не

знаю. Может быть, он просто устал. Я склонен учитывать и тот фактор, что Александр Николаевич уже много лет играл с ощущением этакой вселенской ответственности за судьбу “Динамо”, в котором он с Васильевым был долгие годы “один в поле воин”».

Мальцев все больше стал играть на партнеров, в его личной статистике прибавилось число результативных передач. «Я прекрасно помню свой первый сезон в составе “Динамо” 1983/84 года. Он был последним в игровой карьере Александра Николаевича. На сборах и выездных матчах мы часто селились с ним в одном номере. Все происходящее мне напоминало настоящую сказку, – признавался известный в прошлом нападающий «Динамо» и сборной СССР Юрий Леонов. – Жаль, что нынешняя молодежь лишена возможности работать со звездой такого уровня. Уверен, что его рассказы о прошлых победах и мудрые советы талантливые юниоры слушали бы, раскрыв рты. Думаю, что гонять шайбу он мог бы еще три-четыре года».

В феврале 1984 года игроки сборной СССР в полном составе стали гостями «Комсомольской правды». Это была традиция – раз в год накануне самых ответственных соревнований хоккеисты отвечали на вопросы журналистов в Голубом зале редакции. Год был юбилейным для советского хоккея. Ровно 30 лет назад началось победное шествие советской ледовой дружины по ледовым аренам планеты, когда впервые было завоевано звание чемпионов мира. Сейчас эта команда отправлялась только за победой на самый главный турнир года – Олимпиаду в Сараево, с тем чтобы доказать, что горькое поражение в Лейк-Плэсиде четыре года назад было досадной нелепостью. В «Комсомолке» сразу же обратили внимание на то, что среди «сборников» опять, как в 1982 году, нет Александра Мальцева.

Когда закончился традиционный концерт-капустник и прозвучали слова напутствия, Виктору Тихонову первому был задан вопрос о том, почему в составе команды отсутствует Александр Мальцев. «Время берет свое. В спорте оно не щадит даже наиизвестнейших и любимейших. Такова диалектика хоккея. На смену именитым приходят пока еще неизвестные, совсем юные. Александр Мальцев немало дал нашему хоккею. Многие сидящие здесь, в Голубом зале, хоккеисты учились у Саши. Как усвоены уроки, предстоит продемонстрировать в Сараево», – ответил Тихонов.

У самого Мальцева на этот счет другое мнение. «Перед началом сезона у меня произошел разговор с Тихоновым в присутствии Юрзинова, Сыча и председателя Центрального совета “Динамо” Богданова. В общем, наши с Виктором

Васильевичем мнения разошлись, и после этого я готовился к Олимпиаде самостоятельно, – признается Александр Николаевич. – Меня тогда регулярно называли в прессе одним из лучших игроков месяца, и это, наверное, свидетельствует о том, в какой форме я находился. Но не зря говорят: поперек батьки в пекло не лезь. Виктор Васильевич упорно не замечал меня. Поехать на свою четвертую Олимпиаду, понятно, очень хотелось, и когда эта мечта не осуществилась, я решил закончить с хоккеем».

В подтверждение этих слов хоккеиста листаю подшивку газеты «Труд», которая ежемесячно подводила итоги голосования ведущих спортивных журналистов страны. В номере от 19 октября 1983 года читаю: «Большинством голосов в сентябре лучшим игроком месяца среди хоккеистов признан 34-летний заслуженный мастер спорта А. Мальцев (“Динамо”, Москва). Несмотря на крайне неудачный старт своего клуба, ветеран нашего хоккея во всех матчах показал высокий волевой настрой, блестящую технику и забил почти все голы “Динамо” в сентябре. Сейчас на боевом счету Мальцева только в чемпионатах страны уже свыше 300 шайб».

Он действительно очень хотел попасть на Олимпиаду. Но Тихонов предпочел Александру Мальцеву «молодых да армейских».

Мальцев и тренировался неистово. В свой последний сезон он не изменил своей многолетней привычке начинать день с кросса, хотя сборная СССР уже играла без него. «Казалось бы, зачем талантливому и великому человеку так неистово тренироваться? – задается вопросом Виталий Семенович Давыдов. – Но Саша Мальцев на тренировках в сезоне 1983/84 года просто истязал себя». «В чемпионате 1983/84 года Мальцев был лучшим, это я произношу без всякой тени сомнения, – признается в разговоре со мной Григорий Твалтвадзе. – Я никогда не забуду его потрясающий гол “Химику” в том сезоне. Мальцев приблизился к зоне соперника по левому краю нападения и неожиданно переложил клюшку в левую руку, начав вести шайбу на внешней стороне крюка. Так он обыграл одного защитника и по-прежнему с клюшкой в одной руке объехал второго, держа курс на ворота. Укрывая клюшку корпусом, приблизился к вратарю и с одной руки внешней стороной крюка поддел шайбу на полтора метра ото льда, отправив ее в девятку ворот соперника! Такого фантастического фокуса мне больше не довелось видеть. А Мальцев, забив гол, поехал с грустными глазами на скамейку запасных». От себя добавлю, что этот мальцевский трюк, только на динамовской тренировке,

запечатлели создатели фильма «Последний сезон», о котором речь чуть ниже. Мальцев забивает шайбу в ворота внешней стороной клюшки с неудобной для себя руки таким движением, словно легко и буднично отбивает летящий на него мячик ракеткой для настольного тенниса.

В годы, когда Эдуард Стрельцов, легендарный советский футболист с трагической судьбой, уже был не таким быстрым, как раньше, но никуда не дел свое великое мастерство, тренеры других команд кричали своим подопечным: «Не злите Эдика!» Подразумевая, что хуже будет. Потому что тот мог завестись так, что потом противники жалели о том, что «разбудили» Стрельцова на поле. То же самое с Мальцевым. Говорят, что некоторые тренеры предупреждали своих игроков, чтобы они не злили Мальцева. Хоть заматеревший, не такой подвижный, но ответит, если его завести. И как ответит. На лед Александр Мальцев уже выходил не такой прыткий и заводной, как раньше. Но если его злили: тычками, зацепами, грубой игрой, то динамовский форвард мгновенно превращался в настоящую грозу вратарей, даже более беспощадную, чем раньше.

После того как его не взяли на Олимпиаду, Александр Мальцев потерял мотивацию в спорте высших достижений. «Обидно вдвойне, – считает Арарат Попов. – Я виделся с Сашей в том сезоне неоднократно. Каждый раз замечал, как он исступленно тренируется на льду, даже запрещая родным и близким приходить на тренировки, чтобы никто и ничто не отвлекали его от подготовки к большим играм. После того как объявили состав сборной и там, к удивлению многих, кто реально видел, насколько он хорош в деле, не оказалось его имени, Саша сник. Таким грустным в жизни я до этого его видел только после смерти Валеры Харламова».

Один из заслуженных ветеранов, который попросил не упоминать его имени, и вовсе сказал, что если бы Мальцев играл в ЦСКА, то Тихонов «дал бы ему возможность завоевать третий титул олимпийского чемпиона, как и Третьяку». Впрочем, помощником Тихонова в той сборной был динамовский рулевой Владимир Юрзинов, который вполне мог «пролоббировать» своего игрока.

Тема эта – не самый приятный повод для воспоминаний, как для самого Александра Николаевича, так и для тогдашних тренеров сборной. Констатируем тот факт, что Мальцев был действительно одним из лучших по игре и набранной форме среди хоккеистов в СССР в тот период. Более того, по всем показателям, как это модно сейчас говорить, потенциально входил в «когорту неприкасаемых». Правы и те, кто утверждает,

что сами тренеры, понимая «изношенность» той сборной, просто обязаны были вводить в национальную команду «свежую кровь» с прицелом на будущее. Но с всенародно любимым и ранимым Мальцевым, которого и Юрзинов, и Тихонов знали с его юных лет, можно было, наверное, поступить по-другому.

В начале 1984 года творческое объединение «Экран» приступило к съемкам документального фильма о хоккеисте с рабочим названием «В атаке с Мальцевым». В феврале съемочная группа во главе с режиссером Борисом Горбачевым побывала в родном для хоккеиста Кирово-Чепецке. На вопрос журналиста местной газеты, какие чувства испытывает Александр Мальцев во время съемок, он ответил: «Чувство двоякое: радостное и в то же время грустное. Перед глазами мелькают эпизоды хоккейной жизни: ответственные турниры, особенно важные матчи, победы, поражения. И на фоне этих воспоминаний видится алый стяг нашей Родины, слышится неповторимая, волнующая душу мелодия нашего государственного гимна. Таких моментов в моей спортивной жизни было немало. А грустно оттого, что так молниеносно пролетели эти незабываемые годы. Невероятно представить себя вне игры». Мальцев замолчал, выдержал паузу, а потом добавил: «Впереди заключительный этап первенства страны, и я приложу все силы, чтобы помочь родному клубу, с которым связано самое дорогое в моей жизни, занять достойное место».

Уже во время съемок ленты Мальцев знал, что уходит. Фильм в итоге вышел на экраны под названием «Последний сезон». Эти кадры были необычными для болельщиков, чаще привыкших видеть знаменитого хоккеиста в шлеме и на льду: большую часть этого фильма Александр Мальцев провел за пределами ледовой площадки. И зрители с заметным удивлением открыли для себя «нового Мальцева». Не в хоккейной форме, не на льду, а дома, в кругу семьи, нежно любящего свою супругу мужа, заботливого отца.

Чистого хоккея в фильме было совсем немного: это лишь кадры последнего сезона выдающегося хоккеиста. А о том, как он ворвался в хоккейный мир и покорил его своим оригинальным талантом, поведали заслуженные тренеры СССР Николай Эпштейн, Владимир Юрзинов, Виктор Тихонов. Запомнилась одна фраза, которую сказал в интервью для киноленты Николай Эпштейн, повидавший на своем веку тысячи разных игроков: «Мальцев – это Пеле в хоккее».

Двадцать второго декабря состоялся последний официальный матч Александра Мальцева, как игрока сборной СССР. Это были проводы во Дворце спорта в Лужниках сразу трех прославленных

мастеров советского хоккея – Владислава Третьяка, Валерия Васильева и Александра Мальцева в рамках проводившегося в Москве в те дни турнира на приз газеты «Известия». Именно эту встречу Александр Мальцев скромно называет самой памятной в своей долгой карьере.

Кстати, эту игру не показывали по Центральному телевидению из-за объявленного траура в связи со смертью 20 декабря 1984 года одного из членов Политбюро, министра обороны Дмитрия Федоровича Устинова. Игра в силу этого получилась какой-то полузакрытой, о ней вообще крайне скупо сообщили советские средства массовой информации. Спустя 15 лет после матча телевидение решило восполнить пробел. Всех трех игроков пригласили на популярную в конце 1990-х годов передачу российского телевидения «Старая квартира», посвященную 1984 году. Им подарили по кассете с записью той встречи, а телезрители, спустя 15 лет, получили возможность увидеть фрагменты этого чуть ли не секретного матча. Матч действительно был уникальным: в первый и последний раз в истории между собой сыграли сборные СССР и Европы. Главным тренером гостей был выбран президент федерации хоккея ЧССР Владимир Костка.

В глазах некоторых болельщиков на прощальном матче Мальцева стояли слезы. Все понимали, что с уходом таких великих игроков мирового уровня заканчивается целая эпоха. Сборная СССР победила со счетом 7:3. Так Мальцев сыграл свой последний матч перед своими болельщиками. В карьере Мальцева были еще 13 игр, сыгранных им за венгерскую команду «Уйпешт» в сезоне 1989/90 года, но сам он не придает им большого значения.

«Из большого хоккея я уходил с обидой на тренеров сборной СССР и “Динамо”. Я был в хорошей форме, а меня стали отцеплять из состава, намекая, что мне идет уже 35-й год, – с горечью вспоминает Александр Мальцев. – А ведь не по паспорту об игроке судить надо, а по тому, что он может на площадке. Тогда у меня было столько сил, что я вполне спокойно мог играть на высшем уровне еще три-четыре сезона. Хоккей мне никогда не надоедал. Мне кажется, что я в него и сейчас не наигрался».

«Саша признавался мне накануне зимних Игр 1984 года, что “был в полном порядке”. В том сезоне он действительно был если не лучшим, то в пятерку лучших хоккеистов в СССР входил однозначно. Ведь на известинском турнире в декабре 1983 года его признали лучшим игроком. Сложно сказать, что тут сыграло, какие-то личные мотивы и прочее, но то, что его отцепили от олимпийского состава, было в высшей степени несправедливо. Я

тогда разговаривал со многими товарищами – хоккеистами, и все они не понимали, почему это происходит», – вспоминает Михаил Титов.

«Думаю, мой возраст не был помехой, я мог бы еще года три поиграть. Однако конфликт с нашими великими тренерами не позволил выступать дальше. Были разговоры и с Тихоновым, и с Юрзиновым, возглавлявшим московское “Динамо”. Чувствуя безразличное к нам отношение, мы с Валерием Васильевым решили закончить спортивную карьеру», – подытоживает эту тему Александр Мальцев.

Кстати, еще до своего ухода из хоккея уроженец Кирово-Чепецка успел сделать доброе дело для своих земляков. В 1984 году на имя Александра Мальцева из Кирово-Чепецка пришло письмо, которое не могло оставить его равнодушным. «Дорогой Александр Николаевич! За помощью к Вам обращаются земляки – кирово-чепецкие хоккеисты и болельщики. Как никогда остро стоит сейчас вопрос: быть или не быть хоккейной команде в нашем городе? Решается судьба коллектива, в котором началось Ваше хоккейное восхождение. Мы знаем, что Вы решили закончить выступления в большом спорте и готовитесь к тренерской работе. И, как будущего спортивного наставника, Вас, тем более, не должна оставить равнодушным судьба хоккейного клуба, воспитавшего более 20 хоккеистов для команд высшей лиги». И само письмо, и ответ хоккеиста, который поддержал земляков, были напечатаны многомиллионным тиражом в газете «Советская Россия». Имя Мальцева «сработало», и команду, в которой он начинал свой хоккейный путь, тогда удалось спасти от развала.

Он впервые появился в составе советской национальной команды в декабре. И простился с хоккеем в качестве игрока сборной в заключительный месяц года. Целых 16 лет, с 1968 по 1984 год, Мальцев имел счастье носить хоккейный свитер с буквами СССР на груди. Он начал с победы 8:1 над канадцами и ушел победителем последнего для него чемпионата мира.

Подведем сухой статистический баланс хоккейной карьеры Мальцева, беря в расчет только основные ее показатели. Двукратный олимпийский чемпион, девятикратный чемпион мира и восьмикратный чемпион Европы. Мальцев награжден орденом Трудового Красного Знамени за победу в Праге в 1978 году, орденами Дружбы народов, «Знак Почета», двумя медалями «За трудовую доблесть». Но он никогда не надевал этих наград. «Не люблю показуху в любых ее проявлениях», – говорит Мальцев.

В 1970, 1972 и 1981 годах признавался лучшим форвардом чемпионатов мира и Европы. (Такой результат среди

нападающих, повторимся, есть лишь у Фирсова.) В 1970, 1971, 1978 годах входил в символическую сборную мира как правый край нападения, а в 1972 и 1981 годах – как центральный форвард. То, что он вошел в подобную сборную на разных позициях в нападении, – не имеет аналогов в мире. Провел 529 матчей в чемпионатах СССР за «Динамо», записав на свой счет 329 шайб. Он абсолютный (!) рекордсмен национальной сборной по проведенным за нее матчам – 321 и по заброшенным в ее составе шайбам – 213. Рекордсмен родного клуба: очков за «Динамо» – 633, шайб за «Динамо» – 329, результативных передач за «Динамо» – 304.

Трудно представить, чтобы кто-нибудь смог эти мальцевские рекорды когда-нибудь повторить и в национальной сборной, и в «Динамо».

Он так и не стал чемпионом СССР. Сильно жалеет? «Я спокойно отношусь к этому. Не стал и не стал, – отвечает Мальцев. – Тогда с ЦСКА действительно бороться было без толку. В памяти осталось другое. На наши игры собирались забитые под завязку “Лужники”, и мы дарили людям радость».

Глава девятнадцатая
ГОДЫ ПОСЛЕ СЛАВЫ. СТРАНА И СПОРТ НА ПЕРЕПУТЬЕ

Новый, 1985 год Мальцев впервые за последние годы встретил не в традиционном североамериканском турне с «Динамо» или сборной СССР, а в кругу семьи. Начиналась новая жизнь, и эти первые недели, месяцы вне большого спорта становились для него, как и для многих спортсменов, практически всю сознательную жизнь находившихся в «инкубаторских условиях» бесконечных сборов, серьезным испытанием.

Для них безоблачная жизнь, когда все вопросы с проживанием, питанием, билетами и многим другим за тебя решают в команде, заканчивалась, когда спортсмен получал «отпускные за годы карьеры». А когда шел в клубную кассу за своей последней зарплатой, вот тогда и наступало «своеобразное отрезвление после славы».

«Самое главное после ухода из спорта понять, что ты сразу должен перестроиться, осознать, что игра в большой хоккей уже в прошлом. Ты начинаешь зарабатывать тем же тренером в лучшем случае раз в пять меньше, чем игрок. У кого-то не выдерживали жены, которые привыкли жить красиво. Все это давит на психологию игрока, – признается в разговоре со мной Борис Михайлов. – Теряются связи. Теряются люди, которые тебя обхаживали и за столом говорили тосты в твою честь, как же с тобой хорошо, какой ты великий талант. Теперь у них другие кумиры. Жизнь опять начинается с нуля. Тут ты и понимаешь, что на самом деле значит выражение о том, что когда человек в фаворе, то у него много друзей, а стоит ему уйти в сторонку – многие исчезают, будто по мановению волшебной палочки. Но, к счастью, тогда звездный человек видит тех, кто дружил с ним только потому, что он был великий. И тех, кто пойдут с ним дальше рядом по жизни. Поэтому здесь важно сказать себе четко, по-мужски: “Хватит жить воспоминаниями. Сейчас у меня другая жизнь!”».

Насчет забвения спортивных талантов хорошо написал журналист и писатель Николай Вуколов в своем очерке про Юрия Чичурина. «Тут вдруг выясняется, что жене надо платить квартплату, а денег не хватает, и кто-то ударил по ветровому стеклу твоей неразумно оставленной у подъезда “Волги”, и надо

искать это проклятое стекло, договариваться с механиками. Ты своей фамилией “фигурнешь”, а столкнешься с бесцветным, равнодушным рыбьим взглядом и узришь два пальца – указательный и большой, выразительно друг о друга потирающиеся… – пишет Вуколов. – Трудно вхождение в новую жизнь. Все равно, что взять взрослого льва из зоопарка, где он прожил долгие годы на дармовом мясе, и выпустить на волю, в саванну. Долго ли такой “царь зверей” там протянет, перед дикой природой оказавшись бессильным неумехой? Конечно, всякое такое сравнение условно. Кто-то ломался, но большинство все же находило свое место в той, еще советской жизни. Но многих водочка и сгубила, ох, многих!»

Александр Мальцев прошел через то, что испытывают на себе многие великие игроки, завершая свой спортивный путь.

Когда ты уже не выйдешь на большой лед в официальных матчах, и, что обиднее, не по причине травмы. Когда вдруг замолкают телефоны, а от тех «больших друзей», кто еще недавно выклянчивал билеты на стадион, остаются лишь имена в телефонной книжке. Когда всем уже не до тебя, а ты остаешься один на один (плюс семья) со своими болячками и переживаниями. Когда, как и в детстве, тебе снятся хоккейные сны, но, проснувшись, ты не бежишь на площадку и не колотишь шайбы в сетку, а горько думаешь, что все это уже в прошлом. «По-настоящему близких друзей у меня немного. И становится меньше, когда они уходят из жизни. Много тех, кто набивался в друзья на пике карьеры, во время больших побед, как-то испарились сами собой, едва я перестал играть. Знали бы, сколько таких было, – говорит Александр Мальцев. – Они как будто растворились в пространстве. Но я счастлив общением с другими людьми. Теми, кто меня действительно любит».

«Постоянные по 11 месяцев турниры и сборы, сборы, сборы отрывали у нас лучшие годы жизни. Хоккеист привыкает к тому, что параллельно не может раскрыться на другом поприще, а с другой стороны, свыкается с тем, что за него всё делают администраторы и начальники команды, а по быту спутницы жизни. Организовано все: общежитие, питание, выплата бонусов, – размышляет в разговоре со мной Владимир Шадрин. – Мы на своем примере учились заново жить: учились экономить, чтобы не превысить семейный бюджет, учились снимать показания электросчетчика и платить за свет и т. д. Уходя из спорта, мы понимали, как были на самом деле оторваны от жизни. Кто-то не выдерживал и спивался».

Мальцеву было обидно осознавать даже не то, что зрители больше не увидят его на льду, не насладятся его искусной

обводкой и коварными для вратарей бросками. «Я, в общем-то, не скучал по игре, по былой славе, но иногда, особенно в последние месяцы после завершения карьеры мне не хватало тех волнующих мгновений, когда во время матча в глазах партнеров я видел, как все они ждали от меня чуда и так сильно верили в меня», – с ностальгией вспоминал Александр Мальцев те дни. Правда, динамовцам и армейцам все же приходилось попроще: они уходили в отставку военными пенсионерами, как например, Мальцев, который начал получать пенсию подполковника запаса пограничных войск.

Впрочем, в первые месяцы после своего ухода из спорта Александр Мальцев был все так же востребован и искренне любим. Там, где он появлялся, у людей неизменно проявлялся интерес к его жизни. Мальцева просили рассказать о своем славном хоккейном прошлом, о друзьях по сборной. О том, какой любовью он пользовался в народе, лучше всего говорит поездка в Афганистан в начале 1985-го, где шестой год советские солдаты и офицеры в составе Ограниченного контингента сражались против местных душманов.

Судьба занесла Александра Мальцева в Афганистан в составе очередной комсомольской агитбригады. Не зря про Мальцева говорили журналисты, что с ним хоть на комсомольскую стройку, хоть в самое пекло. В январе 1985 года, спустя несколько недель после окончания Мальцевым хоккейной карьеры, такая группа отправилась в Кабул. В ее составе были красивая талантливая актриса Ирина Алферова, совсем еще молодая певица Тамара Гвердцители, трио «Меридиан» и конечно же Мальцев, куда без него.

Уезжали из лютой московской стужи в тридцатиградусную жару. Кабульский аэропорт встретил русских гостей какой-то особой, пока ими не понятой атмосферой настороженности, которая читалась на лицах местных солдат, стоявших в оцеплении. В здании аэропорта были отчетливо видны следы от осколков разбившихся стекол. Оказалось, что за двое суток до прилета московской делегации в здании сработало взрывное устройство. Внешне обычный чемодан был начинен миной американского производства. Подсунутый в багаж афганских студентов, улетавших на учебу в Советский Союз, он унес жизни десяти человек и искалечил 187 на глазах оцепеневших от ужаса родных и пассажиров. Информация о теракте шокировала многих из членов делегации, привыкших к рядовым телерепортажам из Афганистана. Эти сюжеты повествовали о наших солдатах, которые тихо и мирно выполняли свой интернациональный долг в этом азиатском государстве. Увиденное в Афганистане, этой

крайне отсталой стране, разительно отличалось от лакированной советской пропаганды.

Через несколько дней, вылетая из Кабула в одну из афганских провинций, а таких опасных перелетов будет несколько, знаменитости наблюдали и другую картину. В аэропорту, прямо у трапа военного «Ан», словно у автобусной остановки, толпились русские мужики – кто в военной форме, кто в штатском. Возбужденные, вспотевшие от жары, с пыльными лицами, они трясли перед летчиками командировочными удостоверениями, заискивали перед ними, просили, умоляли, сбивались на истерику, всячески пытаясь улететь. Но гражданских рейсов на родину не было, а на военные – билеты не продавали. Поняв, что не улететь, увидели знаменитых артистов и Мальцева рядом с ними, приближающихся к «Ан». Всего 14 человек. В глазах командированных отчаяние и мольба сменились неким успокоением. Раз здесь такие важные люди, то им надо лететь, они просто нужнее. Толпа возле трапа вежливо расступилась, пропуская гостей внутрь самолета.

И вот делегация из Москвы уже в маленьком помещении – «гримерке» в «домишке» культуры в Кандагаре. Кто-то курил, кто-то пил чай, предложенный военными. Солдаты тем временем не скрывали своего удивления и любопытства, пытаясь заглянуть в помещение – надо же, тут находятся живые Алферова и Мальцев.

Шепот в зале сменялся восторженным гулом, когда артисты выбегали на сцену, рассказывали истории из жизни, выступали с пародиями, пели. Настала очередь Александра Мальцева. В рубашке и простеньких джинсах он вразвалочку, своей знаменитой походочкой, поднялся на сцену. Грозный на льду бомбардир тут же покраснел, смутился под гулом оваций и аплодисментов. Зал так и не дал ему сказать ни слова, кто-то кричал: «Мальцев! Ура!» Наконец аплодисменты нехотя стихли и Мальцев начал свой простой рассказ. О жизни и о спорте. О тех, кто играет в хоккей, добывает победы ради этих вот ребят, ради всей большой страны. Зал хохотал, когда Мальцев вспоминал байки из жизни вне льда, о том, что хоккеисты иногда просыпают тренировки, словом, что это нормальные мужики, со своими слабостями и увлечениями, что это отнюдь не те «стальные» плакатные звезды без улыбок и ошибок, какими их иногда представляют простые люди.

Зал внимал каждому слову, каждому отрывку из рассказа чемпиона. Смеялся, когда он вспоминал о том, как вежливо отказался от миллионного контракта, предложенного ему «Монреаль Канадиенс». Искренне аплодировал, когда он трогательно вспоминал о своих родных, о Кирово-Чепецке, в

котором родился. Настоящий взрыв эмоций и шквал аплодисментов вызвали слова о том, что все их травмы и синяки – часть нелегкой работы по дороге к заветной цели: заставить встать под наш гимн и смотреть на уходящий вверх красный флаг отчизны даже самых лютых недругов. Когда Мальцев, заметно волнуясь, рассказывал об этих трогательных минутах, у некоторых из бойцов, как у Ирины Родниной в Лейк-Плэсиде, из глаз катились слезы.

Один особенно впечатливший Александра Мальцева случай произошел на одной из военных баз. После встречи с военными к Мальцеву подошел уставший, загорелый майор, по-дружески обнял его и снял со своей руки сверкающие командирские часы. «На память о встрече вдали от Родины человеку, которым я всегда искренне восхищался, восхищаюсь и буду восхищаться», – произнес офицер. Мальцев засмущался, сначала вежливо отказался от столь дорогого подарка. Потом они обнялись, сфотографировались, долго хлопали друг друга по плечам. Мальцев, потрясенный, вернулся туда, где спали его товарищи, и негромко сказал в темноту: «Какие же здесь ребята, какие настоящие мужики!» К сожалению, несмотря на то, что они с офицером обменялись адресами, больше увидеться с ним, по словам Мальцева, не удалось.

«Мальцев, сошедший со сцены, неуловим. Единственный способ его обнаружить – искать толпу людей, эпицентром которой и будет Саша. Ночью он вернется к себе совсем уставший и, разминая отекшие пальцы, скажет, что легче сыграть матч, чем раздавать автографы. Только он уснет, как его вновь поднимут и скажут, что издалека прибыл человек, который всю жизнь там, на гражданке, мечтал встретиться с ним», – писали в 1985 году в репортаже из Афганистана журналисты «Комсомолки»[39].

Там же, в Афганистане, случился печальный эпизод. Мальцев здорово пострадал по воле «дружественных» нам афганцев. Да так, что даже попал в госпиталь. На полигоне во время самопроизвольного выстрела его задела пуля по касательной. Но он повел себя как настоящий мужик. Не причитал, не лепетал, что больше никуда не поедет. Когда я недавно попросил Александра Мальцева вспомнить об этом эпизоде, он сказал одну фразу: «Ерунда, с кем не бывает». По возвращении из этой запоминающейся во всех отношениях поездки несколько дней Александр Мальцев провел на больничной койке.

А вскоре титулованному хоккеисту предложили продолжить работу в родном клубе и начать тренировать молодых хоккеистов из «Динамо-2». Александр Мальцев, как говорилось выше, не собирался так резко уходить из хоккея и попросту не планировал

начать обучение в Высшей школе тренеров (ВШТ). Несмотря на то, что у него не было специального спортивного образования, а было высшее педагогическое, Мальцев с удвоенной энергией взялся тренировать молодых парней. Причем выходил на лед не для того, чтобы просто «свистеть и командовать», а попытался окружить парней той заботой, которой в свое время проникся по отношению к нему Аркадий Иванович Чернышев. «Закончив играть, Саша ничуть не изменился. Помню, как приезжал к нему домой в середине 1980-х и мы целый день клеили изолентой клюшки для игроков молодежной команды, которую он тренировал. В Кирово-Чепецке он был одинаков всегда: веселый, счастливый, душа нараспашку», – вспоминает друг Мальцева, Виктор Перетягин.

«Величие, как игрока, Сашу не испортило. Он в конце карьеры остался таким же парнем, как и в первые свои месяцы появления на льду, – говорит мне Борис Михайлов. – Почему у него не пошло в “Динамо” тренером, я вам сказать не могу, потому что не знаю. На моем собственном опыте работы тренером после окончания игровой карьеры могу сказать, что надо сразу же опуститься со своего уровня на тот уровень игры, который демонстрируют подопечные. Плюс видеть в своих парнях какие-то новые задатки и раскрыть их. Если ты будешь смотреть на них со своей колокольни, то ничего толкового не получится. Нужно четко понимать, что из всех не будет таких, как Мальцев или Харламов. Кроме того, чем более был в те годы велик игрок, тем больше ему казалось, что ему сразу должны дать команду мастеров. А тогда все такие клубы в советское время были забиты тренерами. Значит, ему надо давать фарм-клуб, детскую команду. А что это такое? Еще несколько месяцев назад тебе хлопали переполненные “Лужники”, а сейчас твоей команде аплодируют несколько десятков родителей. Кроме того, нужно постоянно подсказывать молодым, ты, Коля, неправильно держишь клюшку, а ты, Вася, неправильно начинаешь ускорение».

«К сожалению, даже для самых великих хоккеистов главная цель жизни оказывается такой короткой. Желание и данные быть тренером есть у многих хоккеистов, но не каждый умеет подстраиваться под обстоятельства и выдерживать проверку временем. К тому же эта работа тяжелая, – признается в разговоре со мной Владимир Шадрин. – Тебе кажется, что уже больше не будет таких изнурительных сборов, а получается, что и семью видишь еще реже, чем раньше, и ложишься спать позже, чем спортсмены, разбирая собственные ошибки или раскладывая по полочкам тактику будущего соперника. Нельзя жить одними победами и воспоминаниями о них. Мы продолжали играть за

ветеранов, направляясь в поездки. Но это, по большому счету, было не то».

«В “Динамо” хотели, чтобы Саша начал свою тренерскую деятельность где-то снизу, с обучения молодых хоккеистов. Сразу выходить на уровень первой команды в те годы, когда у руля предпочитали ставить опытных специалистов, было рискованно, – вспоминает Виталий Семенович Давыдов. – Если бы сразу у новичка не получилось, то он смог бы психологически надломиться. Конечно, мы хотели бы видеть в Александре Мальцеве выдающегося тренера, но не всё в этой жизни складывается так, как мы задумываем».

Мальцев так усердно занимался с молодыми парнями, что те в итоге стали чемпионами страны. Но вскоре динамовскую молодежную команду, которую тренировал олимпийский чемпион, расформировали. Говорили, что высокое динамовское руководство не устроили самостоятельность и прямота суждений Мальцева, который никогда не умел, да и не хотел прогибаться перед начальством. Получилось так, что Мальцев, привыкший к тому, что постоянно был затребован со всех сторон, в одночасье оказался никому не нужен.

Вдобавок Александр все еще переживал конфликт с тогдашним главным тренером сборной Виктором Тихоновым, из-за чего он не попал на свою третью Олимпиаду. «Когда он повесил коньки на гвоздь, тогда и начались трудности. Долго искал работу. Взялся тренировать юношей “Динамо”, вывел их в чемпионы страны, а команду в том же году расформировали. Участились срывы. Какая жена будет с этим мириться? – вспоминала об этом нелегком периоде в жизни супруга Сусанна Мальцева. – Не сказав ему ни слова, я взяла сына и ушла. Саша спохватился через сутки, бросив все дела, отправился на поиски. Тщетно! Никто не знал, что мы нашли приют у моей двоюродной сестры Валентины». Эти два дня стали одними из самых тяжелых в жизни легендарного спортсмена. «Мальцев многое серьезно передумал, единожды сказав твердое “нет”, навсегда отшил “друзей” – собутыльников. Я очень боялась перегнуть палку и через два дня сама вернулась домой. Меня встретил полностью изменившийся за это время муж», – признавалась Сусанна Мальцева.

Мог ли Мальцев стать хорошим тренером команды мастеров? Этот вопрос я задавал многим ветеранам хоккея, или игравшим с ним, или его тренировавшим.

«Как тренер, Саша себя очень хорошо проявил. Жаль, что по какой-то причине его тренерская карьера не сложилась. Но у него было хорошее чутье на игроков. Если он говорил – да, этот парень

заиграет, то так и происходило, – говорит Владимир Полупанов. – Вот пример с Андреем Николишиным. Ведь, фактически, это Саша его привез. Мальцев был по приглашению организаторов на одном из турниров “Золотой шайбы” в Ярославле, увидел там этого мальчика. Потом говорит мне: “Посмотри, он представляет интерес”. И действительно парень состоялся как игрок. Андрей Николишин стал чемпионом СССР в составе “Динамо” и олимпийским чемпионом в 1992 году. Хотя, на мой взгляд, свое слово в тренерской работе Саша до конца не сказал. У него были все задатки для этого. Огромный опыт и мастерство, умение работать с молодыми хоккеистами, которые жадно ловили каждое его слово. Хотя, наверное, Саша хотел работать на более высоком уровне».

«Думаю, что тренерская стезя – это не Сашино. Не каждому великому хоккеисту дано быть тренером. Александр Николаевич проходил через то, что испытывают выдающиеся игроки, перешедшие на тренерскую работу. Они, в частности, не понимают, почему тот или иной подопечный не может повторить финт, который так легко давался им в молодые годы, не может повторить то движение, которое для них было проще простого. Он смотрел на хоккеистов через призму самого себя – игрока. Видимо, у него не хватило терпения наблюдать за этим», – говорит Михаил Титов.

«Почему он не блеснул как тренер? На мой взгляд, ему не хватило достаточного специального образования. К тому же любой великий хоккеист, как правило, эгоист в своей душе, но в несколько ином понимании. Все большие игроки привыкли брать. А на тренерской работе надо отдавать и отдавать», – считает Владимир Юрзинов.

Александр Мальцев убежден, что он успешно проработал два года с молодежной командой. «Некоторым людям в московском “Динамо” я был неуместен, потому что с лидерами очень сложно находить общий язык, а некоторые люди, как бы сказать, побоялись моего присутствия в команде», – подводит черту этому периоду жизни Александр Мальцев.

В итоге из-за разногласий с тогдашним президентом клуба и по окончании срока службы ему пришлось уйти на пенсию. Но скучать Мальцеву не удавалось. Виталий Семенович Давыдов привлекал его к выступлениям перед детьми. Потом он все-таки закончил Высшую школу тренеров.

Друзья и близкие вспоминают, что Александр Николаевич стал более замкнутым и неразговорчивым. «Как любой спортсмен, заканчивающий карьеру, Саша быстро ощутил и понял, кто твой друг, а кто и… – вспоминает Сергей Мальцев. – Сколько таких

людей было, кто раньше просил достать билетик, приглашал в ресторан, говорил хвалебные оды в бытность его великих побед. А тут раз – и все вдруг исчезли. Может быть, не сразу после окончания собственно хоккейной карьеры, а уже потом, когда он покинул пост тренера молодежной команды и несколько месяцев просто отдыхал от усталости, копившейся годами».

В феврале 1986 года Мальцев потерял отца. Николай Михайлович пошел на садовый участок, буквально «на часок», чтобы посмотреть, как подготовить к новому сезону теплицу. «Прошел час, два, три, а папы все не было. Мама, словно предчувствуя что-то нехорошее, направилась на участок. Там она нашла папу, лежащего без чувств, – вспоминает Сергей Мальцев. – У него случился инсульт. Мама побежала на ледовый стадион, там как раз проходила тренировка “Олимпии”. Ребята тут же примчались на участок. Бережно отнесли отца к подъехавшей машине “Скорой”. Он прожил еще полтора дня. На похороны отца пришли десятки людей. Все они добрым словом вспоминали о почти родном для них человеке».

В начале 1990-х годов страна и спорт находились на перепутье. Для спортсменов поколения Мальцева алый стяг, поднимавшийся к крышам почти всех крупнейших ледовых арен мира, был больше, чем советский флаг. Это была такая же непреходящая ценность, как и любовь миллионов болельщиков. «Мы выигрывали соревнования хотя бы ради того, чтобы посмотреть, как под звуки нашего гимна встают те, кто еще недавно осыпал нас, как представителей Страны Советов, самыми отборными проклятиями», – признавался мне один из прославленных советских хоккеистов. Специально не называю его имени, так как под этими словами, уверен, могут подписаться многих из тех, кто играл в советской хоккейной команде и ковал победы во славу великой страны.

Каким же оскорблением для всех них стали картинки из зимнего Альбервиля 1992 года. На церемонию открытия зимних Олимпийских игр выходили спортсмены «Объединенной команды», под флагом Международного олимпийского комитета и под звуки чужого гимна…

Кстати, когда на Олимпиаду 1992 года в Альбервиле Тихонов привез совсем молодую по возрасту команду, тренера спросили: почему он приехал с «детским садом»? Тихонов выдержал паузу и ответил достойно: «Ну, вот этим детским садом я и буду вас обыгрывать». И сдержал слово. Обыграл.

Рушилась страна, рушился спорт и особенно хоккей, где тогда «мы еще были впереди планеты всей». Но наибольший урон был нанесен детскому хоккею. Рухнула система подготовки

детских тренеров, а многие из специалистов, устав маяться от безденежья и обещаний поднять им зарплату, попросту сменили профессию.

Семье Мальцевых пришлось затянуть пояса. «Был небольшой период, когда мы стали жить более строго в отношении денежных трат, но потом все нормализовалось», – признавалась Сусанна Мальцева. Но они достойно перенесли трудные моменты. Конечно, уже не «излишествовали» так, как прежде, но и не бедствовали. Как подполковник Александр Николаевич получал неплохую пенсию. Уже после своего выхода на пенсию (у балерин она наступает рано) Сусанна Мальцева окончила испанскую школу косметологов и перешла на работу в один из центров красоты.

Мальцева больше всего расстраивало не то, что пришлось ужаться в расходах, «бог с ним, переживем», а то, что погоня за деньгами стала главным стимулом жизни, и, как зеркало, жизни спортивной. Что клубы, которые еще недавно составляли гордость отечественного спорта, стали бороться за выживание, а некоторые их руководители были озабочены только тем, чтобы продать игрока за океан, да подороже. Тут уже было не до удовольствия. Игра многих хоккейных клубов превращалась в муку, и Мальцев стал чаще бывать на матчах футбольного «Динамо», чем хоккейного. Когда один из коллег пытался подтрунить над легендарным игроком: «Уж не хотите вы переключиться на футбол?», Мальцев улыбнулся и сказал, подразумевая большое количество легионеров в клубах: «Да нет, хожу сюда, в Петровский парк на футбол иностранные языки изучать. Тут большой выбор».

«В начале 1990-х годов мы начали играть в демократию и раздали все катки под “бананы”, рынки. Все эти МММ, ООО покупали ледовые дворцы, команды, но не занимались развитием детского хоккея. В результате мы потеряли время. Президенты наших клубов говорят: зачем нам выращивать молодежь, когда я могу купить игроков в Чехии, Швеции, Финляндии? Тех, которые будут устраивать меня сейчас, а не в будущем. А в спортивную школу необходимо вкладывать большие деньги, пестовать каждого парня», – говорил в одном из интервью Валерий Васильев[40].

О знаменитых ветеранах, приносивших славу и советскому хоккею, и своим клубам, в некоторых командах забыли. А когда кто-то из них пытался посоветовать… – «Куда? У нас своих проблем по горло, а тут вы еще лезете». Воистину нет пророка в своем Отечестве. Алексей Панфилов вспоминал, как в 1990-е годы они вместе с Виталием Давыдовым оказались в служебной

командировке в Праге. Сели в такси и попросили водителя отвезти их к Дворцу спорта, где как раз проходил один из матчей чешского чемпионата. Таксист любезно согласился, а представители «Динамо» вручили ему подарок: календарь с изображением игроков хоккейной команды.

И хотя таксисту на вид не было больше тридцати лет, он оживился, начав вспоминать фамилии выдающихся динамовских игроков: «О, “Динамо”, Мальцев, Васильев, Давыдов!» В ответ Панфилов сказал ему: «Пан таксист, а Давыдов-то сзади вас сидит». Тот посмотрел в зеркало заднего вида, застыл, как будто окаменел. Всю дорогу потрясенный водитель молчал и ехал еле-еле, потому что не мог головы повернуть ни налево, ни направо. «Одним словом, переклинило его, и не мог он от зеркального отображения Виталия Семеновича взгляд свой оторвать, – улыбается Алексей Панфилов. – Подъехали мы к Дворцу спорта, а на парковку въехать нельзя, шлагбаум открывается только по специальным клубным карточкам, которых у таксистов конечно же нет. Но наш водитель тупо уперся в шлагбаум, перегородив въезд остальным машинам. В этот момент из будки охранников выскочил огромный детина с воплем: “Эй ты, куда прешь?!” Таксист спокойно ответил: “А я Давыдова привез”. Верзила кинулся к машине с поразившим нас вопросом: “Того самого?” и, заглянув в салон, открыл шлагбаум. Вот так молодые чехи помнят кумиров прошедших лет, хотя, может быть, и ни разу вживую не видели их игру». Впрочем, в «Динамо» к ветеранам всегда относились бережно. Эту деятельность клуба долгие годы курирует его вице-президент Виталий Давыдов.

Массовый исход хоккеистов за океан в начале 1990-х особенно больно ударил по знаменитым клубам. Из всех признанных грандов (ЦСКА, «Спартак», «Крылья Советов», «Динамо», «Химик», «Трактор») уцелел только клуб Мальцева. И ЦСКА, и «Спартак», не говоря уже о менее титулованных командах, на какое-то время и вовсе исчезли из зрительской орбиты. И армейцы, и спартаковцы начали выходить из системного кризиса, вызванного лихолетьем, пожалуй, лишь во второй половине 2000-х годов.

«Это были шальные годы. В начале 1990-х “Динамо” было единственным клубом, который выжил и остался на хорошем счету. Из “Динамо” в то время каждый год уезжали по пятнадцать человек, но, тем не менее, команда оставалась флагманом российского хоккея, – признавался в одном из интервью тот самый Андрей Николишин, которого отыскал Мальцев. – Денег не было. И неоткуда их было брать – во всей стране денег не было. Процентов восемьдесят команды калымили, извозом занимались,

брались за любую работу. Кормить надо было и себя, и семью. Хотя со временем в хоккей стала приходить стабильность. У нас коммерческим директором был Валерий Павлинович Шанцев, сейчас губернатор Нижегородской области. С его приходом у нас в клубе более-менее появились, скажем так, социальные блага. Нам стали выдавать квартиры, можно было получить машины. Пусть и не было сумасшедших денег».

Известный российский хоккеист Виктор Козлов говорил, что в «Динамо» начала 1990-х годов многие ребята занимались ночами. «Делать на базе было нечего – вот мы и шли на лед. Благодаря той закалке многие из того “Динамо” играют до сих пор. Можете представить, что “Динамо” с собственными фанатами в одном купе ездило! Было несколько таких выездов.

Кто-то на полу разлегся, кто-то на багажной полке». По словам Козлова, динамовцы наслаждались атмосферой в команде, добавляя, что для всех «Динамо» было трамплином в НХЛ[41].

Лишь московские «Динамо» хоккейное и «Динамо» футбольное остаются единственными клубами, которые никогда не вылетали из элитных лиг отечественного хоккея с шайбой и футбола. Более того, «Динамо» (Москва) по хоккею, первый победитель чемпионата в 1946 году, стало последним чемпионом СССР/СНГ 1991/92 года. А в начале 2000-х годов клуб обогнал ЦСКА по общему количеству медалей, завоеванных в отечественных первенствах по хоккею с шайбой. «“Динамо” для России как “Монреаль Канадиенс” для Канады», – очень верно сказал весной 2010 года, когда решалась судьба прославленного клуба, его воспитанник Александр Овечкин.

Мальцеву не хватило всего нескольких лет, чтобы выиграть титул чемпиона СССР по хоккею. Ему не обидно, что он так и не стал чемпионом страны. «Естественно, очень хотелось выиграть, наконец, когда-нибудь золотые медали чемпиона страны. Но только с “Динамо”. Только не в другой команде», – признается Александр Мальцев. По Мальцеву, преданность клубу – понятие, которое он ни на какие деньги не променяет и по которому он оценивает нынешних игроков. У него свои мальцевские, по сегодняшним меркантильным временам, рыцарские представления о клубном патриотизме. «Верен “Динамо” остаюсь и поныне и не брошу ни за какие деньги. Да, я никогда не был в его составе чемпионом СССР. Но не это считаю главным: бросить клуб, где тебя воспитали, где ты состоялся как хоккеист – вот что было бы подло», – однажды, еще в начале 2000-х, сказал мне Мальцев и твердо продолжает стоять на своем. У него свой взгляд на тех игроков, которые меняют клубы, как перчатки: «Если человек бегает из команды в команду, а тем более в погоне за

материальными благами, ничего путного из него не получится, и он как минимум потеряет свой игровой почерк. В истории нашего хоккея были примеры таких людей, которые не стали личностями на площадке. И наоборот, те, кто оставался верен одному клубу, превратились в настоящих мастеров. Если человек то и дело перебегал из одной команды в другую, то для меня его просто не существовало».

Однажды я задал ему вопрос, на который не ждал услышать «расширенного ответа»: «Не обидно вам, Александр Николаевич, что за свою великолепную игру вы получали в разы меньше того, что имеют сегодняшние хоккеисты?» Мальцев задумался, а потом высказал блестящую по своему смыслу фразу: «У нас не было миллионов долларов. Но нас обожали десятки миллионов болельщиков». А потом, взяв паузу, добавил: «Мы не были обделены деньгами, выезжали в заграничные поездки, не жили в нужде… Но с нынешними игроками нас тут, конечно, не сравнить. Обидно не за наше поколение, а за державу, как говорится: крупные суммы, заработанные нами, получали не мы, а другие люди. Правильно, что сейчас хоккеистам другие деньги платят. Сколько из нас уже после окончания карьеры понимали, насколько короткой оказалась жизнь в спорте. Вот почему труд тех, кто занимается им, должен оплачиваться достойно».

– Завидуете им?

– Завидовать – не мое. Сам знаешь, сколько мне пришлось пострадать от зависти. Я могу только порадоваться за них, что независимы, что могут покупать дома, позволить себе путешествие в любую точку мира, – произносит Мальцев, потом выдерживает паузу и продолжает: – Но такое многим нашим соотечественникам в России, к сожалению, не по карману.

– Верите в будущее нашего хоккея? – спрашиваю ветерана.

– Если не верить в лучшее, то зачем тогда тренироваться, играть в хоккей, да и вообще жить на свете? – признается Мальцев. – Я лично верю. В наши традиции, в молодежь. В последнее время интерес к российскому хоккею возрос даже не просто в Москве и региональных центрах, но и по всей стране. А значит, будущее у нашего хоккея есть.

После своего ухода из большого спорта Александр Мальцев стал чаще приезжать в Кирово-Чепецк. И здесь его ждали тепло отчего дома и веселые моменты в компании друзей. «Провожаем как-то в конце 1980-х годов Александра Николаевича с Вятки в Москву. Когда он уезжает, это традиция, его провожают человек восемь друзей, которые знают его еще с юных лет. В такие минуты у Мальцева – душа нараспашку. Он сентиментален. Видно, что ему не хочется покидать родные края. Здесь нет ни

одного человека, которому он бы не открыл душу. У всех друзей в этот момент пробивает слезу, – признается Виктор Перетягин. – Приезжаем на вокзал, выпили по бокалу шампанского. Как правило, Саша уезжал из “графской резиденции” – так мы называли небольшую квартиру Толи Быкова в его малосемейке. Саша поднимается в вагон поезда и стоит в тамбуре, машет нам. Вдруг замечаем, что среди провожающих нет “Графа”. Потом видим небольшую заварушку метрах в двадцати от входа в вагон. Толя Быков ходит вокруг вагона и заявляет, что “колеса поезда плохо накачаны”. В общем, забрали его в “каталажку”… Сашин поезд уже тронулся. Пришлось идти за Толей в отделение милиции. На следующий день позвонил Саша, и мы доложили ему, что “Граф” благополучно вызволен из застенков». Сработало имя Мальцева. Потом, когда мы провожали Александра Николаевича, всякий раз спрашивали Толю: “Ну что, пойдешь проверять, накачаны ли вагоны?”».

Двадцать второго декабря 1984 года, когда Александра Мальцева вместе с Валерием Васильевым и Владиславом Третьяком торжественно проводили из большого хоккея, он сказал на пресс-конференции, что никогда больше не выйдет на лед, поскольку не хочет, чтобы зрители увидели другого Мальцева. Но он вышел, начав играть за ветеранов, потому всю жизнь был верен льду и не очень устойчиво и комфортно чувствовал себя вне его.

В начале 1990-х годов во время одной из встреч его хороший друг, руководитель известного ювелирного предприятия Александр Таранцев сказал Мальцеву: «Саша, хватит тебе сидеть без дела. Тем более что ты недавно закончил Высшую школу тренеров. Давай создадим хоккейную команду ветеранов. Будешь ею руководить, заодно ребят подтянешь. Играйте, поезжайте на показательные матчи». Так появилась команда «Русское золото», в котором Мальцев стал «играющим президентом». А вскоре он отблагодарил того человека, кто первым заприметил его для большого хоккея. Александр Мальцев пригласил тренировать «Русское золото» вышедшего на пенсию Николая Эпштейна. «Надо было видеть, как загорались глаза Николая Семеновича, у которого сбылась мечта жизни – тренировать Мальцева. Убежден, что Саша продлил жизнь Эпштейну, который словно вернулся в годы своей молодости», – вспоминает Сергей Сидоровский, который в 1990-е годы работал вицепрезидентом хоккейного «Динамо».

Эта была Команда с большой буквы, в которую пришли действительно сильные игроки: Гусев, Виктор Тюменев, Владимир Голиков, да и сам Мальцев – сплошные чемпионы страны, мира,

Олимпийских игр. «Твердого календаря у нас не было. Тем не менее 35–40 игр в месяц в 1990-е годы мы проводили. Болельщики на наши матчи приходили охотно, и мы благодарили их своей игрой», – вспоминает Александр Мальцев. Эта команда даже участвовала в чемпионатах мира среди ветеранов, занимая в конце 1990-х – начале 2000-х годов призовые места. «Я почти не ходил на хоккейные матчи российского чемпионата и когда меня спрашивали, дескать, с кем из современных игроков вы бы хотели выступать в одной тройке, я просто говорил, что мне доставляет удовольствие играть с товарищами по команде ветеранов», – продолжает Мальцев. Он умудрялся играть не только за свою хоккейную команду, но и за футбольные команды ветеранов, хотя в конце 1990-х годов его стали беспокоить сильные боли в пояснице – последствия старых травм.

Александр Мальцев не просто приглашал поиграть в хоккей своих бывших товарищей по сборной и «Динамо» типа: «Айда с нами!» Он тщательно подбирал игроков не только по спортивным, но и по человеческим качествам. Причем почти все из них были универсалы, которые одинаково хорошо играли и в хоккей, и в футбол. Мальцев говорит, что, в конце концов, нашел себя, сплотив хоккеистов-ветеранов. «Я по-прежнему к чему-то стремился, и это давало ощущение полноценной жизни», – признается олимпийский чемпион.

«У Саши есть любимый фильм “Верные друзья”, снятый в 1950-е годы, который давно стал классикой советской комедии. Известные люди, три закадычных приятеля, устав от душной городской жизни и вспомнив о данном другу другу в детстве обещании, сплавляются на плоту по реке, – вспоминает Виктор Перетягин. – В 1996 году Александр Николаевич загорелся идеей пройтись на плоту несколько десятков километров по реке Вятка. И с кем вы думаете? С резко набиравшим в те годы популярность певцом Валерием Меладзе. “Витя, а ты можешь сколотить плот и поставить на нем палатку? – спросил он у меня. – Поплывем. Взяв с собой минимум необходимого – хлеб, сухой паек, никакого спиртного, гитару. Валера будет петь по дороге, я – рассказывать о славном хоккейном прошлом. Так и прокормимся”. Я думал, что он шутит в своем духе. Оказалось, нет. Он действительно решил проехаться по Вятке. Пришлось готовить плот, закупать сапоги, куртки, различные принадлежности. Было начало июня, и у нас на Вятке как раз стояла прекрасная, солнечная погода. Более того, я уже собирался купить им сапоги, узнав размеры обуви обоих. К сожалению, эта поездка не раз откладывалась и так и не состоялась».

В 1990-е годы у Мальцевых установились особо теплые

отношения с соседями по дому и даче, где они любили проводить все выходные и праздничные дни. Из хоккеистов поддерживали тесную связь с армейским защитником Александром Гусевым, с Виталием Семеновичем Давыдовым и Анатолием Мотовиловым. Последний оставался самым близким другом из тех, с кем играл Александр Мальцев.

Судьба у Анатолия Мотовилова складывалась трагически. В конце 1980-х годов у него был обнаружен рак, когда он стал довольно успешно тренировать хоккеистов новокузнецкого «Металлурга» со своей малой родины. Забрезжила надежда в лице немецких врачей. «Когда Саша и Сусанна узнали о страшном заболевании Толи Мотовилова, то всячески старались его поддержать, убеждали не раскисать, а верить в себя и выкарабкиваться, искали деньги на операции. Эта черта, кстати, больше всего характеризует Сусанну. Ее стремление помочь людям, оказавшимся в непростой ситуации, окружить их заботой», – говорит Сергей Мальцев.

Шел 1990 год. В Германии Мотовилову сказали, что есть шанс сделать операцию. Полный надежды, он вернулся в московский аэропорт «Шереметьево» ранним утром. Решил не дожидаться супругу, которая должна была приехать за ним на машине, а воспользоваться услугами частника. Лихач, разогнавшись на мокрой от дождя трассе в седьмом часу утра, погубил и себя, и известного хоккеиста, которому было чуть за сорок.

«Мне вспоминаются 1990-е годы. Неразбериха в стране, десятки сломанных судеб спортсменов, хоккеистов, которые, раскрыв свой талант в советские годы, так и не смогли найти себя в безжалостные 1990-е. Кто-то спился, кто-то обнищал, пытаясь найти свое место в жизни, – продолжает Сергей Мальцев. – Сколько было примеров, когда многие жены не выдерживали и укоряли, попрекали своих спутников, что говорить, прямо пилили мужей. Сусанна Константиновна, наоборот, всегда старалась всячески поддержать Сашу. Не получилось сегодня, получится завтра. Надо только не раскисать, терпеть и идти вперед. И у Саши все наладилось. Бизнесмен Таранцев, который к нему испытывал симпатии, оплачивал тренировки в “Олимпийском”, покупал форму, выплачивал заработную плату ветеранам».

В 1997 году на 87-м году жизни умерла мама Мальцевых Анастасия Степановна. Последние годы она была прикована к постели.

В 1999 году Александра Николаевича Мальцева избрали почетным гражданином Кирово-Чепецка. А 20 апреля 1999 года, в день его 50-летия в родном городе появилась улица Александра

Мальцева. «Я был безмерно счастлив от этого. Растрогался до глубины души и понял, что о большей чести и мечтать нельзя», – признается Александр Мальцев. К юбилею Мальцева готовились в его родном клубе. Александр Мальцев, не большой любитель пафоса и торжеств, был даже вынужден сказать в одном из интервью накануне юбилея: «Простите все, кто желает меня поздравить. Большое вам спасибо. Но если честно, сейчас предпочел бы оказаться на даче, в тишине и спокойствии».

Двадцатого апреля 1999 года во Дворце спорта в Лужниках состоялся матч ветеранов: «Русское золото» – «Динамо». А из родного Кирово-Чепецка Мальцев пригласил ребят из детской команды «Олимпия», которая сыграла свой поединок в честь великого земляка со сверстниками из «Динамо».

А потом Мальцев отправился в Кирово-Чепецк, где его уже чествовали земляки. И здесь произошел очень трогательный эпизод, о котором рассказал брат хоккеиста. «Вспоминаю, как в 1999 году, когда в Кирово-Чепецке в честь юбилея проводился матч ветеранов хоккея, на трибунах было столько народу, сколько собиралось в лучшие годы “Олимпии”, когда в ней играл Саша. Большинство мест на трехтысячном стадионе разошлось по пригласительным билетам, – рассказывает Сергей Мальцев. – Вдруг я увидел, как к стадиону подводят пожилого болельщика, бывшего работника химкомбината, который в 1960– 1970-е годы не пропускал ни одного матча с участием “Олимпии”. Племянница пожилого мужчины, которая подвела его к стадиону, сказала, что ее дядя несколько лет назад ослеп. По радио он узнал о приезде в родной город Александра Мальцева и попросил родственницу отвести его на стадион. Понятно, что он ничего не смог бы увидеть. Он пришел ради того, чтобы насладиться давно забытым гулом трибун и услышать, как диктор называет имя Мальцева. Я подвел его к скамейке запасных, где он терпеливо простоял весь матч. А когда закончилась игра, к нему подошел Саша и сказал, что помнит его. Он подарил ему свою клюшку и пожелал не терять веру в себя. Я проводил этого мужчину, в его глазах стояли слезы счастья, которого ему, возможно, так не хватало после постигшей его трагедии».

В 1999 году Мальцеву в очередной раз пришлось прийти на помощь землякам. Он встречался с тогдашними директором местного химического комбината Б. Дрождиным и мэром Кирово-Чепецка А. Решетневым на тему продолжения строительства «законсервированного» ледового дворца в родном городе. К просьбе выдающегося земляка «городские головы» прислушались – обещали «завершить строительство в ближайшие год-два». И вправду, работа закипела, но потом все, по законам «долгостроя»,

вновь остановилось. Более того, опять пошли разговоры о том, нужна ли Кирово-Чепецку хоккейная команда «Олимпия», которая, между прочим, прямо в «соответствии с названием», дала городу и стране трех олимпийских чемпионов – Мальцева и двух вратарей Мышкина и Трефилова, не говоря уже о десятках мастеров спорта.

Во время поездок в родной город Мальцев первым делом встречался со своими друзьями молодости, теми, кому не нужно было давать интервью или говорить казенные слова на помпезных мероприятиях. Виктор Перетягин вспомнил в разговоре со мной о двух смешных историях, которые произошли с легендарным хоккеистом в Кирово-Чепецке в конце 1990-х годов.

Дело было в 1998 году. Однажды во время приезда Мальцева в Кирово-Чепецк они с Анатолием Быковым, тем самым «Графом», стали рубиться в «железку», игру, очень популярную в свое время у послевоенного поколения. Суть ее состоит в игре на номерах денежных банкнот. Из семи цифр номера игрок выбирает несколько цифр себе, а остальные предоставляет противнику. «Поскольку в карманах “Графа” часто не бывает ничего, кроме конфеты, Саша любезно одолжил ему несколько купюр. Однако ставки пошли серьезные, на вполне приличные суммы, – вспоминает Виктор Перетягин. – Рубились они в “железку” целых два дня. Уже пора собираться в дорогу на вокзал Кирово-Чепецка, а они все играют. Мы сначала думали, что понарошку. А потом, когда услышали, что “Граф” проиграл Саше свою знаменитую квартиру, то обомлели. Видим, битва идет у мужиков нешуточная. Тут “Граф” говорит: “Саша, я проиграл тебе квартиру, но у меня есть еще балкон”. А тот балкон – узенький, полтора метра площадью, для цветов рассчитанный. В общем, времени полседьмого, до отправления поезда всего полтора часа. А нам еще добираться до Кирова из Кирово-Чепецка. Короче говоря, Мальцев выиграл у Толи уже по два раза. По второму разу, используя те купюры, которые были у него раньше. Приехали мы на вокзал, когда поезд “Вятка” уже ушел. Пришлось покупать новые билеты, благо проходящих поездов вечером было много. Когда Саша уезжал в последнем вагоне, он подошел к окну в тамбуре и помахал шокированному “Графу” ручкой. Было тепло и красиво. Звезды. Вечер и уезжающий в последнем вагоне Александр Николаевич Мальцев. Как оказалось, в тему, потому что любимой песней Саши в то время была песня “Над тамбуром горит прощальная звезда”.

Через год, в 1999 году Александр Мальцев приехал в Кирово-Чепецк вместе с командой ветеранов хоккея на празднование своего юбилея. Когда отыграли игру в ветеранском матче, пришел

в гости к “Графу”. А тот, оказывается, весь год жил идеей “отыграть квартиру” у своего друга детства. Началось по-новому. Автобус с хоккеистами уехал в Киров, не дождавшись Мальцева, так он был увлечен игрой. Позаботиться о машине, которая отвезет его на вокзал Кирова из Кирово-Чепецка, мы как-то не успели. А такси тогда, в конце 1990-х, почти не работали. Словом, машины никакой. Нашли какие-то “Жигули” желтого цвета. Шофер обомлел, когда увидел живого Мальцева. В общем, зная о том, что мы нещадно опаздываем, рискуя правами, заехал прямо на перрон, откуда только что тронулся тот самый поезд, в который уже погрузились хоккеисты. Представьте картину. Поезд набирает обороты, рядом едет Мальцев в машине, а хоккеисты машут ему рукой из тамбура последнего вагона: “Что же ты опоздал, Николаевич?” Так Мальцев опять опоздал на поезд. А “Графу” так и не удалось отыграться, но Саша ему все простил».

В 1999 году Александра Мальцева избрали в Зал Славы Международной федерации хоккея и пригласили легендарного спортсмена приехать на чествование в Северную Америку.

Правда, не обошлось без технических накладок по вине российских чиновников. Кто-то с кем-то что-то не согласовал, и в результате Мальцев улетел один. Приключения легендарного хоккеиста, который не знает английского языка, продолжились в аэропорту Атланты, где его никто не встретил. И если бы не работник аэропорта, бывший гражданин Болгарии, который узнал в толпе пассажиров Мальцева (!), неизвестно, как развернулись бы события дальше…

На том конгрессе Международной федерации хоккея в Зал Славы этой организации был номинирован ряд выдающихся хоккеистов 1960– 1980-х годов: шведский вратарь Холмквист, чехи Иржи Холик и Махач и другие. От России этой высокой чести были удостоены Борис Майоров и Александр Мальцев. Сама процедура проходила в одной из местных пятизвездочных гостиниц. Ее конференц-зал был переполнен членами делегаций национальных федераций, известными игроками, многочисленными журналистами. На сцену номинантов приглашал вице-президент ИИХФ Уолтер Буш, одетый во фрак. Он называл фамилию каждого номинанта для включения в Зал Славы. Игрок поднимался на сцену и присаживался на отведенное для него место. В это время на большом экране на сцене демонстрировались фрагменты игр с участием этого хоккеиста. При объявлении каждого игрока раздавались аплодисменты, продолжительные, подчас бурные и не очень. На сцену вызвали уже всех номинантов и, наконец, настала очередь Мальцева. Уолтер Буш, выдержав паузу, торжественно объявил: «На сцену

приглашается Александр Мальцев».

«Саша, скромно сидевший с краю, встал и своей типичной походочкой не спеша направился к сцене. Все присутствовавшие в зале как один поднялись со своих мест, – вспоминает Алексей Панфилов. – И вдруг, вместе с людьми в зале, встали и все те лауреаты, кто сидел на сцене. Они стоя рукоплескали Александру. Клянусь, я в этот момент испытал не только чувство гордости за нашу страну, но и неожиданно обнаружил, что слезы ручьем текут по моим щекам. Думаю, для профессионального хоккеиста, безусловно, важно признание народа, но нет ничего выше признания твоих противников».

Глава двадцатая
«ДАЙТЕ ДОЖИТЬ СПОКОЙНО». «ТОЛЬКО МАЛЬЦЕВ, ТОЛЬКО “ДИНАМО”»

В новом, XXI веке российскому хоккею начало аукаться время лихолетья, которое наступило с развалом Советского Союза и распадом системы государственной поддержки спортсменов.

Оглушительное, даже скорее «безвольное» поражение сборной России на чемпионате мира в 2000 году на родном льду в Санкт-Петербурге было весьма болезненно воспринято поколением хоккеистов, приносивших славу отечественному спорту. Особенно когда после окончания первенства выяснилось, что некоторые «звездные» игроки приехали в Северную российскую столицу из-за океана, будто в развлекательный тур. Больно было ветеранам хоккейной сборной СССР за своего хорошего товарища, главного тренера той команды, Александра Якушева, который был вынужден расхлебывать этот позор – 11-е место, самое худшее в истории выступлений отечественной команды на мировых чемпионатах. Когда Александру Мальцеву задали вопрос, как он оценивает игру нападающих сборной России на чемпионате мира в Санкт-Петербурге, он на «прямой линии» в «Советском спорте» был предельно откровенен: «А как можно оценить, если 12 человек общими усилиями за 4 игры с далеко не сильными соперниками 4 шайбы забрасывают? Где те звезды, что из-за океана забивать приехали? Выходит, в Европе посильнее игроки будут, чем в НХЛ? Думаю, ребята далеко не в полную силу играли. Наверное, лучше бы они не приезжали. Столько денег на этот чемпионат затрачено – колоссальная сумма! И всё впустую оказалось».

«Своим составом, то есть теми игроками, что за российские клубы играют, лучше бы выступили, – прямо, по-мальцевски, сказал ветеран. – Чем вызвана слабая игра наших энхаэловцев? Во-первых, чувствовалось, что они приехали показать себя, а не игру. Коллектива не было совсем, действовали каждый за себя. А такое на чемпионате мира недопустимо».

В 2001 году автор этих строк готовил большое интервью с Александром Мальцевым для «Российской газеты». Команда «Русское золото», которой руководил Мальцев, только что вернулась с чемпионата мира для ветеранов, который проходил в Праге и где, уступив сборной Чехии, заняла второе место.

Мальцев-максималист был явно расстроен этим результатом, который бы сочли за «нормальный» для основной национальной команды в те годы.

В газетный материал вошли его воспоминания о сборной и о Харламове, высказывания о чести флага, преданности болельщикам и любви к родной стране, «которые мы потеряли». Тогда на как всегда «не резиновую газетную полосу» не вошло несколько высказываний спортсмена на тему будущего российского хоккея, которые, как оказалось сейчас, были пророческими.

«Проблема номер один – это ситуация с детским хоккеем, с детскими тренерами, потому что если их не будет, то грош цена нашему хоккею вообще. Молодым тренерам не дают работать самостоятельно или держат их в железных рукавицах. Мы теряем свою, российскую школу хоккея. Молодые тренеры уходят в бизнес, куда угодно. А еще сейчас клубам сложно удержать молодых ребят, своих воспитанников. Появились другие хоккейные центры с финансовыми возможностями, как Магнитогорск, Омск, Казань, где хоккей вставлен в государственную программу развития. Начался “круговорот” игроков из клуба в клуб. Хотя, на мой взгляд, местные ребята должны стремиться защищать цвета команды, где они выросли. Пока же молодой человек, который едва стоит на коньках, мечтает играть в НХЛ, а значит, детские тренеры не смогли ему привить преданность родной команде», – признавался в беседе со мной Мальцев почти десять лет назад.

И он оказался прав. Тон в чемпионате вот уже многие годы задают не «Динамо» и ЦСКА, а клубы из российских республик и «нефтегазовых регионов», в которых, кстати, на первых ролях динамовские воспитанники: Радулов и Еременко в «Салавате», Никулин, Степанов в «Ак барсе» и, как говорится, так далее. Автор этих строк весной 2010 года уже после провального выступления хоккейного «Динамо» в плей-офф российского хоккейного чемпионата на праздновании дня рождения Мальцева задал вопрос одному из динамовских функционеров, почему бы не вернуть в состав родных для клуба ребят, назвав пару-тройку фамилий. Услышанное поразило меня: «Их уже не заманишь назад обещаниями вернуть славу клубу, их воспитавшему. Они ставят вопрос – заплатите, как легионерам, вернемся». Случилось то, о чем предупреждал Мальцев десять лет назад – хоккейные беды начинаются и с того, что размываются понятия преданности клубу и тем, кто тебя воспитал, а спортсмен становится живым товаром, который оказывается втянут в бесконечный водоворот под названием «деньги».

Другая проблема – это то, что от мальчишки, который еще толком не умеет стоять на коньках и многого не понимает в хоккее, уже «требуется результат». Куда там до постановки катания – основы основ хоккейного искусства и одного из базовых элементов в игре таких потрясающих мастеров, как Харламов или Мальцев, особенно при заметном убыстрении темпа игры современного хоккея, что демонстрируют сегодня канадцы и американцы.

«К сожалению, работа детского тренера, как потом и наставников команд мастеров, оценивается по занятому его учениками месту в соревнованиях, а не по числу ребят, подготовленных выступать на более высоком уровне. В результате ДЮСШ с раннего возраста не только учат правильному катанию, броскам, что, безусловно, необходимо, но и отрабатывают тактические варианты, заковывая мальчишек, по сути, в прокрустово ложе. Убивая инициативу, лишая их возможности сыграть оригинально, прорываться к чужим воротам не с помощью точного розыгрыша комбинации, а за счет самобытного финта. Неудивительно, что игра по принципу “взял шайбу – отдай ближнему партнеру” вырабатывает у ребят навык, а не творческий подход. И все они выглядят на льду, как говорится, на одно лицо, что, кстати, дополнительно подчеркивают и одинаковые защитные маски, закрывающие лица, и отличить динамовцев от спартаковцев, а тех – от армейцев можно только по цвету игровой формы, – вторит Мальцеву Виталий Давыдов. – Далее. Кто сейчас занимается в ДЮСШ? В отличие от моих сверстников, которым, кроме хоккея или футбола, часто нечем было заняться, у современных ребят в основном обеспеченные родители. Об этом я сужу прежде всего по большим денежным затратам за обучение в ДЮСШ. Детей же из так называемых неблагополучных семей теперь нелегко затащить в хоккейную школу, поскольку у их отцов и матерей нет лишних денег, чтобы купить игровую форму, дорогостоящие коньки и клюшки».

Специально не хочу останавливаться на матче Россия – Канада в Ванкувере. Это не входит в задачи этой книги. Напомню об одном. В те дни бросилось в глаза, насколько искренне и с любовью канадские игроки говорили в каждом своем интервью и перед Олимпиадой и во время проведения матчей о преданности своей стране и игре за Канаду, и насколько яростными стали их атаки на ворота Набокова, едва стихли звуки канадского гимна и началась игра…

На тему будущего нашего хоккея можно говорить много. Но прав Мальцев, правы ветераны, что в будущее надо смотреть, в первую очередь уделяя наибольшее внимание подготовке детей.

Еще в 2001 году я задал вопрос Мальцеву и повторил его сейчас: «Как возродить наш хоккей?» Его суждения на этот счет не изменились.

«Деньги – плохой союзник в психологии победителя. Когда все вертится вокруг денег, игрокам и команде трудно найти мотивацию на самые решающие поединки. В эти минуты на первый план выходит командный дух, чувство локтя. Мы в сборной СССР всех своих великих побед добивались потому, что выходили на лед не за премиальные, а из-за того, что отстаивали честь страны и играли по принципу “один за всех и все за одного”, – говорит Мальцев. – Я бы посоветовал игрокам проявлять побольше бескорыстия и поменьше зазнайства. И нашим хоккейным руководителям нужно подумать, чтобы без всякого нажима на молодых воспитывать их в таком духе. И еще. Мы в свое время начали слепо копировать западную методику подготовки хоккеистов. Наверное, с тем чтобы лучше натаскать хоккеистов для игры в НХЛ. Но ведь многие на Западе, за океаном и в Европе, наоборот, переняли лучшие черты нашего хоккея – дисциплину и коллективизм. У нас это было утрачено, а они за счет этого добиваются побед. Но я верю в наш хоккей, в его лучшее будущее».

Увы, чем «дальше было в XXI век», тем меньше было поводов у Мальцева, других ветеранов советского хоккея, а с ними и многомиллионной преданной армии болельщиков гордиться успехами национальной сборной. Постоянная тренерская чехарда, отсутствие устойчивых сочетаний и, как следствие, костяка сборной, извечные гадания на тему, кто соизволит по весне приехать в команду из-за океана, – все это приводило к тому, что российская сборная 15 долгих лет (!) – немыслимый в истории отечественного хоккея случай – не поднималась на высшую ступень пьедестала мировых чемпионатов. И когда, наконец, в Квебеке это случилось, когда болельщики, ветераны увидели не просто «золотой» результат, а Команду, хоккеисты которой радостно кричат в экран: «Россия – это для тебя!», тогда во многие дома наконец-то пришло счастье от осознания великой победы, наподобие тех, что одерживал Мальцев со своими товарищами. «Вырвать победу у канадцев в Канаде. Тем более в финале! Тем более в овертайме! Тем более когда проигрывали почти весь матч! Вырвать такую победу, на зубах… Как вы думаете? Когда вспоминаю, у меня мурашки по коже. Это – счастье. Это то, чего никогда не забудешь. То, что пронесу с собой всю жизнь», – взволнованно обещал воспитанник динамовской спортшколы и лидер российской сборной Александр Овечкин[42].

А Мальцев в 2000-е годы пережил и светлые, и трагические

моменты, в большей степени связанные с потерей близких.

«После окончания карьеры собираемся вместе со своими бывшими партнерами по команде очень редко. Понимаете, у всех свои дела, разные виды деятельности. Но когда праздники большие или, без чего, к сожалению, не обойтись – похороны, то, конечно, встречаемся», – с грустью признавался Мальцев в одном из интервью в 2000 году.

К мнению заслуженных ветеранов, по их словам, руководители многих клубов с годами стали прислушиваться все меньше и меньше. «Жизнь в спорте коротка, особенно в хоккее. Мы стали стариками, но у нас появилось много врагов. Нас боятся. Ведь если человек – легенда, он всегда имеет веское слово. А для новых руководителей, которые командуют и платят деньги, такие авторитеты не нужны», – горько поведал Александр Николаевич еще в одной беседе с журналистами в те же годы.

Мальцев в то время не мыслил себя без ветеранской команды, в которой был начальником. Когда они приезжали в другие города, несмотря на уделяемое ему повышенное внимание, старался не обособляться от коллектива. «В начале 2000-х годов мы поехали с ветеранской командой в Хабаровск. На Дальнем Востоке вообще Сашу, как мне кажется, любят больше других советских хоккеистов, что мне приходилось не раз наблюдать, – вспоминает президент ХК «Динамо» в начале 2000-х годов Сергей Сидоровский. – Помню, что когда в недавно построенном красавце ледовом дворце “Платинум” объявили фамилию Мальцева, почти битком заполненный зал встал и устроил ему почти десятиминутную овацию».

За «Русское золото», кстати, мальчишкой, в нескольких играх выступал один из лучших игроков современного хоккея на льду Александр Овечкин. Он вспоминал, что был счастлив сыграть за команду, которой руководил сам Александр Николаевич Мальцев. Каждый раз, когда Саша возвращался со льда и садился на скамейку, Мальцев, да и остальные ветераны ему что-то подсказывали, по-дружески наставляли. Овечкин практически в каждом интервью, когда речь заходит о его становлении в России, нет-нет да упомянет добрым словом Александра Мальцева. В 2009 году Овечкин, когда ему задали вопрос о том, не желает ли он дебютировать в кино, ответил на него с присущим ему юмором: «Драматические роли не для меня – не хочу публику смешить. А вот хоккеиста мог бы попробовать сыграть. Кстати, про моего кумира детства Александра Мальцева фильм еще не снимали. Жаль, правда, что по габаритам я на миниатюрного Александра Николаевича совсем не похож… В общем, я открыт для предложений[43].

В начале 2000-х годов Россия стала потихоньку приходить в себя от ельцинско-гайдаровских реформ. «Если говорить конкретно о нашей семье, то у нас с Сашей никогда не было материальных проблем и сегодня мы живем достаточно хорошо. Нет виллы на Майами? Но это не обязательно. Зато у нас есть дача в Подмосковье, на 48-м километре Киевского шоссе, где мы постоянно живем с мая по октябрь. Если бы сегодня представилась возможность уехать за океан, мы бы не уехали туда ни за что! От судьбы не убежишь», – признавалась Сусанна Мальцева в интервью «Советскому спорту».

Правда, семье Мальцевых пришлось пройти через одно испытание. В апреле 2002 года Александр и Сусанна Мальцевы, вернувшись с дачи в свою московскую квартиру на Башиловке, обнаружили, что их ограбили. Воры перевернули вверх дном всю квартиру, забрав медали, ювелирные изделия, все деньги. К счастью для Мальцева, уцелели особо памятные олимпийские награды.

«С нами рядом живут просто какие-то отморозки. Никаких авторитетов для них нет. Не понимаю, куда пропали уважение, почет к людям, делавшим славную историю нашего спорта? Искать преступников, по-моему, бесполезно. С тех пор, как у меня угнали вторую машину, ситуация не изменилась. Следователь не звонит, никому ничего не надо. И обращение по телевидению с просьбой к этим мерзавцам, по-моему, ничего не даст. Они прекрасно знали, в чью квартиру лезли. Знали, что Саша Мальцев в это время находится на даче. Действовали наверняка по наводке. Никаких преступлений мы не раскроем, пока не наведем порядок в стране», – прокомментировал эту печальную ситуацию приятель хоккеиста двукратный олимпийский чемпион Евгений Мишаков[44].

Мальцевы прямо сказали следователям, что преступление произошло по наводке «кого-то из своих». И версия о том, что квартира была ограблена кем-то из знакомых хоккеиста, была главной. Дело в том, что для совершения преступления злоумышленники воспользовались не отмычкой, а дубликатом ключей, которые были спрятаны в общем тамбуре на лестничной клетке. Ворам было прекрасно известно о том, что Мальцевы обычно на все выходные уезжают на дачу и возвращаются уже поздно вечером в воскресенье. Наконец, накануне в пятницу Мальцев получил долгожданную, за несколько месяцев, зарплату в качестве тренера команды ветеранов.

Газета «Советский спорт» тогда выступила с расследованием ограбления квартиры Александра Мальцева, которое продолжило печальную серию преступлений против легендарных хоккеистов

прошлого. За несколько месяцев до этого был убит олимпийский чемпион Виктор Якушев, порядочнейший, честный человек, которого очень уважали товарищи по сборной СССР и «Локомотиву». Он был избит на улице неизвестными и спустя несколько дней скончался в больнице. В 2000 году на автостоянке был зарезан чемпион СССР 1976 года в составе хоккейного «Спартака» Валентин Марков. Ни одно из этих преступлений так и не раскрыто.

«Это беспредел. У людей ничего нет святого. В стране выросло распущенное поколение, лишенное каких-либо моральных ценностей. Однако это не единственная причина, – говорил в интервью «Советскому спорту» выдающийся советский хоккеист Владимир Петров. – Сегодня у нас в стране хоккей совершенно не раскручивается, нет хороших результатов у сборной на чемпионатах мира и Олимпийских играх. Раньше второе место в международных соревнованиях было всенародной трагедией. Удачным выступление команды признавалось только в случае завоевания титула чемпиона. Надо ли говорить, какой авторитет был у хоккеистов. Их просто носили на руках. Мы могли оставлять свои машины на ночь открытыми, потому что все знали, чей это автомобиль, и берегли как зеницу ока. Думаю, можно обратиться к людям, ограбившим Мальцева, по телевидению или через прессу. Вероятно, они вернут документы и медали. Но явки с повинной от преступников ждать не стоит»[45].

Увы, награды Мальцеву так и не вернули, а преступников, ограбивших его квартиру, так и не нашли.

«Как закончилась та история?» – спросил я Мальцева спустя восемь лет после этого преступления весной 2010 года. «Да как обычно в таких случаях, – грустно улыбнулся ветеран. – Ничего хорошего».

Время, как известно, не щадит даже самых великих. Казалось, что знает о легендарном хоккеисте, который давно завершил свою карьеру, сегодняшняя молодежь? Но, как это ни странно, с годами число поклонников Мальцева только растет, ему продолжали и продолжают подражать юные хоккеисты. Самого же Мальцева награждают и после окончания блистательной карьеры.

В 2003 году с формулировкой «за яркую, зрелищную, самобытную игру, за служение спорту, за уникальный личный вклад в историю отечественного хоккея» Александр Мальцев был удостоен национальной премии имени Владимира Семеновича Высоцкого «Своя колея».

С середины 2000-х годов динамовская хоккейная спортивная школа имени А. И. Чернышева проводит детские турниры на

призы Александра Мальцева. Туда приглашаются все ведущие хоккейные клубы столицы. Дети смотрят на Мальцева с открытыми ртами.

Перед своим 55-летним юбилеем в апреле 2004 года, по его признанию, он нервничал больше, чем перед финалом чемпионата мира. Всё из-за официоза, который этому сопутствовал и который он страшно не терпел. Вспоминал, как на свои 25 лет, уже после окончания чемпионата мира в 1974 году они с женой пригласили в кафе нескольких добрых друзей, Харламова, брата Сергея и выпили своего любимого шампанского, обойдясь без высокопарных слов.

С юбилеем Мальцева с утра поздравили жена с сыном, друзей он пригласил в знаменитый «Яр», а 26 апреля его чествовали в «Динамо». Устав от всей этой суеты, он по окончании торжеств уехал на дачу, подальше от городской суеты, и две недели чувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

Травмы, куда же Мальцеву без них, продолжали преследовать Александра Николаевича и после окончания карьеры, когда он играл за ветеранов, где принят так называемый бесконтактный хоккей, без тычков, столкновений и грубых приемов. В 2000 году, выступая на празднике хоккея в Бирюлеве, Мальцев умудрился сломать ребро, перестав выходить на лед уже в первом периоде.

В последние несколько лет он не играл даже в ветеранских матчах, давала знать о себе больная спина. На льду его можно было увидеть, только когда он устраивал мастер-класс для детишек. Но если его спрашивали: «Смирились, Александр Николаевич, закончили с хоккеем?» – Мальцев обижался, уточняя, что «просто успокоился, а хоккей ему не надоест никогда». Мальцевы все больше времени проводили на своей даче недалеко от Апрелевки.

В 2004 году большое горе пришло в дом младшего брата Александра Мальцева – Сергея, пожалуй, самого близкого ему по духу из родственников. Старший сын Сергея Николаевича к тому времени проживал в Калининграде со своей девушкой. Однажды вечером, возвращаясь домой после встречи с друзьями, он решил срезать маршрут и пройти через территорию, принадлежащую одному коммерческому предприятию. Охранник фирмы спустил с цепи на молодого человека двух ротвейлеров, которые буквально растерзали парня. Он прожил еще несколько часов. Сына Сергея Мальцева хоронили в закрытом гробу в Калининграде. Состоялось 12 судебных заседаний по иску Сергея Мальцева. Но в итоге вина охранника, затравившего собаками парня, не была доказана.

«Я устал летать в Калининград и однажды, вернувшись в

Кирово-Чепецк, потерял сознание. Очнулся уже в больнице с инфарктом. Через несколько дней просыпаюсь, а у кровати сидит Саша, принес цветы, фрукты, улыбается и говорит: “Хорош хандрить, молодой, давай скорее возвращаться к жизни”, – вспоминает Сергей Мальцев. – К тому моменту я уже развелся с женой, которая жила в другом городе. Я не знаю, как бы я смог подняться после такого тяжелейшего удара без помощи Саши и Сусанны. Они оказали мне всю поддержку, на какую только были способны, и я никогда о ней не забуду».

Во второй половине 2000-х годов у Сусанны Мальцевой начались проблемы со спиной – сказывалось балетное прошлое. Ей сделали операцию. Однако настоящая беда пришла совсем не оттуда, где ее ждали. У жены Александра Николаевича весной 2008 года был диагностирован рак, к несчастью, на такой стадии, когда трудно вести речь о спасении. Семья хоккеиста совсем переехала на дачу, практически не показываясь в Москве. Сусанна Мальцева, женщина, заражавшая своими энергией и оптимизмом всех ее знавших, по признанию близких, «таяла на глазах».

Она «сгорела» буквально за считаные недели. Сусанна Константиновна умерла у себя на даче во сне в сентябре 2008 года.

Смерть самого близкого в жизни Александра Мальцева человека, его верной спутницы, стала для спортсмена настоящим потрясением, от которого он очень долго не мог прийти в себя. «Сусанна Константиновна была настоящей опорой в жизни Саши. Если он был в их семье знаменосцем, то Сусанна – настоящим вожаком, который сплачивал и вел вперед всю семью», – говорит Сергей Сидоровский.

«Уход из жизни Сусанны стал для брата тяжелейшим ударом. По жизни он – однолюб. Сусанна была не только верной спутницей жизни Александра, но, особенно после смерти Валеры Харламова, и его самым близким другом. Все было в их жизни, ссорились, мирились, как в обычной семье, но Саша не просто сильно любил Сусанну, а боготворил ее. Даже когда знал, что дела у нее плохи, все равно сильно переживал и надеялся до последнего, что она преодолеет смертельную болезнь», – признается Сергей Мальцев.

Сусанна Константиновна Мальцева похоронена на Ваганьковском кладбище, рядом со своими бабушкой и мамой, Сюзанной Звягиной.

Шестидесятилетний юбилей в апреле 2009 года, через полгода после смерти супруги, Александр Мальцев встречал, конечно, не в том настроении, в котором бы ему хотелось. Он, к его чести, поучаствовал и хорошо выглядел во всей череде

официальных мероприятий, которые, как и раньше, прошли в Москве и родном Кирово-Чепецке.

За несколько недель до торжеств стало известно, что в связи с Универсиадой-2013 в Казани и Олимпийскими играми-2014 в Сочи и с целью популяризации спорта Банк России решил выпустить серию монет «Выдающиеся спортсмены России». «В 2009 году она будет посвящена футболу и хоккею. Между прочим, впервые в нашей практике одна из монет посвящается ныне живущему спортсмену, настоящей, на мой взгляд, легенде, хоккеисту Александру Николаевичу Мальцеву, которому на днях исполнится 60 лет», – сказал накануне юбилея Мальцева первый заместитель председателя Центробанка Георгий Лунтовский. Монета с названием «Мальцев А. Н.» номиналом 2 рубля вышла во втором полугодии 2009 года в серии «Выдающиеся спортсмены России (хоккей)». Как сообщалось в пресс-релизе Банка России, технические характеристики монеты таковы: масса драгоценного металла в чистоте 15,55 грамма, проба сплава 925, качество чеканки «пруф». С юбилеем Мальцева поздравил Дмитрий Медведев. В поздравительной телеграмме президента России говорилось: «За свою блестящую спортивную карьеру вы добились впечатляющих успехов. Перед вашей техникой, высокой скоростью и умением видеть поле пасовали лучшие вратари… Сегодня ваши достижения служат примером для молодого поколения хоккеистов, подготовке которых вы уделяете много сил и энергии». «Когда президент России посылает поздравительные телеграммы, начинаешь понимать, что мы в свое время не зря делали свое дело», – признавался Мальцев в тот день.

Празднование шестидесятилетнего юбилея Александра Мальцева во Дворце спорта «Лужники» 21 апреля 2009 года совместили с чествованием Виталия Давыдова, который тремя неделями ранее отметил свое семидесятилетие. Этот праздник обоим символам динамовского и советского хоккея подарили Континентальная хоккейная лига и хоккейный клуб «Динамо» (Москва). Увидеть и поздравить юбиляров приехали болельщики не только из других российских городов, но и с Прибалтики, и даже… из Армении и Узбекистана!

На Малой спортивной арене «Лужников» состоялся необычный матч команд «Динамо» и СКА, которые состояли из ветеранов хоккея и спортивных функционеров. Вход на игру был организован по бесплатно распространенным приглашениям, а также абонементам на матчи «Динамо» в уже завершившемся сезоне. В «Лужники» пришло более шести тысяч болельщиков, едва ли не больше того, сколько посещало рядовые матчи московского «Динамо» в будние дни. Во дворце рябило от

хоккейных знаменитостей. Некоторые из них, признаваясь в любви к хоккейному таланту юбиляров, делали весьма любопытные заявления. Американец Барри Смит, возглавлявший тогда команду питерского СКА, сообщил, что Александр Мальцев является одним из его любимых хоккеистов. Тренер поведал историю, как на примере Мальцева настраивал молодых игроков на подвиги еще в 1980-е годы. «Стоило мне показать своеобразный клип – две минуты видеозаписи с финтами Мальцева, как молодые хоккеисты тут же раскрывали рты. Я, чтобы усилить эффект, говорил им: “Вам никогда недотянуться до мастерства этого русского. Так выйдите и докажите, что вы годитесь хотя бы для того, чтоб уносить его клюшки со льда”.

Из динамиков раздавался голос Владимира Семеновича Высоцкого, а на экране показывали архивные записи великих побед, которые Виталий Давыдов и Александр Мальцев ковали в составе сборной СССР. Тем, кто успел прийти в «Лужники» заранее, достались автографы от юбиляров. Мальцеву и Давыдову вручили специальные ретросвитеры сборной СССР, выполненные не в красной, а динамовской бело-голубой расцветке, подарки и праздничные букеты. «Я в свое время был как человек-витрина. Поэтому сейчас отношусь ко всему этому спокойно, но мальчишкам, приходящим за автографами, отказать не могу», – признался Александр Мальцев. Вместе с Давыдовым он в роли тренера располагался на скамейке «Динамо».

Президент Континентальной хоккейной лиги Александр Медведев и вовсе обрадовал ценителей таланта великого нападающего, признавшись, что любовью к хоккею в молодые годы «заразился именно от Мальцева», когда с восхищением смотрел, как он в одиночку обыгрывал по два-три раза команду соперника. «Не стать поклонником дара, который дан Мальцеву не иначе как на небесах, было просто немыслимо», – подчеркнул глава КХЛ. «История динамовского хоккея заключается в трех именах: Чернышев, Давыдов, Мальцев, с которыми я имел счастье общаться в рабочей обстановке. Саша Мальцев – один из самых ярких нападающих мирового хоккея. Я выходил на лед и в одной команде с Александром, и против него. Сдержать Мальцева было едва ли не сложнее, чем любую другую звезду. Для меня, Саш, было за честь играть с тобой. Крови ты у защитников попил много», – говорил многолетний партнер Мальцева по сборной СССР Вячеслав Фетисов.

Именинники сделали символическое вбрасывание в игре, длившейся, как положено, три периода по 20 минут чистого времени. Матч закончился со счетом 7:4 в пользу представителей Питера. Кстати, в обеих командах играли не только ветераны, но

и действующие игроки. С послематчевого награждения, когда состоялось фотографирование команд под неизменную в таких случаях песню «Команда молодости нашей», оба юбиляра уходили усталые, но довольные, с легкой грустью в глазах. «А все-таки мы еще молоды, Саша», – хлопал Виталий Семенович Давыдов по плечу Мальцева, покидая «Лужники»…

А после мероприятий в Москве Александр Мальцев отправился на Вятку. Встретился с губернатором Никитой Белых и 26 апреля 2009 года поехал в Кирово-Чепецк. Здесь в школе № 4, где он учился, состоялось открытие мемориальной доски с текстом: «Здесь учился с 1957 по 1965 год Мальцев Александр Николаевич, заслуженный мастер спорта СССР, двукратный олимпийский чемпион по хоккею с шайбой, многократный чемпион мира и Европы, почетный гражданин города Кирово-Чепецка». Потом около получаса юбиляр раздавал автографы своим землякам.

Во время посещения родной школы № 4 Александра Мальцева дети приняли на ура, хотя большинство из них раньше даже не видели его по телевизору. В школе, где учился их знаменитый предшественник, сейчас открыт специализированный хоккейный класс. Незадолго до этого в мальцевской альма-матер проводились различные конкурсы среди учеников. Мальцев вручил в награду победителям клюшки со своим автографом. Он пообщался с некоторыми своими одноклассниками и даже с тремя учителями, которые помнили его еще ребенком, хотя с той поры прошло уже полвека.

Там же произошел один любопытный эпизод. Как известно, Александр Николаевич не очень большой любитель официоза и разного рода публичных мероприятий. Он немного «закрылся», смущаясь от такого внимания к нему. Но вот Мальцева повели на экскурсию по родной школе и пришли в тот класс, где он учился. Под прицелом фото– и телекамер, направленных на него, он сел за свою парту, за которой провел столько лет. И в этот момент к Александру Николаевичу неожиданно подошла бывшая его учительница и что-то сказала ему смешное из жизни «Мальцева-школьника».

«Надо было видеть, каким озорным блеском в тот момент стрельнули его глаза. Это были глаза того самого Саши Мальцева, школьника, который часами любил пропадать на спортивной площадке, улыбающиеся глаза бомбардира Мальцева, который вскрывал самые крепкие оборонительные редуты противника. Он растаял, и несколько минут “погружения” в детство сделали его каким-то особо трогательным и беспомощным. Наверное, в этот момент он прокручивал в голове некоторые особенно памятные

для себя эпизоды из своего счастливого детства», – вспоминает хоккейный телекомментатор Григорий Твалтвадзе, сопровождавший Александра Мальцева в этой поездке.

По возвращении в тот же день в кировском спорткомплексе «Союз» состоялся матч между ветеранами сборной СССР, московского «Динамо» и кирово-чепецкой «Олимпии», посвященный его юбилею. Билеты на матч были раскуплены за три дня. Публика встретила Мальцева, который из-за проблем со спиной не принял участия в игре, неистовым восторгом. Встреча завершилась со счетом 5:2 в пользу москвичей. В те же дни губернатор Никита Белых присвоил Мальцеву звание почетного гражданина Кировской области.

Увы, но уже после отъезда ветерана из родного города кризис кирово-чепецкой «Олимпии» достиг своего апогея. Местные власти и местный олигарх – владелец химкомбината отказались финансировать клуб, по сути, прославивший богом забытый Кирово-Чепецк на весь мир. Они так и не нашли денег, необходимых на поддержание команды – 30 миллионов рублей в год. Перспектив у «Олимпии» в обозримом будущем попасть в КХЛ не было. Власти пытались найти спонсоров, но никто спонсировать «Олимпию» не захотел. Находясь в командировке в Кирово-Чепецке в начале 2010 года, я был в шоке от того, что произошло с хоккейной коробкой, где раскрывался талант Мальцева. В любом другом городе мира, в Канаде, к родовому гнезду человека такого калибра отнеслись бы с должным почтением – покрасили, отреставрировали да еще бы огородили забором, повесив табличку «Здесь делал первые шаги на льду величайший игрок мирового хоккея…». А тут типичное российское раздолбайство: побитые фонари над ареной, покосившиеся борта коробки, гуляющий ветер – как лишнее напоминание матери-природы об «Иванах, не помнящих родства»…

В начале 2010 года Мальцев, Мышкин, Трефилов, Крикунов и другие ветераны «Олимпии» обратились с открытым письмом к губернатору Кировской области Никите Белых. «Впервые за всю славную 55-летнюю историю клуба перед первой командой города и области со всей остротой встал вопрос “Быть или не быть?”. Более полувека назад в не менее сложных условиях руководитель с государственным мышлением Яков Филимонович Терещенко в Кирово-Чепецке создал, а впоследствии финансировал крупную спортивную базу и легендарную хоккейную команду, несмотря на требования из Москвы отсылать в столицу все средства от деятельности химкомбината. И продолжал это делать многие годы, хотя высокое руководство не

раз грозило ему снятием с должности и потерей партбилета, вплоть до привлечения к уголовной ответственности! Сегодня “Олимпия”, годовой бюджет которой не превышает 30 миллионов рублей, вынуждена терпеть технические поражения из-за того, что не может наскрести денег на выездные матчи чемпионата России с командами первой лиги, – говорилось в письме. – Мы со всей ответственностью заявляем, что подобное отношение к прославленной команде, которая является достоянием всей Кировской области, является нетерпимым особенно в современных условиях роста огромного интереса к развитию спорта в России. Считаем, что потеря клуба неизбежно ударит по престижу города Кирово-Чепецка и всей Кировской области, негативно скажется на работе ДЮСШ “Олимпия”, где за четыре десятилетия было подготовлено более тысячи юных хоккеистов. Мы обращаемся к Вам с убедительной просьбой решить вопрос о возобновлении финансирования хоккейного клуба “Олимпия” и не допустить потери команды, прославившей наш Вятский край!»

Увы, но место для «Олимпии» нашлось только в Молодежной хоккейной лиге. «По мнению профессионалов, игры в МХЛ ничуть не менее зрелищны, чем в первой лиге. Под этот проект мы можем найти спонсорские деньги», – аргументировал это решение Белых.

Хорошо хоть в 2009 году удалось возобновить строительство ледового дворца в Кирово-Чепецке. Об этом договорились в ходе визита президента РФ Дмитрия Медведева в Киров. «Не договорились бы – скорее всего, дворец как спортсооружение просто бы потеряли. В правительстве области, когда я пришел, многие всерьез обсуждали переоборудование его в торговый центр», – признается Никита Белых. Строительство, а точнее «достраивание долгостроя», начавшееся еще в 1994 году, обошлось в 500 миллионов рублей, из которых три четверти взяли на себя федеральные власти, а четверть – Кировская область. Я был в этом сооружении в марте 2010 года. Конечно, сегодня таких громоздких сводов над ледовой площадкой уже не делают – сплошные навороченные конструкции из труб – объективно сказывается, что дворец был заложен еще в 1990-е. Трибуны в нем только боковые, на 1800 мест. Мало для родины Мальцева, но хорошо, что хоть так. Зато через лесочек, на залитом, большом и ровном льду в овраге с утра до ночи катаются десятки местных пацанов, который хотят быть такими, как Мальцев…

Открытие дворца было запланировано на сентябрь 2010 года, когда эта книга только-только должна будет поступить в продажу. Ни у кого на Вятке не возникало сомнений в том, что дворец

должен носить имя Мальцева. Правда, уже находясь в командировке в Кировской области, я узнал, что один из высоких чинов области на полном серьезе предлагал другие варианты. Например, назвать его по прозвищу хоккеиста, ссылаясь на то, что в одном из российских городов есть Дворец спорта «Ракета», нареченный так по «второму имени», данному на Западе прославленной советской конькобежке Лидии Скобликовой. Представляете, как гордо звучит «Кирово-чепецкий ледовый дворец имени Есенина нашего хоккея»?! Или имени «Моцарта на льду»?! Предлагался и другой вариант. С тем чтобы получить какие-то деньги в бюджет, присвоить дворцу имя какой-нибудь фирмы, например «Дворец спорта “Вымпел”». Смех и грех. Как правильно сказал один из вятских любителей хоккея, «чиновники приходят и уходят, а Мальцев остается навсегда».

Он все так же популярен как в любой точке Советского Союза, так и за рубежом. В декабре 2008 года команда ветеранов московского «Динамо» направилась в турне по Финляндии и Швеции, где провела четыре товарищеских матча: по два в каждой стране. Во всех четырех поединках были одержаны убедительные победы. Причем самой запоминающейся стала встреча в финском городке Паюлахти. Там динамовские ветераны со счетом 11:4 разгромили местную команду, которая была укомплектована значительно более молодыми игроками по сравнению с динамовскими. Возраст хоккеистов финской команды в большинстве своем составлял от 26 до 35 лет. Узнав, что в Скандинавию приехало «Динамо», а в составе делегации бело-голубых в качестве почетных гостей находятся легендарные Александр Мальцев и Виталий Давыдов, зрители тотчас заполнили местные хоккейные арены и перед матчами, стоя, аплодировали великим хоккеистам по несколько минут.

О том, что о Мальцеве в Швеции прекрасно помнят до сих пор, свидетельствует один потрясающий эпизод. В 2008 году в стокгольмской газете «Свенска дагбладет» появилась заметка о тогдашнем игроке питерского «Зенита» Андрее Аршавине. Казалось бы, при чем здесь Мальцев? Однако журналист признался, что своей непредсказуемой игрой и техникой, быстрым бегом на коротком шаге, отличным видением игры Аршавин напомнил ему не просто кумира, а «идола детства Александра Мальцева, игравшего, как и знаменитый хоккеист, тоже под 10-м номером, но только без коньков».

В 2008 году, когда отмечалось 85-летие спортивного общества «Динамо», к празднованию юбилея присоединились динамовские спортивные общества некогда братских республик. Александр Мальцев был награжден медалью спортобщества

«Динамо» Армении!

Сегодня Александр Мальцев является вице-президентом ветеранского клуба «Динамо» и вместе с Виталием Семеновичем Давыдовым помогает бывшим игрокам команды решать их различные проблемы и продлить их хоккейную молодость. «Эта наша большая динамовская семья, в которой состоят несколько десятков человек, выступавших за клуб и работавших в нем, – говорит экс-президент ХК «Динамо» Сергей Сидоровский. – Атмосфера здесь настолько теплая и домашняя, что неделю не побываешь в клубе и уже чувствуешь себя дискомфортно. Без Саши с его обаянием, особой аурой доброты, переданной ему, наверное, с генами, невозможно представить эту нашу семью».

Сегодня Александр Николаевич Мальцев большую часть времени живет на даче, где его всегда ждет верный пес – большая немецкая овчарка, такая же большая, как та, что была в квартире родителей его жены на Каретном Ряду. Он все реже и реже приезжает в Москву, находя отдохновение в тиши подмосковного леса.

«Так уж получилось, что все свои главные дела в жизни я сделал в молодости. А сейчас мне просто хочется спокойно дожить жизнь. Хотя я ни в коем случае не чувствую себя старым», – произносит своим тихим голосом Мальцев…

Прорвемся, Александр Николаевич!

Эпилог

Анализируя жизнь Мальцева, я много раз думал, что было бы, если…

Если бы его отец, получивший столько ранений на фронтах войны, не вернулся с нее. Если бы тренер Поляков не откопал восьмилетнего Сашку из сугроба. Если бы родители не приучили его с малых лет неистово и с большим терпением трудиться. Если бы он не бросал сотни раз свои шайбы в полумраке хоккейной коробки возле дома. Если бы попал к Тарасову, а не к Аркадию Ивановичу Чернышеву. Если бы, наконец, родился позже.

В конце концов, Мальцев – дитя своего потрясающего, трудного и счастливого времени.

«Мальцев – это огромный талант. Я лично всегда шел на хоккей, если играет этот великий хоккеист. Таких теперь нет».

«Мальцев – великий игрок, настоящая звезда, мог сыграть с любыми партнерами, хоть кочергой и забить при этом своим фирменным, кистевым».

«Таких Мастеров и Патриотов, к сожалению, пока в новой России нет. А жаль».

«“Один в поле воин”, играя за динамовцев, Александр умудрялся блистать даже в окружении куда более слабых партнеров по клубу. Честно скажу: после того, как он закончил свою спортивную карьеру, мой интерес к хоккею был утрачен. Как сказал великий русский поэт: “Богатыри – не вы!” А ведь великие игроки того времени, в отличие от нынешних, играющих за “большие тыщи” (точнее, миллионы) “долларов денег”, играли за свою страну буквально за копейки. И еще как играли! И Мальцев был одним из лучших, его ровнять можно было разве что с Харламовым, Якушевым…»

Такие отклики я получил на статью о Мальцеве, опубликованную в «Российской газете» в день его юбилея в 2009 году. В них сквозит не только признание игроку, но и ностальгия по временам великих побед.

Молодому поколению по объективным причинам не понять, как были счастливы многие люди в те годы, которые прозвали застойными. Я подразумеваю 1970-е годы.

Не собираясь ностальгировать по социалистической уравниловке, я – про время без войн и внутренних конфликтов с осознанием того, что у тебя есть будущее, а за твоей спиной надежный тыл в виде великой страны, победившей фашизм. Когда радовались газировке за три копейки и с замиранием сердца следили за новыми полетами космонавтов. Когда кричали:

«Ну, погоди!» и вдыхали пыльный аромат комсомольских строек. Когда сами заливали лед в еще не загазованных дворах и мечтали прокатиться на новенькой «Волге».

Когда людские умы еще не заполонили «деньги, карьерный рост и социальный статус», а в душе было много места для неисправимой романтики и радости от великих побед хоккейной сборной. Потому что деньги – это пыль, а романтика красит жизнь. Я говорю о том времени, когда героями телеэкранов были не менеджеры с дистрибьюторами и Борис Моисеев, а мужественные парни в красной форме с буквами «СССР» на хоккейных свитерах.

Великая хвала хоккеистам – настоящим героям той эпохи. У которых не было миллионов долларов за душой, а были триста миллионов преданных болельщиков. Эта книга и была написана для тех, кто верит, что в мире побеждает не доллар или крепкий рубль, а «хорошее, доброе, светлое». Кто понимает, что главным мерилом счастья являются не вклады на счетах, а та добрая память, которую ты оставляешь после себя…

Виталий Давыдов недавно рассказывал мне одну трогательную историю: «В 2005 году мы с ветеранами “Динамо” совершали поездку по Дальнему Востоку. Приехали в Комсомольск-на-Амуре, местное начальство попросило нас посетить тюрьму, где в сталинские времена сидели многие известные люди. Зашли на территорию, заключенные обомлели, увидев живого Мальцева. Нам показали специальный отсек, где содержатся наркоманы, относительно молодые, но насквозь больные ребята. Их жизнь прошла в плену дурмана, казалось бы, что им до хоккея? Проходим мимо, а в спину раздается нарастающий гул – смотрите, да это же Мальцев!»

Его действительно любят до сих пор. Любят так же, как и в те годы, когда он царил на хоккейном льду. В конце жизни великий тренер Николай Эпштейн сказал о Мальцеве: «Он как был честным, искренним парнем, так и до сих пор такой. Годы его не меняют. А еще он очень ранимый любой несправедливостью человек, что свойственно истинным талантам».

Болельщиков не обманешь. «Лишь в одну команду мы верим. Только Мальцев – только “Динамо”». Это припев самой знаменитой кричалки динамовских хоккейных фанатов. Для болельщиков «Динамо» Александр Мальцев, как и великий Лев Яшин, – «наше всё». Мальцев не особо жалует сегодняшний хоккей, из которого, по его словам, «пропала изюминка». Но когда он появляется в «Лужниках», а диктор Валентин Валентинов торжественно объявляет: «На матче присутствует двукратный олимпийский чемпион Александр Николаевич

Мальцев», все болельщики рукоплещут стоя. На глазах некоторых из них появляются слезы, и в этих слезах – всё… Радость за великого Мастера. Гордость за страну. Тоска по элегии нашего хоккея.

Основные даты жизни и деятельности А. Н. Мальцева

1949, 20 апреля – в семье рабочего и домохозяйки в деревне Сетковцы в 18 километрах от Кирово-Чепецка родился Александр Николаевич Мальцев.

1958, февраль – Саша Мальцев начинает обучаться хоккею в детской спортивной школе «Химика» из Кирово-Чепецка (будущей «Олимпии»).

1964 – на зональных юношеских соревнованиях первенства РСФСР по хоккею пятнадцатилетний Саша Мальцев становится с семнадцатью шайбами лучшим бомбардиром и признается лучшим нападающим турнира.

1965, апрель – А. Мальцева переводят в состав взрослой команды «Олимпии». Он едет на сбор в Москву как полноценный игрок команды мастеров.

1967, январь – по приглашению Николая Эпштейна Мальцев в составе «Химика» из Воскресенска едет на турнир в Швецию. «Химик» побеждает сборную хозяев 7:3, а Мальцев проводит в ворота соперника две шайбы.

1967, 26 марта – «Олимпия» становится чемпионом РСФСР среди команд класса «Б». Семнадцатилетний Мальцев признается лучшим игроком турнира. *Сентябрь* – Александр Мальцев проводит первую игру за «Динамо» (Москва) в чемпионатах СССР в Новосибирске против «Сибири».

1968 – в составе «Динамо» Мальцев получает бронзовую медаль чемпионата СССР по хоккею. *6 декабря* – Александр Мальцев, дебютируя в составе сборной СССР в товарищеском матче с канадцами (8:1), забивает одну шайбу.

1969, январь – Мальцев в составе юношеской сборной СССР становится победителем второго чемпионата Европы среди юношей в ФРГ, его лучшим бомбардиром и нападающим. *Март* – Мальцев в составе сборной СССР становится чемпионом мира. Ему присваивается звание заслуженного мастера спорта СССР.

1970, март – Александр Мальцев второй год подряд становится чемпионом мира. Он входит в символическую сборную чемпионата, набрав 80 из 83 голосов журналистов, становится его лучшим бомбардиром и признается лучшим нападающим.

1971 — Мальцев становится лучшим бомбардиром чемпионата СССР.

1972 – сборная СССР по хоккею побеждает на Олимпиаде в

японском Саппоро. А. Мальцев впервые становится олимпийским чемпионом. *Сентябрь* – А. Мальцев в тройке с Харламовым и Викуловым участвует в Суперсерии-1972, первых матчах с канадскими профессионалами.

Вместе с Валерием Харламовым Мальцев удостоин звания «Лучший советский хоккеист года». А. Мальцев в третий раз подряд входит в символическую сборную чемпионата мира по хоккею.

1973, 19 сентября – Александр Мальцев женится на Сусанне Бутейко, дочери известного врача и бывшей балерины Большого театра.

1974 – в семье Мальцевых рождается сын Саша. *Сентябрь* – А. Мальцев участвует в серии встреч с профессионалами ВХА.

1975, апрель – Александр Мальцев в шестой раз за карьеру становится чемпионом мира по хоккею. *Декабрь – 1976, январь* – Александр Мальцев в составе ЦСКА принимает участие в первой серии встреч советских клубов с командами из НХЛ.

1976, февраль – сборная СССР по хоккею побеждает на Олимпиаде в австрийском Инсбруке. А. Мальцев становится двукратным олимпийским чемпионом.

1978, май – сборная СССР выигрывает чемпионат мира в Праге. А. Мальцев входит в символическую сборную турнира на месте центрального нападающего.

1979 – из-за осложнений, вызванных неудачно сделанной операцией по удалению аппендицита, Мальцев пропустил чемпионат мира в Москве и Кубок вызова.

1981, апрель – сборная СССР выигрывает чемпионат мира в Швеции. Мальцев входит в символическую сборную чемпионата на позиции центрфорварда и признается лучшим нападающим турнира. Он сравнялся со своим кумиром Анатолием Фирсовым по количеству званий лучшего нападающего мировых чемпионатов – по три. *27 августа* – в автокатастрофе в Подмосковье погибает лучший друг Мальцева Валерий Харламов. *Сентябрь* – в составе сборной СССР А. Мальцев побеждает на Кубке Канады.

1982, июнь – А. Н. Мальцев окончил Московский областной педагогический институт имени Крупской.

1983, апрель – сборная СССР в девятнадцатый раз стала сильнейшей в мире. Мальцев в девятый раз завоевал звание чемпиона мира.

1984, январь – начались съемки фильма о Мальцеве «Последний сезон». *22 декабря* – А. Н. Мальцев сыграл прощальный матч в СССР. Сборная СССР победила команду звезд Европы со счетом 7:3. Он стал абсолютным рекордсменом

национальной сборной по проведенным за нее матчам – 321 и по заброшенным в ее составе шайбам – 213.

1985, январь – А. Н. Мальцев получил легкое ранение во время поездки в Афганистан в составе агитбригады «Комсомольской правды».

1985–1987 – А. Н. Мальцев тренирует молодежную команду «Динамо», которая становится чемпионом СССР в своем возрасте.

1986, февраль – умер отец А. Мальцева, Николай Михайлович.

1987 – А. Н. Мальцев уходит на пенсию в звании подполковника запаса пограничных войск.

1994 – А. Н. Мальцев становится начальником команды ветеранов «Русское золото».

1997 – на 87-м году жизни умерла мать А. Мальцева, Анастасия Степановна.

1999 — А. Н. Мальцева выбирают в Зал Славы Международной федерации хоккея. *Апрель* – Александра Николаевича Мальцева избирают почетным гражданином Кирово-Чепецка. 20 апреля 1999 года, в день его 50-летия, в родном городе появилась улица Александра Мальцева.

2003 – Александр Мальцев удостоен национальной премии имени В. С. Высоцкого «Своя колея».

2008, май – А. Н. Мальцев награждается медалью спортобщества «Динамо» в честь 85-летия основания динамовского движения в СССР. *Сентябрь* – в результате тяжелой болезни умерла Сусанна Мальцева.

2009, апрель – Банк России приступает к изготовлению памятной монеты с названием «Мальцев А. Н.» номиналом 2 рубля в серии «Выдающиеся спортсмены России». *20 апреля* – А. Н. Мальцев распоряжением губернатора Н. Белых удостаивается звания «Почетный гражданин Кировской области». *26 апреля* – в школе № 4 города Кирово-Чепецка открывается мемориальная доска с надписью: «Здесь учился с 1957 по 1965 год Мальцев Александр Николаевич».

2010, август – А. Н. Мальцев стал советником президента ОХК «Динамо» М. Л. Тюркина и введен в состав попечительского совета клуба.

2010–2011 – в Кирово-Чепецке запланировано открытие Ледового дворца им. А. Н. Мальцева.

Биография продолжается…

Библиография

Давыдов В. С. Любите хоккей! Играйте в хоккей! М., 2009.

Дворцов В. А. Хоккейный репортаж. М.: Молодая гвардия, 1978.

Дворцов В. А. Хоккейные баталии. СССР – Канада. М., 1979.

Драйден К. Хоккей на высшем уровне. М., 1975.

Душкин Е. А. Истоки хоккея Александра Мальцева. Киров, 1999.

Карандин Ю. П. Среди рыцарей хоккея. Новосибирск, 1987.

Коноваленко В. С. Третий период. 2-е изд. Нижний Новгород, 2008.

Кудрявцев В. Г., Кудрявцева Ж. Г. Спорт мира и мир спорта. М.: Молодая гвардия, 1987.

Михайлов Б. П. Такова хоккейная жизнь. М., 2008.

Тарасов А. В. Настоящие мужчины хоккея. М., 1987.

Третьяк В. А. Хоккейная эпопея. М., 1993.

Харламов В. Б. Три начала / Литературная запись О. Д. Спасского. М.: Молодая гвардия, 1979.

Столица земли вятской. Киров, 2002.

Хоккей Александра Мальцева / Под ред. Е. А. Душкина, С. Н. Мальцева. Киров, 2009.

Хоккей: Антология / Сост. О. Д. Спасский, А. Б. Стуков. М., 1985.

notes

Примечания

1

Дворцов В. А. Хоккейный репортаж. М.: Молодая гвардия, 1978. С. 14–15.

2

Там же. С. 22.

3

Дворцов В. А. Хоккейный репортаж. С. 24.

Дворцов В. Хоккейные баталии. СССР – Канада. М., 1979.

Майоров Б. Я смотрю хоккей // Октябрь. 1969. № 10.

Дворцов В. А. Хоккейный репортаж. С. 44.

Третьяк В. А. Хоккейная эпопея. М., 1993.

Советский спорт. 2009. 3 сентября.

9

Труд. 2001. 15 апреля.

10

Спорт-экспресс. 2010. 12 февраля.

11

Дворцов В. Хоккейные баталии. СССР – Канада.

Дворцов В. Хоккейные баталии. СССР – Канада.

13

Дворцов В. Хоккейные баталии. СССР – Канада.

14

Спорт-экспресс. 2010. 12 февраля.

Трибуна. 2004. 5 марта.

16

Советский спорт. 1999. 4 ноября.

17

Советский спорт. 2004. 4 августа.

18

Спорт-экспресс. 2010. 12 февраля.

19

Спорт-экспресс. 2010. 12 февраля.

20

Спорт-экспресс. 2009. 10 июля.

21

Советский спорт. 2010. 4 июня.

22

Советский спорт. 2003. 17 апреля.

Дворцов В. Хоккейные баталии. СССР – Канада.

Дворцов В. Хоккейные баталии. СССР – Канада.

25

Советский спорт. 2003. 17 апреля.

26

Спорт-экспресс. 2010. 12 февраля.

27

Советский спорт. 2003. 17 апреля.

28

Советский спорт. 2003. 17 апреля.

29

Спорт-экспресс. 2009. 8 мая.

30

Спорт-экспресс. 2009. 13 февраля.

31

Советский спорт. 2004. 4 августа.

32

Спорт-экспресс. 2010. 5 февраля.

33

Спорт-экспресс. 2009. 13 февраля.

34

Вечерняя Москва. 2000. 1 июня.

35

Советский спорт. 1999. 4 ноября.

Вечерняя Москва. 2000. 1 июня.

Спорт-экспресс. 2009. 13 февраля.

Труд. 2001. 15 апреля.

39

Комсомольская правда. 1985. 16 января.

Советский спорт. 2004. 4 августа.

41

Спорт-экспресс. 2009. 18 декабря.

42

Спорт-экспресс. 2010. 11 февраля.

43

Комсомольская правда. 2009. 10 июня.

Советский спорт. 2002. 5 апреля.

45

Советский спорт. 2002. 5 апреля.